

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

I ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

*Всероссийская с международным участием конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых*

«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

*г. Томск
25–29 апреля 2011 г.*

ТОМ IV

**ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Томск
2011

ББК 74.58+65
В 85

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

I Всероссийский фестиваль науки:

- В 85 Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 25–29 апреля 2011 г.) : материалы конференции : в 6 т. – Том IV : История, культурология, философия, социальные науки. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – 360 с.

ББК 74.58+65

Научные редакторы:

О. А. Фефелова, канд. ист. наук, доцент;
П. Л. Нестеренко, канд. ист. наук, доцент;
Т. И. Зайцева, канд. ист. наук, доцент;
Н. А. Тучкова, канд. ист. наук, доцент;
Н. И. Сазонова, д-р филос. наук, профессор;
А. А. Максимова, канд. экон. наук, доцент;
О. Б. Гужавина, канд. филос. наук, доцент

**СЕКЦИЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ**

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО СИБИРСКОГО (ТОМСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА

И. А. Дунбинский

Томский государственный университет

Как известно, первый в Азиатской России Томский университет был учрежден указом Александра II 16 (28) мая 1878 г., его закладка состоялась 26 август (7 сентября) 1880 г. Его торжественное открытие произошло спустя 8 лет – 22 июля (3 августа) 1888 г. Однако этом важному в жизни сибирского общества предшествовал длительный подготовительный период. Как отметил устроитель Сибирского университета профессор В. М. Флоринский в торжественной речи по случаю закладки университета, «в умах ревнителей русского просвещения она (мысль о необходимости иметь в Сибири университет. – И.Д.) являлась уже в конце прошлого (XVIII) столетия в ряду широких проектов по народному образованию, задуманных императрицей Екатериной II» [1. С. 9].

Еще в 1803 г. П. Г. Демидов, чьи предки сделали свое состояние, построив металлургические заводы на Урале, пожертвовал 100 тыс. руб. для предполагавшихся к открытию Киевского и Tobольского университетов. Tobольск в то время являлся административным центром Сибири. Однако сам Демидов сильно сомневался в том, что университет в то время можно было открыть в Сибири. В письме от 6 июня 1803 г. министру народного просвещения графа Завадовскому Демидов относительно этого капитала писал: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние моим училищам, то к тому ближайшее средство положить оные в воспитательный дом вечным капиталом, назначая доходы от процентов, по мере капитала, каждому месту отдельно; а доколе приспеет время к открытию университетов в Киеве и Tobольске, то капиталы, сим училищам, от вас определенные, росли бы обращением своим без прикосновения к оным» [2. С. 400].

В начале XIX в. в Сибири, где проживало около 1 млн 200 тыс. человек, только в 1806 и 1809 гг. были открыты первые гимназии – Иркутская и Tobольская соответственно [3. С. 131]. Однако даже эти две гимназии не могли дать достаточное количество людей, чтобы обеспечить все

факультеты будущего университета достаточным числом студентов. Да и лиц с высшим образованием здесь практически не было, а всех чиновников привозили из Европейской России [4. С. 18].

Спустя 20 лет, в марте 1823 г. попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий, а Сибирь в то время в образовательном отношении относилась к этому учебному округу, предложил учредить в Барнауле за счет упомянутого выше демидовского капитала и на местные средства высшее училище как отделение Казанского университета. В этом училище он предлагал готовить студентов для Пекинской духовой миссии, учителей для сибирских школ и гимназий и чиновников для местной сибирской администрации [4. С. 18]. Также изначально проект предусматривал открытие новых народных училищ в Сибири.

Практически одновременно свой проект открытия университета предложил и генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич. В своем рапорте на имя Александра I от 20 марта 1823 г. он, говоря о нехватке образованных людей в Сибири, практическом отсутствии «просвещенных чиновников» и невозможности некоторых сибиряков получить высшее образование в Европейской части России предложил открыть высшее учебное заведение в Томске и ряд учебных заведений в Сибири [4. С. 20]. Однако оба эти проекта оказались нереализованными.

Спустя четверть века, в 1856 г. этот вопрос был поднят вновь министром народного просвещения А. С. Норовым в ежегодном докладе императору Александру II. Эта мера, по его мнению, должна была оказать благоприятное воздействие на развития всей Сибири, «доставляя государству неисчислимые выгоды» [4. С. 21].

Однако и этот проект остался на бумаге главным образом из-за нехватки выпускников гимназий и неудовлетворительного состояния народного образования в Сибири в целом.

Ситуация стала меняться к лучшему лишь во второй половине XIX в., когда в Сибири стало выправляться дело с гимназиями. Помимо Тобольской и Иркутской, были открыты гимназии в Томске (1838) и Красноярске (1869). Правда, их выпускники из-за отсутствия здесь университета вынуждены были для получения высшего образования поступать в вузы городов Европейской России. Однако многие из них уже не возвращались в Сибирь. Это явление идеологи сибирского областногоничества (Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин) называли абсентизмом. «Посмотрите, что делается с теми из наших земляков, которые даже

оканчивают курс в высших учебных заведениях, – писал Н. М. Ядринцев. – Многие из них остаются в России и мало того – там остаются часто самые даровитые. Стоит указать на профессоров Шапова, Корсака, Чугунова, Менделеева, чтобы понять, что наше общество, выделяя даровитые личности, не получают от них никакой пользы для своего края. Воспитываясь по разным университетам, будучи разъединенными, они не пропитываются общим духом любви к родине, не вырабатывают ни каких самобытных идей в интересах своего края и остаются космополитами, чуждыми своей земле, чуждыми своему народу» [5].

В этой связи борьба за открытие первого университета в Сибири стала одной из приоритетных задач сибирского общества. «Мы стоим на границе нового периода, – писал тот же Ядринцев в газете „Томские губернские ведомости“, – наша молодая общественная, гражданская жизнь, только что начавшаяся складываться, возбуждает много требований, в ряду которых одно из первых мест занимает потребность в более совершенном образовании народа и развития его духовных сил. Эта потребность проявилась в мысли о создании сибирского университета» [5].

Большое значение в этом вопросе сыграли областники, в особенности выше упомянутый Н. М. Ядринцев, который опубликовал в центральных и сибирских периодических изданиях ряд статей, в которых доказывал необходимость открытия в Сибири высшего учебного заведения. Особенно активно он стал вести пропаганду университетской идеи после освобождения из ссылки в Шенкурск Архангельской губернии в 1874 г. Известно, что Н. М. Ядринцев, будучи вольнослушателем Петербургского университета, принял активное участие в создании сибирского землячества студентов. После закрытия университета в связи со студенческими волнениями вернулся в 1863 г. в Омск, где на вечере, организованном в Омске для сбора средств на школу для казачьих детей, выступил с докладом, в котором обосновал необходимость учреждения университета в Сибири. В 1865 г. он вместе с Г. Н. Потаниным и Е. Я. Колосовым был арестован, два года провел в местной тюрьме, а затем был признан виновным в намерении отделить Сибирь от России и сослан в Шенкурск.

Н. М. Ядринцевым были сформулированы тезисы в пользу открытия первого Сибирского университета, которые вначале были опубликованы в журнале «Дело» [6], а затем включены в его книгу «Сибирь как колония» (СПб., 1882. С. 407).

Они сводились к следующему:

«1. Потребность высшего учебного заведения обуславливается отдаленностью станы и затруднением для туземцев отправляться за 6–12 тысяч верст для обучения в русских университетах.

2. Необходимость высшего образования для приобретения технических и естественнонаучных знаний, без которых богатства страны оставались и остаются мертвым капиталом, а уровень материального благосостояния населения крайне низок.

3. Необходимость высшего образования вследствие недостатка учителей и медиков.

4. В видах доставления лучших сил администрации.

5. В видах воспитания общества, создания в нем класса образованных людей лучших умственных сил, поднятия уровня нравственности и создания гражданской честности.

6. В видах учреждения и поддержания таких учебных заведений, которые теперь падают за недостатком образованных людей.

7. В видах разработки науки и открытий в сферах географических, филологических, исторических и прочих, которым должна обогатиться наука, принимая обширность непечатого для науки азиатского материка.

8. В видах общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии.

9. В видах воспитания инородцев и дипломатических сношений наших с соседними странами Востока.

10. Для усиления и сохранения русской национальности в виду новых приобретений на Востоке.

11. Ввиду ожидаемых реформ в Сибири, которые без того являются не мыслимыми» [6. С. 68–69].

Однако для реализации идей областников об открытии в Сибири университета не хватало административного ресурса. Он появился с назначением в 1875 г. на пост генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова. Но прошло еще три года, насыщенные борьбой сибирских городов на право стать университетским центром, сбором пожертвований на строительство университета. Из этой борьбы победителем вышел Томск.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор С. Ф. Фоминых.

Литература

1. *Описание* празднества, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 г., по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880. 73 с.
2. *Ядринцев, Н. М.* Сибирь как колония : монография / Н. М. Ядринцев. СПб., 1882. 472 с.
3. *История* просвещения в Сибири и университетский вопрос // Сибирский сборник. 1886. Кн. 3. С. 157–158.
4. *Некрылов, С. А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : монография / С. А. Некрылов. Томск : Изд-во Том. ун-та. 2010. Т. 1. 514 с.
5. *Томские* губернские ведомости, неофиц. ч. 1864. 31 янв. (№ 5).
6. *Ядринцев, Н.* Потребность знания на Востоке: По поводу учреждения Сибирского университета / Н. Ядринцев // Дело. 1875. № 10. С. 33–69.

ПРОБЛЕМА РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ЗЛАТОУСТОВСКИХ ЗАВОДОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД 1754–1814 гг.

Е. А. Кобякова

Томский государственный педагогический университет

На сегодняшний день Златоустовские заводы уже не существуют как единое целое, они распались на Златоустовский, Саткинский, Миасский, Кусинский и Артинский заводы. Первые четыре из них находятся на территории современной Челябинской области, а Артинский завод в г. Арте Сverdловской области. Но в период своего создания они были единым целым. А управление заводами осуществлялось в г. Златоуст. Сейчас заводы переживают упадок, а некоторые, как например Златоустовский металлургический завод находится на грани банкротства. Тем самым возникает вопрос об их экономической эффективности и доходности заводов. Но всегда ли существовала такая ситуация?

Данная тема представляет интерес, для узких специалистов – историков-краеведов. Поскольку не была создана ни одна обобщающая работа, связанная с историей Златоустовских заводов, в том числе и экономической. История заводов представлена отдельными сюжетами. Задача данного исследования – изучение истории рентабельности заводов со дня их основания и до 1814 г., процессов, происходивших в управлении

заводами. Хронологические рамки работы охватывают довольно большой период времени, но именно он послужил основой, так как именно в этот период происходит становление Златоустовских заводов и их развитие. Сложность данной проблематики в том, что невозможно доподлинно воссоздать историческую действительность этого процесса, связанную с непостоянной отчетностью заводов перед Главной конторой.

Вопросы, связанные с доходностью и экономической эффективностью Златоустовских заводов вскользь упоминаются в работах И. А. Новикова, Ю. П. Окунцова и Г. Ф. Гудкова. Более интересная информация содержится в работе Игоря Александровича Новикова. Он пишет о том, что: «в течении XVIII в. Урал превратился в крупную металлургическую базу. Уральский металл сыграл решающую роль в подъеме экономической мощи империи, во внешне и внутреннеполитических победах. Уральская металлургия дала толчок к развитию металлургической базы Сибири и Юга России. В том, числе одним из факторов мощного экономического подъема металлургии, Новиков видит в том, что происходит централизация управления и восстановления Канцелярии главного правления в Екатеринбурге» [1. С. 23]. В работах Гудкова и Окунцова отражены некоторые составляющие вопроса спора о землях. Эти работы нацелены на понимание исторической обстановки в регионе [2. С. 228; 3. С. 4]. Используемые источники дают более полную информацию, о контрактах и спорах между заводчиками, о межевании земель между башкирами и заводчиками, о покупках и продажах земель: «Прошение Н. Н. Демидова императрице Екатерине Алексеевне о разрешении спора между ним и заводчиками Лугиниными» не позднее 12 августа 1796 г. [4. С. 96–97], «Документы о разделе земли между Кусинским, Златоустовским заводами и айлинскими башкирами за ноябрь 1806 года» [5. Л. 11], «Описание местоположения и истории заводов Златоустовского округа», датированный не ранее 3 октября 1811 г. [6. Л. 26–30]. Все источники содержат событийную канву жизни заводов, в том числе и экономическую.

Территория Златоустовских заводов была стратегически важной, так как имела удобное географическое положение и наличие природных ресурсов (золото, различные руды, лес) [7. Л. 99], поэтому не редки были споры между заводчиками и башкирам, выступавшими в роли продавцов, так и между самими заводчиками. С точки зрения отправки продукции Златоустовские заводы имели преимущество – река. По р. Ай

сплавляли лес и произведенную продукцию. Помимо этого Златоуст имел удобное расположение для транспортировки – наличие дорог в разные направления, в том числе и по направлению Златоуст – Кунгур (место торговли). Так же в истории заводов была частая смена Горных Начальников, кто-то эффективно управлял и распоряжался ими, как например, семья Лугиных или семья Мосаловых, а кто-то просто был «залетной птичкой», как А. А. Кнауф. Во время правления последнего, заводами фактически управлял его секретарь А. Фелинер, а делами связанными с производительностью заводов занимался управляющий коммерции советник И. А. Карелин. Этот факт, смена Горных начальников, как отмечает, И. А. Новиков является основополагающим для быстрого развития промышленности. В результате исследования данной проблемы я выделила несколько ключевых этапов в развитии заводов:

1. 1754–1780-е гг. Этот этап характеризуется заложением основ управления заводами и приобретением новых заводов. Что влекло за собой повышение значения заводов как на мировом рынке, так и на внутреннем. Соответственно это вело к увеличению прибыли.

2. 1781–1796 гг. Этап кризиса. Происходит реорганизация систем управления и падение интереса к продукции, истощение ресурсной базы.

3. 1796–1814 гг. Это этап восстановления эффективного управления и функционирования заводов. В данный период растет спрос на металлургическую продукцию. Продукция становится востребованной в империи, особенно в период Отечественной войны 1812 г. И в сфере управления заводами происходит восстановление трехступенчатой структуры, которая, по мнению И. А. Новикова, имеет важную роль в экономическом развитии и создает определенный задел на будущее.

Тем самым подводя итоги, можно заметить тенденцию в развитии Златоустовских заводов. Их рентабельность определялась несколькими факторами: верно выбранным географическим расположением, системой управления заводами, их востребованностью на внутреннем рынке и на внешних рынках, роль Начальника заводов и его заинтересованность в развитии предприятия. Таким образом, в начале XIX в. росло число производимой продукции. В начале XIX в. на Златоустовском заводе изготавливалась сталь: в 1803 г. – 2 308 и в 1805 г. – 3 844 пудов. На Саткинском заводе при шести действующих доменных печах в 1805 г. было выплавлено 98 475 пудов чугуна и выделано 71 565 пудов железа. А на Кусинском в том же 1805 г. было получено 118 816 пудов чугуна,

и выделано 61 811 пудов железа. Нарращивание темпов производства на Златоустовских заводах осуществлялось при помощи доменного корпуса, в который входило две доменные печи, три молотовых, формовых, плющильных фабрик [2. С. 220–221]. Обобщая, можно сделать вывод, что Златоустовские заводы с экономической точки зрения были эффективным предприятием, как для государства, так и для самих заводчиков принося выгоду обеим сторонам.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент О. А. Фефелова.

Литература

1. Новиков, И. А. История Формирования и развития системы управления горнозаводской промышленности Урала в XIII – I-й пол. XIX в. : автореф. дис. / И. А. Новиков. Курган, 1999. 32 с.
2. Гудков, Г. Ф. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX вв. : монография / Г. Ф. Гудков, З. И. Гудкова. Уфа : Китап, 1993. Ч. 2. 480 с.
3. Окунцов, Ю. Национальный вопрос / Ю. Окунцов // Златоустовский рабочий. 1991. 4 окт. С. 4.
4. *Летопись* Челябинской области : сб. док. и материалов : в 3 т. Т. 1 : 1673–1917. / сост. Е. А. Калинкина, Е. П. Турова, И. С. Янгирова; гл. ред. А. П. Финадеев; науч. ред. И. А. Новиков. Челябинск : Книга, 2009. 399 с.
5. *Документы* о разделе земли между Кусинским, Златоустовским заводами и айлинскими башкирами за ноябрь 1806 года // Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-227. Оп. 1. Д. 174. Л. 26–30.
6. *Описание* местоположения и истории заводов Златоустовского округа // ОГАЧО. Ф. И-170. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
7. *Указы* императора, Пермского губернского и горного правлений о разработке руд, наборе рекрутов о взысканиях недоимок с крестьян, об открытии сухопутных сообщений, о награждении чиновников, о введении новой военной формы за 1809–1810 годы // ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 182. Л. 99.

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕРОИЗМА РУССКОГО ОФИЦЕРА В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII–XX вв.

И. В. Котенко

Томский государственный педагогический университет

В современных исследованиях военной истории все более актуальными являются вопросы, посвященные человеческой стороне событий,

которые отражают внутренний мир людей, непосредственно принимавшие участие в больших и малых сражениях. Хотя еще со времен Плутарха было замечено, что какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, но все эти поступки принадлежат истории и в конечном итоге замыкаются на мировоззрении человека воюющего.

В историографии, посвященной офицерскому корпусу царской России, затрагиваются вопросы экономического и социального положения офицеров, системе подготовки офицерских кадров, однако трудов, посвященных ментальности офицеров сравнительно мало. При этом некоторые вопросы офицерской культуры все же освящаются в большинстве фундаментальных исследований, поэтому в данной статье представлена попытка вычленить мировоззренческий аспект в историографии офицерского корпуса, особенно такие его важнейшие составляющие как доблесть и честь в сознании русского офицера.

В истории изучения русского офицерского корпуса можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционная историография русского офицерского корпуса представлена двумя группами исследования. К первой группе относятся работы, направленные на воспитание командного состава в традициях прошлого и носящие скорее идеологический, нежели научный характер. К ним можно отнести работы А.Ф. Риттиха, П.А. Ржеппо, Н.Д. Бутовского [1. Цит. по: 7. С. 4]. Ко второй группе относятся собственно исторические исследования, касающиеся подготовки офицерских кадров, порядка присвоения наград, описывающие систему чинопроизводства на всем протяжении существования регулярной армии в России. Данные работы целиком основаны на законодательно-нормативных актах и представляют из себя хронологическое изложение законодательных актов, касающихся русского офицерского корпуса. К таким работам можно отнести труды Н.П. Глиноецкого, А.З. Мышлаевского, А.Н. Андроникова и В.П. Федорова [2. Цит. по: 7. С. 5].

Первые работы, посвященные истории офицерского корпуса русской армии появились в советской историографии в 1940-е гг. Возрождение интереса к истории русского офицерства было связано с реабилитацией традиций дореволюционной русской армии, произошедшей в годы Великой Отечественной войны. В это время выходят в свет исследования Н. Чикина и А. Кривицкого, в которых рассматривается история

русского офицерского корпуса, а так же «традиции» под которыми подразумеваются моральные качества русского офицера (патриотизм, верность долгу, честь) [3].

Изучение русского офицерства продолжил П. А. Зайончковский. В 1973 г. этим историком была опубликована монография «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903 гг.» [4]. Из шести глав книги одна (4-я) целиком посвящена офицерскому корпусу. Автор рассматривает в ней систему подготовки, уровень образования, возрастной, национальный, сословный состав, чинопроизводство, материальное положение русского офицерства. П. А. Зайончковский, характеризуя подготовку офицеров, отмечает что система военного образования к началу XX в. совершенствовалась таким образом, что «к началу русско-японской войны среди обер- и штаб-офицеров не было лиц, не получивших военного образования» [4]. Далее для сравнения говорится о наличии некоторых генералов без высшего образования, так как они начали службу в 50-е или в первой половине 60-х гг. XIX в., т. е. в дореформенный период. В то же время, характеризуя офицерские школы, представлявшие собою своеобразные курсы повышения военной квалификации, П. А. Зайончковский указывает на несоответствие программ подготовки этих школ потребностям времени. Со ссылкой на генерала А. И. Деникина говорится, что до войны (1904–1905), начиная с должности командира полка, начальник мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями. В качестве примера упоминается генерал Н. П. Леневиц, который в 1905–1906 гг. был командующим Приамурским военным округом. Когда он увидел гаубицу, то «с удивлением спрашивал: что это за орудие?» [4]. Далее П. А. Зайончковский повествует о попытках решения этой проблемы «снизу» по инициативе самих офицеров.

После публикации этой монографии П. А. Зайончковский написал еще один труд посвященный русскому офицерскому корпусу. В сокращенном виде эта работа была опубликована в 1981 г. в «Вопросах истории», а полностью – лишь в 1998 г. в сборнике, посвященном памяти ученого [5]. Как и в предыдущем исследовании, историк сконцентрировал свое основное внимание на историко-социологическом изучении офицерства.

Важно отметить, что П. А. Зайончковский уделил внимание не только социологическим проблемам, но так же идеологии и морали офицерства (главным образом представления о чести). Автор дает высокую оценку моральным качествам русского офицерства: «при всех извращениях и ложных представлениях об офицерской чести, культивировавшихся самодержавием, а так же и других своих недостатках, по крайней мере, большинство офицерства было верно воинскому долгу, обладало личным мужеством и питало презрение к угодничеству и фальсификации» [5].

В начале 1970-х гг. М. Д. Рабинович обратился к изучению русского офицерства первой четверти XVIII в. В статье «Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны» [6] на основе исследования офицерских «сказок» им был проведен историко-социологический анализ офицерского корпуса русской армии. Автор рассматривает вопросы социального происхождения, имущественного положения, уровень грамотности офицерства.

В ряде работ Ю. М. Лотмана на основе применения исследовательских подходов лингвистики рассмотрены культурные практики, семантика бытового поведения, влияния типа культуры (классицизм, романтизм) на поведение военной молодежи начала XIX в. [7]. Согласно Ю. М. Лотману, поведение человека начала XIX в. представляло собой совокупность кодов, несущих определенный смысл. Характерной для поведения офицеров на войне, в рассматриваемое им время, была античная модель героизма, которой старались соответствовать молодые образованные дворяне конца XVIII – начала XIX в. Несмотря на то, что у Ю. М. Лотмана нет ни одного исследования, посвященного интересующей нас социальной группе, его вклад в историко-антропологическое изучение русского офицерства велик.

Заметным событием в историографии русского офицерства является выход в свет в 1993 г. монографии С. В. Волкова «Русский офицерский корпус» [8]. В работе, основанной на широком круге источников, автор предпринял попытку комплексного исследования русского офицерства на всем протяжении его существования – от образования регулярной армии в начале XVIII в. вплоть до революции 1917 г.

Автор отмечает снижение высокого социального статуса офицера, однако справедливо связывает это с общим снижением дворянского статуса, указывая на соответствие положение «офицер – дворянин». Дворянство утратило к этому времени экономическую независимость

и престиж. Далее автор сообщает, что это стало причиной общего снижения качества офицерского состава, что, в свою очередь, работало на еще большее снижение престижа офицерской профессии: «Чем большую роль в обществе приобретала власть денег, тем сильнее бросалась в глаза материальная неустроенность офицера, и его положение в обществе становилось все более незавидным. Меры же по исправлению этой ситуации были приняты с большим запозданием» [8].

Монография демонстрирует перевес в сторону историко-социологического нежели историко-антропологического изучения русского офицерства. Из девяти глав книги лишь одна посвящена проблемам, связанным с мировоззрением офицерства, в которой С. В. Волков рассматривает идеологию и мораль командного состава русской армии. Среди моральных качеств автором выделяются патриотизм, честь, совесть, чувство долга. Вместе с тем историк не ставит задачи раскрытия смысла каждого из исследуемых понятий и демонстрации их в первоначальной семантической оболочке. В целом в определенные автором «морально-этические качества» офицерства вкладывается современный автору смысл. Кроме того, С. В. Волков не ставит вопрос о соотношении и взаимовлиянии исследуемых понятий, не пытается выстроить моральные ориентиры русского офицерства в систему.

В кандидатской диссертации Е. В. Каменева «Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн» [9], автор утверждает, что в основе картины мира лежат далеко не все слова языка, а лишь определенный ограниченный набор. Именно этот набор структурирует представления человека о мире, определяет ценностно-значимые ориентиры и формирует причинно-следственные связи, которыми руководствуется человек в жизни. Таким образом, согласно Е. В. Каменеву мировоззрение русского офицера определялось тремя категориями: «правда», «отечество» и «честь».

Как уже говорилось, в XXI в. в исследователей все больше интересуют вопросы внутреннего мира офицеров. Примером тому можно назвать две работы из серии «Живая история» – это А. Бегунова «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I» [10] и Л. Ивченко «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года» [11]. Обе работы носят скорей описательный, нежели исследовательский характер, имеют много подробностей по «вещевой истории», однако также рассматривают и поведение офицеров на поле битвы.

В западной историографии русский офицерский корпус сравнительно редко привлекал внимание исследователей. Тем не менее, в ряде работ рассматриваются сюжеты, связанные с изучаемыми нами проблемами. Среди них следует отметить монографию английского историка Д. Ливена «Аристократия в Европе» [12]. В ней уделено внимание проблеме воспитания дворянина, выбора дворянином военной службы как сферы профессиональной деятельности, сравнение русского офицерского корпуса (в социологическом аспекте) с английским и немецким офицерством.

Автор отмечает сходство российской, английской и европейской аристократии в отношении взглядов на военную службу как на профессиональную деятельность. Незнатные и небогатые дворяне связывали с военной службой свои честолюбивые устремления (например, Суворов и Кутузов). Подобно прусскому юнкерству, пусть в меньшей степени в России сложилась социальная среда, откуда выходили строевые офицеры, в то время как отпрыски родовитых домов предпочитали идти в гвардию, когда «поступить в кавалергардский полк было все равно, что стать членом модного и престижного клуба». Проводя несколько лет в веселой компании равных себе людей, они оставляли казармы, ради тех занятий, которые предоставляли им наследство и статус.

Так же обоснованной можно считать мысль, в исследовании Д. Ливена, о причине упадка престижа офицерской профессии с точки зрения противоречия ценностей буржуазного общества с офицерской этикой.

Таким образом, можно заметить, что круг вопросов поднятых в историко-социологических исследованиях по русскому офицерскому корпусу достаточно широк. Освещена в достаточной степени история военного образования, социальное, материальное положение офицерства. Однако историко-антропологический аспект, особенно в контексте микроистории, обратил на себя внимание только в последнее время. В работах Ю. М. Лотмана, А. И. Бегуновой, Л. Ивченко, Е. В. Каменева освещается повседневная жизнь и мировоззрение аристократии и офицеров в частности на основе источников личного происхождения. Вместе с тем, изучение феномена героизма в мировоззрении русского офицера, не было предметом специального исторического исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Литература

1. Чикин, П. Традиции русского офицерства (Материалы для докладов и бесед) / П. Чикин. М., 1944. 22 с.; Кривицкий, А. Традиции русского офицерства / А. Кривицкий. М. : Военное изд-во Народного комиссариата обороны, 1945. 108 с.
2. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903 : монография / П. А. Зайончковский. М. : Военное изд-во, 1973. 326 с.
3. Зайончковский, П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны / П. А. Зайончковский // П. А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М. : РОССПЭН, 1998. С. 24–69.
4. Рабинович, М. Д. Социальное и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны : монография / М. Д. Рабинович // Россия в период реформ Петра I. М. : Наука, 1973; С. 133–171.
5. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.) : монография / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб, 1994. 414 с.
6. Волков, С. В. Русский офицерский корпус : монография / С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.
7. Каменев, Е. В. Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Каменев. Петрозаводск, 2007. 182 с.
8. Бегунова. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I : монография / Бегунова. М. : Молодая гвардия, 2000. 383 с.
9. Ивченко. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года / Ивченко. М. : Молодая гвардия, 2008. 736 с.
10. Ливен, Д. Аристократия в Европе. 1815–1914 : монография / Д. Ливен. СПб. : Академический проект, 2000. 364 с.

РОССИЯ И СТРАНЫ «ТРЕТЬЕГО МИРА» НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Г. А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Все общемировые процессы, протекающие в современном мире очень значимы, в первую очередь – геополитические. Не обходят они стороной и нашу страну. Современная российская геополитика имеет свою специфику.

В настоящее время во внешней политике России большой упор сделан на развитие взаимоотношений со странами так называемого «третьего мира». Причины развития Российской внешней политики именно

в этом направлении, на сегодняшний день объясняются крайне недостаточно, и по данной причине до сих пор не дано исчерпывающего ответа на поставленную проблему. А объяснение этих причин крайне важно, так как зная их, можно более качественно прогнозировать развитие современной российской геополитики, рассчитывать прокладывание векторов наиболее оптимального сотрудничества, и предупреждать нежелательные последствия во взаимоотношениях.

Цель данной публикации – проведение историографического анализа особенностей отношений СССР и Российской Федерации со странами «третьего мира» второй половины XX в. – до современности. Хронологические рамки выдержаны – соответственно, так как в современной исторической науке, и среди представителей отечественного МИДа, бытует мнение, что наша страна начала активно выстраивать взаимоотношения с данными странами, в контексте «холодной войны».

Данное мнение небезосновательно, так как если обратиться к историографии как к современной, так и тех лет, то можно выявить следующие особенности. Именно в контексте «холодной войны» развивалась данная геополитика, направленная на выстраивание взаимоотношений со странами «третьего мира» по трем регионам: Азия, Африка и Латинская Америка. Это я могу утверждать на основании того, что сам термин «страны третьего мира» был впервые употреблен в статье французского ученого Альфреда Сови в журнале «L'Observateur» 14 августа 1952 г., в котором он сравнивал страны «третьего мира» с третьим сословием в традиционном обществе. Изначально он относился к странам, которые во время «холодной войны» не относились ни к первому миру (НАТО), ни ко второму («Варшавский договор») [9].

Также существует определение странам «третьего мира» предложенное ООН по которому к ним: «Принято относить большинство стран мира за исключением развитых индустриальных стран несмотря на огромное разнообразие хозяйственной жизни, страны „третьего мира“ имеют сходные характеристики, позволяющие объединить их в данную категорию. Основная из них – колониальное прошлое, последствия которого можно обнаружить в экономике, политике, культуре этих стран. У них один путь формирования действующей структуры промышленности – повсеместное преобладание ручного производства в колониальный период и программа перехода к индустриальным методам производства после обретения независимости» [3]. СССР оказывал

помощь таким странам в их антиколониальной борьбе: обсуждение ситуации, складывавшейся в этих странах и поддержка на уровне ООН, военная помощь (поставка оружия, военной техники, ресурсов, прямое или косвенное участие военных специалистов в вооруженных конфликтах), подготовка кадров в советских вузах. Тем более, что в большинстве стран освобождавшихся от колониальной зависимости в их освободительных движениях на вооружение брались идеи марксизма-ленинизма: Советскому Союзу удалось на практике реализовать идеи К. Маркса (революция, строительство социалистического государства), а отсталой стране удалось в короткие сроки занять достойные места как государству в своем внутри и внешнеполитическом развитии.

С другой стороны, эти страны были полем дипломатической битвы между СССР и США, эти сверхдержавы, начиная с создания блоков НАТО и ОВД и итогов Корейской войны всякий раз старались воспользоваться случаем установить и поделить свои сферы влияния в том или ином регионе Земного шара. Данная политика проводилась двумя странами с целью установления равномерного «баланса сил» в различных регионах мира. По сути дела, нашей стране необходимо было тогда поддерживать хорошие отношения с государствами с дружественными или хотя бы нейтральными режимами: это позволяло уменьшить количество вероятных противников и увеличить количество союзников, это так же ещё и ключ к налаживанию позитивных дипломатических отношений, экономического и военного сотрудничества. Как писал об этом в своё время А. Громыко: «Советский Союз рассматривает мирное сосуществование как длительную и активную борьбу за мир против агрессивных устремлений империализма, политика мирного сосуществования мешает империалистам применить оружие против народов ставших на путь строительства социализма, против народов, сбросивших иго колониализма» [5. С. 18].

Условно взаимоотношения СССР со странами «третьего мира» можно поделить на 4 периода:

Вторая половина 1940–1950-х гг. Время начала выстраивания экономических, культурных, дипломатических и других отношений.

1. 1960-е – первая половина 1970-х гг. – своего рода апогей в развитии данных взаимоотношений.

2. 1976 – начало 1990-х гг. – формирование предпосылок и прогрессивное развитие кризиса, как во внутренней, так и во внешней политике

СССР, который отразился так же и на взаимоотношениях со странами «третьего мира» и приведший к распаду Советского государства.

3. Середина 1990-х гг. – настоящее время – формирование межгосударственного взаимодействия новых принципов, стандартов с учетом изменившейся концепции внешней политики Российской Федерации.

Выстраивание взаимоотношений со странами «третьего мира» началось с середины 1940-х гг., обусловлено оно было тактико-стратегической необходимостью. Например, установление отношений в 1943 г. между СССР и Эфиопией, освободившейся тогда от господства фашистской Италии – одного из противников СССР по Второй Мировой Войне, т. е. Советский Союз оказал освободившейся стране поддержку в борьбе против общего врага, налаживая таким образом свое влияние в Африке. Далее СССР выстраивал отношения с африканскими странами по стратегическим соображениям. Примером тому могут служить советско-египетские отношения – на территории Египта находились важнейшие стратегические объекты для западных стран – противников СССР по «холодной войне».

Подобные процессы проходили в Азиатско-Тихоокеанском регионе: помогая местным народам в борьбе против общего врага, Советский Союз начал таким образом выстраивать к себе известный авторитет и уважение со стороны освободившихся стран. Когда сначала в 1945 г. силами Красной Армии был освобожден Корейский полуостров от японских войск, что облегчило во многом приход к власти в Северной Корее просоветского режима во главе с Ким Ир Сеном. В последствии КНДР была и остается вплоть до настоящего времени для нашей страны важным торгово-экономическим партнером, как пишет об этом Ким Юн Дук в своей статье «Великие державы и Корейский вопрос»: «Северная Корея остается пока для России важным рынком сбыта продукции ВПК и Москва заинтересована в сохранении такого положения» [6. С. 42].

В Латинской Америке такими странами были Куба и Чили. Когда на Кубе к власти пришел Ф. Кастро, а его режим был дружественным Советскому, поэтому, как пишет специалист по данному вопросу И. Шкадов, «...Советский Союз оказал ценную помощь через военных специалистов, обучивших кубинских воинов обращению с оружием, передавших свои знания современной военной науки» [11. С. 54]. Также были установлены отношения с Чили, причем, как пишет в своей статье М. Брагин «Господинъ Президентъ, великий и добрый приятель»,

«...интерес к установлению дипломатических отношений с СССР был проявлен чилийцами в годы Второй Мировой Войны» [2. С. 143]. Но эти отношения развивались неоднозначно и неоднократно сворачивались и возобновлялись. Так же примером может быть и установление отношений с Аргентиной, президент которой, Х. Перрон, был сторонником антиамериканского курса. Установление взаимоотношений с латиноамериканскими странами имело также и особое значение – регион расположен в непосредственной территориальной близости от США – главного противника СССР по «холодной войне», поэтому наличие союзников для нашей страны в данном регионе было очень выгодным делом. А страны Азии и Африки были своего рода полем «дипломатической битвы» между СССР и США установление и развитие взаимоотношений с этими странами было необходимо для поддержания оптимального баланса сил в геополитике обеих стран.

Во второй период пришелся пик развития взаимоотношений СССР со странами «третьего мира». Во взаимоотношениях на африканском направлении 1960 год вообще был назван в отечественной историографии «годом Африки», как об этом было справедливо указано в труде «История внешней политики СССР (1945–1985 гг.)» под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева, «...независимость обрело 31 государство, в том числе 17 стран в 1960 г., который был назван годом Африки» [4. С. 30]. Этому же мнения придерживается в своей научной статье «Становление независимой Африки» О. Орестов, так же писавший, что «...одним из важнейших этапов деколонизации Африки стал 1960 год, названный годом Африки, когда там в 17 странах были ликвидированы колониальные режимы» [7. С. 77]. Далее О. Орестов отводил важную роль Советскому Союзу в деле освобождения африканских стран [7. С. 77–86].

Но было и такое, когда СССР терял прежних союзников, с кем были ранее установлены отношения. Так в 1971–1972 гг. египетское правительство разорвало отношения с СССР, когда там к власти пришел Анвар Садат. В Азиатском направлении были так же некоторые успехи, а именно удалось наладить хорошие отношения со странами СЕАТО – Таиландом и Филиппинами. Эти государства уже в 1975 г. выступали с инициативой свертывания враждебного СССР по аналогии с НАТО блока. А Советский Союз, ища контакты со странами-членами СЕАТО, ставил целью фиксацию наиболее лояльного отношения, для чего боль-

ше всего подходило экономическое, политическое и особенно культурное сотрудничество.

В целом Советский Союз оказывал помощь странам «третьего мира» в дипломатическом аспекте, на уровне ООН, экономическую и военную поддержку. Помощь оказывалась на льготных условиях, а в ряде случаев и безвозмездно. Однако в данный период, отношения с некоторыми странами сворачивались в силу их нестабильной внутривнутриполитической ситуации. И именно этот фактор будет одной из предпосылок того, что будут обозначены тенденции к ослаблению позиций СССР. Это в конечном итоге приведет к утрате существенной части международного авторитета СССР, по отношению к странам «третьего мира».

Особую форму, данные взаимоотношения получили в так называемый «третий период» (1976–1990-е гг.) и связан он с тем, что Советское государство оказалось сначала во внутри, а затем и во внешнеполитическом кризисе. Это в свою очередь, негативно сказалось и на взаимоотношениях СССР со странами «третьего мира». Кризис этот начался с ввода Советских войск в Афганистан, хотя предпосылки к кризису формировались гораздо раньше. В следствие данного кризиса было похолодание отношений с Пакистаном, в том числе в экономическом их аспекте, более подробно данную проблему в своей статье «Россия и Пакистан: взлеты и падения двусторонних отношений» осветил В. Белокреницкий [1. С. 28–30].

Но было так же и поддержание дружественных отношений со странами АТР и именно этот регион, наряду с Латинской Америкой стал одним из основных в современной российской геополитике.

Так, например, именно страны Латинской Америки оказали помощь Советскому Союзу, когда в отношении него США и их союзники применили разного рода санкции, после ввода советских войск в Афганистан. Примером тому могут служить отношения с Аргентиной, которая, как пишет специалист в данной области Александр Сизоненко, не бросила Советский Союз и поставляла свою продукцию: «В 1980 г., когда после ввода Советских войск в Афганистан США отказались продавать нам зерно, его важным поставщиком стала Аргентина, которая в течение ряда лет продавала СССР крупные партии пшеницы» [8. С. 98].

Ещё одним важным в то время партнером была Бразилия. Однако, именно в данный период в силу разразившегося кризиса Советским Союзом стали сворачиваться отношения с теми странами, кто до этого

считался стратегически важным партнером. Но, тем не менее, даже в то время, когда СССР оказывал странам «третьего мира» Латиноамериканского и Азиатского регионов всевозможную помощь и поддержку, то даже после распада Советского Союза – эти страны не забыли об этой помощи и теперь они оказывают хорошую помощь России при решении её геополитических задач. Такая помощь оказывалась некоторыми латиноамериканскими странами с августа 2008 г. после участия России в Грузино-Южно-Осетинском вооруженном конфликте.

А вот на отношениях с африканскими странами данный кризис ударил сильнее всего. О чем в своей статье «Советский Союз и борьба против колониализма и расизма на юге Африки» пишет ученый-историк А. Ю. Урнов: «...африканские страны выражали искреннее сожаление по поводу „ухода“ России из Африки после распада Советского Союза» [10. С. 59]. Отношения с африканскими странами были свернуты, потому что вследствие кризиса Россия как экономический партнер, что называется, «выдохлась» и прежнее сотрудничество было бы чревато для российской экономики большими убытками и неоправданными материальными затратами.

Таким образом, современная российская геополитика в отношении «стран третьего мира» была оформлена ещё на рубеже 1940–1950-х гг. Параллельно с этим развивалась и историография заявленной проблемы. Обусловлено, это было необходимостью «сдерживания США» и поддержания наиболее оптимального баланса сил. Наибольшего успеха удалось добиться на азиатском и латиноамериканском направлениях в 1960–1980 гг. Здесь нашей стране удалось добиться наибольшего успеха. Особенно это касается стран Латинской Америки, которые, если и дальше обращаться к прочим работам, например того же Александра Сизоненко, являются для нашей страны наряду с азиатскими странами действительно ценными, во многом стратегическими партнерами.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент П. Л. Нестеренко.

Литература

1. Белокреницкий, В. Россия и Пакистан: взлеты и падения двусторонних отношений / В. Белокреницкий // Азия и Африка сегодня. 2001. № 5. С. 28–30.
2. Брагин, М. «Господинь Президент, великий и добрый приятель!» (из истории российско-чилийских отношений) / М. Брагин // Международная жизнь. 2006. № 12. С. 135–146.

3. *Всемирная история: страны «третьего мира»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya/247.htm>

4. *Громыко, А. А.* Африка: прогресс, трудности, перспективы : монография / А. А. Громыко. М. : Международные отношения, 1981. 272 с.

5. *История внешней политики СССР. 1917–1985* : в 2 т. / под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М. : Наука, 1986. Т. 2. 696 с.

6. *Ким Юн Дук.* Великие державы и Корейский вопрос / Ким Юн Дук // *Азия и Африка сегодня*. 1996. № 4. С. 40–43.

7. *Орестов, О.* Становление независимой Африки / О. Орестов // *Международная жизнь*. 1975. № 10. С. 77–86.

8. *Сизоненко, А.* Латинская Америка и Россия / А. Сизоненко // *Международная жизнь*. 2004. № 10. С. 90–101.

9. *Третий мир* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki>

10. *Урнов, А. Ю.* Советский Союз и борьба против колониализма и расизма на юге Африки / А. Ю. Урнов // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 4. С. 53–59.

11. *Шкадов, И.* Советско-Кубинское братство по оружию / И. Шкадов // *Военно-исторический журнал*. 1981. № 4. С. 53–59.

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ 1939 г.

В. В. Макеев

Томский государственный педагогический университет

Современная историческая наука и общественная мысль уделяют значительное внимание локальным вооруженным конфликтам, так как из анализа последних нередко можно сделать адекватный вывод о современном международном положении. По истории различных сражений, войн, пограничных конфликтов было написано множество работ, что с одной стороны облегчает анализ и работу современного исследователя, но вместе с тем затрудняет деятельность по изучению предмета обилием оценок, мнений и выводов. Эта проблема не обошла и историографию событий на реке Халхин-Гол. Тема вооруженного конфликта разносторонне изучалась в советской исторической науке.

Цель данной статьи – сравнение достижений советской и современной российской историографической мысли, выделить общее и различное

в оценке роли РККА и советского руководства во время событий на реке Халхин-Гол в 1939 г.

Советская историография уделяла большое внимание локальным боевым действиям, халхин-гольский инцидент не стал исключением. Были изданы книги, статьи, сборники документов и материалов, защищены диссертации, в которых нашли отражение различные аспекты событий. Своеобразным итогом научной работы в этой области стала статья исследователя И.И. Ростунова «Боевые действия на р. Халхин-Гол в советской историографии»: всю литературу о халхин-гольских событиях И.И. Ростунов разделяет на три большие группы. В первую очередь это работы общеисторического характера, в которых события на Халхин-Голе рассматриваются кратко, обзорно. Затем следуют специальные военно-исторические исследования, посвященные отдельным сторонам проблемы и событиям в целом. К третьей группе относят мемуарные работы [1. С. 49]. Им были даны соответствующие оценки: сокрушительный разгром японских милитаристов имел большое международное значение. Весь мир еще раз убедился в мощи Советского Союза.

Поражение существенным образом повлияло на внешнеполитические позиции правительства Японии, почти на два с половиной года оттянуло ее активное участие во второй мировой войне и заставило коренным образом пересмотреть стратегические планы и замыслы [2. С. 728].

В работе М.В. Новикова, посвященной победе на р. Халхин-Гол подчеркивается, что поражение японских войск у Халхин-Гола сорвало далеко идущие политические планы правящих кругов Англии, США и Франции за счет Китая договориться с Японией и направить ее агрессивные помыслы против Советского Союза.

Победа на границах Монгольской Народной Республики оказала значительное влияние на борьбу героического китайского народа против японских оккупантов, показав, что армию микадо можно бить. Кроме того, разгром отборных войск Квантунской армии и лучших сил японской авиации значительно облегчил военное положение Китая, борющегося за свою национальную независимость.

Разгром японских войск в районе р. Халхин-Гол сорвал коварные планы политиканов из Токио по захвату территории Монгольской Народной Республики, планы порабощения ее свободолюбивого народа и дальнейшей агрессии против Советского Союза. Победа советско-

монгольских войск на восточных границах МНР продемонстрировала всему миру мощь Советского Союза [3].

Работа выполнена не только в историческом стиле, но и в агитационно-политическом. Можно обозначить и негативное качество работы – большое внимание уделяется идеологическим проблемам.

Что касается третьего вида литературы о халхин-гольских событиях, то здесь авторитетным источником являются для нас мемуары маршала Советского Союза Г.К. Жукова, где знаменитый полководец проводит масштабный исторический и военно-стратегический анализ событий на реке Халхин-Гол в 1939 г., он дает всестороннюю оценку действиям РККА и армии МНР, критически оценивает работу политуправления армии, государственных органов. Он также отмечает особо отличившиеся соединения и бойцов, с которыми он был знаком, лично или по документам. Работу Георгия Константиновича можно оценить как высокий уровень в изучении данных событий в мемуаристике и бесспорно можно исследовать, как историографический источник [4].

Советская историческая наука проделала большую работу в области изучения событий на р. Халхин-Гол, к этому выводу приходят многие историки. Были поставлены и решены многие проблемы, основными из которых были: история и анализ боевых действий на реке Халхин-Гол в 1939 г.; техническое обеспечение операций; оперативное искусство; международный аспект пограничного конфликта; совместные действия с Монгольской Народной Республикой; интернациональная политика СССР в халхин-гольской операции и др. Вместе с тем ряд актуальных вопросов не были освещены в советской исторической литературе. Так, практически по всей советской литературе замалчивается первый, майско-июньский этап боевых действий, продемонстрировавший слабую подготовку сухопутных частей, и особенно авиации 57-го особого корпуса РККА, отмечает в статье Е. Катасонова [5. С. 60].

Обобщая приведенный выше материал, можно отметить, что советская историческая наука при изучении событий на р. Халхин-Гол в 1939 г. проделала большую исследовательскую работу, изучен большой фактический и историографический материал, сделано множество интересных выводов, но вместе с тем в советской исторической науке идеологические интересы превалировали над историческими.

В современной историографии отмечается меньшее количество исследований событий на р. Халхин-Гол. Одной из первых крупных работ,

где получили отражения события на реке Халхин-Гол в 1939 г. стала книга В. Суворова. Он дает следующую оценку действиям красной армии в пограничном конфликте: Халхин-Гол – это первая в XX в. молниеносная война, блицкриг в чистом виде. Это первое в истории правильное применение танков крупными массами для ударов в глубину. Это пример небывалой концентрации артиллерии на узких участках фронта. Это образец абсолютной внезапности сокрушающих ударов – за первые полтора часа сражения японская артиллерия не произвела ни единого выстрела и ни один японский самолет не поднялся в воздух [6. С. 387].

В. Суворов критически относится к советскому руководству и командованию РККА, критикует политический курс И.В. Сталина, дает критические замечания Г.К. Жукову и другим видным деятелям СССР и РККА, но вместе с тем высоко оценивает непосредственные успехи Красной армии в решении поставленных боевых задач в событиях на р. Халхин-Гол в 1939 г.

В 1999 г., к 60-летию окончания событий на р. Халхин-Гол, вышла статья А. Степанова, в которой дается историческая справка действий ВВС РККА в халхин-гольских событиях, анализируются действия различных родов войск, показана важность качественного уровня материальной части авиационной техники, профессионализм военных кадров [7].

Б.В. Соколов причины поражения японской армии на Халхин-Голе видит в ее технической отсталости в сравнении с Красной армией, отмечает успешность выполнения боевых задач советской авиацией и ее превосходство в воздухе [8].

А.В. Шишов в вышедшей в 2001 г. работе прослеживает развитие отношений между Японией и СССР, исследует историю военных конфликтов, в т. ч. халхин-гольские события. Помимо богатого материала, источников, хронологии событий, автор приводит мнения зарубежных исследователей, воспоминания офицеров и солдат японской армии, дает характеристику действиям родов войск обеих сторон в операции. В конце главы исследователь приводит следующее суждение: главный итог боев на Халхин-Голе, по мнению многих исследователей, состоит в том, что сокрушительное поражение японских войск во многом повлияло на решение правящих кругов страны Восходящего Солнца не сотрудничать с гитлеровской Германией в ее нападении на Советский

Союз в июне 1941 г. Такова была цена разгрому на монгольской границе 6-й особой японской армии и цвета авиации Квантунской армии. События на р. Халхин-Гол стали наглядным уроком для официального Токио и императорского генералитета, вышедшего из сословия самураев [9].

Небольшая работа В. Кондратьева, вышедшая в 2002 г., вновь освещает действия авиации на р. Халхин-Гол во время пограничного конфликта. Книга насыщена схемами, таблицами состава, действий советских и японских летчиков, представлены самолеты различных моделей, даны материалы по комплектованию летных частей. Давая оценку советским воздушным силам на Халхин-Голе, автор пишет: «Бои над Халхин-Голом стали первым серьезным испытанием и своего рода „экзаменом на зрелость“ для советских ВВС накануне Второй Мировой войны. Экзамен этот они выдержали. Однако Халхин-Гол выявил и целый ряд серьезных недостатков. Воздушные бои наглядно показали необходимость срочной модернизации парка боевой авиации. Истребители Поликарпова фактически исчерпали резервы совершенствования, и продолжение развития линий И-15 и И-16 означало дорогу в тупик».

Реакция на «халхингольское предупреждение» последовала незамедлительно, и в Советском Союзе развернулась масштабная программа создания новых образцов авиатехники, моторов и вооружения [9. С. 60].

Своеобразным итогом почти семнадцатилетней современной исторической работы над проблемами истории вооруженного конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г. стала вышедшая в 2007 г. в журнале «Азия и Африка сегодня» статья Е. Катасоновой, в которой автор, доктор исторических наук, разбирает не только проблемы непосредственного конфликта на р. Халхин-Гол, но и критически оценивает советскую историографию, по-новому рассматривает проблемы международного влияния конфликта на р. Халхин-Гол, проблему оценки политического и военного руководства СССР и РККА и многое другое. В заключении автор приходит к выводу: «...надо сказать, что военная победа на Халхин-Голе плюс пакт Молотова – Риббентропа на достаточно длительный срок охладил пыл японцев, и они уже полностью переключились на „южное направление“» [5].

Как мы видим, современная российская историография выражает идею исторического плюрализма, где нет одной единственной точки

зрения. Оставляя в фокусе изучения самого конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г., внимание переносится с чисто военных действий на политический аспект конфликта, идеологию, исследователи все больше обращаются к иностранным источникам и литературе, сопоставляя их с отечественными, дается критика советского руководства и действий РККА на р. Халхин-Гол в 1939 г.

В целом современная российская историография внесла в тему пограничного конфликта особую новизну, критическую свежесть, поставила новые вопросы и развила традиционные.

При сопоставлении советской и современной российской исторической традиции изучения событий на реке Халхин-Гол в 1939 г. бросается в глаза разница политико-идеологических подходов в оценке. Если советские историки халхин-гольских событий выступали, в общем-то, монолитно, на одной политической платформе, ставя и изучая различные проблемы конфликта, то современный исследователь, выдвигая свои концепции, не отражает общий взгляд на события. В большей степени изучаются традиционные вопросы боевых действий, составе и численности противоборствующих группировок, международном аспекте конфликта, военном и политическом руководстве РККА и СССР, новые проблемы начала конфликта, репрессий командного состава РККА, личности военных и политических руководителей. Полагаю, что советскую и современную российскую историографию нельзя рассматривать оторвано и изолировано от друг друга, нужно видеть в этих направлениях взаимодополнение исследований и идей, нужно проследивать общую традицию отечественной исторической науки в вопросе событий на р. Халхин-Гол. Именно так мы можем создать в нашей науке общую картину этих событий и дать им адекватную обобщенную и всестороннюю оценку.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Ф. Н. Подустов.

Литература

1. Ростунов, И. И. Боевые действия на реке Халхин-Гол в современной историографии : монография / И. И. Ростунов // Победа на реке Халхин-Гол. М. : Наука, 1981. 142 с.
2. История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2 : Накануне войны [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/12/02/05.html>
3. Новиков, М. В. Победа на Халхин-Голе [Электронный ресурс] / М. В. Новиков. URL: <http://militera.lib.ru/h/novikov/06.html>

4. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления : в 2 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / Г.К. Жуков. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/zhukov1/07.html>
5. Катасонова, Е. Правда и вымыслы о Халхин-Голе. Кровопролитный конфликт на Дальнем Востоке: взгляд и оценки 70 лет спустя / Е. Катасонова // Азия и Африка сегодня. 2007. № 12.
6. Суворов, В. Ледокол. День М. : монография / В. Суворов. М. : ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. 576 с.
7. Степанов, А. Воздушная война на Халхин-Голе. К 60-летию окончания [Электронный ресурс] / А. Степанов. URL: <http://www.airforce.ru/history/khalkin-gol/>
8. Соколов, Б.В. Сто великих войн [Электронный ресурс] / Б.В. Соколов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encW/100/84.htm>
9. Шишов, А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов [Электронный ресурс] / А.В. Шишов. URL: http://militera.lib.ru/h/shihsov_av/09.html
10. Кондратьев, В. Халхин-Гол: Война в воздухе : монография / В. Кондратьев. М. : Техника – Молодежи, 2002. 64 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОВСТАНЦЕВ УПА В 1942–1954 гг.

Е. А. Перемитин

Томский государственный педагогический университет

Повседневная жизнь повстанцев Украинской повстанческой армии (УПА) – тема, которая не знакома хорошо российской аудитории. Когда речь заходит об ОУН – УПА, как правило, исследователи рассматривают военно-политические аспекты деятельности этих организаций. К таким исследованиям можно отнести работы российских таких авторов, как Гогун и Чуев, а также А. Дюкова. Исследования, которые бы касались вопроса изучения повседневной жизни повстанцев, не доступны широкой российской аудитории, поскольку в большинстве своем являются работами украинских исследователей и написаны на украинском языке. Поэтому автор статьи считает актуальным и целесообразным изучить повседневную жизнь украинского националистического партизанского подполья на Западной Украине от момента его создания до ликвидации его советскими органами госбезопасности.

Как считают некоторые украинские исследователи, УПА сформировалась в конце 1942 г. на территории Волыни из вооруженных отрядов Организации украинских националистов (далее – ОУН), которые

были созданы для защиты местного украинского населения и нелегальных структур ОУН, ушедших в подполье из-за обрушившихся на них немецких репрессий, связанных с провалившейся попыткой лидеров украинских националистов провозгласить независимое Украинское государство 30 июня 1941 г. во Львове. Тогда немцами были арестованы видные руководители ОУН, в том числе и лидер националистов Степан Бандера. Символичным днем основания УПА исследователи называют праздник Покрова 14 октября [1. С. 9]. Другой датой создания УПА считается 17–23 февраля 1943 г., когда на той же Волыни проходила третья конференция ОУН (б), этого мнения придерживается и российский историк Гогун [2. С. 105]. К 1944 г. формирование УПА было завершено, в результате своей деятельности националистические партизаны заняли территории нынешних областей Украины: Волынской, Винницкой, Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской, Закарпатской, а также восточные земли Подкарпатского и Люблинского воеводства Польши. Как повстанческо-партизанская армия УПА действовала до 1949 г., до того времени, когда командир УПА Роман Шухевич отдал приказ о расформировании армии и об уходе ее в вооруженное националистическое подполье, организованная деятельность которого продолжалось вплоть до конца 1950-х гг. Единичные группы повстанцев продолжали встречаться еще в 1960-х гг.; также известно о повстанцах одиночках, скрывавшихся от советских властей до начала 1990-х гг. и вышедших из леса только с обретением Украины независимости [3. С. 648–649].

Как и всякая партизанская армия УПА имела свои базы, которые являлись местами постоянного повстанческих отрядов. От повстанческих баз требовалось быть как можно дальше от основных коммуникационных путей, доступ к базам должен быть затруднен. Обычно такими местами являются огромные лесные массивы, горы, болота.

Повстанческая база – место, где бойцы могут организовывать боевое обучение, а также отдыхать после боев и рейдов. Такие базы были тщательно законспирированы и охранялись, доступ к ним без пароля был невозможен. Охрану баз обеспечивали передовые заставы, представлявшие тройное кольцо постов и дозоров. В число мероприятий по обеспечению безопасности баз входили: разведка противника, наблюдение за местным населением и за всеми подступами к базам. Разведка определяла, в частности, наиболее вероятные пути подхода сил противника. На этих путях выставлялись секреты в составе 2–3 человек. На дорогах

и тропях, ведущих в лагерь, размещались сигнальные средства, известные только повстанцам.

Самым распространенным видом базы являлся повстанческий лагерь. Выглядел он следующим образом: глубоко в лесу намечалась территория лагеря, на котором, в зависимости от решения командира, симметрично или ассиметрично строился комплекс бараков или землянок. Некоторые командиры УПА приказывали строить бараки симметрично вдоль одного бока дороги, другие на пригорках, которые располагаются на сухих местах и которые легко выровнять [4. С. 45–46]. Бараки повстанцы строили сами: корчевали деревья и кустарник, рыли котлован, закладывали фундамент и возводили невысокие стены (до одного метра). Затем настилали двухскатную высокую крышу, которую покрывали драницей (досками) или лубом (корой). Последней часто утепляли и стены, сдирая луб с апреля до половины августа. Гвозди изготавливали из телефонной проволоки. Бараки, в основном, строились из расчета вмещать в себя одну повстанческую «чоту» (тактическая единица в УПА, три «чоты» составляли сотню). Встречаются бараки меньшего размера, имеющие особое предназначение: в них располагается штаб (где находится командир и его помощники), помещение для часовых, воинский магазин, кухня, полевой госпиталь и баня. В некоторых лагерях, принадлежавших особенно крупным повстанческим отрядам, строился большой барак, который использовали как учебный зал или для проведения концертов.

Внутренняя обстановка жилого барака соответствовала суровым условиям партизанской деятельности. С обоих боков размещались лежанки, посередине два очага, над которыми находятся отверстия-дымоходы в потолке.

В центре лагеря находился плац, где проходят сборы отряда. Так как это место наиболее часто используется, повстанцы выкладывали его деревом для предотвращения быстрого заболачивания. Поблизости от плаца иногда можно было увидеть выложенный цветами украинский герб – тризуб или знамена [5. С. 212–213].

Обычный день в лагере начинался с побудки и следовавшей за ней зарядкой, которая состояла из двух частей: бег с песней и физические упражнения. После зарядки повстанцы застилали лежанки и умывались в ручье. Потом старшина объявлял сбор на утреннюю молитву, после которой следовал завтрак (как правило, это была каша из крупы). После

завтрака объявлялось общее построение, все повстанцы в боевой выкладке строились в три шеренги, происходила схожая с любой регулярной армией ситуация – проверка численного состава отряда, количества больных, количества занятых на хозяйственных работах и в дозоре. Командир повстанцев приветствовал бойцов, проверял их состояние, оружие и внешний вид и отправлялся с ними на боевые учения. В лагере оставались только больные и те, кто должен остаться там по служебным обязательствам. По возвращении в лагерь повстанцы чистили оружие и готовились к обеду. По команде «сбор к обеду» партизаны выстраивались, старшина проверял состояние котелков и приказывал маршировать в кухню. После обеда производилась смена караула. Для каждого отдела было установлено время смены караула, состояние караула, количество постов. Отправка караула производилась с дежурным подстаршиной, который проверял состояние и амуницию бойцов, заступающих в караул, знание ими правил караульной службы. Во время смены караула сменялись дежурные старшина и подстаршина. Тогда же командир или его заместитель принимали отчеты, просьбы и жалобы. После обеденного перерыва продолжались учения. В 18 часов бойцам отряда зачитывался дневной приказ командира, который мог содержать такую информацию:

- кто на следующий день получает функции старшины, которая чота несет караульную службу;
- расписание занятий на завтрашний день;
- примечания и распоряжение командира.

После зачитывания приказа повстанцы шли на вечерю и до 21 часа либо отдыхали, учились. В 21 час старшина объявлял вечернюю молитву, после нее отбой. Старшина обходил все бараки и проверял присутствующих. Ночью в лагере не спали только старшина, дежурный и часовые. Практически все дни в лагере, кроме воскресенья и праздников, похожи по описанию. В праздники занятия были только до полудня [5. С. 215–216]. Праздникам в УПА уделялось большое внимание, поскольку это была часть работы по моральному воспитанию партизан и культивированию национальных традиций. Праздновались так называемые «державные праздники»: «День соборности Украины» 22 января, годовщина провозглашения независимости 30 июня 1941 г. Существовали специальные повстанческие праздники: День героев (последняя неделя мая) и праздник оружия (сначала – 31 августа в честь занятия укра-

инской армией Киева в 1919 г.; затем 14 октября – символическая дата создания УПА). Такие праздники в большинстве своем отмечались с участием районных представителей руководства ОУН. К повстанцам обязательно обращался политвоспитатель, капеллан проводил службу. После торжественной части повстанцы участвовали в концертах, слушали хор, сами пели песни. Огромное значение придавалось и религиозным праздникам – Рождеству и Пасхе, иногда участвовало гражданское население [1. С. 30].

Боевая деятельность повстанцев УПА является классическим примером партизанской войны. УПА вела вооруженную борьбу путем партизанских рейдов по тылам, налетами, засадами, постоянными беспокойством противника, террором и диверсиями [6]. Чтобы успешно выполнять боевые задачи, повстанец должен быть хорошо обученным.

Курс рядового повстанца, как в старшинских и в подстаршинских школах, так и непосредственно в отряде, включал прохождение девяти дисциплин общим объемом 359 часов. Основная часть учебного времени (86 часов) отводилась полевой выучке. Ее целью была подготовка бойца к действиям в одиночку и в составе роя (десятка), выполнению самостоятельных специальных заданий (каждый повстанец обучался как наблюдатель, разведчик, постовой, снайпер и автоматчик). После окончания одиночного обучения наступала очередь выучки в составе роя (рой в разведке, в наступлении, в обороне, в боевом охранении, в карауле). Во время полевой подготовки большое внимание уделялось вариантам действий, связанным с партизанской тактикой: ведение боя на пересеченной местности, ночью, в тумане, в дождь и снегопад, охранение на марше и на постое, засада, налет, маневрирование. Оружейное дело изучалось 36 часов: сообщались основные сведения о боевых возможностях различных видов оружия, его устройстве и особенностях обслуживания. Изучались винтовки (системы Мосина образца 1891/30 гг. и системы Маузера образца 1898 г.), автоматы (ППД, ППШ, ППС, МП-48/40 и др.), ручные пулеметы (ДП-27, МГ-42) и станковые (Максим), пистолеты. Особое место занимало изучению ручных гранат – советских РГД и Ф-1, немецких «штильгранат» и «аэргранат», гранат венгерских образцов. Строевая подготовка рядового повстанца по программе занимала 50 часов. Она включала отработку определенных движений, выполняемых по команде, выработке воинской выправки и дисциплины. На нее отводилось по часу ежедневно.

На огневую подготовку приходилось 30 часов. В ее ходе кратко сообщались основные сведения внутренней и внешней баллистики, основное время посвящалось обучению стрельбе и огневой дисциплине. Почти столько же времени (31 час) принадлежало минному и саперному делу. Повстанца обучали окапываться и маскироваться; большая же часть времени уделялась изучению мин, методам минирования и разминирования. 33 часа обучения отводилось на знакомство с правилами внутренней службой. Этот курс знакомил повстанца с общей организацией военной жизни, с его обязанностями, с требованиями воинской дисциплины, с организацией караульной службы. Изучению способов ориентирования на местности с компасом и без него отводилось 16 часов. Кроме того, повстанцы овладевали приемами оказания первой медицинской помощи, изучали правила личной гигиены; в УПА обязательным было политическое воспитание. Оно осуществлялось на основе специальной программы, разработанной Проводом ОУН, и занимало 72 часа учебного времени [6].

Боевым обеспечением отделов УПА заведовал организационно-мобилизационный отдел командования повстанческой армии. Ему подчинялись все склады оружия и оружейные мастерские. Боевое довольствие организовывалось в рамках военной округи.

Боевые отделы брали с собой запас боеприпасов, достаточный для длительного боя (200–300 патронов на винтовку, 4 000–5 000 патронов на пулемет Дегтярева, 5 000–7 000 на немецкий пулемет МГ-42).

Материальное обеспечение отрядов УПА происходило следующим образом: поставками продуктов и одежды занимался хозяйственник УПА, который, однако, ведал этими делами в большей степени теоретически. Фактическое исполнение продовольственных и вещевых заготовок возлагалось на хозяйственника соответствующей ячейки ОУН. УПА имела, помимо «пунктов» оружия и боеприпасов, еще и продовольственные «пункты» – продовольственные склады в лесных схронах. Но пользоваться продуктами из них разрешалось лишь в случае необходимости, например во время блокад или облав.

В стандартном же положении продукты для отделов УПА заготавливал хозяйственник подполья в селах, ближайших к месту пребывания отделов. Или же отдел сам заходил в оговоренное заранее село. После прихода советской власти продукты относили в лес подростки. Во всех походах каждый повстанец получал «железную порцию» (НЗ), в рейдах

она удваивалась, однако есть ее можно было только с разрешения командира.

В отделе УПА связями с подпольным руководством сёл и организацией поставок занимался интендант, как правило, старшина. Ему помогало лагерное звено во главе с подстаршиной. Кроме поставок от местного населения, находившегося на территории ответственности формирования УПА, повстанцы сами обеспечивали себя трофеями: имуществом и продовольствием, отбитыми у противника. Хозяйственник УПА заведовал всеми предприятиями, принадлежавшими непосредственно УПА: швейными и портняжными мастерскими, мыловарнями и т. д. Подобными предприятиями в селах заведовал хозяйственник подполья, причем данное предприятие часто было легализовано как частная собственность какого-либо члена ОУН или симпатизирующего ей. Мелкие подразделения УПА, действовавшие самостоятельно, обеспечивали себя сами: за счет противника, за счет местных жителей [6]. При этом они обычно руководствовались принципом добровольной передачи селянами продуктов питания, одежды и обуви, однако встречались и случаи мародерства, жестоко пресекавшиеся командованием. Также практиковалась покупка у жителей за наличные деньги (немецкие или советские, за собственную валюту), так называемые «бофоны» (боевые фонды). Они представляли собой квитанции с изображением повстанца, с национальной символикой или символикой ОУН – УПА, указанием стоимости товара, закупаемого у населения, деньги за которые можно получить, как только создастся Украинская самостийная держава. Помимо денежной функции, бофоны выполняли и пропагандистскую [7. С. 7].

Такой тип партизанской войны использовался УПА до конца сороковых годов, вплоть до расформирования армии и ухода ее в подполье. Из-за проводимых органами госбезопасности и частями Красной армии мероприятий по ликвидации националистического подполья, не было уже даже речи о масштабной партизанской войне и, соответственно, об устройстве вышеописанной повстанческой жизни. УПА ушла «под землю» в буквальном смысле этого слова. Одним из самых известных элементов повстанческой жизни стали так называемые «крыивки» (бункер, схрон). Крыивки партизаны УПА начали использовать еще в период немецкой оккупации. Сначала их использовали для хранения нужных повстанцам вещей и продуктов, затем их предназначение расширилось

до подпольных типографий, госпиталей. С переходом на подпольную форму борьбы они стали служить укрытием для подпольщиков.

При сооружении kryivki обязательными были следующие правила конспирации: каждую kryivku сооружали лишь те подпольщики, которые в дальнейшем должны были там пребывать, место расположения знали только они. Чтобы спрятать выкопанную землю ее выбрасывали в речку или выносили на свежевспаханное поле. Критериями выбора места для kryivki были незаметность, недоступность, хорошая возможность для отступления, – этим мог служить лес или село. Kryivki могли быть как небольшими укрытиями, так и просторными многокомнатными помещениями. Повстанцы, которые прятались в kryivках, использовали время для усиленного обучения военным наукам, конспирации, идеологической и политической подготовки. Сотник УПА Степан Стебельский («Хрен») так описывал распорядок дня, во время зимовки 1947/48 года в kryivке: «Порядок дня был такой: в 6 утра подъем, с 6 до 7 зарядка, мытье и наведения порядка, 07:05 – молитва, 07:15 – завтрак, 8–12 – занятия, 12–14 – обеденный перерыв, 14–17 – занятия пополудни, 17–18 – ужин, после чистка оружия, 20:05 – молитва. План работы мы часто меняли в зависимости от обстоятельств. Воскресенье и праздники были свободны от занятий...» [1. С. 382].

Однако нахождение в kryivке не всегда было таким благоприятным, как можно себе представить. Работник госбезопасности Г.З. Санников, участник ликвидации националистического подполья на Украине, в своих мемуарах так описывал сидение в бункере: «Несколько месяцев без движения, отсутствие солнца, дневного света, нормальной пищи, свежей воды, спёртый и тяжелый воздух от плохо вентилируемого тесного подземного помещения, запах биологического распада человеческих отходов, – находясь в таких условиях, человек в течение нескольких часов, а иногда и дней, выйдя из убежища, не мог двигаться, приходил в себя постепенно. Потом эти тяжелые часы и дни забывались. Лесной воздух, активные движения, длительные и многочисленные переходы, здоровая сельская пища, получаемая из рук сердобольных селян, молодой и здоровый организм делали свое дело, и человек забывал, что всего пару недель назад он был больным, почти калекой. И так до очередной зимовки, которые с каждым годом становились все тяжелее и тяжелее – сжималось кольцо госбезопасности, сокращалась снабженческая база, почти прекратилась поставка медикаментов, боеприпасов,

керосина, необходимого для освещения и приготовления хотя бы раз в сутки горячей пищи на керосинке или на треноге, в середине которой ставилась обычная керосиновая лампа. Каша на такой „установке“ варилась в течение трех часов, чай – около двух. Положенные по норме 60–75 граммов сала или домашней колбасы, хранившихся в закопанных в пол бункера алюминиевых бидонах, и пара сухарей первые недели создавали иллюзию более или менее сносного питания. Потом наступали неприятности. Кишечник отказывался нормально функционировать. Правда, умелые хлопцы запасались в селах изрядным количеством самогона и целебных трав. Выпивать можно было, впрочем, как и делать все остальное, только по разрешению провидныка или коменданта бункера, назначаемого провидныком старшим по бункеру. В случае окружения бункера решение на прорыв или самоликвидацию принимали только провиднык или комендант. Самоуничтожение проводилось тоже только ими. Укрывавшиеся в схронах боевики становились лицом к стене и их по очереди выстрелом в затылок убивал провиднык, кончавший с собой последним. Чтобы сомнений не оставалось ни у кого... В подполье неохотно брали в бункера женщин. Разве что нужда заставляла. Ежемесячные биологические женские циклы заставляли мучиться всех в бункере – кровь разлагается мгновенно, заполняя небольшое пространство тяжелым запахом гниения...» [8. С. 289–290].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: повседневная жизнь бойцов УПА практически не отличалась от жизни любой регулярной или партизанской армии того времени.

УПА достаточно быстро стала мощной вооруженной силой, способной противостоять немецко-фашистским войскам, РККА и войскам НКВД, а также польским вооруженным формированиям. Однако УПА формировалась, развивалась и воевала примерно так же, как и другие армии партизанско-повстанческого типа. Поэтому, как и у других, ее слабыми сторонами были вопросы управления, боевой подготовки личного состава, тылового обеспечения. Недостаточно отработанными являлись тактические приемы. Но при всех своих недостатках, это была такая вооруженная армия, которая смогла вести борьбу с превосходящими силами противника около 15 лет. Следовательно, организация и тактика действий УПА имели, помимо недостатков, еще и несомненные достоинства, которые, по мнению автора, еще предстоит глубоко и всесторонне изучить.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент О.А. Фефелова.

Литература

1. *Вятрович, В.* Українська Повстанська Армія: історія нескорених : монографія / В. Вятрович, Р. Грицків, І. Дерев'яний та ін. Львів : Центр досліджень визвольного руху, 2008. 86 с.
2. *Гогун, А.* Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы : монографія / А. Гогун. СПб. : Издат. дом «Нева», 2004. 416 с.
3. *Motyka, G.* *Ukrainska partyzantka 1942–1960. Dzialalnosc Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukrainskiej Powstanczej Armii* : монографія / G. Motyka. Warszawa : Institut studiów politycznych PAN oficyna wydawnictwa RYTM, 2006. 691 с.
4. *Хмель, С.Ф.* Українська партизанка (з крайових матеріалів) : монографія / С.Ф. Хмель. Лондон : Видання Закард. Частин Організації Українських Націоналістів, 1959. 245 с.
5. *Забілий, Р.* Ремесло повстанця. Збірник прац підполковника УПА Степана Фрасуляка – «Хмеля» : монографія / Р. Забілий. Львів : Центр досліджень визвольного руху, 2007. 424 с.
6. *Ткаченко, С.Н.* Повстанческая армия: тактика борьбы [Электронный ресурс] / С.Н. Ткаченко. URL: http://militera.lib.ru/science/tkachenko_sn/index.html
7. *Клименко, О.О.* Бофони: грошові документи ОУН і УПА : монографія / О.О. Клименко. Киев : Університет банківської справи Національного банку України, 2008. 192 с.
8. *Санников, Г.З.* Большая охота. Разгром украинской повстанческой армии : монографія / Г.З. Санников. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 648 с.

**ПОЛЕМИКА П. Н. МИЛЮКОВА И ЕВРАЗИЙЦЕВ:
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

М. В. Семиколонов

Кузбасская государственная педагогическая академия

Данная статья посвящена критике евразийской концепции ведущим оппонентом евразийства П. Н. Милюковым. В статье будет рассмотрена полемика П. Н. Милюкова и П. Н. Савицкого о принадлежности России либо к Востоку, либо к Западу. Также в статье будут приведены аргументы, почему П. Н. Милюков обвиняет евразийцев в том, что их концепция является ненаучной.

В качестве основных источников в данной статье используются работы П. Н. Милюкова: «Очерки по истории русской культуры», «Русский расизм», «Третий максимализм», «Социологические основы рус-

ского исторического процесса», «Евразиянизм и европеизм в русской истории». Также источником статьи являются труды П. Н. Савицкого «Географический обзор России – Евразии», «Степь и оседлость», «Евразийская концепция русской истории», «Геополитические заметки по русской истории». Проблема критики П. Н. Милюковым основных положений евразийства в литературе не получила достаточного освещения в аспекте географического компонента. Этой темой занимаются такие исследователи как М. Г. Вандалковская, А. Н. Медушеский, В. В. Дурновцев, О. В. Прокуденкова, Н. Ю. Степанов, М. Ю. Лачаева, В. Ю. Быстрыков, М. Ларюэль и др.

Среди противников евразийства одно из ведущих мест занимал известный историк и политик П. Н. Милюков. Он внимательно следил за творчеством основателя нового течения – П. Н. Савицкого. Ученый выступал с критикой в адрес евразийцев, так как не разделял их основных идей, опираясь на собственное понимание русской культуры и эволюции [9. С. 31]. Необходимо отметить, что в учении евразийцев П. Н. Милюков нашел для себя очень важное положение – категорию «месторазвитие». Данная тема для него не была новой и оригинальной, так как он всегда уделял огромное внимание географическому фактору в развитии культуры, считая его основополагающим для определения своеобразия любого историко-культурного процесса.

П. Н. Милюков соглашался с тем, что термин «Евразия» отмечает своеобразие переходной полосы континента между Азией и Европой. Но из таких переходов состоит весь материк Европы, и между Евразией евразийцев и западной частью Западной Европы можно было бы вклинить ещё одну Евразию, поэтому неверно выделять их в самостоятельные типы [3. С. 327]. В своей «Евразии» они помещают особый русский культурно-исторический тип. П. Н. Милюков признаёт научной черту, где евразийцы отличают этот тип от «славянского» и ищут в нём родства с «туранским». Научными евразийцы, по мнению П. Н. Милюкова, становятся тогда, когда они из этой концепции делают конкретные выводы. Вся видимость науки нужна им исключительно для прикладных выводов [3. С. 328]. Далее, Милюков обвиняет евразийцев в том, что в общей концепции культуры они отрицают существование универсального «прогресса»: «Они совершенно упускают из вида главнейшее приобретение, которое наука получила из отрицания концепции всемирной истории и непрерывного прогресса. Приобретение это состояло

в том, что было твёрдо усвоено понятие внутренней эволюции в истории каждого народного и государственного организма» [3. С. 329]. В истории народов был открыт свой закономерный «онтогенезис», одинаково присущий каждому отдельному историческому организму и в общем ходе однородный, проходящий те же стадии. Милюков отмечает, что это понятие «стадий развития» совершенно утеряно евразийцами [3. С. 329]. В то же время, П. Н. Милюков признаёт, что они забирают с собой немало научного и конкретного, но, несмотря на все оговорки, цель которых показать, что евразийцы берут в свою систему всю науку, они делают строгий отбор того, что им нужно для их собственной системы [2. С. 332]. Наука, которой они пользуются, очень редко, есть настоящая наука. Большой же частью, по мнению Павла Николаевича, это – «специальный подбор для загаданной цели, учений, давно потерявших право гражданства в науке» [2. С. 332]. «Конкретность», вводимая в доктрину – это вполне определённый исторический материал, взятый по большей части из далёкого прошлого России. В то же время, это есть последовательное отрицание всего исторического процесса, который привёл к русскому настоящему [2. С. 332].

По мнению П. Н. Савицкого, Россия – Евразия, как большое «место-развитие» сочетает степь с зоной лесной, пустынной, тундровой, подразумевает их взаимодействие с обрамляющими Евразию странами, отмечена определёнными общими признаками [10. С. 30]. П. Н. Милюков не разделял этого утверждения П. Н. Савицкого и говорил о том, что общности образующей единое целое между тундрой, лесом, степью и пустыней не существует. Он считал, что ни тундра на севере, ни пустыня на юге не являются особенностью России: «Тундра простирается через все северное полушарие и характерна для арктической зоны, которая является особым миром со своей растительностью и фауной. Но она не имеет ничего общего с обитаемыми районами Старого и Нового Света. „Пустыня“ в юго-восточной части России – это лишь маленький выступ огромного пояса песчаных пустынь, которые тянутся из Азии – не на запад, в направлении к Европе, а на юго-запад – из Гоби и Каракум к Аравии и Сахаре» [11. С. 60]. Из этого П. Н. Милюков приходил к выводу, что из четырех полос остается только две, которые играют важную роль в русской истории: лес и степь. Последняя является посредствующим звеном, через которое передается России влияние Азии. Лес, по мнению П. Н. Милюкова, также не является особенностью России, но

в противоположность степи он соединяется не с Азией, а с Западной Европой. Следовательно, русский лес является европейским, а степь предстает как азиатская.

В рамках евразийской концепции был осуществлен последовательный пересмотр места тюркских народов в становлении и развитии России – Евразии, начиная с татаро-монгольского завоевания [8. С. 118]. П. Н. Савицкий предельно четко выразил смысл этого пересмотра, написав, что «без татарщины не было бы России» [5. С. 58]. Он считал, что татаро-монгольское нашествие было благом, сделало Россию тем, чем она является, т. е. великим государством, раскинувшимся на бескрайних просторах Европы и Азии. Традиционной точке зрения, превозносившей культурное развитие Киевской Руси, оборванное татарским нашествием, П. Н. Савицкий противопоставляет картину политического и культурного измельчания Руси накануне этого нашествия. Наряду с политическим хаосом он указывает на упадок материальных возможностей в художественной сфере, выразившейся в измельчании церковного строительства. Отмечая, что «во всех важнейших центрах эпохи храмами наиболее крупными по размерам, наиболее богатыми в отделке неизменно являлись наираннепостроенные», он заключает: «странное „обратное развитие“ художественно-материальных возможностей: наикрупнейшее достижение – в начале: „сморщивание“, сужение масштабов в ходе дальнейшей эволюции – поразительный контраст происходившему в тот же период развитию романской и готической архитектуры Запада!» [5. С. 59]. Объясняя это «измельчание», П. Н. Савицкий формулирует некую историческую закономерность развития славянской государственности. Он констатирует присутствие в бытии дотатарской Руси элемента неустойчивости, склонности к деградации, которая неизбежно вела к чужеземному игу, как черты, общей для целого ряда славянских народов, и продолжает: «средневековая и новейшая история отдельных славянских племен построена, как про одному шаблону: некоторый начальный расцвет, а затем, вместо укрепления и расцвета, разложение, упадок, „игο“» [5. С. 60].

Такова история ослабянвившихся болгар, сербов, поляков. Такова же судьба дотатарской Руси. При этом П. Н. Савицкий уверен, что ей еще повезло. Счастье России говорил он в том, «что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и не кому другому», туркам, например, или Западу. Ибо «татары

не изменили духовного существа России, но в отличительном для них в эту пору качестве создателей государств, милитарно-организующейся силы, они несомненно повлияли на Русь» [5. С. 60]. Не отрицая сам факт татарского завоевания Руси, и даже определяя его как «наказание Божье», П. Н. Савицкий, тем не менее, доказывает его благотворность для исторических судеб русского народа. Ибо, по его убеждению, оно предотвратило вырождение Руси.

Напротив, П. Н. Милюков отрицал полностью положительное влияние татаро-монгол и отмечает противоположное значение монгольского нашествия для южной и для северной России. На юге, по границе со степью, разорение Киева положило конец вступительному периоду русской истории. В лесной области России то же нашествие совпало с началом конструктивного периода и, по мнению ученого, оказало влияние на возникновение новой формы русской государственности [4. С. 377]. В целом влияние монгольского ига П. Н. Милюков оценивал отрицательно. Он говорил о том, что не существует не только преобладающего, но и сколько-нибудь значительного родства восточного степного быта с оседлым русским. Единственным положительным результатом достигнутый монголами историк считал объединение России под единой централизованной властью, и то он был в значительной степени, по мнению ученого, европейским [11. С. 63].

Также сильно было расхождение П. Н. Милюкова с евразийцами по вопросу становления государственности России. По мнению евразийцев, русское государство XIV–XX вв. является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси [6. С. 125]. П. Н. Савицкий отмечал, что в военно-организационном плане это прослеживается довольно четко. «Тот строй, в котором все классы общества являются „служилыми“, несут „тягло“, где не существует настоящей частной собственности на землю и где значение каждой социальной группы определяется ее отношением к государству, – этот строй глубоко коренится в историческом укладе кочевых держав. Он был воспринят Московской Русью и дал ей огромную политическую силу» [6. С. 125]. П. Н. Милюков говорил о том, что нельзя вести русскую государственность от «московского улуса» Золотой орды наследников Чингисхана. Он считал, что «многие институты, установленные московскими царями, были характерны для византийских императоров, мусульманских калифов и турецких

султанов» [11. С. 63]. Эпоха заимствований имела место гораздо раньше времени возможного влияния монгольского ига. С другой стороны П. Н. Милюков считал, что феодальные институты были близки западным и играли важную роль в России.

По мнению П. Н. Савицкого от Запада Россия всегда имела лишь одни неприятности, а Восток же сулит большие перспективы, поскольку по духу он ближе России, чем Европа.

П. Н. Милюков как последовательный сторонник единого развития русской и европейской культур не принял такого утверждения евразийцев и говорил, что нельзя считать весь период русской «европеизации» какой-то аномалией или перерывом в русском историческом процессе. Ученый иронично называл евразийцев «чингисханчиками», высмеивал их претензии превратить свои взгляды в «стержневую идеологию русского народа». Не обходилось без злых фельетонов, едких эпиграмм:

Евразийцы в полусне
Сладко грезят о Востоке,
Видят в Азии истоки,
Истекая в болтовне [12. С. 122].

Таким образом, П. Н. Милюков твердо стоял на позиции общего закономерного исторического развития, полагая, что русская культура имеет непосредственную генетическую связь с европейской, а никак не с азиатской культурой, и входит в семью европейских народов. Европеизация России, по мнению историка, не голое заимствование, а выявление свойственных ей высших форм жизни, принадлежащих к семье европейской, хотя и оригинальной в каждой европейской стране.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент А. Н. Полухин.

Литература

1. Милюков, П. Н. Социологические основы русского исторического процесса / П. Н. Милюков // Отечественная история. 2006. № 1. С. 158–165.
2. Милюков, П. Н. Русский расизм / П. Н. Милюков // Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн»: монография / М. Г. Вандалковская. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 331–335.
3. Милюков, П. Н. Третий максимализм / П. Н. Милюков // Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн»: монография / М. Г. Вандалковская. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 326–330.

4. Милоков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : соч. в 3 т. / П. Н. Милоков. М. : Прогресс, 1993. Т. 1. 528 с.
5. Савицкий, П. Н. Степь и оседлость / П. Н. Савицкий // Мир России – Евразии. М. : Высшая школа, 1995. С. 58–67.
6. Савицкий, П. Н. Евразийская концепция русской истории / П. Н. Савицкий // Континент Евразия : сб. М. : Аграф, 1997. С. 123–126.
7. Дурновцев, В. И. П. Н. Савицкий // Историки России. Биографии : монография / В. И. Дурновцев. М., 2001. С. 705–713.
8. Могильницкий, Б. Г. Историческая концепция евразийства / Б. Г. Могильницкий // История исторической мысли XX века : Курс лекций. Вып. 1 : Кризис историзма. Томск : Изд-во ТГУ, 2001. С. 110–128.
9. Прокуденкова, О. В. Критика евразийской концепции П. Н. Милоковым / О. В. Прокуденкова // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2005. № 1. С. 31–32.
10. Савицкий, П. Н. Географический обзор России – Евразии : монография / П. Н. Савицкий. Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. 162 с.
11. Милоков, П. Н. Евразианизм и европеизм в русской истории / П. Н. Милоков // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1994. С. 58–66.
12. Дурновцев, В. И. Предисловие к публикации статьи П. Н. Савицкого «Геополитические заметки по русской истории» / В. И. Дурновцев // Вопросы истории. 1993. № 11/12. С. 120–124.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Д. Сидоренко

Томский государственный педагогический университет

22 июня 1941 г., в день всех святых, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и Церковью, но этого не произошло. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предупреждений. Несмотря на духовную несвободу, гонения руководители практически всех религиозных объединений СССР поддерживали освободительную борьбу народов страны против немецко-фашистского агрессора. Обращаясь к верующим с патриотическими посланиями, они призыва-

ли достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг по защите Отечества, оказать всю возможную материальную помощь нуждам фронта и тыла.

О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Иван Николаевич Страгородский) узнал, вернувшись в свою резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Он сразу же ушел к себе в кабинет и написал, а затем собственноручно отпечатал на машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности: И. Сталин смог обратиться к народу только после начала войны. О каком-нибудь давлении на Патриаршего Местоблюстителя при написании им первого военного послания говорить не приходится. «Невзирая на свои физические недостатки – глухоту и малоподвижность, – вспоминал позднее архиепископ Дмитрий (Градусов), – митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным – свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины» [1].

В послании говорилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз поставить наш народ на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». В своем обращении митрополит Сергей нигде не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: «...мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет...» (в этих словах можно найти упрек советским властям, еще в июне 1941 г. уверявшим, что войны не будет). Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, «прямой изменой Родине и пастырскому долгу» [2]. Здесь звучал намек на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений. Всего же за годы войны Сергей обращался с такими воззваниями 23 раза.

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей в составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельства очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников (полковник царской армии) носил финифтевый образ святого Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ!». Его начальником на посту Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А. В. Василевский. В освобожденной Вене в 1945 г. по приказу маршала Ф. И. Толбухина (брат которого – протоирей – служил все годы блокады в Ленинграде) были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью «Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии». Неоднократно свои религиозные чувства публично проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В. Н. Чуйков. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божьей Матери маршал Г. К. Жуков. В 1945 г. он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном «Битве народов» с наполеоновской армией. А в конце 1940-х гг., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою «военную» икону Казанской Божьей Матери [3]. Естественно, что верующим становились и рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М. Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу» [4]. О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В. Ф. Тендряков [5].

О проявлении религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те, в основном, ограничились пассивным наблюдением.

Так, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна

генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Марийской АССР за 1944 г. отмечалось «...к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами – было собрано 17 000 рублей» [6]. Г. Карпов, докладывая в ЦК ВКП (б) о праздновании Пасхи в московских и подмосковных храмах в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., также подчеркивал: «Почти во всех церквях города, в том или ином количестве, были военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 человек... В области были также посещения церквей офицерским и рядовым составом. Так, например, в Казанской церкви (село Коломенское Ленинского района) военных было 50 человек, в церкви Александра Невского (поселок Бирюлево Ленинского района) – 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска – 100 человек» [7].

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Православной Церкви. Так, 2 ноября 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма, заверенная подполковником Лесновским, с просьбой «по встретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви» [8]. Таким образом, командование хотело откликнуться на настроение солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев [9]. Например, о совершении в ноябре 1942 г. под Сталинградом, на берегу Волги, митрополитом Николаем (Ярушевичем) молебна перед Казанским образом Божьей Матери [10].

Когда эта решающая битва войны близилась к концу, 19 января Патриарший Местоблюбителю в Ульяновске возглавил крестный ход на Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но неожиданная болезнь заставила его слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 г. митрополит, как рассказывал его келейник, архимандрит Иоанн (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели.

Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Богу и затем сказал: «Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом». Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом [11].

Показательно для определения значительного роста религиозности рождение в военные годы легенд, объясняющих все крупнейшие победы советских войск: под Москвой, Курском, Сталинградом и другие – помощью Небесных сил. Одна из них в современном изложении гласит: «Зимой 1941 г. ...изрядно смутившийся Сталин вспоминал свое единственное незаконченное образование – Тбилисскую духовную семинарию... и призывал к себе в Кремль духовенства для молебна о даровании победы; тогда же... чудотворная Тихвинская икона Богоматери из Тихвинской в Алексеевском церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла» [12]. Но эта легенда, в отличие от некоторых других, практически не опирается на реальные события.

Гражданским подвигом стало поведение верующих и духовенства Ленинграда. В городе и его северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, находилось 10 действующих православных храмов. По предложению митрополита Алексия (Симанского) уже 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддерживал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы, порой очень значительные. Особенно активно проявлялось желание оказывать запрещенную с 1918 г. благотворительную помощь. Вспоминали опыт первой мировой войны, когда многие приходы устраивали госпитали. Так, двадцатка Князь-Владимирского собора предложила на свои средства открыть и содержать лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа и передала на него 710 тыс. из 714 тыс. имевшихся у нее рублей.

Однако подобная благотворительная деятельность осталась под запретом и после начала войны. Приходам разрешили перечислять деньги только в общие фонды – Красного Креста, обороны и т.п. Но даже такое ограничение не погасило воодушевления верующих и духовенства. Храмы отказались от всех расходов, кроме самых необходимых. Повсеместно солдатам собирали теплые вещи, прихожане жертвовали продовольствие для больных и т.д. 385 тыс. рублей в первые дни войны выделил Никольский собор, всего же к концу 1941 г. свои взносы сдела-

ли все православные приходы Ленинграда на общую сумму 2 144 тыс. рублей [13].

С конца июня 1941 г. храмы стали заметно наполняться народом: многие приходили помолиться за своих близких. Но богослужения пришлось приспособить к военным условиям: утром они начинались в 8 часов, вечером в 16. Молодые церковнослужители ушли в армию, народное ополчение, на оборонное строительство. Оставшиеся изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и возглавляли соответствующие группы прихожан, созданные при каждом храме. Были созданы и группы сохранения порядка на случай паники во время богослужения. Среди оборонных мероприятий важное значение имела и маскировка соборов, которые могли бы стать ориентирами при воздушных налетах на город. В августе началась маскировка из золотых куполов с помощью чехлов, маскировочных сетей и окраски в защитный цвет. Фронт стремительно приближался к городу. Немало ленинградцев, среди них и несколько священников, опасаясь за свои семьи, проводившие лета на даче, выехали за ними, но неожиданно сами оказались в оккупации. Один из них, протоирей Александр Петров, вскоре начавший служить в Гатчинском соборе, в августе 1942 г. был расстрелян фашистами.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь-Владимирский соборы, здание бывшей Духовной Академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Коломяжская церковь в ноябре 1941 г. подверглась бомбардировке. Один из ее прихожан – С. И. Кайкин был убит прямо в церковной сторожке. Но богослужения в действовавших храмах продолжали совершаться ежедневно. В первое время по сигналу тревоги молящиеся уходили в бомбоубежище, затем привыкли, и службы зачастую не прерывались, только дежурные МПВО занимали свои места.

К концу сентября фашистские войска под Ленинградом были остановлены. Рано наступившая зима оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, многие здания не отапливались. В храмах температура упала до нуля, порой замерзало масло в лампадах, все больше людей умирало от голода.

Даже в самую страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. храмы продолжали функционировать (лишь Серафимовская кладбищенская цер-

ковь в январе–апреле 1942 г. была закрыта), давая горожанам духовное утешение и поддержку. Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Богослужения проходили при переполненных храмах. Один из прихожан Князь-Владимирского собора позднее вспоминал о декабре 1941 г.: «Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, валенки, а мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане. Вопреки опасениям, посещаемость собора нисколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды» [14]. Митрополит Алексей в своем докладе 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов Православной Церкви также указывал: «И мы можем отмечать повсюду, а живущие в местах, близких к военным действиям, как например, в Ленинграде, в особенности, – как усилилась молитва, как умножались жертвы народа через храмы. Божии, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...» [15].

Ленинград сражался не только силой оружия, но и молитвой Церкви, силой общего воодушевления. В чин Божественной Литургии вводились специальные молитвы о даровании победы нашему доблестному воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен «В нашествии супостатов, певаемый в Отечественную войну». Позднее на некоторых богослужениях в Никольском кафедральном соборе присутствовало командование Ленинградским фронтом во главе с маршалом Л. А. Говоровым.

Голодная блокада не щадила и священнослужителей. Так, только в Князь-Владимирском соборе в 1942 г. умерло 8 служащих и членов клира: 2 приписных священника, протоиерей Георгий Верзилов, бывший регент хора, сторож и певчий Воробьев, 3 дворника, а так же бесценный председатель двадчатки И. М. Куракин [16]. В Никольском соборе прямо за богослужением умер регент, звонарь А. А. Климанов, не пережил голодную зиму и келейник Митрополита Алексея инок Евлогий.

Можно привести много примеров подвижнического служения ленинградского духовенства. «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел

на работу, – вспоминала балерина Кировского театра И. В. Дубровицкая о своем отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком. – Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь – упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: „Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить“. И шел в свой собор. За всю блокаду обстрел ли, бомбежка ли – ни одной службы не пропустил» [17]. Священнослужители, сами испытывая все невзгоды, понимали, как нуждаются люди в поддержке, утешении. А ведь многие из них были очень не молодые, жили далеко от храмов.

Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Так, например, автономно, без какого-либо существенного вмешательства городских властей функционировала община обновленческого Спасо-Преображенского собора. В его подвале было оборудовано бомбоубежище на 500 чел. Для прихожан и жителей окрестных домов, в котором старались поддерживать тепло. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости, в подвале можно было переночевать.

Несмотря на оказываемую помощь, люди умирали. К весне 1942 г. из 6 членов предвоенного клира в Преображенском соборе в живых осталось лишь двое – протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон же – за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они постоянно служили в соборе. В ходатайстве прихожан осенью 1943 г. о награждении Фруктовского медалью «За оборону Ленинграда» говорилось: «... в зиму 1941–42 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора 15 км, он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе» [18]. Много месяцев Фруктовский обслуживал собор на пределе физических возможностей: он один и литургисал, и исповедовал, и отпевал, и совершал все требы. Но община выстояла. Весной 1942 г. она приступила к уборке прилегавших к храму площади и улиц, начала обрабатывать выделенный ей для огорода участок земли.

Приближалась первая военная Пасха (5/18 апреля). В праздничном послании митрополита Алексия подчеркивалось, что в этот день исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. князем Александром Невским – небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако меньше, чем год назад: сказывались последствия войны. Каждый третий житель города умер от голода, в первой половине 1942 г. развернулась массовая эвакуация. Важно отметить, что практически все служащее духовенство осталось на своих местах. Эвакуировались лишь заштатные священнослужители. Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба.

Богослужение было перенесено на 6 утра, что позволило избежать больших жертв. Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный налет на Ленинград. Так, серьезные повреждения были нанесены в Пасхальную ночь Князь-Владимирскому собору. Фашистские самолеты не только сбрасывали на него бомбы, но и обстреливали на бреющем полете из пулеметов. Согласно акту специальной комиссии под председательством митрополита Алексия, общий ущерб от попадания снарядов и бомб в собор с августа 1941 по 1 мая 1943 г. составил 5 514 тыс. руб. В 1943 г. особенно часто обстреливались Никольский собор, однажды в него попали 3 снаряда, причем осколки врезались в стену покоев митрополита. Владыка вошел в алтарь, показал причту осколок снаряда и улыбаясь сказал: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось» [19]. Следует отметить, что представители духовенства наравне со всеми жителями несли труды по обороне города, входили в группы самозащиты МПВО. Например, в справке, выданий 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось, что он «состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб» [20].

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и мирянами полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебствия, перед началом которых настоятели читали слово митрополита Алексия: «Слава в вышних к Богу,

даровавшему нашим доблестным войнам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли...» [21]. 28 января Владыка вместе с членами областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков посетил освобожденные пригороды – Петергоф, Пушкин и под впечатлением увиденной картины варварского разрушения дворцов и храмов написал гневную статью для «Журнала Московской Патриархии».

Религиозный подъем в епархии на заключительном этапе войны наглядно подтверждают статистические данные по Ленинграду. Например, если в Никольском соборе в первой половине 1944 г. было совершено около 86 тысяч треб, то в первом полугодии 1945 г. – 110 тыс. Количество отпеваний покойников составляло в I квартале 1944 г. 42,8%. В результате значительно выросли доходы городских священнослужителей – в 1945 г. в среднем по разным оценкам на 130–180% и превысили аналогичные показатели в Москве более чем в 3 раза, выйдя на третье место среди всех крупных городов СССР [22].

Подъем проявился в том, что с освобождением Ленинграда от блокады патриотическое движение верующих в епархии еще более усиливалось. Только за 3 первых послеблокадных месяца было собрано 1 млн 191 тыс. рублей. Ленинградцы горячо поддержали митрополита Алексия, 25 октября 1944 г. опубликовавшего послание об открытии всецерковного собора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мерян Ленинградской епархии за июль 1941 – июнь 1945 г. составила 17 423,1 тыс. рублей, в т. ч. 16 274,5 тыс. собрали жители города на Неве [23].

Обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем во многих других районах страны. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует, что распространение религиозных взглядов среди населения СССР и бойцов Красной армии началось с первых дней Великой Отечественной войны. К вере обращались не только солдаты и офицеры, ежедневно рискующие своей жизнью, но и маршалы, для которых молитва выступала

в роли душевного успокоения. Даже в такое тяжелое время для СССР, как время блокады Ленинграда, практически все храмы оставались действующими и были переполнены верующими. Население в молитвах просило Бога уберечь родных от гибели.

Проявления патриотической деятельности Русской Православной Церкви были очень многообразны: это не только морально-нравственное влияние, но и материальная помощь, служба церковнослужителей в рядах действующей армии, участие в партизанском движении, шефство над госпиталями и др. Все это, также, не могло не оказать положительного воздействия на религиозную политику советского правительства, как в годы войны, так и после ее окончания.

Литература

1. *Русская Православная Церковь 988–1988*. М. : Московская Патриархия, 1988. Вып. 2. С. 50.
2. *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война*. Сборник церковных документов. М. : Московская Патриархия, 1943. С. 3–4.
3. *Саулкин, В.* Очистительное испытание / В. Саулкин // Радонеж. 1945. № 3. С. 5.
4. *Советская Россия*. 1990. 13 сентября. С. 226.
5. *Тендряков, В. Ф.* Собрание сочинений / В. Ф. Тендряков. М. : Советский писатель, 1978. Т. 1. С. 224.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
7. *Якунин, В.* Свидетельствует спецхран: Знамения на небе во время Сталинградской битвы / В. Якунин // Наука и религия. 1995. № 5. С. 15.
8. ГАРФ. Ф. 699. Оп. 2. Д. 3. Л. 45.
9. *Филадельф, иеромонах.* Заступница усердная. М. : Московская Патриархия, 1994. С. 196.
10. *Саулкин, В.* Очистительное испытание / В. Саулкин // Радонеж. 1945. № 3. С. 5.
11. *Там же.*
12. *Паламарчук, П.* Сорок сороков. Краткая иллюстрированная книга всех московских храмов. Т. 1 : Кремль и монастыри / П. Паламарчук. М. : Книга и бизнес, 1992. С. 16.
13. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1–2, 53.
14. *Как мы переживали в Ленинграде первые годы войны* // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 3. С. 30–31.
15. *Религиозная жизнь Ленинграда в годы войны* // Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 11.
16. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Лл. 157, 203.
17. *Каноненко, В.* Поправка к закону сохранения энергии. Балет в блокадном Ленинграде / В. Каноненко // Наука и религия. 1986. № 5. С. 9.
18. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 67. Л. 132.
19. *Ломакин, Н.* За оборону Сталинграда – за нашу Советскую Родину / Н. Ломакин // Журнал Московской патриархии. 1945. № 4. С. 27.

20. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Л. 243.
21. *Благодарственные* молебны в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1944. № 2. С. 11–12.
22. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 29. Лл. 10, 15, 18.
23. *Там же*. Д. 22. Лл. 10, 22, 24.

ЗАРОЖДЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Е. Ю. Сотников

Томский государственный педагогический университет

Славянофильство – течение русской общественной мысли, которое, по мнению большинства исследователей, появилось зимой 1839 г. Термин славянофилы был введен их оппонентами западниками. Сами славянофилы воспринимали его как обидную кличку. Как писал А. И. Кошелев: «называть нас следовало не славянофилами, а в противоположность западникам, скорее, туземниками или самобытниками; но и эти клички неполно бы нас характеризовали» [1. С. 92].

Несмотря на все, термин «славянофилы» закрепился в исторической науке. Причины появления славянофильства следует искать в назревшем кризисе традиционного общества в 20–40 гг. XIX в. Именно в этот период произошел всплеск национального самосознания, толчком для которых послужила война 1812 г. Огромное количество людей в это время вживую познакомилось с Западом, с европейской жизнью, их достижениями в науке и культуре. Победа над Наполеоном придавала русским ощущение своей мощи, поднимало чувство собственного достоинства и даже превосходства над другими народами. Встал вопрос о заимствовании с Запада тех идей, которые симпатизировали русским. «После победы над Наполеоном Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из самых влиятельных политических сил на европейском континенте. Это побудило мыслящих русских людей задуматься об отношении России к Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой» [2. С. 5].

Еще одной причиной появления славянофилов было создание государственной идеологии, выражавшуюся как «православие – самодержавие – народность», претендовавшей на идеологическую монополию

в стране. На это славянофилы противопоставили подчиненной православной иерархии идеал церкви, свободной и самостоятельной; деспотическому самодержавию – идеал само ограниченной патриархальной монархии, «официальной народности» – идеал общинной нравственности и согласия. Это были идеалы, которые опирались на черты реальной России середины XIX в.: большое значение православия в обществе; монархический строй; крестьянскую общину. Идеология общественная против идеологии государства – такова была альтернатива славянофилов [3. С. 3].

Непосредственным поводом к возникновению кружка послужила статья А.С. Хомякова «О старом и новом». И.В. Киреевский отозвался на нее статьей «В ответ А.С. Хомякову». На идеи, высказанные Хомяковым и Киреевским, был получен определенный отклик и вскоре в Москве образовался кружок их единомышленников. Представители кружка отстаивали идею национальной самобытности и особого исторического пути развития России. Современные исследователи философии славянофилов считают, что многие идеи в качестве источника имеют обращение к немецкой философии. Например, Т.И. Благова считает, что мысли славянофилов о самоценности национальной культуры и значимости ее вклада в мировую были навеяны Шеллингом и Гегелем, начинавшими свою творческую деятельность в период расцвета европейского романтизма [4. С. 12]. А.М. Песков отмечает, что собственное мыслительное развитие первого поколения философов-славянофилов было бы невозможно без освоения философии немецкой, и начиналось оно с изучения Ф. Шеллинга и Г. Гегеля: «И. Киреевский был увлечен в 1820-е гг. трансцендентальным идеализмом Шеллинга; К. Аксаков и Ю. Самарин во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг. – методологией Гегеля» [5. С. 105]. Известно, что И.В. Киреевский посещал лекции Гегеля и был лично с ним знаком. После первых встреч, Киреевский отзывался о Гегеле без особого энтузиазма, в письме своей матери он писал: «Гегель на своих лекциях почти ничего не прибавляет к своим Handbuecher (руководствам). Говорит он несносно, кашляет почти на каждом слове, съедает половину звуков и дрожащим, плаксивым голосом едва договаривает последнюю» [6. С. 67]. Однако спустя пару недель, побывав в гостях у известного философа, его мнение меняется и в своем письме к отцу он уже пишет: «...Милый папенька! Выпишите, если нет в Москве: Encyclopedie der Philosoph. Wissenschaften von Hegel.

Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература, вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч» [6. С. 69]. А.С. Хомяков выразил свое отношение к Гегелю следующими словами: «Гегель и гегельянцы – последняя и наивысшая ступень в развитии философии, необходимо уничтожающая себя самое и доказывающая недоступность конкретного логическому познанию. На логическом пути нельзя достичь истины. Остается религиозный путь. Абсолютное бытие выше категорий рассудка и отражается в них только искаженно и неполно. Гегель же остается в сфере рассудка» [6. С. 72]. Аксаков «...был убежден, что русский народ, преимущественно перед всеми другими, призван понять Гегеля» [6. С. 74]. Кроме того, Самарин в своем письме к А.Н. Попову пишет: «Дело настоящего времени есть дело науки. Вы знаете, что под наукою я разумею философию, а под философией – Гегеля. Только приняв эту науку из Германии, бессильной удержать ее (оттого, что эта наука выразила требование такой жизни, какой не может явить Западная Европа), только этим путем совершится примирение сознания и жизни, которое будет торжеством России над Западом» [6. С. 74]. Таким образом, можно увидеть, что славянофилы с детской наивностью считали, что русская культура является исторической наследницей гегелевской философии, и что, приняв ее, наша культура будет возвышена и принята в мировом масштабе. Что касается взаимоотношений с властью, то ошибочно считать, что правительство благосклонно относилось к славянофилам, а западников притесняла. Как известно, западники возвышали роль Петра I, культ которого был в то время. Тем самым они поддерживали официальную позицию государства. По отношению к государству, «славянофилы фактически находились в оппозиции, и власть относилась к ним с большим подозрением» [7. С. 34].

Периодически славянофилы подвергались гонениям и заключениям. «Сейчас могут показаться смешными и поводы к этим гонениям, и их масштаб. За то, что человек не бреет бороду (а дворяне тогда обязаны были брить!), его сажают под домашний арест, запрещают через генерал-губернатора читать славянофильские стихи» [7. С. 34]. Тем не менее, гонения все же присутствовали.

Еще одно распространенное заблуждение в том, что славянофилы плохо знали Запад. «Люди, которых мы сейчас называем славянофилами, были тогда в России лучшими знатоками Европы. Можно сказать,

что они были большими западниками, чем сами западники» [7. С. 35]. Многие славянофилы учились, путешествовали, разбирались в культуре Запада. Западные идеи оказывали огромное влияние на славянофилов. «Если тот же Герцен воспринимал Запад на довольно поверхностном уровне – социально-политическом, экономическом, то славянофилы шли вглубь западной культуры, постигая ее религиозные основы» [7. С. 35].

Несмотря на несомненное влияние европейской философии, славянофилы стали первыми, кто стал мыслить самостоятельно. Воспринимая идеи Запада, они старались их по-новому осмыслить и переработать, а не слепо подражать. Как писал Н. Бердяев, «славянофильство – первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем её сущность, её призвание и место в мире» [8. С. 5].

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент О. А. Фефелова.

Литература

1. Кошелев, А. И. Записки : монография / А. И. Кошелев. М. : Изд-во Московского университета, 1991. 240 с.
2. Межуев, В. О национальной идее / В. Межуев // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 5–12.
3. Шпагин, С. А. Русская идея и государственная идеология / С. А. Шпагин // Русская идея и современность : сб. статей. Томск, 1999. 25 с.
4. Благова, Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский / Т. И. Благова. М., 1995. 352 с.
5. Песков, А. М. Германский комплекс славянофилов / А. М. Песков // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 89–100.
6. Сумин, О. Ю. Гегель как судьба России : монография / О. Ю. Сумин. Краснодар : Глагол, 2005. 364 с.
7. Каплан, В. Вечный спор. Западники и славянофилы / В. Каплан // Фома. 2009. № 7. С. 33–35.
8. Бердяев, Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. Томск : Водолей, 1996. 160 с.

**СЕКЦИЯ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ А. И. КУРОПЯТНИКА И В. С. МАЛАХОВА)

С. А. Алтухова

Томский государственный педагогический университет

Дискуссии о феномене мультикультурализма ведутся уже не один десяток лет, в том числе и среди отечественных ученых-гуманитариев. Изучение проблем построения гармоничного полиэтнического общества вызывает интерес и сегодня. Развитие интеграционных межкультурных процессов в современном глобализирующемся мире актуализирует вопросы о феномене взаимодействия культур, о степени и механизмах их влияния друг на друга; не решены проблемы межэтнических конфликтов. При этом звучат заявления о крахе политики мультикультурализма со стороны лидеров западноевропейских государств. Эти явления обуславливают интерес не только к изучению форм и методов реализации политики мультикультурализма в общественной практике, но и создают необходимость переосмысления существующих теоретического подходов к изучению феномена мультикультурализма.

В рамках данной статьи осуществлена попытка анализа подходов известных российских исследователей мультикультурализма: политолога Владимира Сергеевича Малахова и социолога Александра Ивановича Куропятника, областью научных изысканий которых является феномен мультикультурализма, а также вопросы функционирования полиэтнических обществ в условиях современности.

А. И. Куропятник к мультикультуральным обществам (как он их называет) относит те страны, в которых иммиграционный приток населения дополняется присутствием «своих» национальных меньшинств. В Западной Европе – это Испания, Англия и Франция. К подобным странам автор причисляет и Россию. И соответственно, мультикультурализм определяется как «особая форма интегративной либеральной идеологии, посредством которой эти полиэтнические и полинациональные общества реализуют стратегию социального согласия и стабиль-

ности на принципах равноправного существования различных форм культурной жизни» [1. С. 55].

В качестве первостепенной темы для изучения ученый предлагает идею социальной стабильности, которая достигается посредством либеральной идеологии, объединяющей межкультурное взаимодействие. Все многообразие решения социальных отношений и конфликтов А. И. Куропятник предлагает вынести в правовое поле государства. Главная причина межнациональной конфликтности, с точки зрения социолога, заключается в европоцентристском самосознании и в неспособности европейцев признавать чужие культуры как самостоятельные, равные своей [2. С. 140]. Для решения этой проблемы и была принята идеология мультикультурализма, которая наряду с социальными мероприятиями (такими, как предоставление гражданства, трудовое равноправие и др.) предполагает осознание факта этнокультурной плюральности. Из трех плоскостей понимания феномена мультикультурализма, а именно демографического, идеологического и политического уровней, А. И. Куропятник считает наиболее «болезненным» и прерогативным в исследовании уровень идеологический. В его рамках обсуждаются варианты национальных идеологий, осуществляются культурные коммуникации и межкультурное взаимопонимание, а также анализируется соответствие и различие норм, морали и ценностей взаимодействующих этнических групп [1. С. 55].

В. С. Малахов, также, основное свое внимание обращает на идеологический уровень (он его называет дискурсивным) проблематики, в котором происходит осмысление и обсуждение сложившейся социальной действительности многокультурных обществ. В этом случае, главной задачей в изучении феномена мультикультурализма исследователь считает необходимость очищения идеи построения либерально-демократического общества от антилиберальных и антидемократических коннотаций, которыми он «оброс» в публичных дебатах [3. С. 48]. Идеалом построения такого общества В. Малахов как раз и называет мультикультурное общество (т.е. такое общество, в котором нет господствующей культуры, а существует взаимодействие культур, их взаимоотноформация).

При этом ядром противоречий в современном мире, с точки зрения А. И. Куропятника, становится культура, и, собственно, различие культур. Ученый-социолог пишет: «Мультикультуральное общество не

является гармоничным по определению, <...> в его границах сталкиваются разные культурные группы, положение которых усугубляется социальным неравенством» [1. С. 55].

Политолог В. С. Малахов, напротив, утверждает, что именно стремление социологов ввести в дискурс о построении либерально-гармоничного общества компонент «культуры», заменить понятие межэтнических взаимодействий термином «мультикультурализм» только на первый взгляд сглаживает конфликтогенность современного общества. Во-первых, для современных постиндустриальных обществ невозможно поставить знак равенства между этничностью и культурой. Во-вторых, при наличии единой системы образования и единой системы массовой коммуникации, невозможно говорить о межкультурной «пропасти», скорее необходимо вести речь о наличии субкультур в одном обществе.

Самым существенным с точки зрения политолога, является тот факт, что идеология мультикультурализма делает конфликт неразрешимым, переводя противоречия социальные, экономические, политические, в противоречия этнические и конфессиональные [3. С. 49]. «...Пора перевести обсуждения проблем, связанных с миграцией, из культурно-психологического в социально-структурный план. Не о диалоге/конflikте культур и не о толерантности» надо вести речь, а о глубоких социальных, прежде всего правовых, изменениях...», – призывает В. С. Малахов [4. С. 34].

Более того, в одной из последних своих работ [5] ученый вводит в оборот вместо термина мультикультурализм понятие «иммиграционного режима», в который он включает иммиграционную политику по отношению к въезду мигрантов и политику их инкорпорирования. Владимир Малахов говорит о социокультурных дистанциях, социальных компетенциях иммигрантов, утверждая, что именно разломы по этим категориям затрудняют политику социальной адаптации мигрантов. Формирование специфики иммиграционных режимов в Западной Европе автор также определяет особенностями политической и культурной истории той или иной страны. К наиболее существенным факторам политолог относит цели государства в проведении политики иммиграции и традиции политического устройства, например, республиканизм и либерализм во Франции объясняет стремление французского правительства к гомогенной ассимиляции вновь прибывающих.

В целом же, в связи со спецификой политического развития все варианты практического применения политики мультикультурализма политолог В.С. Малахов разделяет на две большие группы: государства иммиграционного характера (США, Австралия, Канада) и национальные государства Европы. Конечно, в связи с происходящими мировыми глобализационными изменениями эти различия на практике давно утратили смысл, но они «сохраняют силу на дискурсивном уровне» [3. С. 51]. Эти модели отличаются в своих непосредственных мероприятиях. В качестве идеологии она может быть провозглашена на официальном политическом уровне (например, в Канаде или в Австралии), может называться «политикой утвердительных действий» или политикой «позитивной дискриминации» (США), а сам термин мультикультурализм может быть заменен понятием «культурного плюрализма». Во всех этих случаях применяемые действия носят компенсаторный характер, и практически проводятся одни и те же мероприятия: вовлечение иммигрантов в политическое управление, учет культурного и этнического компонента в образовательном процессе, поддержка (политическая и финансовая) культурно-общественных мероприятий [6. С. 57].

А.И. Куропятник занимает сходную с В.С. Малаховым позицию в вопросе выделяемых моделей и их характеристик, но при этом в поле его внимания оказывается французская модель мультикультурализма. Автор подробно рассматривает историю иммиграции и иммиграционной политики Франции в течении XX в. [2]. Приводятся данные по численности, этническому, религиозному составу вновь прибывающих групп населения. Проанализированы причины возникновения социально-националистической напряженности в Европе (осени 2005 г.), к которым автор относит: рост численности иммигрантов, в т.ч. и нелегальной, приверженность французского правительства идеологии ассимиляционизма и централизма, угрозу потери французской идентичности под ассимиляционным влиянием Европейского союза, территориальную локализацию и геттоизацию иммигрантов; разлом в вопросе ценностей индивидуализма европейского общества и коллективизма традиционного, и, конечно, религиозный – исламский фактор.

В.С. Малахов в своих работах также рассуждает о причинах современной этнополитической напряженности [3. С. 55]. При этом, ученый дает четкую классификацию факторов, выделяя этно-демографические (рост численности миграционного потока); практико-политические

(неравные социальные и экономические возможности коренного населения и вновь прибывших членов общества) и гуманитарные факторы (традиции европейского либерализма с демократическим приоритетом прав и свобод личности). В вопросе приоритетного влияния религии на современное общество политолог утверждает, что мусульмане не являются группой в социологическом смысле, поскольку не являются сплоченным коллективом с одной культурной и идеологической ориентацией. Принадлежность к исламскому вероисповеданию это скорее категория статистики, «маркер» самоидентификации [7]. Политолог считает, что капитализм в индустриальном, а тем более в постиндустриальном обществе стирает все различия, допуская существование единственной культуры – консюмеризма (от *англ.* consumer – потребитель). Напряженность в иммиграционной среде европейского общества возникает в связи с низкой степенью социальной компетенции последней волны иммиграции из азиатско-африканского региона. Наличие низкого уровня грамотности или отсутствие среднего образования, отсутствие опыта жизни в городской среде создают сложности для получения профессиональной квалификации, изучения языка и полноценной адаптации в принимающей стране. Как правило, иммигранты в европейских странах пополняют низшие классы общества, которые выполняют самую неквалифицированную работу и более других групп населения незащищены в условиях экономической нестабильности.

По мнению ученого, иммиграционная политика должна в первую очередь решать социально-структурные проблемы интеграции иммигрантов, не «зацикливаясь» на различиях в культурной сфере. Давая оценку политики мультикультурализма, В.С. Малахов определяет ее как единственно возможный курс национальной политики на современном этапе истории. Конечно, ученый отмечает и минусы проводимой политики, а именно: поощрение разнообразия в приватной сфере, при сохранении однородности в публичной, приводит к углублению сегментированности общества по этно-расовому признаку. Но любой отказ от поощрения культурного плюрализма, по мнению В. Малахова, повлечет за собой беспрецедентный рост социальной напряженности.

А.И. Куропятник, подводя итоги политики мультикультурализма во Франции, считает ее неприемлемой, поскольку она подрывает национальные традиции смысла политического гражданства. Но поскольку мультикультурализм демонстрирует стремление государственной

идеологии к регулированию выше обозначенных проблем, автор предлагает «еще раз вернуться к обсуждению проблемы мультикультурализма, иммиграции и ее социальных последствий» [2. С. 160].

Поскольку Россию данные исследователи также относят к странам со сложной, многокультурной структурой, можно наблюдать подобные тенденции и в нашей стране. При этом оба автора подчеркивают малую разработанность национального вопроса в среде российских исследований. Как социолог, А. И. Куропятник считает необходимостью изучение характера российской идентичности, поскольку эта нация включает в себя множество конструирующих российское государство этносов. Именно это позволит решить вопрос сохранения социальной стабильности общества [8].

В сфере российского этнополитического дискурса В. С. Малахов выделяет доминирование варианта национальной политики как этнонационализм [6. С. 57]. Для разрешения ситуации столкновения русского национализма и национализма этнических меньшинств политолог предлагает в теоретико-идеологическом плане отделить политическую сферу от сферы культуры. Для решения вопросов непосредственной иммиграционной политики, необходимо в первую очередь признать Россию иммиграционной страной, и далее перевести решение вопросов иммиграции из прерогативы административно-регулятивной сферы, в область социально-экономических интересов. Поскольку, современные условия в мире и в нашей стране диктуют необходимость существования общества в условиях культурного разнообразия, целесообразно разделить понятия этноса и культуры для жизни в условиях не столько диалога культур, сколько в условиях взаимодействия автономных «идентичностей». В настоящее время, по мнению ученого, главной целью политики государства должно выступать формирование надэтнического общего коммуникационного пространства [3. С. 60].

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Оба ученых, и В. С. Малахов, и А. И. Куропятник, говорят о необходимости изучения феномена мультикультурализма и считают его единственным вариантом построения либерально-демократического общества. Согласно их мнению, отечественным исследователям нужно и должно изучать западноевропейский опыт мультикультурализма, поскольку в современной России происходят сходные социально-экономические и этнополитические процессы. При этом А. И. Куропятник, как социолог, огромное

внимание уделяет вопросам разнообразия культур различных этносов, составляющих общество, и, соответственно, вопросам сосуществования множественности культурных идентичностей в одном социуме. Политолог В. С. Малахов предлагает не акцентировать внимание на этнических, культурных и конфессиональных различиях, а основное внимание уделять решению проблем социального и правового равенства различных групп одного общества. Ученый принимает активное участие в общественных дебатах, в политическом обсуждении вопросов выработки этнонациональной политики в Российской Федерации, российской общенациональной идеологии.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Г. В. Грошева.

Литература

1. Куропятник, А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А. И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 2. С. 53–66.
2. Куропятник, А. И. Иммиграция и национальное общество: Франция / А. И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 4. С. 137–165.
3. Малахов, В. С. Зачем России мультикультурализм? / В. С. Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002. С. 48–60.
4. Малахов, В. С. Расизм и мигранты / В. С. Малахов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2002. № 5. С. 29–34.
5. Малахов, В. С. Иммиграционные режимы в государствах Запада и России: теоретико-политический аспект / В. С. Малахов // Полис. 2010. № 3, 4. С. 60–68, 151–158.
6. Малахов, В. С. Этнические проблемы в современном политическом и правовом дискурсе / В. С. Малахов // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2003. № 4. С. 56–59.
7. Малахов, В. С. Хитрости мультикультурализма [Электронный ресурс] / В. С. Малахов. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Hitrosti-mul-tikul-turalizma>
8. Куропятник, А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) / А. И. Куропятник // Глобализация и культура. Аналитический подход. СПб., 2003. С. 126–150.

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ»

А. Д. Билалутдинов

Томский государственный университет

Предмет настоящей статьи – основные тенденции, характерные для определения и использования категории «ревизии», или «пересмотра», интерпретации исторических событий. В исторической науке и публицистике термин исторический ревизионизм не является общеупотребительным по отношению к пересмотру интерпретаций исторических событий. В задачи исследования входит анализ определений понятия «ревизионизм», данных разными авторами, и на этой основе формирование собственного видения объема и содержания понятия «исторический ревизионизм». Для иллюстрации обратимся к пересмотру интерпретаций некоторых исторических событий, в частности к ревизионизму Холокоста, поскольку без сопоставления и обобщения разных направлений ревизионизма по отношению к событиям Второй мировой войны невозможно сделать выводы о сущностных чертах ревизионизма как феномена исторического сознания.

Термин «ревизионизм» впервые был применен в немецкой социал-демократии по отношению к концепции Э. Бернштейна, объявившего о необходимости «ревизии» марксизма в новых исторических условиях. Большая советская энциклопедия давала следующее определение этому явлению: «антинаучный пересмотр положений марксизма-ленинизма; оппортунистическое направление внутри революционного рабочего движения, которое под предлогом творческого осмысления новых явлений действительности осуществляет ревизию коренных, подтверждаемых практикой положений марксистской теории» [1]. В этом определении ревизионизм предстает в двух взаимосвязанных ипостасях: 1) как пересмотр идеологической системы марксизма-ленинизма; 2) как пересмотр научно-парадигмальной установки, сформированной вышеуказанной идеологически-мировоззренческой системой.

В данном определении ревизионизм предстает в качестве исключительно антинаучного феномена. Речь идет о ревизионизме как широкой

и абстрактной теоретической категории. В качестве столь неопределенной, размытой категории ревизионизм, по сути, является пересмотром идеологической картины мира, смоделированной и отображенной на научную почву.

Термин «исторический ревизионизм» был введен в научный оборот на рубеже 1970-х гг. первоначально в отношении школы молодых французских ученых (Альфред Коббен, Раймон Арон, Франсуа Фюре и др.), решительно выступивших против традиционных взглядов на Великую французскую революцию (начало этому движению положил Альфред Коббен в 1954 г. лекцией «Миф Французской революции»).

Некоторые историки рассматривают понятие «ревизионизм» в рамках мифологического дискурса. Сознвая сложность проблемы мифа, акцентируем внимание лишь на одном аспекте – необходимости разделения мифа архаического и мифа современного. М. Элиаде, размышляя о восприятии мифа в современном обыденном сознании и сознании архаичном, писал: «Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с полной перестановкой ценностей, в то время как современный язык путает миф с „выдумкой“, человек традиционных культур видит в нем единственно верное откровение действительности». Резюмируя анализ трансформации архаического мифа в современный, М. Элиаде отмечал: «Изменилось лишь поле его деятельности: миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества» [2]. Необходимо отметить, что современные мифы создаются на иной почве, нежели архаические, они развиваются уже на основе современного опыта человечества, знаний, образов.

В отличие от рациональных форм сознания, которые рефлексиируют реальные связи между субъектом и объектом в мире, миф синкретически воспринимает мир и в условиях нехватки информации для объяснения мира, недостатка рефлексии для его реального освоения он пытается удовлетворить эту потребность компенсаторно, в воображении, в субъект-субъектных отношениях с миром.

«Квазинаучное мифотворчество, – пишет В. М. Найдыш, – сложившееся на границе между фольклором, научной картиной мира и обыденным сознанием, ориентировано не столько на познание мира (естественных или „чудесных“, сверхъестественных его сторон), сколько на

умножение, пролиферацию способов переживания мира человеком, и потому принадлежит не познавательному, а скорее ценностно-эстетическому отношению человека к миру» [3. С. 56]

К. Асмолов приводит следующее определение ревизионизма: «Ревизионизм есть для меня *попытка переписать государственный миф*, причем нередко новый миф оказывается куда менее связанным с реальностью. Такую попытку не следует смешивать с достаточно распространенной ситуацией, когда общепринятая ранее научная концепция сменяется другой. Разница в том, что обычно такое кардинальное и безусловное изменение канонов науки в оценке того или иного события связано не с победой альтернативной точки зрения „в войне идей“ или на поле интерпретации известных фактов, а с появлением каких-то новых доказательств, введение которых в научный оборот однозначно подтверждает или опровергает ту или иную точку зрения. Именно поэтому я очень жестко отделяю попытку историка установить объективную истину и, пересмотрев некие исторические стереотипы, вернуться от мифа к реальности, от стремлений, жонглируя фактами, заменить один миф на другой» [4].

Мифологический дуализм восприятия историческим сознанием интерпретаций исторических событий проявляется на многих интернет-форумах. В частности, в группе, посвященной Виктору Суворову, в социальной сети «ВКонтакте» один из пользователей создал тему «Почему официальная версия войны до сих пор живет». Он пишет: «Теперь – в чем же заслуга Суворова. Ну вот смотрите. Есть такая вещь, как миф. В мифе есть добрый человек, кровавый злодей и гнусный предатель, и мифологические персонажи попадают в наши сердца. И мы нередко о них вспоминаем. Геракл, Илья Муромец, йеху, Змей Горыныч. Спартак. У официальной гипотезы Второй Мировой войны – все признаки мифа. Добрые советские солдаты. Злые нацисты. Гнусный предатель Власов. Чем не миф? Лично я не люблю мифы, насаждаемые государством. Но человек так устроен, что государственная мифология нужна. В итоге, в каждой стране, кроме, естественно, Германии и Италии, существует свой собственный миф о Второй Мировой. И, например, англичане уверены, что именно они спасли Европу от нацизма. А американцы с ними не согласны» [5]. В данном сообщении миф характеризуется в большей степени как повествовательная форма, нежели как форма сознания. Это видно исходя из той структуры восприятия

мифа, которая приведена автором сообщения. Дихотомичное, бинарное восприятие реальности возводит официальную версию Второй мировой войны, принятую в России, в «героический миф». В этой структуре нет места для характеристики мифа в побежденных странах – Германии и Италии. Хотя, безусловно, миф и мифологическое восприятие Второй мировой войны присутствуют в историческом сознании и того, и другого государства, только в несколько других проявлениях.

Исторический ревизионизм может быть представлен в двух конфигурациях:

1. В качестве высказывания сомнения по поводу того, произошло ли что-либо на самом деле, или «было придумано, историками, идеологами».

2. В качестве постулирования того, что какое-либо историческое событие произошло не так, как это описывалось ранее профессиональными историками.

Примером исторического ревизионизма во второй конфигурации может послужить так называемое «отрицание Холокоста». В американской и европейской историографии и публицистике принято называть пересмотр факта уничтожения евреев «отрицанием». Сами «пересмотрщики» Холокоста именуют себя ревизионистами. В их работах обозначен конспиративистский тезис о том, что в «официальной» («ортодоксальной») исторической науке существует заговор тех, кто опасается «глобального видения» проблемы Холокоста [6]. Тем самым они создают конспиративистскую оппозицию «историки – ревизионисты» и заявляют, что ревизионизм является новым типом исторического мышления.

Итак, почему же многие критики псевдонаучного ревизионизма Холокоста не используют его самоназвание? Российский исследователь Холокоста М. Альтман объясняет это следующим: «В США и европейских странах представители этого направления называют себя „ревизионистами“ и разоблачителями „одного из главных мифов“ истории XX в., претендуя на научное обоснование своих идей и призывая к полемике профессиональных исследователей» [7]. Американская исследовательница Белла Бараш, отвечая на тот же самый вопрос, пишет: «Историки в Америке решили не называть его так потому, что история не стоит на месте, и ученые всегда хотят рассмотреть ее новые аспекты. Но то, что делают так называемые ревизионисты не входит в эти рамки, потому что они не пользуются истинными фактами, а они их разрушают». Эти утверждения – исходная посылка для дальнейшего рассуждения

относительно определения понятия ревизионизм и его типологизации. Именно действительное наличие и общепризнанность факта привлекают внимание общественности к тем, кто его отрицает.

Важно обратить внимание здесь на самоидентификацию историков и публицистов, пересматривающих интерпретацию Холокоста. Они называют себя «ревизионисты» («revisionists») и противопоставляют себя исследователям – «историкам». В нашей терминологии это явление будет называться радикальным псевдонаучным ревизионизмом. Следует более подробно остановиться на употреблении эпитета «радикальный». Радикальным может быть и научный ревизионизм, в том смысле, что он может радикально повлиять на историческую науку и историческое сознание. Характерный пример – открытие кумранских рукописей, которое перевернуло мировую библеистику.

Радикальность научного ревизионизма с особой остротой проявляется в ходе так называемых «научных революций», т. е. смены парадигм (Т. Кун). Важно заметить, что радикальный научный ревизионизм – весьма редкое явление в историографии. Т. Кун по поводу неприятия каких-либо кардинальных перемен в науке отмечал: «Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки» [8. С. 22]. Кардинальные перемены в науке (т. е. смена парадигм) происходят в результате «исторического» движения – смены господствующих политических режимов и идеологий, и «поколенческого» – осмысления событий новым поколением.

Характерными примерами здесь может служить кардинальная переоценка советского прошлого после распада СССР и подобная ситуация в ФРГ после знаменитого «спора историков» и воссоединения Германии. Встает вопрос: можно ли называть ревизионизмом пересмотр в новом государстве исторических событий в государствах-предшественниках? На наш взгляд, безусловно можно, так как преемственность историографических традиций и исторической памяти имеет место. В Германии процесс денацификации 1940–60-х гг. плавно перешел в «спор историков» и «преодоление тоталитарного прошлого», разворачивающиеся в современной ФРГ. Умалчивание или недостаточно широкое освещение проблем, связанных с предысторией Великой Отечественной войны, во многом привели к попыткам пересмотра ее интерпретаций, в большей степени – к маргинальным.

Итак, псевдонаучный ревизионизм радикально противопоставляет себя исторической памяти и официальной исторической науке, отрицая методы, выработанные научным сообществом, и прибегая к прямой фальсификации исторических источников.

Наше определение научного ревизионизма совпадает с его пониманием М. Альтманом, Б. Бараш и многими другими. История – наука, которая не претендует на окончательные, не подлежащие пересмотру ответы. То, что сейчас кажется безусловным, то позже обнаружится как сознательная («партийность») или неосознаваемая, обусловленная непрофессионализмом фальсификация. Однако, дифференциация псевдонаучного и научного ревизионизма не является столь очевидно простой задачей для исследователя (а тем более для обыденного сознания), как это кажется на первый взгляд. Вопрос о том, как провести грань между научными гипотезами и псевдонаучными «вымыслами» вызывает немало споров в современном науковедении.

Согласно Т. Куну, научное сообщество является логическим субъектом научной деятельности. Идентифицировать ученого можно только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определенной парадигмы: последняя же, в свою очередь, характеризуется совокупностью знаний и особенностью подхода к решению научных проблем, принятых данным научным сообществом [8. С. 76]. Признание парадигмы, а также разработка научных исследований в ее русле являются, с точки зрения Т. Куна, главным критерием отнесения к научному сообществу.

Т. Кун сформулировал модель, согласно которой научные исследования развиваются в русле «нормальной науки» (т.е. той, которая развивается в рамках признанной парадигмы), но неизбежно возникают ситуации, когда результаты какого-либо практического эксперимента (применительно к исторической науке, по-видимому, можно говорить об обнаружении новых источников, об археологических находках) не соответствуют теоретико-методологической системе знаний, принятой научным сообществом. Такие ситуации Т. Кун называл аномалиями. Рост количества аномалий приводит к кризису науки, который, в свою очередь, ведет к смене научной парадигмы. Накопление знания, совершенствование методологического инструментария, расширение сферы практических исследований, по мнению Т. Куна, совершается только в период «нормальной науки» [8. С. 49]. Однако научная революция

приводит к отбрасыванию всего того, что было получено на предыдущем этапе, работа науки начинается как бы заново. Таким образом, в целом развитие науки по Т. Куну предстает дискретным: периоды накопления знания разделяются революционными провалами, разрывами науки. Модель Т. Куна может быть применена для анализа проблематики исторического ревизионизма начального периода Великой Отечественной войны в широком контексте парадигмальных изменений в российской исторической науке, начавшихся в середине 1980-х гг. и продолжающихся и в настоящее время. Истоки современного ревизионизма начального периода Второй мировой войны лежат во многом в тех, выражаясь языком Т. Куна, аномалиях, которые произошли в изучении начального периода Второй мировой войны во время «оттепели» и в дальнейшем продолжились со времени «перестройки».

Проблема разграничения научного и вненаучного знания, науки и мифа – одна из центральных в философии науки. Основная характеристика мифа – его сакральность, любая попытка подвергнуть сомнению эту сакральность пресекается. Факты и события, ставящие миф под сомнение, отбрасываются или приводятся с ним в соответствие посредством вспомогательных идей. Идеи, альтернативные основным идеям мифа, не допускаются, и если все-таки они возникают, то безжалостно искореняются (порой вместе с носителями этих идей). Догматизм, монизм, фанатизм и нетерпимость к критике – вот отличительные черты мифа. В науке же, напротив, предполагается терпимость и открытость к дискуссиям и критике. В ней существует плюрализм моделей объяснений, внимание к фактам и стремление к пересмотру и совершенствованию теорий и принципов.

Автор концепции «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенд резко критиковал описанное выше отношение к науке. Впрочем, и Т. Кун отчетливо выразил мысль, что в реальной науке, а не в идеально-типической конструкции этой категории, созданной философами, также присутствует догматизм и нетерпимость к пересмотру своих объяснений. Фундаментальные идеи и законы ревниво охраняются. Отбрасывается все, что расходится с принятыми теориями. Авторитет крупных ученых давит на их последователей с той же слепой и безжалостной силой, что и авторитет создателей и жрецов мифа на верующих.

Методологический анархизм выведен П. Фейерабендом из двух, сформулированных им принципов: пролиферации и несоизмеримости [9]. Со-

гласно принципу пролиферации необходимо разрабатывать теории и концепции, не совместимые с существующими и признанными теориями.

Характеризуя принцип несоизмеримости, П. Фейерабенд писал: «Классы содержания некоторых теорий несравнимы, в том смысле, что между ними нельзя установить ни одного из обычных логических отношений (включения, исключения, пересечения). Так обстоит дело при сравнении мифов с наукой и в наиболее развитых, наиболее общих и, следовательно, наиболее мифических частях самой науки». Фактически, этот принцип защищает любую концепцию от критики извне, со стороны других концепций. Итак, если кто-то создал свою концепцию и заявляет о том, что она объясняет множество вещей, которые не могли быть объяснены другими теориями, то, выражаясь языком И. Лакатоса, фальсифицировать эту теорию или противопоставить ей какие-либо доводы невозможно, так как она формирует свои собственные факты; не действуют указания на несовместимость этой концепции с современными научными теориями, так как автору этой концепции данные законы и теории могут казаться просто бессмысленными; невозможно упрекнуть его даже в нарушении законов логики, ибо он может пользоваться своей особой логикой.

В русле концепции П. Фейерабенда исторический ревизионизм в радикальной псевдонаучной его форме может приравняться по статусу к научным концепциям. П. Фейерабенд не видит принципиального различия между наукой и другими формами знания, следовательно, если руководствоваться его теорией, псевдонаучные тексты, пересматривающие историю, в полной мере могут выполнять те же самые функции, что и наука. Они могут претендовать на продуцирование истинного знания об исторических событиях, а также выполнять важнейшую социальную функцию по формированию исторического сознания. Не зависимо от того, осознают ревизионисты или нет собственные философско-методологические основания, их концептуальные претензии базируются именно на той философии, которую формулировал П. Фейерабенд.

В целом, несмотря на радикализм позиции П. Фейерабенда, не разделяемой большинством его коллег, науковедческие концепции постпозитивистов Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда могут быть весьма продуктивны при определении понятия исторический ревизионизм и его типологизации на радикальный псевдонаучный и научный.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Б. Г. Могильницкий.

Литературы

1. *Большая советская энциклопедия. Ревизионизм* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=bse&page=showid&id=59880>
2. *Элиаде, М. Мифы современного мира* [Электронный ресурс] / М. Элиаде. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_SovrMir.php
3. *Асмолов, К. Что такое ревизионизм и почему так важно с ним бороться* [Электронный ресурс] / К. Асмолов. URL: <http://actualhistory.ru/polemics-antirevizionizm-1>
4. *Найдыш, В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в.* / В. М. Найдыш. М. : Альфа, 2004. 356 с.
5. *Виктор Суворов. Обсуждения. Тема «Почему официальная версия войны до сих пор живет»* [Электронный ресурс]. URL: http://vkontakte.ru/topic-267192_21141773
6. *Исследование Холокоста. Глобальное видение* : материалы международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 г. / под ред. О. Платонова, сост. Ф. Брукнер ; пер. с англ., фр., нем. Е. С. Бехтеревой, А. М. Иванова. М. : Алгоритм, 2007. 272 с.
7. *Альтман, М. Отрицание холокоста* [Электронный ресурс] / М. Альтман // Журнал «Россия в глобальной политике». URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/3552.html>
8. *Кун, Т. Структура научных революций* / Т. Кун. М. : Прогресс, 1977.
9. *Фейерабенд, П. Против методологического принуждения* [Электронный ресурс] / П. Фейерабенд. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/feyer01/txt03.htm>

ИТОГИ И УРОКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008–2009 гг. В КИТАЕ

Е. А. Бухалова

Кузбасская государственная педагогическая академия

На протяжении последних двух десятилетий Китай являлся одним из мировых лидеров по темпам экономического роста. Но, не смотря на данные показателей, важным моментом в структуре складывания экономической системы является тот факт, что экономика страны носит поэтапный и противоречивый характер. Одни исследователи утверждают, что Китай имеет внушительные успехи, достигнутые за период проведения экономических реформ, несмотря на кризис, а другие утверждают, что в КНР наблюдается низкая экономическая эффективность во время мирового финансового кризиса, который в свою очередь негативно сказалась на функционировании рыночной экономики. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации необходимо провести анализ позиций отечественных исследователей.

Прежде чем начать рассмотрение различных точек зрения на данную проблему, нужно определить основные темпы роста китайской экономики на момент 2008–2009 гг.

Вначале 2000-х гг. А. В. Виноградов говорит, что благодаря тому, что Китай включился в мировую экономику, возросла его роль и влияние в мире. Следовательно, повысилось внимание к международным аспектам развития не только со стороны внешнего мира, но и внутри Китая [2. С. 309]

Ссылаясь на опубликованные материалы, XVI и XVII съездов КПК показывают, что дальнейшие пути экономического развития в Китае по-прежнему – не в ускоренной приватизации госпредприятий и тотальной либерализации цен, а в расширении внутреннего спроса, в активной финансовой и умеренной монетаристской политике. Анализ итогов 9-й и задач 10-й пятилеток на страницах газеты «Чжунго шичан цзинци бао» за март–апрель 2001 г. свидетельствуют о реалистичности намеченной китайским руководством программы экономического развития [4].

Как указывает, А. Хамицаева наиболее активный рост происходил с 2002 г., такая активная динамика в немалой степени связана со вступлением страны во Всемирную торговую организацию (ВТО). Внешнеторговый баланс на протяжении всего рассматриваемого периода оставался положительным, что является необходимым условием для динамичного развития экономики страны. Доля экспорта во внешнеторговом обороте занимает более 50 % и относительно устойчива [6].

А. В. Островский выделяет одним из главных факторов, обеспечивающих Китаю высокие показатели экономического роста в начале XXI в. рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства. Он определяет 5 основных факторов, способствующих экономическому росту:

1. Рост рыночного спроса на селе в результате снижения платы за электричество.
2. Рост потребления услуг населением в сфере образования, культуры и здравоохранения.
3. Приобретение личных автомобилей.
4. Выпуск облигаций государственного займа для развития капитального строительства в инфраструктуре.
5. Увеличения расходов горожан на покупку жилья [5. С. 51].

Таким образом, мы видим, что в Китае главным является не плановый характер экономики, а постоянное развитие производственных сил, которые в свою очередь обеспечивают рост жизненного уровня для всего населения страны.

Переходя к рассмотрению основных итогов и уроков преодоления мирового экономического кризиса в Китае, нужно обратить внимание на оценки Я. М. Бергера. Он указывает на главную составляющую, которая отрицательно сказалась на динамике экономического роста – это сокращение возможности экспорта, особенно экспорта на один из главных для страны – американский рынок [1. С. 35].

Продолжая анализировать кризисную ситуацию, Бергер приводит следующую статистику, которая очень четко определяет экономические позиции. Прежде всего он указывает, что в 2008 г. прирост ВВП составил 9,0% при общей сумме более 30 трлн юаней, объем внешней торговли достиг 2,562 трлн долл., прямые иностранные инвестиции составили 92,4 млрд долл. Более того, как показали итоги социально-экономического развития в 1-й половине 2009 г., в условиях мирового финансового кризиса Китай обеспечил прирост ВВП на 7,1 %, а по итогам 2009 г. КНР вышел на намеченный 8-процентный показатель [1. С. 51].

Несмотря на кризис по данным, которые приводят Б. А. Хейфец и Д. М. Селихов, мы видим достаточно успешную экономическую ситуацию. В последние годы рост ВВП КНР составлял около 10%, а его абсолютные размеры достигли в 2008 г. 4,4 трлн долларов. Обеспечение в 2009 г. 8-процентного прироста позволило КНР выйти на 2-е место в мире по размерам ВВП, хотя еще в начале XXI в. была на 6-м [7. С. 47].

Другой исследователь сравнивает темпы роста до и во время кризисной ситуации. Ю. Горяина выделяет следующую статистику, по данным которой в 2003–2006 гг. среднегодовые темпы роста ВВП КНР составили 10,4%, что на 5,5 процентных пунктов выше среднемирового показателя. В 2007 г. темпы роста достигли 13%. Во многом благодаря этому в условиях разразившегося в 2008 г. глобального финансово-экономического кризиса страна сумела избежать рецессии, допустив лишь замедление темпов роста ВВП – до 9% по итогам 2008 г. [3. С. 32].

И, как указывает А. Островский, Китай стал одной из немногих стран в Восточной Азии, сравнительно безболезненно преодолевшей последствия азиатского финансового кризиса и решивший кризис внутреннего спроса. Смог успешно противостоять негативному влиянию

мировых кризисных явлений, не допустив девальвации своей национальной валюты [5. С. 50]

Из всего выше сказанного мы видим, что Китай вышел на передовые позиции в экономической структуре, не смотря на кризис, тем временем от него пострадали большее количество стран. По мимо повышенного темпа роста китайской экономики отличной от европейской, главной особенностью является кредитно-банковая система, которая в свою очередь, предотвратила серьезные потери в экономике. И как утверждает Я. М. Бергер, в этой системе различаются модели потребительского поведения населения. Китайцы традиционно более ориентированы на сбережения и накопление, американцы приучены к расходам в кредит. Следовательно, китайская финансовая система – типично накопительная, в которой государство осуществляет строгий контроль над процентными ставками по кредитам [1. С. 32].

Мировая практика доказывает, что международные экономические кризисы наименее болезненно воздействуют на страны, для которых характерны следующие критерии: сбалансированное развитие важнейших секторов и отраслей экономики, в том числе секторов, ориентированных на внутренний и внешний рынки, здоровая финансовая система, невысокие темпы инфляции, сбалансированный бюджет, отсутствие значительного внешнего долга, достаточно высокий объем золотовалютных резервов, реалистический курс национальной валюты, эффективное государство как макрорегулятор экономики. Все эти критерии соответствуют современному Китаю. В частности, современный тип экономической стратегии КНР обладает существенным антикризисным потенциалом, ориентируя Китай на сбалансированное развитие структурных элементов рыночной экономики, города и деревни, различных регионов страны, экономики и социальной сферы, гармоничное сочетание внутреннего развития и внешней открытости.

Подводя итог можно обратить внимание на то, что в Китае мировой экономический кризис с одной стороны оказал заметное негативное воздействие на быстрое экономическое развитие страны – снизились темпы роста, но и прямо и косвенно стимулировал и ускорил благоприятную в целом структуру китайской экономики.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент А. Н. Полухин.

Литература

1. Бергер, Я. М. Китай в условиях глобального экономического кризиса / Я. М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1.
2. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации. Поиск новой идентичности : монография / А. В. Виноградов. 2-е изд. М. : НОФМО, 2008. 524 с.
3. Горяина, Ю. Специфика «внутреннего» и «внешнего» образа Китая в начале XXI в. / Ю. Горяина // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2.
4. Китай 17 съезд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eifgaz.ru>
5. Островский, А. В. Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет / А. В. Островский // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6.
6. Хамицаева, А. Состояние и перспективы промышленности Китая [Электронный ресурс] / А. Хамицаева. URL: <http://www.institutiones.com>
7. Хейфец, Б. А. Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса / Б. А. Хейфец, Д. М. Селихов // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1.

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ ИДЕИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А. Н. РАДИЩЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. Р. Садикова

Томский государственный педагогический университет

XVIII столетие в истории Запада стало временем интенсивного развития общественной мысли, не случайно получив название эпохи Просвещения. Идеология европейского Просвещения приобрела широкую известность в России. Наибольшим влиянием здесь пользовалась самая передовая на тот момент французская философия, что явилось результатом прослеживающегося еще со времен правления Елизаветы Петровны увлечения французской культурой [1. С. 46]. Особое внимание в России второй половины столетия привлекла пропагандируемая многими французскими мыслителями теория просвещенного абсолютизма, чему способствовала Екатерина II, позиционирующая себя в качестве просвещенного монарха.

Одним из наиболее видных представителей российского просветительства справедливо считается Александр Николаевич Радищев. В со-

ветской историографии, представлявшей Радищева первым русским революционером, его фигура стоит в центре изучения российского просветительства: ему посвящены значительное количество различного рода литературы, научные сессии, дискуссии на страницах научных журналов, выставки и др. Среди множества дискуссионных вопросов относительно его политических и общественных взглядов важное место занимает проблема его отношения к теории просвещенного абсолютизма.

Целью статьи является рассмотрение отражения в современной отечественной историографии проблемы отношения Радищева к теории просвещенного абсолютизма на основе его «Путешествия из Петербурга в Москву». Данное произведение вызывает интерес наличием ряда глав, неоднозначно трактуемых исследователями в рамках исследуемого вопроса. К основным «спорным» относятся главы «Спасская Полесь» (в большей степени содержащийся в ней «сон» Путешественника), главы «Хотиллов» и «Выдропуск» («Проекты в будущее»), «Тверь» (сокращенная ода «Вольность»). В данной статье речь пойдет, прежде всего, о проблемах анализа «сна» и оды «Вольность».

В современной историографии по поводу отношения А. Н. Радищева к теории просвещенного абсолютизма представлены три основные группы мнений. В первую, наиболее многочисленную, входят те, кто считает, что Радищев последовательно уже в первых своих произведениях, либо со временем, приходит к категорическому отвержению теории просвещенного монарха, видя единственно верный путь необходимого преобразования общества в революции, что находит свое подтверждение в «Путешествии». К ее выразителям относятся С. С. Степанищев, В. А. Западов и др.

Во вторую группу можно выделить мнения исследователей, признающих наличие определенных «противоречий» в мировоззрении Радищева, видящего в просвещенном монархизме одну из возможностей изменения общественного устройства, однако, отдающего предпочтение народной революции. Ее представителями являются Д. Д. Благой, Э. С. Виленская, др.

Выразителем третьей точки зрения является В. К. Кантор, по мнению которого Радищев не является революционером, скорее, напротив, выступает в роли советчика Екатерины II, желая предупредить содержащейся в его произведении критикой ее правления возможность

народной революции. Стоит заметить, что его мнение во многом схоже с представленными в дореволюционной литературе.

Особое внимание исследователей привлекает помещенный в главе «Спасская Полесь» «сон» Путешественника.

Заснув, Путешественник видит сон, в котором предстает в роли правителя. Далее идет ироничное описание лести придворных, расточающих похвалы его «мудрым» решениям. Далее правитель замечает некую странницу, которая при всеобщем восхвалении его «испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования» [2]. Она представилась «Истиной», которая явилась открыть ему правду на его правление. Прозрев, правитель понимает, что заблуждался и правление его не принесло блага народу, как он того желал.

Для доказательства своей точки зрения по проблеме отношения Радищева к теории просвещенного абсолютизма исследователи приводят ряд цитат из «сна».

Так, в некоторых работах встречается анализ фразы, произносимой от лица Истины правителю: «А дабы бдительность твоя неусыплялася негою власти, се кольцо дарю тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого» [2]. Эти слова «Истины» можно рассматривать как предупреждение правителю, наделенному большой властью, об ответственности, и предостережение от действий, которые могут привести к описанным результатам. Однако чаще всего исследователями анализируется лишь вторая часть цитаты, что дает основания исследователям приходиться к иным выводам. Так, советский ученый-филолог Д. Д. Благой, утверждая, что слова о возможности правителя быть «первейшим» злодеем Истина произносит «со словами презрения и гнева», не упоминает о кольце, которое не позволит этого [3. С. 32]. Исследователь С. С. Степанищев исключает из фразы ее вероятностный характер, утверждает, что «на многочисленных фактах Радищев правдиво показывает, что монарх – „первейший в обществе... убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший устремляющий злость свою на внутренность слабого“» [4. С. 34].

Различной трактовке подвергается одна из последних фраз главы, произнесенная путешественником после пробуждения и взглянувшего

на руку в поисках кольца и обнаружившего, что его нет: «О, если бы оно пребывало хотя на мизинцу царей!» [2]. Исследователь В. А. Западов делает из нее следующий вывод: «...разумеется, нет никаких иллюзий у видящего сон Путешественника, ибо он и не сомневается в том, что кольца истины не „пребывало хотя на мизинце царей!“» [5. С. 606]. Здесь опять идет речь о необоснованной перефразировке и придании большей категоричности словам Радищева. Наиболее справедливым кажется вывод автора ряда научных работ, посвященных мировоззрению А. Н. Радищева, Э. С. Виленской: «Горький скептицизм, выраженный в этом восклицании, не отвергает возможности такого факта, а, напротив, основан на представлении о принципиальной его возможности» [6. С. 167]. В подтверждение этого Виленская так же приводит заключительную фразу главы: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается» [6. С. 167]. Сказанная после пробуждения, направленная непосредственно правителю, она, несмотря на форму сна, подтверждает истинность и серьезность приведенного в нем. Цитата демонстрирует надежду на верное понимание императрицей мыслей, которые Радищев хотел до нее донести.

В пользу мнения о наличии у Радищева определенной степени веры в просвещенность монарха, можно трактовать наступившее «прозрение» правителя и осознание ответственности, возлагаемой на него властью: «Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть» [2]. Э. С. Виленская отмечает по этому поводу, что «перед пробуждением путешественник, видевший себя во сне царем, обратив взор на свой сан, познает „Обширность «своей обязанности“, „откуда проистекает“ его право и власть» [6. С. 167].

Радищев надеется на понимание правителем справедливости его критики самодержавного правления, позиционируя себя его советником и другом: «Если из среды народный возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блудись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет» [2].

Эти слова можно расценивать как убеждение императрицы не начинать гонения против автора, так и искреннее желание, чтобы Екатерина прислушалась к его словам. Согласно мнению В.К. Кантора, критика «Путешествия» была адресована не народу с целью призыва к революции, а Екатерине II: «Не забудем, что книга полна обличительного пафоса, который в тогдашней русской литературе можно было сравнить только с пафосом Аввакума. Аввакум прочитал себя почти пророком. К кому же обращались, как правило, пророки? Пророк, обличая царя и народ, к кому обращается – к царю и народу? Обращать печатное слово к неграмотному народу было абсолютно бессмысленно. Здесь Радищев нисколько не лукавил. Значит, к императрице» [7. С. 102].

Исследователями, выступающими за исключительно революционную и антимонархическую направленность «Путешествия», в качестве основного аргумента в пользу своей позиции приводится революционное содержание оды «Вольность», помещенной в сокращенном виде в главе «Тверь». Основной ее идеей является обоснование законности свержения самодержавного правителя, не исполняющего должным образом свои обязанности по отношению к народу. Подтверждением этого могут служить следующие строки из оды: «Преступник власти, мною данной! / Вещай, злодей, мною венчанный; / Против меня восстать как смел?» [2].

Так, анализируя текст оды, С.С. Степанищев заявляет: «Ода „Вольность“ – смелый, революционный манифест Радищева, это открытый вызов абсолютизму» [4. С. 34]. Подобного же мнения придерживается Благой: «Наибольшей силы антимонархическая направленность достигает в его оде „Вольность“» [3. С. 32]. Утверждая, что в «Путешествии...» Радищев говорит, что «...нет злых и добрых царей, ...ибо царская власть сама по себе является безусловным злом, неизбежно развращая тех, кто облечен ею», Благой приводит цитаты из оды [3. С. 33].

Однако, не смотря на всю революционность оды, стоит заметить, что справедливый, по мнению Радищева, народный гнев обрушивается не на правителя как такового, а лишь на несправедливого, нарушившего общественный договор. Это справедливо замечает Виленская: «в оде „Вольность“ [Радищев] подробно излагает свой взгляд на происхождение власти монарха, его права и обязанности. В основе этого взгляда лежит теория общественного договора между народом, воплощающим высшую власть, и царем, блюстителем законов, обеспечивающим права

и благополучие народа. Радищев выступает не против монарха как такового (хотя он отдает несомненное предпочтение республике), а против несправедливого царя, нарушившего «безмолвный договор», забывшего «Клятву данну» [6. С. 167–168].

Таким образом, вопрос о восприятии А. Н. Радищевым идеи просвещенного абсолютизма является одним из наиболее полемичных в современной отечественной историографии. Мнения исследователей варьируются от последовательного отрицания Радищевым теории французских просветителей и призыва к революционному свержению самодержавия, преобладающего в советской историографии, до противоположного, согласно которому Радищев с помощью своего главного произведения сделал попытку убедить Екатерину II в необходимости реформ с целью предотвращения возможной революции. Последнее представлено в исследовании последнего времени. Однако наиболее вероятным представляется, что Радищев, несомненно, критикуя самодержавие, питал определенную надежду на просвещенный абсолютизм в лице Екатерины II, к которой обращен «сон» из «Путешествия». Сокращенная ода «Вольность», помещенная в произведении, скорее, должна трактоваться как неизбежность законной революции против несправедливого государя, что так же можно рассматривать как некое предостережение Екатерины II, которое должно было, по мысли Радищева, убедить ее проводить политику, действительно направленную на благо всего народа в соответствии с теориями просвещенного абсолютизма и общественного договора.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент О. Н. Мухин.

Литература

1. *Лабутина, Т. Л.* Была ли Екатерина II англофилом (К вопросу о «вестернизации» политической элиты России) / Т. Л. Лабутина // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 44–55.
2. *Радищев, А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву [Электронный ресурс] / А. Н. Радищев. URL: http://az.lib.ru/t/radishew_a_n/text_0010.shtml
3. *Благой, Д. Д.* К 200-летию со дня рождения А. Н. Радищева / Д. Д. Благой // Бельшевик. 1949. № 14. С. 27–40.
4. *Степанищев, С. С.* Первый русский революционер-демократ (К 160-летию со дня смерти А. Н. Радищева) / С. С. Степанищев. Л.: Знание, 1962. 66 с.
5. *Западов, В. А.* История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» / В. А. Западов // Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / А. Н. Радищев. СПб., 1992. С. 475–623.

6. Виленская, Э.С. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А.Н. Радищева / Э.С. Виленская // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 163–174.

7. Кантор, В.К. Откуда и куда ехал путешественник?.. («Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) / В.К. Кантор // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 83–138.

ОСОБЕННОСТИ ПОМИНАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ И ЕВРОПЕ

А. В. Соболевский

Томский государственный педагогический университет

Христианское учение отличается от учений прочих мировых религий своей значительной вариативностью. Оно базируется не столько на священном тексте или жёсткой концепции, сколько на традиции проповеди совершенства, открытой, приспособляемой, многогранной в толковании. Во многом именно поэтому модернизация традиционного общества изначально стала возможной в культурном пространстве христианского мира.

Одним из самых ярких примеров приспособления христианского учения к потребностям времени является становление концепта Чистилища. Значение утверждения его образа в контексте трансформации религиозной ментальности подробно исследовано, например, историком школы «Анналов» Ж. Ле Гоффом. Но аналоги этого образа на Руси исследованы значительно менее систематически. Нередко они неоправданно противопоставляются или, напротив, сближаются с их западным эквивалентом. В действительности, как ни странно, представляется, что между ними больше как сходства, так и отличия. При этом сходство заключается в векторе движения от «бинарности» к «тернарности» представлений о посмертной участи (используя терминологию Ю.М. Лотмана [1. С. 258]), отличие – в сравнительной роли Церкви и индивидуального поведения в деле личного спасения.

В Библии и раннехристианской литературе мы можем найти лишь самые смутные представления о «среднем состоянии» души в загробном мире [2. С. 5]. Христианство первого тысячелетия отличалось так называемым «религиозным оптимизмом». Христианин, причастный Христу через Евхаристию, фактически рассматривался как спасённый,

в отличие от язычника. Грешник считался отпавшим (во многом приравнивался к язычнику), и должен был восстанавливать свой статус через процедуру епитимьи (деятельной составляющей покаяния). Но тот, кто остался христианином до конца, считался наверняка спасённым, с чем и связано фактическое приравнивание мучеников к святым, ведь своей смертью за Христа они дали решающее доказательство своей веры. Уверенность в спасении умерших истинными христианами породила господствующую практику «молитвы мёртвых за живых», т. е. призывания помощи ушедших собратьев для укрепления в вере живущих [3. С. 94].

Позднее, в связи с широким распространением христианства среди язычников античного, а затем и варварского мира, под влиянием неизбежных уступок массам новообращённых сложилось убеждение, что крещение решает большинство проблем даже независимо от поведения. Эта убеждённость явно читается в древнерусской христианской литературе XI в., а предельное выражение она нашла в не имеющем аналогов обряде крещения костей старших братьев Владимира, умерших язычниками [4. Стб. 115]. Ещё более простой «рецепт» спасения мы видим в одной из ирландских саг, утверждающей, что всякий, кто усердно споёт молитву епископа Кайрнеха, непременно спасётся, хотя бы это был сам Иуда, худший из грешников [5. С. 688].

Но постепенно, после того, как открытое язычество отошло в далёкое прошлое, а христианство начало интериоризироваться, т. е. превращаться из суммы нравственных и обрядовых предписаний в предмет рефлексии, на смену противопоставления христиан язычникам приходит противопоставление праведников грешникам. Этот новый «водораздел» приносит с собой и новые, более мучительные вопросы.

Исторически отмеченные процессы приблизительно совпадают с формированием на Западе бюргерской, городской ментальности, для которой характерно повышенное внимание к радостям жизни, и в то же время осознание неизбежности греховности своей профессиональной деятельности, в отличие от занятий рыцаря или крестьянина (торговля связана с обманом, или во всяком случае, наживой, по отношению же к ремеслу сохранялось архаическое недоверие как к своеобразному насилию над природой). Отсюда закономерная неуверенность горожан в своём загробном бытии, проявившаяся в распространении практики «молитвы живых за мёртвых».

Почему эта молитва может оказывать действие? Вряд ли человек позднего Средневековья не задавался этим вопросом. Одно из возможных объяснений состояло в хронологическом разрыве между «большой эсхатологией» (Страшным судом) и «малой эсхатологией» (определением участи души непосредственно после смерти), который мог нести определённую надежду для усердно отмаливаемого умершего. Очень близким было учение папы римского Иоанна XXII, утверждавшего, что райского блаженства не существует до конца времён, но кардиналы заставили его на смертном одре отречься от данного взгляда, возможно потому, что он угрожал вызвать в массе населения индифферентизм по отношению к посмертной участи, отложенной на столь длительный срок [6. С. 153]. Поэтому в конечном счёте восторжествовала иная идея, воплощённая в образе Чистилища, которое первоначально рассматривалось как милосердная возможность отработать в загробном мире епитимью, времени для исполнения которой в земной жизни не оказалось [2. С. 8]. Епитимья, однако, всегда следует только за покаянием, и Данте в своей знаменитой поэме старательно подчёркивает факт такого предсмертного покаяния большинства главных персонажей соответствующего раздела [7. С. 137, 145, 171, 181]. Разделение грехов на смертные и простительные дало возможность «открыть дорогу» в Чистилище не слишком большим грешникам. Но это был уже логический предел «послабления».

Отметим, что типологически Чистилище неравноправно с двумя другими частями загробного мира, и относится к области рая. Никакие яркие и эмоциональные описания мучений и поражающих воображение сроков этих мучений (сотни и тысячи лет), не могли замаскировать факт гарантированного спасения его обитателей. Может быть, именно поэтому посмертные индульгенции встретили определённое сопротивление (как народ, так и некоторые богословы не могли не чувствовать их фактической излишности перед лицом вечности) [8. С. 101]. Протестантизм, возникший на основе этого протеста против излишнего церковного вмешательства в дело спасения, пошёл иными путями: от признания критерием этого спасения действенной веры до «снятия» проблемы посредством признания абсолютного предопределения в кальвинизме. Этика в целом снижает своё значение в сотериологии, а вот индивидуализация отношений с Богом неуклонно нарастает.

Схоластика, сформировавшаяся под влиянием той же городской среды, нуждавшейся в законодательной определённости, закрывала путь

дальнейшему развитию концепции в направлении, которое могло бы повысить роль Церкви. Таким образом, горожане, образно говоря, «завоевали» большую автономию от Церкви в вопросе личного спасения.

На Востоке, начиная с IX в., были известны так называемые мытарства Феодоры (тексты, связанные с ними, распространились на Руси уже в XI–XII вв.). Этот сюжет повествует о прохождении душой умершего ряда своего рода таможен, где в роли таможенников («мытарей») выступают бесы, имеющие список грехов усопшего [9. С. 205]. Несмотря на внешнее сходство, многие авторы справедливо указывают, что это не Чистилище. Хотя текст утверждает возможность влияния на посмертную участь молитв и добрых дел не только самой души, но и близких и особенно монахов, добрых дел, это всё же не «планомерное» искупление, а прощение, принципиально лишённое возможности заранее точно определить его вероятность.

Под этим влиянием этого знаменитого рассказа (который, однако, и поныне не считается в православии необходимой частью вероучения) сложились народные представления об ограниченном сроке особой действенности молитв (9 и 40 дней, сохранившиеся даже в секулярной поминальной традиции). Однако даже из него невозможно вывести какие-то основания для практики вечного поминовения. А между тем оно распространяется на Руси, и именно по мере христианизации и аналогичной Западу смены противопоставления «христианин – язычник» противопоставлением «праведник – грешник», вероятно под влиянием элиты, располагавшей материальными средствами для подобной дорогостоящей практики, и более ясно осознававшей свою несправедливость, в особенности в условиях трансформации традиционного уклада.

XVI в. отмечен в русской культуре значительной рационализацией религиозного сознания. Многие в открытую говорили, что по Евангелию жить в текущую эпоху невозможно. Конечно, эта идея вызвала суровое осуждение, но даже глава русской Церкви митрополит Даниил признавал, что, например, молодым очень трудно «угасить огонь» блуда, т.е. грехи в определённых ситуациях высоковероятны, почти неизбежны [10. С. 31]. Отсюда потребность и более чёткого ответа на вопрос о действенности посмертных молитв.

Ответ на него мог быть и отрицательным. Так, традиция Кирилло-Белозерского монастыря (легшая в основу т.н. нестяжательства), по новейшим исследованиям, склонна была отрицать их действенность

и необходимость, порой доходя до прямого осуждения [11. С. 155]. Однако более гибкая противоположная традиция (во многом связанная с партией «иосифлян»), конечно, имела значительно больше шансов на успех. В ней можно выделить два направления.

Во-первых, простое облегчение адских мук как знак признания «смягчающих обстоятельств». Именно в XVI в. на Руси распространяется иконография «милостивого блудника», хотя сам по себе рассказ о нём (византийского происхождения) был известен и ранее. Это – человек, привязанный к столбу между адом и раем, поскольку его милосердная щедрость к убогим пришла в непримиримый конфликт со столь же выраженным пристрастием к блуду. В Волоколамском патерике же мы встречаем в одном из видений ещё более экзотический образ пса в собольей шубе. Собачий облик отражает посмертное воздаяние нечестивому «агарянину» (мусульманину), драгоценная же шуба «пожалована» ему за личную праведность [12. С. 165]. Конечно, молитвы Церкви в вышеописанных случаях значения не имели, но подчёркивание всемогущества милосердия Бога, конечно же, давало надёжное обоснование действительности таких молитв.

Во-вторых, появляются сюжеты (хотя, конечно, весьма редкие) о спасении из самого ада. Здесь можно указать на «Повесть о посаднике Щиле», вероятно ещё XV в., прославляющей спасительную силу сорокоуста [12. С. 263], и особенно «Повесть о грешной матери», где сын-иннок получает возможность спасти свою мать, несмотря на то, что она уже терпит посмертные мучения [12. С. 233]. Однако идея Чистилища на Руси так и не возникла.

Чем была обусловлена специфика подобных представлений? Вопрос о соотношении большой и малой эсхатологии был ещё менее определённо решён, чем на Западе, так что оставалась возможность использовать этот «разрыв» (не об этом ли свидетельствует сама формула вечного поминовения «доколе мир стоит»?). Но в большей степени причиной были представления о неограниченности никакой рациональностью воли Бога и спасающей силы Церкви, которые оказались возможно трактовать и «в пользу» грешника.

Итак, сходные потребности привели к неодинаковому результату. В католической традиции утвердилась более индивидуальная линия, ставившая облегчение посмертной участи в связь с прижизненным покаянием и снизившая минимальную «планку» этических норм, необхо-

димых для вечного спасения, в то время как усилия ближних и Церкви вообще выполняли лишь второстепенную функцию, фактически никак не влияя на финальную участь умершего. Это приводило, с одной стороны, к укреплению покаянной дисциплины живущих, что сыграло немаловажную роль в становлении современного европейского императива законопослушания, с другой же – содействовало эмансипации прихожан от Церкви, будь то в форме протестантизма или в форме вольнодумия.

Напротив, в православной традиции под влиянием с одной стороны, прочного общинного начала, а с другой – более древнего взгляда на Бога, как неограниченного Судию и в каре и в милости, – и действительность посмертной молитвы оказалась потенциально неограниченной, причём ведущая роль отводилась священнослужителям, не только как «профессионалам», но и в силу острого осознания мирянами своей греховности, порой доходившего фактически до пассивного её приятия.

Характерно в этом плане сравнение французских горожан, которые, как показали современные исследования, уже с начала XVIII в. почти перестали в завещаниях уделять внимание посмертным религиозным обрядам, и русского купечества, сохранившего обычай тратить огромные средства «на помин души», нередко даже за счёт лишения наследства своих правопреемников, практически до начала XX в. В то же время, хрестоматийно известны как характерный российский купеческий «разгул», так и подчёркнутая сдержанность европейских горожан Нового времени, даже во Франции, где соблазны дворянской культуры были особенно привлекательны. Разумеется, не следует утверждать, что отмеченная акцентировка в «стратегии спасения» играла самодовлеющую роль в формировании культурного облика европейского и русского общества, ведь она сама была во многом следствием уже наметившегося расхождения их ментальности, а в итоге может быть определена как передаточное звено, благодаря которому механизмам ускоренной или, наоборот, замедленной модернизации была придана более чёткая форма.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М., 1992.
2. Ле Гофф, Ж. Рождение Чистилища / Ж. Ле Гофф. М., 2009.
3. Свенцицкая, И. С. Раннее христианство: страницы истории / И. С. Свенцицкая. М., 1989.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. М., 1997.

5. *Исландские саги*. Ирландский эпос. М., 1973.
6. *Гергей, Е.* История папства / Е. Гергей. М., 1996.
7. *Данте Алигьери*. Новая жизнь. Божественная комедия / Данте Алигьери. М., 1967.
8. *Соловьёв, Э.* Непобеждённый еретик / Э. Соловьёв. М., 1984.
9. *Дергачёва, И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности / И. В. Дергачёва. М., 2004.
10. *Жмакин, В.* Митрополит Даниил и его сочинения / В. Жмакин. М., 1881.
11. *Алексеев, А. И.* Под знаком конца времён / А. И. Алексеев. СПб., 2002.
12. *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV – XVI в. М., 1989. Т. 2.

**СЕКЦИЯ
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ**

УКРАИНЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗЫРЯНСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. А. Бабенко

*ОГОКУ Мариинская общеобразовательная
гимназия-интернат*

Процессы этнического возрождения, начавшиеся в 1990-е гг., актуализировали изучение этнического состава населения. В последние годы для подобных исследований свойственно сужение территориальных рамок, когда исследование проводится на уровне области, района и даже отдельного населенного пункта. Столь пристальный взгляд особенно важен в ситуации, когда численность этнической группы невелика. Именно такая ситуация и характерна для украинского населения Зырянского района Томской области. Их численность в районе, согласно переписи населения 2002 г., составила 102 чел. [1. С. 20], что выглядит довольно скромно на фоне 16 726 украинцев, проживающих в Томской области [1. С. 5]. Однако украинцы Зырянского района являются неотъемлемой частью украинского населения Томской области и требуют научного изучения.

Основу источниковой базы исследования составили полевые материалы, собранные автором в Зырянском районе в 2010–2011 гг. От местных жителей были получены сведения об этническом составе населения, особенностях расселения, традиционной культуре украинцев. Изучение этнического состава требует обращения к отдельным населенным пунктам. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на переписи населения 1916 и 1926 гг. В Государственном архиве Томской области сохранились материалы переписи 1916 г., в том числе подворные карточки, из которых можно почерпнуть информацию о времени водворения, принадлежности к старожилам или переселенцам, численности населения отдельно взятой деревни. На основе переписных материалов 1926 г. был составлен «Список населенных мест Сибирского края». Там представлены сведения о времени основания населенных пунктов, числе дворов и жителей, о также численно преобладающей национальности.

Территория современного Зырянского района в конце XIX – начале XX в. активно заселялась. Пореформенный поток переселенцев значительно разнообразил этническую палитру края. Согласно материалам

переписи 1916 г., большинство переселенцев – 491 семей (29,5%) – составляли выходцы из Эстляндской и Лифляндской губерний. Примерно равным было представительство Вятской и Пензенской губерний: 218 семей (14%) и 210 семей (12,6%) соответственно. Немного меньше в составе переселенцев было уроженцев Тамбовской губернии – 132 семьи (8%). Из Курской губернии прибыла 101 семья (6%). Менее 100 семей (5%) составляли выходцы из Витебской, Черниговской, Таврической, Костромской, Тульской, Пермской, Орловской, Волынской и др. [3]. Как мы видим, на фоне выходцев из других российских губерний уроженцы украинских были представлены довольно скромно.

В селе Берлинка, основанной в конце XIX в., один из краев был населен украинцами и назывался курский. К числу украинских семей здесь относились семьи Бабенко, Романенко [2]. В 1908 г. в границах района появилось компактное поселение украинцев – п. Волынка [4. С. 34]. Название населенного пункта связано с местом выхода переселенцев. Двенадцать семей украинской национальности приехали из Волынской губернии. Среди первых поселенцев прибыли семьи Гарьбарь, Каменчук, Габрук, Войских, Теменчук, Говляк, Менчук, Скочко и др. [5]. Присутствие украинцев отразилось и в названии улиц и краев. Так, например в с. Зырянское была улица Хохловка [2].

Еще один приток украинцев на изучаемую территорию пришелся на 1940–1950-е гг. и связан с депортациями. В 1953 г. в районе насчитывалось 738 спецпереселенцев украинской национальности [6. С. 254]. Часть из них позже возвратилась на Родину. И уже по переписи 1970 г. численность украинцев в Зырянском районе равнялась 123 чел., с национальным языком осталось только 63 человека [7].

Теперь остановимся на характеристике традиционной культуры украинцев. Переселяясь в Сибирь, выходцы из Украины, привозили с собой иконы, предметы быта, полотенца, национальную одежду. Последние особо были заметно в связи с наличием яркой вышивки. Отдельные вещи и сегодня хранятся в домах местных жителей.

По воспоминаниям, дома строили в основном деревянные, хотя встречались и мазанки: дома обмазанные глиной и покрытые соломой. Хозяйственные постройки располагались недалеко от дома. В качестве отличительных черт интерьера украинского дома можно назвать богато украшенные вышивкой изделия – постельное белье, полотенца, скатерти, а также украшенное цветной росписью чело печи.

Национальные черты прослеживаются и в системе питания. Любимыми блюдами украинцев были борщ, вареники с различными начинками, галушки из тертого картофеля сваренные на молоке, драники. Важным в пищевом рационе украинцев являлось сало. Среди праздничных блюд была названа «баба». Блюдо состояло из нескольких слоев риса с маслом, слоя яблок и корицы.

На праздниках украинцы танцевали гапак – украинский национальный танец, пели песни на родном языке. В советское время сохранению языка способствовало чтение журналов и книг на национальном языке. Например, один из местных жителей выписывал украинский сатирический журнал «Перец». В повседневной речи старшего поколения и сегодня встречаются украинские слова. Украинцы, появившиеся в районе в период депортаций, между собой общаются на родном языке. Результаты опроса показали, что достаточно хорошо сохранился песенный фольклор. Например, информаторы называли такие песни «Цвете терен», «У моего окна желта роза расцвела». Стоит отметить, что сегодня национальные песни можно услышать на сцене местного Дома культуры, где творческим коллективом руководит Н. Ф. Кулаковская [2].

Таким образом, на территории Зырянского района появление украинцев приходится на период пореформенных переселений. В это же время возник и украинский поселок Волынка. Украинский компонент пополнился в период этнических депортаций. Однако присутствие депортированных украинцев было непродолжительным. Украинская специфика проявлялась в материальной и духовной сфере.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этническая идентичность восточнославянских народов в этноконтактных зонах Томской области (конец XIX – начало XXI в.)», проект № 10–01–64104 а/Т.

Литература

1. Национальный состав муниципальных образований Томской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический бюллетень. Томск, 2004. 32 с.
2. Полевые материалы автора.
3. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 139.
4. Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. Вып. 11. Новосибирск, 1929. 241 с.
5. ГАТО. Ф. 239. Оп. 16. Д. 193.
6. Из истории земли Томской 1940–1956 гг. Невольные сибиряки. Сборник документов и материалов. Томск, 2001. 349 с.

БЕЛОРУССКАЯ КУЛЬТУРА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЖЕВНИКОВСКОГО РАЙОНА)

О. А. Диденко

Томский государственный педагогический университет

Изучение традиционной культуры принадлежит к числу приоритетных направлений в этнологии. Сегодня интерес к этой теме повышен в связи с процессами этнического возрождения, которые охватили народы России.

Белорусская культура в Томской области практически не исследована, несмотря на то, что белорусский компонент сыграл видную роль в этнической истории региона. При изучении белорусской культуры в границах области целесообразно обращение к Кожевниковскому району, на территории которого располагалось несколько компактных белорусских поселений. Две белорусские деревни возникли в конце XIX – начале XX в.: Хмелевка (1899 г.), Новоалександровка (1906 г.) [1. С. 12]. Еще одно – Журиловка – было основано уроженцами Могилевской области в 1927 г.

В настоящее время из трех компактных белорусских поселений сохранилась только д. Хмелевка, а два других исчезли. В 1979 г. перестала существовать д. Журиловка, в 1986 г. – д. Новоалександровка. Жители этих деревень переехали в другие населенные пункты.

Источниковую базу исследования составили полевые материалы, собранные автором статьи в 2011 г. в с. Старая Ювала Кожевниковского района, где ныне проживают жители вышеназванных белорусских поселений и их потомки. Следует отметить, что полученные материалы освещают белорусскую культуру лишь фрагментарно. В частности, по ним можно реконструировать лишь отдельные элементы материальной культуры, а также специфику функционирования белорусского языка у переселенцев и их потомков. Кроме того, большая часть информации относится к д. Журиловка [2].

Белорусские поселения в Кожевниковском районе имели следующую планировку: одна длинная широкая улица, по сторонам которой располагались дома. Такая планировка и сейчас практически полностью сохранилась в д. Хмелевка. К числу характерных черт белорусских поселений информаторы отнесли особую аккуратность и чистоту.

Многие переселенцы привезли с собой из Белоруссии весь домашний скарб, который поддавался транспортировке. Среди вещей, по воспоминаниям, были постельные принадлежности (подушки, одеяла), скатерти, рушники. Когда же эти вещи изнашивались и приходили в негодность, по их образцу изготавливались новые. Например, одна из опрошенных отметила, что из Белоруссии ее предками были привезены приколотки (в единственном числе – приколотка) – куски ткани, к которым пришивалась вывязанная крючком кайма. Приколотки использовались в качестве украшения постели: их клали на одеяло, так, чтобы кайма свисала, а сверху настилали покрывало. В ее семье взамен изношенных приколотов были изготовлены новые.

Белорусы, приехавшие в Сибирь, довольно долго сохраняли родной язык. Однако их дети, как правило, не говорили на белорусском языке, хотя и понимали его. Одна из респонденток вспомнила случай, который показывает существование языкового барьера между белорусскими переселенцами и местными жителями. Во время свадьбы будущая свекровь решила (видимо, по традиции) испытать молодую на пригодность к ведению домашнего хозяйства и сказала ей на белорусском: «Возьми гладышки и накрой ладыжки», что означало взять специальные дощечки и накрыть ими крынки. Но, поскольку невеста не понимала белорусский язык, она не смогла выполнить указания будущей свекрови. В результате невестка была признана плохой хозяйкой.

Несмотря на то, что белорусский язык сегодня вышел из употребления, отдельные белорусские слова можно обнаружить в лексиконе местных жителей.

Так, согласно полевым материалам, в семье одной из опрошенных до сих пор используется слово «рогулька», которым обозначают ухват. При этом считается, что это слово «досталось в наследство» от бабушки-белоруски [2].

Как показал материал по Кожевниковскому району, белорусские переселенцы в местах компактного проживания стремились сохранить традиционную культуру. Сохранившиеся в памяти современных старо-

жилов сведения позволили зафиксировать белорусскую специфику в материальной и языковой сфере.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этническая идентичность восточнославянских народов в этноконтактных зонах Томской области (конец XIX – начало XXI в.)», проект № 10–01–64104 а/Т.

Литература

1. Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. Вып. 11. Новосибирск, 1929. 241 с.
2. Полевые материалы автора.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. В. Каратовская

Томский государственный университет

Возникновение конструктивистского подхода к анализу этноса и этничности приходится на 1960-е гг. и напрямую связано со становлением постмодернистской методологической парадигмы в западном социально-гуманитарном познании. С распространением идей этнологического конструктивизма, наиболее последовательно изложенных в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона, Ф. Барта [1–3], в западной гуманитарной науке к началу XXI в. прочно утвердилось представление о том, что этничность является социальной конструкцией, результатом активной творческой интерпретации людьми окружающей действительности, а такие «объективные показатели» этничности, как язык, внешние физические черты, особенности культуры или религия, служат не более чем сырьем для подобных интерпретаций. В. А. Шнирельман обращает внимание на то, что одни и те же «объективные данные» нередко приобретают различное значение в зависимости от конкретной ситуации и текущих интересов отдельного человека или группы [4. С. 11–18].

Одна из фундаментальных идей конструктивизма заключается в том, что нации напрямую не связаны с существовавшими в доиндустриальную эпоху этносами, и выражения вроде «французская история раннего средневековья» представляют собой модернизацию прошлого. Подчеркивая, что неправомерно использовать современные представления об этничности применительно к далекой древности, западные исследователи внесли концептуальные изменения в понимание проблемы раннесредневековой ксенократии, т.е. проблемы значимости иноэтнического влияния для становления властных структур в эпоху раннего средневековья. Внимание европейских национальных историографий неоднократно привлекал тот факт, что в подавляющем большинстве преданий древности и средневековья, связанных с зарождением государственных институтов, нашло отражение чужеродное, иноземное происхождение правителей. Однако первые попытки расшифровать природу «заморской» государственности как закономерного явления в развитии раннесредневековых обществ были предприняты именно в рамках конструктивистской методологии.

Американский социолог Э. Геллнер в знаменитой работе «Нации и национализм» опроверг наличие национальных моментов в раннем средневековье. Отметив аграрный и автаркичный характер раннесредневековых обществ, исследователь пришел к выводу, что все в этих обществах противится приведению политических границ в соответствие с культурными, никто не заинтересован в сохранении культурного единства на социальном уровне [1]. Как правило, элита сохраняла свои властные позиции, если она успешно выполняла основные государственные функции (войну, суд, сбор налогов). Господству этнически чуждого элемента способствовала примитивность отправления этих функций в раннесредневековых обществах, а также возможность использования посредников из числа местной знати. Таким образом, общий язык и культурные символы, которые бы связывали правящую элиту с народом, по мнению Геллнера, не являлись исторически необходимыми [1].

Благодаря аргументированному конструктивистами положению о том, что этничность в эпоху раннего средневековья отнюдь не являлась главным критерием объединения в социальные группы, вопрос о чужеродности раннесредневековой власти приобрел новый исследовательский ракурс. К примеру, австрийский историк Х. Вольфрам применительно к раннесредневековым сообществам использует термин

gens, не имеющий общепринятого русского эквивалента и лишь частично совпадающий с традиционным в отечественной историографии понятием «племя» [5]. По мнению исследователя, раннесредневековые источники свидетельствуют о принципиальной полиэтничности *gens*, образующей единство «народа» и «войска» [5. С. 16]. *Gens* не являлись «целыми» народами, никогда не охватывали всех возможных членов одного рода, а всегда являлись смешанными. Подобные общности возникали не по принципу кровного родства, а представляли собой объединения разнородных групп, составлявших варварское войско. Общий язык, по большей части, не являлся критерием принадлежности к *gens*: варвары говорили на разных языках, используя их вперемешку. Частью *gens* становился тот, кто относил себя к этой общности по рождению, по преданию или в результате испытаний. *Gens* в стадии формирования всегда находились «в пути», легко перемещаясь и принимая самые разнообразные размеры; в них господствовала удивительная социальная мобильность: тот, кто был ловок и кому сопутствовал успех в войне, участвовал в походах *gens*, независимо от этнического и социального происхождения. Вожди и представители известных родов, ведущих свое происхождение от богов и способных успехами доказать свою харизму, образовывали «традиционные центры притяжения», вокруг которых возникали новые *gens*. Именно благодаря таким лидерам, по мысли Х. Вольфрама, этнические общности изменяли свой состав, дробились или, наоборот, увеличивались. Развитие *gens* приводило к возникновению варварских государственных структур, в которых значение этнического аспекта власти в силу указанных причин было минимально [5. С. 16–24].

Постмодернистская методология анализа этнических и национальных сообществ, занимающая ведущие позиции в современной западной гуманитарной мысли, не получила широкого распространения в России. На сегодняшний день большинство отечественных этнологов и историков остается на позициях социально-исторического примордиализма, то есть признания природных объективных оснований этничности. По-прежнему дискуссионной в отечественной историографии остается так называемая «норманнская проблема», и в ряде современных исследований актуализируется вопрос об этнической принадлежности (скандинавской или славянской) родоначальников княжеской династии и варягов-руси [6–8]. Однако в последние годы идеи этнологического конструктивизма так или иначе находят отражение как в отечественной

исторической науке в целом, так и в исследовании специфики генезиса Древнерусского государства в частности.

В современной отечественной историографии наблюдается постепенный отказ от характеристики варягов (викингов, норманнов) как сложившейся этнической общности. А. В. Головнев, к примеру, определяет викингов как «особую идентичность, выросшую из северогерманской скандинавской культуры, но вышедшую за ее этнические пределы» [9. С. 226]. Проблема чужеродности власти морского конунга в славянских землях осмысливается с помощью понятия «путь» (*vegr*): «Все колонии и государства викингов выросли на устойчивых водных путях. В староскандинавском отношении к пути есть романтика завоевания и прагматика обустройства. Совокупность мотивов, решений, действий владельца пути образовывала конструкцию, называемую властью» [9. С. 241]. В связи с этим традиционное в историографии указание особой роли пути «из варяг в греки» для формирования древнерусской государственности приобретает новые, «динамические» коннотации: «В староскандинавской традиции *vegr* (путь) заменим понятием *gíki* (государство): например, *Austrvegr* (Восточный путь) иначе именовался *Austrriki* (Восточное государство). *Gardariki* (Русь) – путь из варяг в греки, ставший государством» [9. С. 241].

Рассматривая соотношение внешних и внутренних факторов в процессе становления Древнерусского государства, отечественные исследователи все чаще обращаются к проблеме славяно-скандинавских межэтнических браков. Следует отметить, что согласно конструктивистскому подходу, ребенок, чьи родители принадлежат к различным этносам, с младенчества попадает в ситуацию выбора и конструирования собственной этничности, не заданной изначально. Переходя из семьи в другие институты этнической социализации, именно такие дети («этнические маргиналы»), непосредственно создающие свою идентичность путем отбора этнически окрашенных ценностей, часто становятся активными организаторами и идеологами этнической мобилизации.

Рассматривая Старую Ладугу VIII–IX вв. в качестве зимнего пристанища викингов, Г. С. Лебедев особое внимание уделяет судьбам так называемых «зимних детей»: «Эта юная „русь“, маргинальная в местном социуме, подраставшая со славянским языком матери, пополняла контингенты торгово-военных дружин. „Дети зимних постоев“ подрастали в сознании своего тождества „руси“ конунгов, странствующей по

морям, и легко сливались с этой „русью“ княжеских дружин». К таким «зимним детям» Г. С. Лебедев относит и оставшегося в Ладоге малолетнего Игоря Рюриковича, переданного Олегу, и осиротевшего Святослава Игоревича [10. С. 503]. А. В. Головнев также обращается к расшифровке «не то промежуточного, не то сдвоенного социокультурного статуса» полукровок, игравших неординарную роль на поворотах истории благодаря «расширенному адаптивно-деятельностному диапазону и дополнительному стимулу к самоутверждению» [9. С. 291]. В этом контексте исследователь ставит в один типологический ряд опыт Владимира Святославича на Руси и Вильгельма Завоевателя в Нормандии и Англии [9. С. 291]. В современных исследованиях достаточно распространена гипотеза Г. С. Лебедева о принадлежности таких летописных персонажей, как Олег, Ефанда, Игорь и Ольга, к одному из наиболее знатных скандо-славянских родов Верхней Руси, обладавших реальной политической и экономической властью в крупных центрах. Эти наиболее влиятельные фракции славяно-варяжских родов середины VIII – середины IX в. исследователь считает «загадочной в своей двойственности русью, ...присутствующей и среди призывающих, и в качестве призываемых» [10. С. 456].

Таким образом, в рамках методологии этнологического конструктивизма полемика по поводу этнического происхождения варягов и первых русских князей представляется анахронизмом. Конструктивистский подход позволяет теоретически обосновать закономерность сложения знати на полиэтничной основе и установления власти «чужеземных» правителей при формировании раннесредневековых «варварских» государств. В то же время специфика оформления раннесредневековой государственности, а вместе с ней и проблема ксенократии, требуют дальнейшего изучения с учетом достижений западной историографии и методологии истории.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ МД-1336.2011.6 (соисполнитель).

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Н. В. Трубникова.

Литература

1. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. М., 1991. 319 с.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М., 2001. 286 с.

3. *Барт, Ф.* Введение / Ф. Барт // Этнические группы и социальные границы. М., 2006. С. 9–48.
4. *Шнирельман, В. А.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. М., 2003. 592 с.
5. *Вольфрам, Х.* Готы / Х. Вольфрам. СПб., 2003. 656 с.
6. *Фомин, В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В. В. Фомин. М., 2005. 486 с.
7. *Кузьмин, А. Г.* Славяне и Русь. Проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой / А. Г. Кузьмин. М., 1999.
8. *Сборник* Русского исторического общества. Т. 8 (156) : «Антинорманизм». 2003.
9. *Головнев, А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. Екатеринбург, 2009. 496 с.
10. *Лебедев, Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г. С. Лебедев. СПб., 2005. 640 с.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУСОВ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АСИНОВСКОГО РАЙОНА)

Е. Ю. Савченко

МОУ СОШ «Эврика-развитие»

В условиях распространения массовой культуры важной задачей является сохранение и возрождение этнических традиций народов. Важное значение в этом процессе имеет научная база. Белорусская культура в Томской области в настоящее время практически не изучена. В рамках этой темы интерес представляет территория Асиновского района Томской области, где располагалось два белорусских поселения.

В 1909 г. семьи Козловых, Студиловых, Галановых из Могилевской губернии основали на берегу р. Латат заселок Желанный [1. С. 32–33]. Название произошло от того, что все желающие могли получить здесь землю. В 1923 г. поселение уже носило название Ягодное [2. С. 8]. В 1927 г. на северо-востоке Ново-Кусковского района примерно в 120 км от села Первомайского, посреди тайги, возникает белорусский поселок Пролетарка. Его основателями считаются семьи Серафимовых, Батрученков и Савченко из Ветренского района Витебской области. На момент основания поселений этнический состав был однороден, а население пополнялось за счет вновь приезжающих родственников и знакомых из Белоруссии [3].

Село Ягодное сохранилось на карте Томской области до настоящего времени, а д. Пролетарка исчезла в 1970-х гг.

В ходе исследования был проведен опрос 10 жителей с. Ягодное и бывших жителей д. Пролетарка 1923–1933 гг. рождения. Собранные материалы содержат информацию об истории основания этих деревень, особенностях устройства быта и обычаях местных жителей.

Адаптация человека на новом месте неизбежно связана с использованием опыта жизни на Родине [4. С. 83]. Следовательно, национальная культура белорусского народа продолжала сохраняться и в сибирских условиях.

В целом, облик белорусских деревень не отличался от других сибирских поселений. Временные общие деревянные бараки довольно быстро сменились деревянными домами. В с. Ягодное некоторые из них сохранились до сих пор. Вокруг домов возводились сельскохозяйственные постройки. Овин для обработки и хранения зерна обычно стоял в центре огорода. Огороды, как правило, не имели изгороди.

Внутреннее убранство дома составляли, в основном, русская печь, стол и лавки. Украшали дом собственными вышивками и ткаными изделиями. Многие из этих вещей были привезены из Белоруссии.

Сведения об одежде также носят фрагментарный характер. Одежда местных жителей была домотканой из льна и конопли. Женщины носили холщевые юбки на веревках. Обязательным элементом женского костюма был фартук. Некоторые мужчины подвязывали кушаки с кистями. Летом ходили босиком или в лаптях, более зажиточные шили кожаные ботинки на шнурках. Зимой носили валенки.

Более подробную информацию удалось собрать по пище белорусов, что очевидно объясняется ее большей стойкостью по сравнению с другими сферами материальной культуры, например одеждой и жилищем [5. С. 13].

День каждой хозяйки начинался с приготовления пищи. В растопленную русскую печь ставились глиняные горшки с овощами и кашами, где они томились и оставались теплыми до самого вечера. По воспоминаниям одной из жительниц с. Ягодное, ее бабушка вставала с рассветом, молилась около часа, растопляла печь и садилась пряхть. После того, как печь протопилась, она ставила туда около 20 горшков с едой и отправлялась на огород. Информаторы особо отметили, что вся посуда в доме была керамической.

В пищевом рационе белорусов предпочтение отдавалось блюдам из картофеля. Их состав весьма разнообразен. Популярны были «шаньги» – ватрушки с тертым картофелем, морковкой, политые сметаной и топленным маслом. Еще одно блюдо – «драчены» (по-русски драники) готовились из тертого картофеля. Картофельная масса отжималась и выкладывалась на глиняной сковороде, сверху слой пережаренного сала, который вновь накрывался картофельной массой. Традиционным белорусским блюдом также является «кулаг’а» – ржаная мука, запаренная в плетеных горшках, обмазанных глиной. Ели эту сладкую массу с вареной картошкой. Состав пищи зависел от времени года. На лето готовили колбасы, коптили сало. На зиму солили овощи, квасили капусту. Примечательно, что в некоторых семьях для этого использовали дубовые бочки, привезенные из Белоруссии. Местные хозяйки утверждают, что в соленья хранились гораздо дольше и имели неповторимый вкус. В окрестных лесах осенью собирали ягоду, грибы, орехи. Варенье не варили. Ягоду высушивали и пекли с ней пироги. Заготовки хранили на крыше и в амбарах.

Праздники, по воспоминаниям, отмечали всей деревней или большим коллективом родственников и друзей, Песни на них зачастую звучали и белорусские, и украинские, и русские. Песнями сопровождалась и вечерние посиделки. Несмотря на отсутствие церквей и в с. Ягодное и в д. Пролетарка, народ был верующим и чтит православные традиции. На Пасху обязательно красили яйца, пекли куличи, варили холодец. В чистый четверг детей водили мыться еще до восхода солнца. Несмотря на запреты государства, детей знакомили с Библией, учили молитвам.

Компактность проживания способствовала достаточно длительному сохранению белорусского языка, особенно среди старожилов и женской части населения. Однако билингвизм стал распространяться практически сразу. Уже в 1930-х гг. белорусская речь среди молодежи практически исчезла. Родители не стремились обучать детей родному языку, чтобы не затруднять их обучение в школе на русском языке. Одна из респонденток поделилась, что, прожив девять лет с бабушкой, говорила только по-белорусски, чем вызывала смех одноклассников.

Современные жители помнят лишь отдельные белорусские слова, в основном относящиеся к хозяйственно-бытовой сфере. Так, щипцы для выдергивания гвоздей называли «обцуг’и», спички – «сырянки», поварешка – «полоник», деревянная шайка с двумя ручками – «цебер».

Следы белорусской культуры и сегодня можно обнаружить в быту местных жителей. В одной из семей сохранилось и до сих пор используется в хозяйстве коромысло, сделанное «по-белорусски» из цельного дерева, с выемками под плечи и шею [3].

Таким образом, материалы по Асиновскому району Томской области показали сохранение элементов традиционной культуры белорусов в материальной сфере, прежде всего системе питания, а также духовной.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этническая идентичность восточнославянских народов в этноконтактных зонах Томской области (конец XIX – начало XXI в.)», проект № 10–01–64104 а/Т.

Литература

1. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 602 с.
2. Список населенных мест Томской губернии. По данным позднейших переписей (1910, 1917, 1920 гг.). Томск, 1923. 96 с.
3. Полевые материалы автора.
4. Левин, З. И. Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ : монография / З. И. Левин. М., 2001. 176 с.
5. Арутюнов, С. А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С. А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания : сб. М., 2001. С. 10–17.

О ВЛИЯНИИ РУССКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА НА СВАДЕБНУЮ ОБРЯДНОСТЬ ТАТАР

Е. В. Чигрина

Томский государственный педагогический университет

Различия этносов заключаются как в их названиях (этнонимах) и языках, так и в самосознании, стереотипах поведения, образе жизни. Эти различия особенно заметны в местах компактного проживания того или иного этноса; при этом в процессе длительного совместного проживания происходит взаимовлияние и взаимопроникновение культур. Немало этому способствуют национально-смешанные браки.

У городских татар Томской области (г. Томск, г. Колпашево, городские поселки) в XX в. фиксируется четкая тенденция к росту межэт-

нических браков: к середине 1930-х гг. – 20%, к середине 1960-х гг. – 65,6%, к середине 1980-х гг. – 80%. При этом оценка таких браков как положительного явления у татар томской группы неуклонно снижалась: в 1969 г. – 66% выразили свое положительное отношение к ним, в 1979 г. – 61,6%, 1989 г. – 58,9% опрошенных [1. С. 122–123].

В XX и начале XXI в. ислам был и остается основной религией томских татар. Опрос 2005 г., проводимый Д. А. Картасовой, показал, что в вопросах выбора брачного партнера до сего дня остается актуальным различная религиозная принадлежность татар и русских: 53% татар выступают против браков с русскими по причине несходства религии, 37% относятся лояльно к таким бракам [2. С. 51].

Начиная с 1920-х гг., под воздействием идеологии того времени, в татарской среде произошла переоценка многих старых семейных обрядов, были сделаны попытки заменить их новыми. Тем не менее, в те переломные для идеологии и культуры годы, и далее – практически весь XX в. – основной формой заключения брака у томских татар продолжал оставаться брак по сватовству, который до 1980-х гг. в Притомье был преобладающим. Однако глубокие преобразования, происходившие в жизни всех этнических сообществ в тот период времени, а также материальные трудности, с которыми столкнулось население огромной страны, оказали свое влияние и на свадебную обрядность татар: свадьбы стали проводиться без большого размаха, приглашение большого количества гостей зависело от достатка семьи, подарки молодым стали скромнее, обязательный обмен подарками между родителями был заменен дарениями только по обоюдному согласию и т. п.

Новое правительство страны юридически утвердило свои права в такой области, как семейные отношения. Основы «советского социалистического семейного права» были заложены декретами от 16 и 18 декабря 1917 г. «О расторжении брака» и «О гражданском браке, детях и о введении книг и актов гражданского состояния». Согласно этим декретам, единственной законной формой брака признавался гражданский. В этот период стали распространяться появившиеся новые советские безрелигиозные обряды: оформление бракосочетания молодых «комсомольские свадьбы». «Комсомольская свадьба» у татар, как и у других народов бывшего СССР, обычно проводилась в клубе при большом стечении народа. Молодых супругов усаживали за стол, покрытый красной материей. В целом такая свадьба не получила широкого распространения

в татарских деревнях Притомья (лишь 2,7% опрошенных показали, что они принимали участие в проведении таких свадеб) [3. С. 91].

По материалам Н. А. Томилова, уже в 1920-е гг. повысилась роль молодежи в выборе спутника жизни, браки стали заключаться преимущественно по обоюдному договору молодых. В эти годы самостоятельный выбор спутника воспринимался как протест против старой «дореволюционной» жизни и ее традиций. Это была явная и сильная инновация.

Другой важный момент, по поводу которого молодые считали, что они добились нового для себя права – обязательно присутствовать на никахе (религиозном обряде бракосочетания, проводимом муллой). По традиции XIX в. молодые на никахе не должны были присутствовать; за жениха о согласии заключить брак отвечал его отец, за невесту отвечали два свидетеля, которых специально отправляли узнать о ее согласии, невеста находилась за занавеской или в другой половине дома. Таким образом, само присутствие молодых на никахе также было нововведением, прижившимся в течение XX в. и сейчас ставшее нормой.

В 1930-х гг. стал терять свою обязательность обычай выплаты выкупа за невесту, многие семьи стали обходиться лишь различного рода подарками. При этом практически сохранялись все народные татарские свадебные обычаи, не связанные с религией; однако, исчезали обряды, связанные с проверкой «честности» невесты (следует отметить, что такого рода обряды в данный период исчезли во многих этнических культурах, в том числе и русской).

Нововведением 1930-х гг. стал тот факт, что на собственной свадьбе жених и невеста стали находиться в центре внимания всех присутствующих. Как правило, им разрешили принимать участие в свадебном пиршестве. Обязательным стало присутствие приглашаемой молодежи на свадьбе, и часто юноши и девушки находились на гулянии вместе с людьми среднего и пожилого возраста. Стало практиковаться одновременное угощение (за общим столом) мужчин и женщин [3. С. 90].

Гражданская регистрация браков далеко не сразу распространилась среди томских татар, хотя некоторые информанты сообщают, что например в д. Эуште «как приняли гражданскую регистрацию, так мы и стали ее исполнять» [4]. Тем не менее, большинство представителей татарского населения продолжает считать актом бракосочетания только религиозный обряд никах, совершаемый муллой или другим лицом, заменяющим его. Это и воспринимается как собственно свадьба. Однако

постепенно стало приходить понимание, что без гражданской регистрации брака могут возникнуть всевозможные сложности, наиболее существенными из которых называют сложности материального плана при разводе: если супруги разводились, по закону бывшая жена оставалась ни с чем, «ничего не могла получить».

Отметим, что сами разводы – это также нововведение в татарской среде, которое в течение XX в. перешло в разряд обычного явления. Опрос в д. Эушта показывает, что взрослая часть населения продолжает относиться негативно к разводам, считая, что «если поженились, то живите». Молодежь относится более лояльно к ситуациям, связанным с разводами (однако этот вопрос находится за рамками темы данной статьи и требует специального детального исследования).

Как обязательная акция – гражданская регистрация брака стала укореняться в среде томских татар с 1930-х г. [4]. К 1960-м гг. это явление воспринималось как необходимость и норма. Фактически повсеместно торжественное проведение гражданского ритуала бракосочетания осуществлялось в сельсовете или ЗАГСе с присутствием родных и друзей, представителей общественности.

С конца 1950-х гг. начинается новый этап в развитии свадебной обрядности татар. Определяющими в нем стали следующие тенденции: во-первых, поиск обрядовых форм, подчеркивающих необычность совершаемого, создающих праздничную атмосферу; во-вторых, отказ от обычаев, переставших удовлетворять молодежь ввиду явного их несоответствия сложившемуся к середине XX в. образу жизни.

В этот период, по данным Н. А. Томилова, свадьба принимает характер чисто семейно-товарищеского торжества – без соблюдения национальных традиций: 14,3% опрошенных татар (опрос проводился Н. А. Томиловым в 1969–1970 гг.) отмечали свадьбу именно таким образом.

В конце 1950-х гг. получает распространение свадебная одежда разового пользования: белое платье удлиненного покроя, фата, белые туфли, свадебный букет – для девушки; темный костюм, белая рубашка, галстук – для юноши.

Обручальные кольца также были новым явлением для татар. Информанты вспоминают, что обручальные кольца начали использовать на свадьбе с 1950-х гг. Ими обменивались во время регистрации. Так как этот обычай только начинал распространяться, то встречались случаи покупки одного кольца – только для невесты. Ношение колец на

безымянном пальце правой руки как знак семейного состояния распространилось в татарской среде в этот период.

В начале 1960-х гг. кольца носили уже практически все женатые люди, создавшие семьи в это время.

В 1970-е гг. Н. А. Томилов выявляет значительное уменьшение фактов проведения религиозного обряда никах (лишь 25,8% татар проводили его) [3. С. 92]. Тем не менее, по полевым данным автора 2009–2010 гг. информанты из притомских деревень, которые заключали браки в 1960-е гг., считали религиозный обряд никах обязательным, в д. Эушта его совершали все молодожены [4].

По современным данным опросов этот религиозный обряд проводят все татары, вступающие в брак. При этой части свадебного обряда в начале XXI в. участились случаи, когда молодые сами отказываются присутствовать на никахе, а находятся в этот момент среди молодежи [4]. Таким образом, от нововведения 1920–1930-х гг. – присутствия на никахе молодых, в начале XXI в. произошел возврат к более ранней традиции – проведению его в отсутствие молодых.

При этом информанты отмечают, что гораздо чаще этот обряд совершается по настоянию родителей (или представителей еще более старших родственников брачующихся), значительно реже – по желанию невесты и жениха. В начале XXI в. согласие молодых на никах принимается молодыми как дань уважения к старшим.

Муллу для совершения обряда приглашают родители невесты, так как свадьба обычно у томских татар проходит в доме невесты. Затем он обязательно остается на застолье, проводимое практически сразу после самого обряда никах. Во время этого застолья он находится вместе со старшим поколением. В соответствии с традицией, гостей на никахе угощают, учитывая пол и возраст (сначала за стол усаживают стариков-мужчин, затем мужчин среднего возраста, далее – женщин всех возрастов). После завершения обряда, начиналась подготовка ко второму свадебному застолью, проводимому после гражданской регистрации брака. В это время молодожены отправлялись в ЗАГС, либо в сельсовет. Родители с ними не ездили, они готовились к приезду молодых.

Подготовка к регистрации накануне дня свадьбы состояла из покупки одежды, обуви, заказа машины, фотографа и т.п. – все эти заботы в настоящее время фактически интернациональны (хлопоты татарской невесты или жениха идентичны хлопотам молодых любой националь-

ности в РФ). На регистрацию жених не надевает шапочку, которой он обязательно покрывает свою голову при совершении никах. В ЗАГС невеста входит, держа жениха под руку. Само хождение мужчины и женщины «под ручку» также было новым явлением в татарской культуре. В татарских деревнях Томской области оно по-прежнему осуждается старшим поколением, однако при гражданской регистрации брака вполне допускается.

Нововведением было и наличие при регистрации брака пары свидетелей, так как это было положено по законодательству.

Свадебное застолье (туй) после регистрации в ЗАГСе является со второй половины XX в. значимым действием всей свадьбы. Однако проводили его далеко не все, вступающие в брак. По традиции на него приглашают большое число гостей (в среднем в татарских деревнях «приличная» свадьба – это 100–150 человек гостей).

Чаще всего сейчас проводят застолье в одном месте – в доме родителей невесты, реже – в доме жениха. В городах застолье обычно устраивают в помещении столовой, кафе, ресторана или специального «зала торжеств».

Займствованным из русской свадьбы, по заявлению самих татар, является обрядовое действо «встреча молодых после регистрации хлебом-солью» и сопутствующее ему состязание «кто больше откусит, тот в доме хозяин». Подача такого пирога зависит только от сценария тамады. Сами татары не относятся к этой примете серьезно.

Также русским элементом на своей свадьбе татары считают момент, когда молодожены должны выпить бокал шампанского и кинуть бокал через левое плечо.

Начинается застолье с тоста за счастье молодоженов. Тост произносит кто-нибудь из родителей. На каждой татарской свадьбе невесте и жениху кричат по-русски «горько», и те должны публично целоваться. Обычай этот, по данным информантов, распространился под влиянием русских. Родителей молодоженов под крики «старый мед» также приглашают публично поцеловаться между собой. Молодожены обязательно танцуют «танец молодых», под мелодию, не обязательно татарскую, главное чтобы нравилась молодым. У невесты к середине застолья воруют туфлю. Эти элементы свадьбы, переняты, по мнению самих татар, у русских.

Еще в 1980-е гг. тамады как такового не было. Проводили свадьбу веселые люди, которые умели хорошо говорить тосты, пословицы,

поговорки. В настоящее время татары нанимают тамаду из агентства, если позволяют средства. У приглашенного тамады обычно стандартный сценарий и, по словам татар: «все как у русских».

За столом поют татарские и русские песни, в том числе и шуточные свадебные, раздаются шутки; в соседней комнате или на улице в летнее время организуются танцы, пляски. Пляшут обычно под мелодии русских плясовых песен.

К концу XX в. у татар Томской области сформировался такой тип свадебной обрядности, в котором органически сочетаются сохраняемые (иногда возрождаемые) традиционные обряды и новые. И разнообразие вариантов проведения свадеб получается за счет различного сочетания в них тех или иных элементов. Характерной их чертой является свободный подбор этих элементов. И потому в одной и той же местности форма свадьбы, как правило, зависит только от желания молодоженов и их родственников, а также от их достатка и социального статуса.

В начале XXI в. на передний план выходит забота по созданию праздничной атмосферы для данного мероприятия, подчеркивающая важность, значимость этого момента в жизни молодых и их родственников. Это достигается с помощью торжественного ритуала регистрации брака, сложившегося в советские годы и проводимого государственными органами, контролирующими «акты гражданского состояния» населения, а также устройством свадебных пиров. Остальные же моменты обрядового оформления брака не имеют большого значения, и потому сроки, порядок их проведения не столь существенны, хотя они и создают своеобразие отдельных свадеб.

Свидетельством большой популярности торжественной регистрации служит тот факт, что в сельской местности, где нет специальных «Дворцов бракосочетания», как в городах, сами молодожены, их родственники, друзья становятся не только активными участниками, но и создателями праздничной атмосферы во время акта регистрации брака. Молодожены прибывают на место регистрации брака в сопровождении большого количества гостей. Нередко сюда прибывают и их родители. Едут обязательно на украшенных яркими лентами, воздушными шарами автомашинах.

Во второй половине XX в. шел интенсивный процесс формирования новых черт татарской свадьбы. На самое почетное место за столом стали усаживать молодоженов с их свидетелями. Рядом с ними сидят роди-

тели невесты или жениха, в зависимости от того, в чьем доме проходит свадьба. Меняется сам стиль свадебного застолья за счет включения в него многочисленных игровых моментов. Некоторые из них унаследованы из общесоветского свадебного ритуала, сложившегося в 1960–1970-е гг. Это, как правило, различные шуточные состязания молодоженов в ловкости, которым придается определенное смысловое значение, многочисленные шуточные наказания молодым, зачитываемые во время застолья, поздравления в стихах, запись пожеланий в специальный альбом и т. д. Характерно быстрое распространение этих моментов благодаря мобильности населения, участию в свадьбах как сельских, так и городских жителей, наличию национально смешанных браков.

В 1990-е гг. получили распространение бросание невестой свадебного букета, с 2000-х гг. бросание женихом подвязки с ноги невесты. Свадебные путешествия зависят от достатка семьи, но как, улыбаясь, отмечают информанты, «имеют свое место».

После поэтапного рассмотрения эволюции татарской свадебной обрядности можно сделать следующие выводы:

Основные моменты, которые вошли в жизнь в татарской среде, начиная с 1920-х гг. – это выбор спутника жизни по обоюдному договору молодых. Жених и невеста стали главными действующими лицами и это принципиальное изменение, отличающее традиционную татарскую свадьбу XIX в. от свадьбы XX в., к настоящему времени только усиливалось.

К концу XX в. свадебный комплекс значительно обогатился нововведениями. Появились совершенно новые обряды и традиции (торжественная регистрация брака в ЗАГСе, свадебный картеж, украшение свадебного помещения, фото и видеосъемка). Сохранились и некоторые обрядовые традиционные действия, но они не несут той смысловой нагрузки, что раньше. Многие обряды несут в себе игровые элементы свадебного праздника и являются атрибутом свадебного действия (шуточный выкуп, заимствованный из свадебной обрядности русских).

Не смотря на то, что многие обряды и традиции отошли в прошлое или были утрачены, остается преемственность в обрядовой сфере. Сохраняется, прежде всего, вся обрядовая сторона, которая касается проведения религиозного бракосочетания никах.

В целом повсеместно продолжается процесс унификации свадебной обрядности. Как видим, большое влияние на изменение обрядности

оказало близость проживания с русскими, постоянный контакт русских и татар, а также единые нормы государственной регистрации, введенной в 1917 г.

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Н. А. Тучкова.

Литература

1. *Валеев, Ф. Т.* Сибирские татары / Ф. Т. Валеев, Н. А. Томилов // Тюркские народы Сибири : сб. М. : Наука, 2006. С. 26–124.
2. *Картасова, Д. А.* Современная языковая и религиозная ситуация у томских татар / Д. А. Картасова // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования : сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. Вып. 3. С. 47–55.
3. *Томилов, Н. А.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья : монография / Н. А. Томилов. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1983. 216 с.
4. ПМА – ПМ Чигриной Е. В. Беседы с представителями татарского этноса. Томск, 2009–2010.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

АВТОРИТЕТ В ИСКУССТВЕ

А. Г. Асташова

Томский государственный педагогический университет

Опыт есть знание единичного,
а искусство – знание общего.

Аристотель

Эстетическое воспитание народа, основанное на художественном творчестве в целом – искусстве – невозможно представить без привнесения вместе с духовной составляющей понятия авторитета той или иной области искусствоведческого знания. Феномен нравственного соиздания народа, приобщённого к искусству, неоспорим, а оттого понятие авторитета оказалось спроецировано во времени не только на коммуникативный субъект – носитель информации, но и на производимый объект – носитель информации. Центральной проблемой исследования можно обозначить специфику бытия феномена авторитета в искусстве. Обозначив объектом настоящей работы историческое становление искусства как особого способа познания и отражения действительности, а предметом – свойство авторитета в человеческом сознании, можно приступить к исследованию.

Целесообразно начать исследование с рассмотрения дефиниции слова искусство. Существует несколько трактовок термина. Во-первых, это художественное творчество как особая форма общественного сознания [1]; во-вторых, важнейший способ эстетического освоения мира [2]; в-третьих, искусство – мастерство, умение, ловкость, сноровка [3]. Если же обратиться к дефиниции слова авторитет – значение и основанная на значении или с ним соединённая власть [4] – то можно сделать вывод о присутствии сего понятия в искусстве.

Исходя из ключевых слов определений: в первом случае – творчество, освоение, умение, во втором – власть, исследователь получает возможность сделать утверждение о том, что определяемые слова в процессе существования взаимодействуют по роду определений.

Сохранилась теоретическая работа по философии «Об элементах» Джамбаттиста Вико [5], в которой итальянский мыслитель рассматривает искусство. Исходя из аксиом, он формулирует тезисы об искусстве.

По Вико, поэзия основала языческую культуру, из которой могли выйти все искусства, первые поэты были поэтами по природе. Вико считает, что все искусства были открыты в поэтические века, до появления философов, так как искусства – это только подражание природе, и в известном смысле – реальная поэзия. В теоретической работе «О поступательном движении, совершаемом нациями» Джамбаттиста Вико [6] представляет свои воззрения об авторитете. По его мнению, было три вида авторитета: первым был Божественный авторитет, для него требуется у Провидения обоснования, вторым – Героический авторитет, скрытый в торжественных формулах законов, третьим – Человеческий авторитет, таящийся в доверии к людям испытанного благоразумия, поведения и возвышенной мудрости в вещах умопостигаемых.

В настоящее время в мировой культурной традиции используются понятия об искусстве, берущие своё начало в средиземноморской античности. По трудовой теории искусство зарождается как способ человеческой деятельности для решения практических задач. Появление первобытного искусства связывают с играми, ритуалами и обрядами. Любая языковая информация этого периода, обусловленная мифолого-мистическими представлениями, носит авторитетный характер.

Древние цивилизации заложили основы искусства в современном понимании этого слова. Каждым центром ранних цивилизаций создан собственный уникальный стиль в искусстве. Неповторимый образ, отвечающий эстетическим требованиям, становится ценным, а оттого имеющим авторитет достоинством.

Византийское искусство и готика Западного Средневековья оказываются сосредоточены на духовных истинах и библейских сюжетах. Преобладает чистый теоцентризм. Авторитет приписывается Богу, преклонение свойственно людям только перед Всевышним.

Западный Ренессанс создал ценность гуманизма, что сопровождалось изменением парадигмы искусства, в пространстве которого появилась перспектива, а человеческие фигуры обрели утраченную телесность. В это время авторитетными продолжают быть идеи эстетики и гуманизма.

В эпоху Просвещения появилось стремление отразить физическую и рациональную определённую Вселенной, представлявшейся сложным и совершенным часовым механизмом, а также революционные идеи времени. Авторитетом становится запечатление образов знаменитых людей самых различных областей деятельности.

Деятели эпохи Романтизма тяготели к эмоциональной стороне жизни и человеческой индивидуальности. К концу XIX в. появился целый ряд художественных стилей, таких как академизм, символизм, импрессионизм. Свойством авторитета становится наделён именно художественный стиль и автор, привнёсший его людям.

История искусства XX в. полна поиском новых возможностей и новых стандартов красоты, каждый из которых вступает в противоречие с предыдущим. Нормы экспрессионизма, импрессионизма, сюрреализма не пережили своих создателей. Растущая глобализация привела к взаимопроникновению и взаимовлиянию культур. Колоссальное влияние на искусство оказали западные по происхождению идеи коммунизма и постмодернизма. Авторитет в это время приписывается достижениям прогресса, идеям равенства и национального братства.

Модернизм с его идеалистическим поиском истины во второй половине XX в. прокладывает путь к осознанию его собственной недостижимости. Относительность принимается как непреложная истина, что знаменует наступление периода современного искусства и критики постмодерна. Мировая культура и история становятся категориями относительными и преходящими, к которым стали относиться с иронией, а размывание границ региональных культур привело к их осмыслению как частей единой глобальной культуры. Свойство авторитета стандартно применяется по отношению к новым крупномасштабным проектам, направленным на развитие.

Незыблемой и авторитетной на протяжении многих веков является фигура автора. Творчество Александра Сергеевича Пушкина представлено в русской критике работами нескольких поколений мыслителей. Следовательно, Александр Пушкин и его поэзия, дискуссии о которой ведутся на протяжении столетий на страницах самых разнообразных литературных изданий, является непререкаемой авторитетной фигурой в искусстве.

Так, В. Соловьёв в критической статье «Судьба Пушкина» [7] пытается прийти к истинному характеру того, что называется судьбой. Представляет два случая, первый – понятие судьбы сливается с понятием о природе, во втором говорит о судьбе как враждебной силе. Погибель поэта Соловьёв видит от злой судьбы, которая воплощается в «обществе», «свете», «толпе». И отрицает в момент дуэли отождествление поэта с Христом, как параллель столкновения лица с обществом.

Максим Дунаев в книге «Вера в горниле сомнений» [8], рассматривая творчество Александра Пушкина и смерть его, которая сродни национальной трагедии, пишет о поведении на дуэли авторитетного поэта как подвиге смирения. Максим Дунаев считает, что Бог спас Пушкина от тяжкого греха убийства, но жажда смерти противника смертельно отравила раненого поэта. Пушкину было даровано свыше право духовно примириться с врагом – принять или отвергнуть дар было уже исключительно в его воле. Автор пишет, что поэт умер христианином, тягостные дни умирания завершились духовным просветлением.

Лев Шестов в критической работе об А.С. Пушкине [9] на первый план выводит такое качество гения как гуманность, приписывает всей литературе, по его примеру и ему в подражание, следование одному девизу: учить людей человечности. А это проблематично, так как поэту, верному жизненной правде, трудно сохранить высшие, лучшие порывы своей души. В новой западно-европейской литературе этот вопрос так и не был разрешён. Пушкин же всей жизнью своей, всем творчеством стал примером и доказательством того, что можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь – верить в правду и добро.

Размышляя о свойстве авторитета в искусстве нетрудно заметить, что сам авторитет как коммуникативный субъект – носитель информации чаще всего личность умственно развитая и духовно высоко стоящая относительно народа, а его творчество – производимые объекты – носители информации наделены противоречивостью в повествовании, противоборством сторон. И если авторитет всегда делает нравственно правильный выбор, являясь личностью мыслящей, а оттого заслуживающей одобрения и превозношения историков, то в творчестве не всегда герои совершают благоразумные и духовно-нравственные поступки, часто, поставленные автором в ситуацию противоречия, делают неприемлемый самому автору как личности выбор.

Таким образом, рассмотрев искусство как художественное творчество и свойство авторитета в нём, автор пришла к некоторым выводам. Авторитет как коммуникативный субъект – носитель информации всегда личность мыслящая, глубоко видящая суть проблемы и умеющая выразить своё видение художественно. Авторитет как коммуникативный субъект – носитель информации и авторитет в искусстве, то есть производимый объект – носитель информации взаимно не дополняемы,

отсутствует переливание из одной ипостаси в другую, данные понятия находятся в том отношении друг к другу, в каком находятся духовное и неодушевлённое.

Литература

1. Толстых, В. И. Искусство / В. И. Толстых // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 160–162.
2. Словарь терминов. Философия. URL: <http://www.slovari.info/philosophical/428.html>
3. Курак, О. Н. Искусство / О. Н. Курак. URL: <http://slovari.yandex.ru>
4. Авторитет. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
5. Вико, Дж. Б. Об элементах / Дж. Б. Вико. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/vico.htm>
6. Вико, Дж. Б. Три вида авторитета / Дж. Б. Вико. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/vico.htm>
7. Соловьёв, В. Судьба Пушкина / В. Соловьёв // Пушкин в русской философской критике. М. : Книга, 1990. С. 15–41.
8. Дунаев, М. М. Александр Сергеевич Пушкин / М. М. Дунаев // Вера в горниле сомнений. М. : Издат. Совет Русской Православной Церкви, 2003. С. 68–111.
9. Шестов, Л. А. С. Пушкин / Л. Шестов // Пушкин в русской философской критике. М. : Книга, 1990. С. 194–207.

ФЭНТЕЗИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Р. Гимазов

Томский государственный педагогический университет

Фэ́нтези – вид фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов. В современном виде сформировался в начале XX в.

Произведения фэнтези чаще всего напоминают историко-приключенческий роман, действие которого происходит в вымышленном мире, близком к реальному Средневековью, герои которого сталкиваются со сверхъестественными явлениями и существами.

Миф в литературе – сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях; определенное представление о мире. Поскольку мифология осваивает действительность в формах образного повествования, она близка по своему смыслу художественной литературе.

Легенда – одна из разновидностей не сказочного прозаического фольклора. Поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии. В переносном смысле относится к овеянным славой, вызывающим восхищение событиям прошлого. Как правило, содержит дополнительный религиозный или социальный подтекст.

Таким образом, фэнтези, а соответственно и мифы с легендами, являются способом выражения восприятия окружающего мира, его истории. Вне всякого сомнения, это только обогащает познание человека, его повседневную жизнь. И здесь особняком стоит «Властелин Колец» и его автор – Джон Рональд Руэл Толкин.

Биография Толкина. Джон Рональд Руэл Толкин, также встречается Толкиен (3 января 1892 г. – 2 сентября 1973 г.) – английский писатель, лингвист, филолог, наиболее известен как автор повести «Хоббит, или Туда и обратно» и трилогии «Властелин колец». Толкин был оксфордским профессором англосаксонского языка, английского языка и литературы.

В детстве Толкина укусил тарантул. Возможно, это событие позже повлияло на его творчество. О больном мальчике заботился доктор по имени Торнтон Куимби, и, как предполагают, он послужил прообразом Гэндальфа Серого.

В начале 1895 г. умер отец Джона. Дошкольный возраст дети проводят на природе. Этих двух лет Толкину хватило на все описания лесов и полей в его произведениях. У него рано обнаружился лингвистический талант, после изучения староваллийского и финского языков он начал разрабатывать «эльфийские» языки.

Летом 1911 г. Толкин побывал в Швейцарии, о чём впоследствии упоминает в письме 1968 г., отмечая, что путешествие Бильбо Бэггинса по Туманным Горам основано на пути, который Толкин с двенадцатью товарищами проделал от Интерлакена до Лаутербруннена.

Перед смертью мать Джона доверила воспитание детей отцу Френсису Моргану, священнику Бирмингемской церкви, сильной и неординарной личности. Именно Френсис Морган развил у Толкина интерес к филологии, за что тот был впоследствии очень благодарен ему.

В первую мировую войну умерли почти все его друзья, это отразилось на произведениях Толкина. Возможно, именно поэтому мы видим множество смертей в его книгах.

Уже на войне появились первые наброски его книг. Толкин осознавал, что Англия остро нуждается в мифологии, ибо это «возвращение»

к основам жизни, к неизменным ценностям бытия этноса. Он проверял работы в университете и взял чистый лист, на котором написал: «Жил был в норе под землёй хоббит».

После успеха «Хоббита» Толкин начал писать «Властелин Колец», причём с чистого листа, без каких-либо предварительных набросков. Для Толкина «Властелин Колец» был лишь частью большой мифологии.

«Властелин Колец» был второй книгой по читаемости в XX в. после Библии. Многие не верили в успех Толкина, но он «обыграл всех с толикой злорадства».

Сущность зла XX в. – это бездушие и равнодушие человека. Толкин создавал произведения, которые заставляют искать противоположные состояния современного человека. Толкин, например, глубоко уважал природу, он считал свое Средиземье независимым. Он не был согласен с тем, что природа – это лишь источник ресурсов.

Какая эпическая поэма вдохновила Толкина? Возможно, вам никогда не довелось бы прочитать «Властелин Колец», если бы не созданная тысячу лет назад поэма, которая повлияла на творчество Толкина.

Поэма эта называется «Беовульф». Это один из немногочисленных сохранившихся текстов, написанных на древнеанглийском языке. Хотя на этом языке в Британии говорили более шести столетий, он весьма далек от того английского, на котором британцы говорят сегодня. Вряд ли кто-то, не считая студентов университета, возьмёт на себя труд изучать его сегодня. Однако Толкин как раз и был одним из известнейших знатоков англосаксонского: писатель преподавал его в Оксфорде в течение многих лет.

Влияние «Беовульфа» можно проследить в обеих книгах Толкина – и в «Хоббите», и во «Властелине Колец». Прежде всего, сходство окружающей обстановки. В «Хоббите» и во «Властелине Колец» решающие схватки происходят в логове дракона. Достаточно выразительно изображены сцены празднеств, где воины пьют и пируют. Заимствование ряда образов и имён. В «Беовульфе» фигурирует имя Фродо. Толкиновское название орков происходит от древнеанглийского *orcneas* – так в «Беовульфе» называли чудовищ. Сходство наблюдается и в сюжетных линиях. То, как Бильбо Торбинс в «Хоббите» похищал кубок из логова дракона, весьма напоминает историю с кубком в «Беовульфе». Разъяренный похищением сокровища, дракон из «Беовульфа» покидает свою пещеру и принимается опустошать окрестности – этот поворот сюжета повторяется и в «Хоббите». Когда во «Властелине Колец»

меч пронзает одного из Черных Всадников, перед нами словно восстает эпизод из «Беовульфа»: то же самое случилось с мечом героя, когда он ранил чудовище Гренделя.

Толкин считал изучение «Беовульфа» серьезной работой. Из года в год он читал студентам эту книгу. И его чтение производило поистине волшебный эффект. «Он мог превратить аудиторию в пиршественную залу, где он был бардом, а мы – слушателями и гостями на пиру», – вспоминал его бывший студент.

Является ли «Властелин Колец» романом о Второй Мировой Войне? Многие из читателей сочли войну в Средиземье символическим образом войны в современной Европе. Они полагали, что видят в романе отражение реальных исторических фактов: во главе сил зла и в реальной войне, и в романе стоял отвратительный диктатор; союзникам пришлось забыть о своих разногласиях перед лицом общего врага; Кольцо Всевластья казалось всемогущим, подобно атомной бомбе.

Сам Толкин был недоволен такой интерпретацией романа. Он говорил, что это слишком примитивное толкование, слишком поверхностное. Писатель утверждал, что общий замысел романа сложился ещё до войны. Он придумал Братство Кольца задолго до того, как союзники объединили свои силы в реальной жизни. Мощь Кольцо оказалась в центре сюжета за восемь лет до создания атомной бомбы. В действительности многие представления писателя о войне сложились во время Первой мировой, когда он проходил воинскую службу, т. е. за тридцать лет до создания «Властелина Колец».

Толкин не предполагал, что Кольцо должно символизировать атомную бомбу. Известие о её создании вызвало у писателя гнев: он был возмущен деятельностью работавших над оружием ученых. В его книге легко усмотреть пропаганду пацифизма – представления о том, что всякая борьба включает в себе зло. Например, в «Прологе» он говорит: «Чего в хоббитах не было, так это воинственности». Однако сам Толкин не разделял пацифизм, как недеяние. Он хотел, что бы «Властелин Колец» показал, что подчас приходится отказываться от пацифистских идеалов и давать отпор врагу. Но Толкин не гордился военными триумфами. «Я думаю, „победитель“ никогда не может в полной мере наслаждаться радостью победы», – написал он однажды.

Как Толкин выдумал Горлума? Первоначальным источником множества событий в жизни Горлума и основных черт его личности была

богатая скандинавская мифология. Легенды повествуют о маленьком и алчном персонаже, обитающем в пещере, обладающем неким необычным кольцом и одержимом жадой мести. Он появляется в одной из тех легенд, которые Толкин больше всего любил в детстве – в «Сказании о Сигурде» Эндрю Ланга.

Это сказание повествует об Андвари, который был королем гномов, хранителем волшебного кольца и сокровища, добытого с помощью кольца. Он хранил сокровище в подземной пещере. Бог Локи проник в эту пещеру и одолел Андвари. Гном уступил ему все свои сокровища, кроме кольца, поскольку знал, что оно восполнит утраченное. Но Локи потребовал и кольцо. Андвари пришёл в ярость. Он проклял сокровище и кольцо: любому обладателю они должны принести несчастье и смерть.

Локи предупредил короля, для которого он украл сокровище, о проклятии, но король был неумолим. Проклятье сбылось. И вот этот король гномов Андвари очень похож на Горлума. Толкин не раз упоминает, что голодный Горлум мечтает о «рыбке». Скандинавская легенда, повествующая о гноме Андвари, содержит упоминание о том, что он жил в пещере, и описывает его обиталище. Гном жил в пещере с водопадом и водоёмом, полным рыбы. Он часто прибегал к колдовству, чтобы превратиться в большую рыбу, и таким образом ловил маленьких рыбешек, которых после пожирал! Узнаваемые мотивы скандинавских легенд мы находим в творчестве Толкина.

Могло ли в Средиземье быть больше волшебства? В мире Толкина волшебники творят не так уж и много чудес. По сути, писатель отрицает, что волшебство настолько уж важно. Он подчеркивает это, говоря, что использует слово «волшебник» для обозначения существа, «разительно отличающегося от чародея или колдуна». И, тем не менее, примеры волшебства обнаруживаются в мире его книг (кольцо, волшебные растения, палантир).

Существенным аспектом проблемы волшебства оказывается то обстоятельство, что «Властелин Колец» написан с точки зрения хоббитов. Как сам Толкин говорит в «Прологе», «хоббиты ни о каком волшебстве понятия и не имели». Не так-то много им известно об эльфах и о людях. И то, что хоббиты принимают за волшебство, например, способность Арагорна исцелять раны, может быть скорее недоступным хоббитам знанием, чем чародейством.

Толкин не хотел, чтобы его герои воздвигали башни по мановению волшебной палочки или взлетали на Роковую гору с помощью «летучего пороха». Он хотел, чтобы жизнь в Средиземье была трудной, чтобы миссия Братства была нелегкой и опасной. Именно это наполняет её смыслом.

Верят ли хоббиты в Бога? Фродо никогда не просит у того, чья сила превосходит все прочие. Действительно, во «Властелине Колец» вы почти не встретите молитвы и ритуального поведения. Вы можете прочесть книгу от корки и до корки и так и не понять, верит ли Толкин и его герои в Бога. Однако, вне всяких сомнений, религиозная тема присутствует во «Властелине Колец». Толкин говорил, что эта книга является «в основе своей религиозным – и католическим – трудом». Толкин хотел, чтобы в книге присутствовала сама религия, а не просто разговоры о ней. Так, в эпизоде, когда Фродо проявляет милосердие по отношению к Горлуму, поборов сильное искушение поступить иначе, проявляется вера Толкина в сострадание и прощение. Всем известно, что именно эти ценности лежат в основе христианского милосердия.

В развитие центральных мотивов книги также часто можно выделить религиозные идеи. Страдание и сожаление, которое испытывают бессмертные эльфы, по мысли Толкина, должны убедить нас в том, насколько счастливы люди, избавленные от подобных мук.

Религиозность Толкина повлияла на каждую страницу «Властелина Колец». Если вы этого не заметили – не ваша вина: именно к этому и стремился писатель. Он не хотел быть навязчивым. Он даже обосновал отсутствие религиозных церемоний с помощью одной из сюжетных линий «Властелина Колец». Обитатели Гондора сознательно отказываются от всяческих культов, боясь повторить свои прежние ошибки (некогда они поклонялись Саурону).

Фродо терпит неудачу? Счастливый финал. Мы часто хотим, чтобы истории заканчивались именно таким образом. Бильбо несколько раз повторяет, что надеется на подобный конец для себя самого. И вы, вероятно, ожидали того же от «Властелина Колец»?

Несмотря на свою специализацию в древней литературе, Толкин остается довольно современным писателем. В конце истории, когда читатели ожидают, что Фродо поступит подобно традиционному герою, Толкин отказывается следовать старомодному клише.

Вместо традиционной концовки – неожиданный поворот: Фродо оказывается не в силах бросить Кольцо в Роковую Расселину. Это на-

стоящий провал, как подчеркивает Толкин в одном из писем – недостаток силы воли. Фродо потерпел поражение в своей борьбе против власти Кольца. Это было настоящей неожиданностью для большинства читателей. Традиционные герои наделены невероятной силой. Они делают всё необходимое для того, чтобы преодолеть враждебные им силы. У Фродо это не получается.

Толкин понимал, что читатели будут идентифицировать себя с Фродо, и, конечно, им захочется думать, что они смогли бы с честью выдержать столь трудное испытание. Писатель решил этим пренебречь. Ему было важно, чтобы путешествие Фродо не увенчалось традиционным героическим деянием. Толкин полагал, что даже с риском разочаровать читателей финал эпопеи должен заключать в себе некий важный смысл, а не просто вызывать сильнейшее эмоциональное потрясение.

Чтобы победить Саурона, потребовалось целое Братство – включая и комичных хоббитов Мерри и Пипина. Бог одержал победу над дьяволом – но вовсе не потому, что герой побеждает врага в единоборстве.

Некоторые читатели задаются вопросом, не предопределен ли последний поступок Фродо самой судьбой. Толкин не верил, что исход событий предопределен роком. В его понимании, Илуватар, бог Средиземья, всего лишь сводит всех и вся вместе, чтобы посмотреть, что из этого получится, и подвергнуть испытанию Фродо и других героев. Но выбор все же остается за ними. И в случае с Фродо испытанию на самом деле подвергается его способность проявить милосердие по отношению к Горлуму. Фродо, подобно Сэму, в любой момент мог утратить сочувствие к Горлуму. В конце концов, ведь Горлум не остановился бы перед тем, чтобы убить Фродо или Сэма.

В этом и заключается одна из великих идей «Властелина Колец». Сила, которую мы обычно ценим в герое, не столь важна, как другие качества. Несмотря на то, что Фродо к концу книги приобретает более твердый характер, чем он был в начале истории, ему все же удастся сохранить свои скромные хоббитские добродетели. Именно мягкость его характера спасает Средиземье. Как и предсказывал Гэндальф, именно милосердие Фродо по отношению к Горлуму делает его Героем, способным победить Саурона. В этом смысле, по мнению Толкина, Фродо блестяще справился со своей задачей. Когда Горлум поскользнулся на краю Роковой Расселины и долгое путешествие Кольца, наконец, завершилось, Фродо одержал блестящую победу.

Подводя итог, следует сказать, что творчество Толкина, его жизненного опыта, его способа выражения действительности впечатляет уже не одно поколение. И это не могло не сказаться на творчестве других людей. Мы видим это в кинематографе, музыкальной индустрии, а так же в литературе и изобразительном искусстве. Влияние Толкина, по мнению многих его почитателей и аналитиков, сохранится и в далеком будущем.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Т. А. Титова.

ИММАНУИЛ КАНТ. АНТИНОМИИ ЧИСТОГО РАЗУМА

Ю. А. Гроо

Томский государственный педагогический университет

Мыслители и философы всех времен размышляли и пытались разобратся в проблемах сущности бытия, природы вещей и человека, его сознания в бытии. Проблема познания человеком окружающего мира являлась предметом изучения многих философов. Познание (*лат. cognitio* – познание, изучение, осознание), как процесс целенаправленного, активного отображения действительности в сознании человека, является предметом исследования такого раздела философии, как теория познания, или иначе, гносеология.

К концу XVIII в. в философской науке сложилась ситуация, свидетельствующая о недостаточности и узости знаний в области способности человеческого познания. Эту проблему попытался разрешить немецкий философ, ставший впоследствии родоначальником немецкой классической философии, Иммануил Кант (1724–1804). В своей работе «Критика чистого разума» он раскритиковал сенсуалистов, признающих ощущения единственным источником познания, и рационалистов, признающих таковым разум, обосновав, что и разум, и чувства играют одинаково важную роль в познании. Этой работой И. Кант перевернул всю философскую науку и изменил все современное представление о познании.

Принято выделять в философском развитии И. Канта два периода: докритический и критический. Такое деление обусловлено разными

подходами к решению главного философского вопроса: что первично – материя или сознание? В первый период своей деятельности И. Кант, будучи сторонником материализма, рассматривал пространство и время реальными в материалистическом смысле, существующими вне и независимо от сознания человека. В этот период И. Кант занимается вопросами космологии – происхождения и развития Солнечной системы, истории Земли и т. д. Опираясь на механистическую космогонию в трудах Декарта, гелиоцентрическую систему Коперника, законы движения планет Кеплера, законы падения тел Галилея и закон всемирного тяготения Ньютона, И. Кант впервые задается вопросом не только о происхождении Вселенной, но и о направлении ее развития.

Второй период начинается с написания диссертации на тему «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира» в 1770 г. Сам И. Кант считал, что источником идей, которые привели его к созданию «критической» философии, стали работы Дэвида Юма. Теперь И. Кант рассматривает время и пространство в качестве чувственных представлений. Предметом исследований становятся гносеологические, этические, эстетические вопросы.

Различие двух периодов определяется еще и тем, как И. Кант решает вопрос о способности человеческого ума к познанию. Вначале И. Кант уверен, что мир постигаем с помощью познания: «Дайте мне материю, и я построю из нее мир», т. е. «дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир». Позднее И. Кант начинает сомневаться в способности разума достигнуть познания самих вещей, т. е. сознание в силу своей ограниченности не может познать мир таким, какой он есть в действительности.

По И. Канту, существует две способности познания: априорные и апостериорные знания. Все, что мы познаем на практике, эмпирически, с помощью ощущений – это наше чувственное восприятие, т. е. знания «из опыта», апостериорные. Но помимо них, у человека имеются врожденные способности формирования знания, независимые от опыта – априорные формы, в которые укладываются результаты чувственного восприятия, с помощью которых ощущения упорядочиваются. Эти формы – пространство (априорная форма внешнего чувства) и время (априорная форма чувства внутреннего) [1].

В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы способны или причастны

к ним априори потому, что мы выводим их не непосредственно из опыта, а из общего правила, которое, однако, само заимствовано нами из опыта. Так, о человеке, который подрыл фундамент своего дома, говорят: он мог заранее знать, что дом обвалится, иными словами, ему незачем было ждать опыта, то есть когда дом действительно обвалится. Однако знать об этом совершенно заранее он все же не мог. О том, что тела имеют тяжесть и потому падают, когда лишены опоры, он все же должен был раньше узнать из опыта [1].

Вопросу о том, как возможны априорные суждения И. Кант посвятил свою «Критику чистого разума». Первая часть «Критики...» подразделяется на два раздела: на «трансцендентальную эстетику», т.е. учение о чувственности, и на «трансцендентальную логику», т.е. учение об интеллекте. Таким образом, И. Кант разграничивает чувственное и рациональное, чувственность и интеллект как два основных ствола человеческого познания. «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления», – пишет И. Кант, имея ввиду, что познание имеет две стороны: эмпирическую и априорную. Априорная сторона познания является высшей формой, в ней формируются понятия, в которые упорядочиваются ощущения.

Процесс познания И. Кант объяснял следующим образом: нечто неизвестное – вещь сама по себе, воздействуя на чувственность человека, порождает ощущения. Они упорядочиваются с помощью априорных форм созерцания – пространства и времени, располагаясь как бы рядом друг с другом в пространстве и времени, ощущения составляют предмет восприятия.

Восприятие носит индивидуальный и субъективный характер; для того чтобы оно превратилось в объективное – существующее вне и независимо от человеческого сознания, необходимо участие другой познавательной способности, а именно мышления, оперирующего понятиями. Эту способность И. Кант именует рассудком. Он определяет рассудок как активную деятельность, отличая ее тем самым от восприимчивости, пассивности, характерной для чувственности. Однако при этом деятельность рассудка формальна, она нуждается в некотором содержании, которое как раз и поставляется чувственностью. Рассудок выполняет функцию подведения многообразия чувственного материала (организо-

ванного на уровне восприятия с помощью априорных форм созерцания) под единство понятия.

Так что знание не происходит целиком из чувственного опыта, но оно и не замкнуто априорными схемами субъекта. В знании есть и то, что идет от опыта, и то, что связано с творчеством человека, с теми формами (моделями), которые имеются или создаются в деятельности субъекта как индивида или общества. «Хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [2. С. 105].

Таким образом, в результате исследования человеческих способностей познания И. Кант доказывает, что разум не может основывать на самом себе чистое знание, которое должно было бы составить чистую метафизику, поскольку «запутывается» в паралогизмах – ложно построенных суждениях, и неразрешимых антиномиях (*греч.* *antinomia* – противоречие в законе) – противоречиях, каждое из утверждений которого одинаково обосновано: «О том, каковы они (вещи) могут быть сами по себе, мы ничего не знаем, а знаем только их явления, то есть представления, которые они в нас производят, действуя на наши чувства».

И. Кант использовал понятие «антиномия» для объяснения основного тезиса своей философии, согласно которому разум не может выйти за пределы чувственного опыта и познать «вещи в себе». Антиномии возникают у разума в ходе его рассуждений, причем каждое из этих противоречий разум способен обосновать одинаково правомерно.

Исследование этих антиномий И. Кант называет трансцендентальной аналитикой. Идея мира как завершенного целого – космологическая идея (*греч.* *kosmos* – вселенная, *logos* – слово, учение), т. е. когда эта завершенность принимается за данный факт или предмет познания, запутывает разум во внутренние противоречия, выражающиеся в четырех антиномиях. Первые две антиномии И. Кант называет математическими, так как они занимаются составлением и делением однородного:

1. Антиномия первая: мир имеет начало (границу) во времени и в пространстве – мир во времени и пространстве бесконечен;

2. Антиномия вторая: все в мире состоит из простого (неделимого) – нет ничего простого, а все сложно [3. С. 161].

Истинное решение первой антиномии состоит в том, что ни граница сама по себе, ни бесконечность сама по себе, не являются чем-то истинным, ибо эта граница – такая, за которую нужно выходить, а бесконечность

эта – такая, которой всякий раз снова недостает границы. Разум рассматривает не мир во времени, а мир в его сущности и понятии. Решение второго тезиса в том, что с одной стороны существенным является простое, с другой – субстанции по своей природе пространственны и, следовательно, сложны [4].

Оба положения в данных антиномиях не могут быть одинаково истинными, так как дело идет об одном и том же однородном предмете (мир как данный в пространстве), о котором нельзя утверждать два прямо противоречащих друг другу суждения; следовательно, эти положения одинаково ложны. Это бывает вообще возможно тогда, когда понятие, лежащее в основе обоих упраздняющих друг друга положений, само себе противоречит; так, например, два положения: «четвероугольная окружность не круга» и «четвероугольная окружность круга» – оба ложны вследствие внутреннего противоречия в самом понятии «четвероугольной окружности». Подобное противоречивое понятие и лежит в основе двух первых антиномий. Когда мы говорим о предметах во времени и пространстве, то мы говорим не о вещах самих по себе, о которых мы ничего не знаем, а о вещах в явлении, т. е. об опыте как особом виде познания объектов, единственно доступном человеку.

Последние две антиномии И. Кант называл динамическими, в них ложность предположения состоит, наоборот, в том, что на самом деле соединимое представляется противоречащим; следовательно, тогда как в первом случае оба противоположные утверждения ложны, здесь, напротив, утверждения, противопоставленные друг другу только по недоразумению, могут быть оба истинны.

3. Антиномия третья: в мире существуют свободные причины – нет никакой свободы, а все есть природа (т. е. необходимость), или все в мире совершается в соответствии с необходимыми законами природы и познается на основе закона причинности, в мире причинность является не единственным законом, для объяснения требуется допустить существование свободной причинности.

4. Антиномия четвертая: в ряду мировых причин есть некое необходимая сущность – в этом ряду нет ничего необходимого, а все случайно [3. С. 161].

Объясняется существование данных антиномий тем, что математическая связь необходимо предполагает однородность соединяемого, динамическая же нисколько этого не требует. Когда речь идет о вели-

чине протяженного, то все части должны быть однородны между собою и с целым; напротив, в связи причины и действия хотя и может встречаться однородность, но в этом нет необходимости, ибо этого не требует понятие причинности, где посредством одного полагается нечто другое, совершенно от него отличное.

Во всех четырех случаях противоречащие положения могут быть доказаны одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами.

Антиномии являются признаком наличия для познания серьезных преград, которые невозможно преодолеть. Мир «вещей в себе», т. е. вещей таких, какие они есть на самом деле, для человека не познаваем, поскольку познание вещей у человека идет автономно от них, осуществляется само в себе и не имеет критерия на истинность вне себя.

И. Кант утверждает, что умопостигаемый мир, будучи сформированным, чисто разумом, никак не соединяется в процессе познания с миром чувственным, сформированным ощущениями. Познание осуществляется односторонней активностью разума, где сознание взаимодействует с вещью, а вещь не взаимодействует с сознанием и не оказывает никакого корректирующего воздействия на процессы мышления. Это значит, что наше знание вещей трансцендентально, формируется до самого опыта этих вещей врожденными свойствами разума описывать и организовывать любой опыт не в его сущности, а в своей собственной.

Невозможно выйти из противоречия разума с самим собой, пока принимаешь предметы чувственно воспринимаемого мира за вещи сами по себе, а не за то, что они есть на самом деле, т. е. за одни лишь явления [3]. Чтобы познать «вещи в себе» мы должны отказаться от догматического изучения этих вопросов; идея абсолютного и бесконечного имеет только значение регулирующего принципа, т. е. она сама не служит источником расширения знания, а является руководящей нитью для всё более и более прогрессирующего расширения знания.

Теория познания И. Канта подразумевает двухуровневую структуру сознания – «чувственно воспринимаемый мир» и «умопостигаемый мир», в то время как традиционно признавали двухуровневую структуру взаимодействия сознания и реального мира (сознание и мир вещей).

В «Критике...» И. Кант делает вывод о том, что так как познание «вещей в себе» разуму не доступно, то философия должна быть наукой о границах познания. А там, за границей познания разума действуют другие законы, принципы, идеи – Высшие сущности (высшие ценности).

А последние – это Бог, душа, свобода, воля, они не даны нам ни в каком опыте, рациональная наука о них невозможна.

Теоретический разум не может ни доказать их существование, ни доказать и обратное, то есть он не запрещает верить в существование Бога, в бессмертие души и в свободу воли. Это значит, что человеку дана возможность выбора – между верой и неверием, между нравственностью и безнравственностью. И. Кант назвал выбор – переходом от теоретического разума к разуму практическому, переход от гносеологии к этике. Там, где заканчивается «власть» чистого разума, начинают действовать законы практического разума.

Решая какую-либо проблему в повседневной нашей жизни, человек не способен в рамках своего разума познать реальность, какая она на самом деле есть. Субъективное восприятие проблемной ситуации не позволяет человеку принять по этому поводу адекватное и оптимальное решение, устраивающее не только его, но и окружающих. И здесь должны вступить в силу законы морали и нравственности, т.е. те законы и ценности, право существования которых разум не может ни доказать, ни опровергнуть. По И. Канту, человек, будучи не способным, выйти из своего субъективного мира в мышлении, способен преодолеть и воспарить над субъективизмом, благодаря вере, нравственной воле и способности суждения.

Таким образом, И. Кант изменил всю классическую философскую мысль, хотя, согласно его собственному сравнению с Коперником, И. Кант не открыл для ума новых миров, но поставил самый ум на такую новую точку зрения, с которой все прежнее представилось в ином и более истинном виде.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент О. Б. Гужавина.

Литература

1. Трансцендентализм – Иммануил Кант [Электронный ресурс] // Сайт «Интенция. Все о философии». URL: <http://intencia.ru/FAQ-print-7.html>
2. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
3. Кант, И. Соч. : в 6 т. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964. Т. 4, ч. 1. 544 с.
4. Гегель, Г. Философская пропедевтика. Работы разных лет в двух томах / Г. Гегель ; пер. Б. А. Драгуна. М. : Мысль, 1971. Т. 2.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Н. А. БЕРДЯЕВА И И. А. ИЛЬИНА

Е. А. Денисова

Томский государственный педагогический университет

Постижение ценности культуры, равно как и всей общественной жизни, принадлежит к разряду вечных философских проблем. Каждое философское направление дают свой ответ на этот фундаментальный вопрос. Современная жизнь, наполненная противоречиями, небывало актуализирует его. Наблюдается рост интереса в российском обществе к национальным особенностям, ценностям русской и всей отечественной культуры и цивилизации. Внутри российской культуры происходят коренные изменения ее мировоззренческих, ценностно-ориентационных и духовно-нравственных основ. Ценностные основы современной российской культуры охвачены кризисом.

Такие русские мыслители, как Н. А. Бердяев и И. А. Ильин многие страницы своих работ посвятили размышлениям о судьбе России, своеобразию ее национальной культуры. Важнейшей чертой русской философии, в чье совокупное наследие входят и их труды, является то, что ход истории, изменения социальной реальности рассматриваются под углом зрения судьбы человека. Главные темы философствования были связаны со стремлением поставить и решить «последние» вопросы человеческого бытия, вопросы, от которых зависит судьба человека в мире, сама осмысленность его жизни, борьба между добром и злом.

Противоречивость, неоднозначность творческих путей и взглядов Н. А. Бердяева и И. А. Ильина лишь усиливают интерес современных исследователей к их творчеству вообще, равно как и аксиологической составляющей их мысли в частности.

Без обращения к категории «ценность» познание в науках о культуре невозможно, как невозможно познание природных объектов без обращения к помощи специальных инструментов. Бердяев и Ильин, подобно Виндельбанду, истолковывали культуру как духовный феномен, образы которого обусловлены общезначимыми ценностями. Н. А. Бердяев писал: «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия,

она есть – осуществление новых ценностей» [1. С. 164]. Таким образом, культура есть не что иное как культурная ценность.

В своих трудах Бердяев последовательно проводит мысль о духовной сущности культуры и о культе как источнике ценности культурного творчества [2. С. 247]. Философ считает, что рационализм подрезает корни культуры и творчества, ведет к осклоплению, культурному обеднению, ослаблению творчества и убиению красоты. По-настоящему «богатую», «красивую культуру» он связывает с «христианской мистикой и с символикой, с культом, с тем духом, который создал икону, зажег перед ней лампаду и воскурил ладан» [2. С. 247]. По словам же Ильина, «культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях таинственной целесообразности» [3. Т. 3. С. 300]. Содержанием культуры является воссоздание «духовной ризы Божества».

Определяя свое отношение к ценностям культуры, Бердяев и Ильин выделяли присущие им свойства:

1. Бердяев отмечает, что культуру творят писатели, художники, музыканты. Однако «верно понимание культурного творчества как служения сверхличной цели» [4. С. 218]. Иначе интеллектуальному слою грозит гибель и исчезновение за ненужностью, или превращение их в послушных чиновников государства, «практикующего диктатуру над духом». По мнению философа, если бы в обществе восторжествовала точка зрения блага каждого, отодвинув на периферию сверхличные и сверхчеловеческие ценности и святыни, в мире не могло бы состояться ничего великого, ничего истинного и прекрасного. Жизнь человека упала бы до самых «низин», превратившись в элементарное, упрощенное, полуживотное существование. Лишь точка зрения сверхличной ценности ведет к возвышению личности. «Личность подымается и восходит только тогда, когда в ней раскрываются и творятся сверхличные ценности» [5. С. 65]. Мыслитель делает вывод о необходимости признания самоценности истины, смирения перед ней и готовности к самоотречению во имя нее.

В полном согласии с Бердяевым находится и мнение Ильина, утверждающего, что ценность добра, красоты, «жизни человеческого духа», познания являются сверхличными. «Так, ...добро едино, хотя история создала множество „этических учений“; красота объективна, хотя художники видят ее „субъективно“ и осуществляют ее по-новому;

и самая жизнь человеческого духа имеет трагическую природу, вопреки всем попыткам изобразить ее как идиллию» [2. Т. 3. С. 51].

2. Рассматривая творческий акт как процесс, в котором личность создает ценности, Бердяев и Ильин отмечают, что ценности культуры связаны с индивидуальным обликом творца. Притом чем больше в явлениях культуры проявляется облик творца, тем выше его ценность. «И то, что художник делает в творчестве, есть прежде всего образная индивидуализация „всеобщего“ духовного предмета; и далее – эстетическая материализация выношенного им индивидуального образа» – пишет Ильин [3. Т. 6, кн. 1. С. 153].

Мысль о том, что «этика творчества утверждает ценность индивидуального и единичного» [6. С. 200] пронизывает все творчество Бердяева. Она обусловлена самим строем личности философа и особенно наглядно проявляется в идее о творческом призвании человека. Мыслитель считает, что, во-первых, каждый человек должен поступать, действуя из глубины своей нравственной совести. Во-вторых, индивидуальное и индивидуальность являются нравственной ценностью высшего иерархической ступени.

3. В учении Бердяева и Ильина ценности культуры имеют положительное значение. Философы отмечают, что многие явления жизни, даже негативные, которые используются творцами в качестве сюжетов их произведений, превращаются в культурные ценности, несущие в себе положительный заряд. Ильин пишет, что искусство может «петь обо всем», даже о самом худшем и пошлом. Однако даже ничтожество, творчески переработанное художником, может превратиться в сатиру или комедию, трагедию или эпиграмму, басню или карикатуру.

Согласно идее Бердяева, в творческом экстазе сгорает демоническое зло. Несмотря на возможную «демоничность» творца, великое творение, творческая ценность и породивший ее творческий экстаз демоничными быть не могут. Так, в природе Леонардо да Винчи предполагается «демонический яд», который просвечивает в Джоконде, в Вакхе, в Иоанне Крестителе. Но, пройдя через творческий экстаз гения, это зло сгорело и претворилось в иное, свободное от «мира» бытие, а созданная в образе Джоконды вечная красота «войдет в вечную божественную жизнь». Эту мысль можно отнести и к области нравственной жизни. Бердяев отмечает, что в романе Толстого «Анна Каренина» зло Каренина растаяло и превратилось в жалость, когда он узнал о гибели Анны.

4. Бердяев и Ильин утверждают, что ценности культуры не могут быть подвержены научному анализу. Философы отмечают, что наука занимается изучением эмпирического мира, а ценности и их творчество относятся к области иррационального. «Творчество бытийственно, – считает Бердяев, – и потому вне гносеологического суда. Научная гносеология всегда имеет дело с вторичным, творчество – всегда в первичном» [2. С. 352].

Ценности культуры, по мысли Бердяева, предполагают эстетизированную форму своего выражения. Поэтому философия, занимающаяся проблемой ценностей, может достаточно полно и адекватно раскрыть их содержание в художественной форме.

Согласно взглядам Ильина человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее того чем занимается «положительная наука», объясняющая все явления естественными законами. В творческом процессе «снимаются все условия разграничения, установленные человеческой наукой, и дух художника свободно вращается в содержаниях мира...» [3. Кн. 1. С. 152].

5. Ильин полагает, что сущность искусства заключается в творении для других, требующем «живой духовной встречи людей», в которой один отдает, другой берет. Искусство можно считать состоявшимся только тогда, когда внимание читателя, зрителя, слушателя принимает в себя и воссоздает у себя в душе создание автора. Точно так же и Бердяев считает, что говорить о ценностях культуры можно лишь при условии, что созданное художником произведение сообщает миру что-то новое.

Таким образом, можно сделать вывод, что суть ценностей культуры философы видели в их общественном предназначении. Однако Бердяев отмечает, что произведенные в свободном творческом акте ценности культуры, могут остаться непонятыми для других и быть непринятыми обществом, поскольку культуре присуще аристократическое качественное начало. «Социальное одиночество творцов культуры есть характерное явление буржуазной эпохи», – пишет философ [4. С. 216]. Точно так же думает и Ильин, когда пишет, что в своей творческой работе художнику предстоит поднять великий и одинокий труд. Возможно, ему предстоит полное непонимание со стороны современников и настоящее одиночество. «Есть одинокие художники. Они при жизни не находят ни отклика, ни признания. В стороне от современных им поколений,

от быстро возникающих и уносящих „запросов“, „направлений“ и „течений“ они созерцают и создают свое, одинокое... Они сами не отвертываются от людей, но люди отвертываются от них: люди смотрят и не видят; слушают и не слышат; или, по слову Гераклита, „присутствуя, отсутствуют“» [3. Кн. 1. С. 113].

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. Б. Куликов.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. М. : Мысль, 1990. 173 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М. : Правда, 1989. 607 с.
3. Ильин, И. А. Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. М. : Русская книга, 1993–1998.
4. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. М. : ФОЛИО, 2003. 679 с.
5. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. М. : ИМА-ПРЕСС, 1990. 286 с.
6. Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. М. : ФОЛИО, 2003. 702 с.

РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ

А. Д. Дудукина

Томский государственный педагогический университет

Целью данной работы является рассмотрение смыслового содержания рунической письменности древнескандинавских племен.

Какие-либо умения или навыки, которые включают в себя традиции жизнедеятельности разных народов, присутствующие в культуре каждого народа, как ручей, однажды проложивший себе русло, продолжают своё течение на протяжении многих веков. Этот процесс не может быть постоянно одинаковым, в силу того, что находится в прямой зависимости от ментального содержания народа, который ими оперирует. Чтобы наиболее ясно разобраться, о чём идёт речь, для начала нужно определиться со значением понятия «менталитет».

Менталитет формируется в процессе воспитания и обретения жизненного опыта и, таким образом, это то, чем различаются индивиды,

получившие воспитание и прошедших обучение в различных культурных средах и в результате усвоившие или сформировавшие некоторое конкретное содержание представлений о мире.

В переводе с древнескандинавского слово «руна» означает «тайна». Руническое письмо само по себе традиционно считается искусством и искусством не простым – оно отличается от привычного западно-европейской традиции кириллического или латинского письма смысловой и функциональной нагрузкой. Главная особенность рун состоит в том, что они несут в себе не только информационный, но и магический смысл – при помощи рун, в частности, в древнескандинавских племенах предсказывали будущее, исход битв и т. п.

Есть несколько версий происхождения рун. Одной из них является миф о деяниях верховного божества древнескандинавского пантеона Одина. Согласно космогоническим мифам данного народа, основой мира является ясень Иггдрасиль – мифологическое дерево жизни и судьбы, соединяющее различные миры, которых насчитывается девять, как у мирового древа – девять корней. На вершине ясеня сидит мудрый орел. Корни древа гложет дракон Нидхел. Дракон и орел находятся в постоянном противостоянии, а перебранку между ними переносит снующая по стволу белка Рататоск, посредник между «верхом» и «низом». На следующем уровне четыре оленя щиплют листья Иггдрасиля, а олень Эйктюрмир и коза Хейдрун едят его листья, стоя на крыше Валгаллы. Корни Иггдрасиля простираются в царство мертвых, к великанам и людям. У самого дерева находится главное святилище, где боги вершат свой суд. А под корнями – Урд, источник великана Мимира. Около Урда живут Норны, определяющие судьбу людей. Они поливают влагой источника дерево, чтобы оно росло, подгрызаемое змеями и оленями не гнило. Медвяный источник Имира питает дерево, и сам ясень Иггдрасиль покрыт медвяной влагой, поэтому поедающая его листья коза Хейдрун питает неиссякающим медвяным молоком павших в бою воинов Валгаллы. Как вечно зеленое дерево жизни, Иггдрасиль пропитан живительным священным мёдом, который в скандинавской мифологии считается источником знаний и который по поверью одарил скандинавов знанием рунического письма после того, как Один увидел и прихватил с собой висевший на ветке мешочек с рунами, спускаясь с ясеня после жертвоприношения – провисев некоторое время на нем вниз головой и выколов себе один глаз с целью достижения мудрости.

Вообще руны – основной магический алфавит северной Европы. Один из интереснейших способов использования рун – тайнопись. Руны – древняя магическая система, пиктографически представляющая основные силы природы. Известно как минимум шесть систем рунической тайнописи. Наиболее известные разветвленные руны (Kvist – руны) и шатровые руны (Tjaid – руны).

Считается, что лучше всего изготавливать руны из натуральных материалов – дерева, камня, кости, глины, воска, льда (в особых случаях в воду добавляют каплю крови предсказателя и после гадания такие руны обязательно уничтожаются). Деревья, с которыми связаны руны: береза, боярышник, бузина, бук, вяз, дуб, ива, калина, ольха, осина, падуб остролистный, рябина, сосна, терновник, тис, яблоня, ясень.

Согласно списку некоторых рун их значение и смысл следующие:

Руна Феху – исполнение или потенциал (скот, дом, животное, поддержка, обмен или распределение, умножение богатства). Это первая руна Футарка и одновременно его завершающая руна. Как завершающая руна Феху свидетельствует о достижении поставленной цели, исполнении задуманного, исполнении желаемого. Как начальная – это базис, ресурсы, которыми вы владеете (или обрели в результате собственных усилий) и можете использовать их для достижения цели.

Как амулет требует от человека ответственного отношения к своей собственности, материальным и духовным ценностям. Если энергия Феху не отдается и не принимается свободно, она может погубить человека. Освободитесь от жадности и недоверия. Алчность и зависть могут ослабить магические свойства руны.

Руна Феху:

- поможет выбраться из нужды;
- предохраняет от ошибок при приобретении ценных вещей и помогает сохранить их;
- защищает ваши духовные и материальные ценности;
- способствует очищению какого-либо места или вещи от отрицательной энергии;
- гармонизирует отношения между мужчиной и женщиной на физическом плане;
- поможет в самолечении или лечении кого-либо из близких;
- направляет в созидющие сферы вашу энергию;
- для ускорения перехода дел в новую стадию.

Руна Уруз – это руна внутренней силы. Она не проявляет себя явно, но формирует будущие обстоятельства, несет с собой перемены. Она приводит ситуацию в движение, развитие, способствует её становлению и делает нестабильной. Вам может показаться, что вы теряете контроль над событиями, но очищающая сила руны Уруз изгонит из вашей жизни лишь то, что может ослабить вас.

Руна жизненной энергии и силы, которой не легко управлять. Требуется полного использования своих способностей и приложения больших усилий. Если вы используете эту руну как амулет, будьте готовы к неожиданным переменам. Не противьтесь новому, входящему в вашу жизнь.

Руна Уруз:

- придает мужчинам мужественность, женщинам женственность, и тем и другим – уверенность в себе, своих силах и возможностях;
- ускорит восстановление сил после болезни, поможет почувствовать себя обновленным;
- способствует поддержанию хорошей физической формы;
- укрепит вашу решимость, поможет стать более самостоятельным, создаст в вашей жизни новые ситуации, инициирует новые обстоятельства;
- поможет зарождению и укреплению любви и дружбы.

Руна Турисаз – расчистка пути.

Райдо – движение.

Кано – свет.

Гебо – дар.

Вуньо – кульминация (радость, слава, гармония).

Хагалаз – радикальный разрыв (град, разрушение, стихийные силы).

Всякая мифологическая является плотью от плоти народа, её создавшего. В ней, как в зеркале, отражается характер народа и его ощущение мира и себя. Ценности, которые он превозносит и антиценности. Также мифология, точнее самый её дух, находятся в непосредственной связи со средой народа – мифотворца. Чем дальше на север, тем более жестокими делаются боги, кровопролитнее битвы, трагичнее конфликты и безнадежнее судьбы.

И действительно, скандинавские боги, в отличие от греческих, не обладают ни вечной молодостью и красотой, ни бессмертием. Буквально с первых слов пророчицы Вельвы, рассказывающей о сотворении жизни,

становится известным главное – мир богов и людей обречен на гибель. Картина приближения смерти, описанная во всех подробностях, потрясает воображение. Сначала наступит лютая зима, которая длится нескончаемо долго, а лето всё не приходит ей на смену. Великие войны и распри захватывают мир. Так говорится об этом в первой песни «Старшей Эдды» «Прорицания Вельвы».

Биться начнут
Биться друг с другом,
Родичи близкие
В распрах погибнут
Тягостно в мире,
Великий блуд,
Век мечей и секир,
Треснут щиты,
Век бурь и волков
До гибели мира
Щадить человек
Человека не станет.

Таково предначертание мировой судьбы. Однако в заключительных строфах песни сказано, весь мир возродится и асы по-прежнему будут на зеленых лугах играть в кости.

Однако, сохраняя общеиндоевропейские черты, религия древнескандинавских племен имела следующие особенности:

1. Имеются черты тотемизма (например название племен Херуски – молодой олень), как и у всех индоевропейцев, особо почитается волк.
2. Анимистические верования в многочисленных духов природы: духи земли – эльфы, горные тролли, водяные никсы, подземные гномы и другие частью дружелюбные по отношению к людям, частью – враждебные.
3. Традиционная для индоевропейцев вера в оборотничество и оборотней (людей-волков – werewolf).
4. Широкое распространение магии, веры в колдовство (даже боги действуют как шаманы и колдуны), важная роль мантики – системы гаданий (гадали по полету птиц, по поведению священных коней, а особенно – по рунам).

5. Древние скандинавы имели развитое жречество. Жрецы были наиболее влиятельным сословием, в их руках была судебная власть. Основные места культа – священные рощи, где находились жертвенники.

6. Зафиксированы общегерманские боги – южно-германский Вotan соответствовал северо-германскому Одину, Вotan (Один) – бог бури, вихря, бог умерших, водитель душ. Вotan – волшебник, бог бурных душевных движений, бешенства, неистовства, бог-шаман. Донар соответствовал скандинавскому Тору – бог грома и молнии, Тиу (Циу) – бог сияющего неба. Феир – бог плодородия, Бальдер – светлое божество плодородия, весны и растительности, Локки – хитрый и коварный бог огня.

7. Основу космоса в скандинавской мифологии составляет мировое дерево – ясьень Иггдрасиль. Они связывают землю, где живут люди (Мидгард) с небом, где находятся боги (Асгард) и где помещается своеобразный «рай» для павших воинов – Вальхалла, а главное – подземным миром, где находится царство мертвых – Хель и разнообразные водные источники.

Стоит отметить, что миф о гибели богов оказался очень популярен в художественной литературе. Сначала его развивали романтики, затем на рубеже XIX и XX вв. происходит его возрождение благодаря Рихарду Вагнеру с его героической тетралогией «Кольцо Нибелунгов». Германш – скандинавская филология и сегодня служит живительным источником, питающим поэтов, композиторов и художников.

Однако остается открытым вопрос: как люди, не имеющие высокоморальных качеств, и доминирующими проблемами для которых были: еда, сон, победа в сражении, гулянка – смогли составить столь сложную, несущую в себе огромный информационный багаж письменность? Ведь даже современные ученые до сих пор доподлинно не знают, как появился рунический алфавит. Это до сих пор загадка. И как ирония судьбы руна в переводе означает – тайна.

Из вышеописанного можно сделать вывод, что внутренний мир древних скандинавов оказывается намного богаче и ярче, чем может показаться на первый взгляд. Тайна рунического письма продолжает нести в себе всё ту же «тайну» и мистику, которую когда-то вложил в неё древнескандинавский народ, и сегодня смысловое содержание рун представляет собой материал для анализа методами не одной науки. Для их полного понимания необходимо привлечение информационных и ценностных конструкций и ориентиров целостной культурной

системы данного народа, которые бы способствовали расшифровке содержания сознания создавших руническое письмо людей. Это возможно только общими усилиями антропологов, культурологов, психологов и историков.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент О. Б. Гужавина.

МОДИФИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ НА ПРИМЕРЕ СЮРРЕАЛИЗМА

Е. Г. Ключкина

Томский государственный педагогический университет

Проблема интуиции имеет богатейшее философское наследие. Пожалуй, немногие философские проблемы в своем развитии претерпевали такие качественные изменения и подвергались анализу представителей самых различных областей знания.

В разные периоды науки к проблеме понимания интуиции обращались многие исследователи из разных областей знания: Платон, неоплатоники, Декарт, Лейбниц, Кант, Фихте, и их современники Гаман, Якоби, Шеллинг, Фридрих Шлегель, Гете и Шопенгауэр, а в XX в. – Бергсон и Лосский, Гуссерль и Бенедетто Кроче и многие другие [1].

Без сомнения, интуиция является мощным средством по прямому вычленению истинного знания и активно проявляется в различных сферах культуры: религия, искусство, наука. С другой стороны, интуиция не является строго организованным орудием познания и слабо подчиняется общим законам культурного развития, демонстрируя спонтанность и зачастую немотивированность своего применения. Несмотря на многочисленные исследования по данной тематике, единого взгляда не было выработано. Считаем, целесообразно превратить интуицию из слепого орудия в строгий метод, ведущий к достоверным результатам не только на пути таинственных скачков, но и в условиях четкого контроля своего применения.

Актуальность данной статьи обусловлена противоречивым характером отношения к интуиции, сложившимся в философском и культурологическом знании. Интуицией принято называть тот момент, когда

в сознании человека неожиданно появляется готовый результат, не требующий доказательств, ранее не поддававшейся решению проблемы. Понимание очевидно, но, в тоже время, любые попытки рационализировать сам феномен приведут к краху. Пожалуй, самый вероятный путь познания процесса озарения – моделирование ситуации, описание состояния субъекта. Считаем, что нецелесообразно отвергать интуицию, указывая на ее непознаваемость или сложность в познании. Можем говорить, что процесс интуиции может быть познаваем в том случае, если будут рассмотрены конкретные примеры, где интуиция является ведущим методом. А в качестве метода интуиция наиболее широко раскрывается в творческой деятельности, являясь одной из основ творческого процесса. Особенно это актуально в рамках искусства, ибо именно оно наиболее остро нуждается в объяснении своих интуитивистских корней и менее всего подчиняется каким-либо разумным предписаниям. В качестве базы для рассмотрения реализации интуиции было выбрано такое направление, как сюрреализм. Одними из величайших представителей сюрреализма в живописи стали Сальвадор Дали, Макс Эрнст, Рене Магритт, Альберто Джакометти, Валентина Гюго, Мерет Оппенгейм, Ман Рэй, Туайен, Ив Танги. Наиболее яркими представителями сюрреализма в кинематографе считаются Луис Бунюэль, Жан Кокто, Ян Шванкмайер и Дэвид Линч. Сюрреализм в фотографии получил признание благодаря пионерским работам Филиппа Халсмана. Причины данного выбора в пользу сюрреализма будут указаны по ходу статьи.

Говоря о творческом процессе в целом, мы можем увидеть, что любой творец (ученый, исследователь, художник, музыкант, поэт), сталкиваясь с проблемой, которая не была решена ранее, испытывает сложности. Но именно это препятствие – необходимое условие для возникновения чувства озарения, когда появляется идея, поражающая простотой и сложностью самого творца. Простотой, потому что полученный ответ кажется очевидным, сложностью, потому что субъект не знает, как эта идея посетила его. Поэтому, важен момент и состояние концентрации на интересующей проблеме, причем задача не должна быть решена привычным способом, иначе переход на иррациональный уровень мышления, «примитивный», как называет его психолог Лебедев, невозможен [2]. При невозможности решения проблемы на привычном рациональном уровне, наше мышление переходит на другой, мифологический, связанный с алогичным, чувственно-эмоциональным пониманием

проблемы. Поэтому, при многообразии определений «интуиции», нечто общее можно встретить во всех – момент непосредственности в процессе познания, который, как было отмечено психологами – исследователя этой сферы, возникает в состоянии расслабленного сознания. Так выделяем четыре фазы, сменяющие друг друга, характеризующие творческий процесс: подготовка, включающая набор информации, накопление опыта, так как на его основе будет появляться ответ, вынашивание задачи, решение, которое пока творцу недоступно, инкубация, т.е. отвлечение внимания на другой предмет, озарение, являющееся непосредственно интуицией, и обоснование, как попытка анализа полученного недискурсивного решения, абсолютной идеи.

В подтверждение этому мнению можно привести в пример концептуальные основы онтологии искусства (феноменология Эдмунда Гуссерля, экзистенциализм Мартина Хайдеггера, структурализм Ролана Барта) – исследовательского направления в эстетике, изучающего фундаментальные принципы бытия искусства, бытийную сущность его символики. Исследователи этого направления сходятся к тому, что каждый художник стремится быть не своим собственным глашатаем, но «глаголом универсума» [3]. Художник использует свой гений для поимки интенций, излучаемых бытием, через каналы художественных форм добивается проникновения в дух бытия. В этом смысле все привносимые автором индивидуальные мотивы и акценты не могут сводиться лишь к отражению его субъективности.

В подтверждение связи интуиции с художественным творчеством помимо работ по онтологии искусства, необходимо уделить внимание идеям Анри Бергсона, Бенедетто Кроче (XIX – первой пол. XX в.) [4]. Их позиции соответствовали духу исторического процесса, когда роль разума и логика критиковалась, быть может, даже отрицалась, и выделялась проблема познания, которое должно было осуществляться, основываясь на иррациональном, мифологическом, интуитивном и мистическом. К слову, Кроче говорил об искусстве как области внелогического, интуитивного познания. Таким образом, на «арену» художественного творчества вышло чувствительное восприятие, поскольку именно ошутив (а не осознав!) глобальность начавшегося перелома в культуре и цивилизации в целом, новые течения в искусстве начала XX в. приняли на себя функции ниспровергателя старого, пророка и творца нового. Таким был и сюрреализм, теоретики которого считали (А. Бретон), что цель

творчества должно быть не отражение или отображение окружающей реальности или представлений о мире, а контакт с «высшей реальностью», областью бессознательного. Сюрреализм верит в существование непрдуманых структур, выражающих подлинную сущность бытия, и в то, что художник может быть посредником между этой высшей и обыденной реальностью.

Практически шаг за шагом, сюрреалисты вытеснили из сферы художественного творчества логику и разум, заменив их «интуитивным прозреванием» впавшего в состояние транса художника [5]. Проводниками туннелей, принятых классиками сюрреализма за сверхреализм, являются абсурд, абстракция, интуиция, аллюзия, парадоксальность и др.

Таким образом, можем сказать, что сюрреализм – это искусство наблюдения и психологизма восприятия мира, суть – работа интуиционной и сознательной фильтрации восприятия ощущений для субъективной и объективной самоидентификации в реальном времени [6].

Говоря о работах сюрреалистов, стоит избегать углубления в сферу психологии и психиатрии, поскольку нас интересует не наличие этих процессов, их природу, основу, фактор инициации отдельных образов, а путь их реализации, который мы можем видеть в интуиции. В этом смысле, интуиция становится бессознательным инструментом. Но есть и другие примеры (не все сюрреалисты увлекались психоанализом, например, Рене Магритт относился к нему весьма скептически), когда хаотичность образов порой уступала место их большей продуманности, и сюрреальность становилась не просто самоцелью, но обдуманым методом высказывания идей, стремящихся разорвать обыденные представления.

То, что мы можем заметить, рассматривая картины сюрреалистов – они передавали информацию через образы. Художники умело создавали и оперировали ими, что может свидетельствовать об огромной роли интуиции в их творчестве, где образы являются продуктами индивидуального озарения художника, «чистой» интуицией. «Искусство живописи, – писал Магритт, – которое лучше назвать искусством подобия, может выразить в красках идею, вмещающую в себя только образы, которые предлагает видимый мир. Интуиция подсказывает художнику, как расположить их, чтобы выразить тайну. Тайна – сущность мира» [7].

Смысл картин ускользает от зрителя. Стремясь объяснить картину, разум судорожно хватается за все. Поэтому, обращаясь к произведени-

ям, зрителю стоит абстрагироваться от тех героев и форм (в прямом их значении, т. е. на логическом уровне понимания), что изображены на полотнах и «спуститься» на низший, но наиболее продуктивный, на данный момент, тип мышления – «примитивный», «мифический» [7].

Рассматривая классическое произведение искусства, мы привыкли видеть «рассказ», «фигуры», «рамы», которые, бесспорно, облегчают процесс познания. В старой классической живописи пути восприятия канонизированы: если мы «вступаем» в новое пространство и время, то они ничем не отличаются от повседневно переживаемых нами пространства и времени. Другими словами, пребывание здесь, в повседневной реальности, или там – в реальности полотна – ничего не меняет ни в мире, ни в его восприятии. Однако, стремясь обнаружить подобное предпространство, пространство перехода, промежуточного, дешифрующего живописные знаки, как бы переводя один вид энергии в другой, образах художников – сюрреалистах натыкаешься на подвижную плоскость, не имеющую определенной пространственной размерности и отчужденную от нашего привычного поля созерцания. Это и есть тот самый выход за рамки привычного и простого. Знакомые предметы и герои у сюрреалистов невозможно расшифровать традиционным, привычным способом, как невозможно традиционным путем познать антизеркальный характер живописных и графических миров их картин. Иррациональное, таинственное, космическое выявлено в их работах просто и сильно. Зрителю необходимо отбросить стандарты, логику и обратиться к интуиции, поскольку мы имеем дело со своеобразным над- или сверхискусством, художники отсылают нас к пониманию и видению абсолютного, космического, нематериального на своих полотнах. Без изначальной продуманности подобные образы не смогли бы быть созданными, поэтому манера работы этих художников не относится к «автоматическому письму», рознит с фрейдийскими теориями о бессознательном. Здесь мы говорим о другом, не бессознательном, а интуитивном. Такие произведения искусства будут трактоваться по-разному. Это и обеспечивает полотнам постоянное возрождение, состояние актуальности.

Так работы известных нам сюрреалистов становятся зашифрованными посланиями-идеями, которые сами по себе интуитивны, иррациональны, для расшифровки невозможно подходить с позиции логики, так как в этом случае наше восприятие и осознание произведения будет

тяготиться к абсурдному, что не соответствует действительности – содержанию работ. Эти художники целенаправленно создавали образы, не отображали реальность мира на своих полотнах такую, как мы видим глазами, а такую, как они чувствовали. Интуиция была для них ключом и основным методом, так как потребность в создании образа была осознанной, хотя сам образ создавался спонтанно, был озарением.

Считаем, что сфера влияния интуиции необычайно широка, возможно, рассмотрение ее в качестве ведущего метода, поможет яснее увидеть не только определенную сферу человеческой деятельности, но и подтолкнет, приблизит к самому пониманию интуиции, объяснению данного процесса с рациональной точки зрения, насколько, разумеется, позволяет сама тема. А, значит, это будет шагом к теоретизированию данного феномена.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. Б. Куликов.

Литература

1. Асмус, В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII – начало XX в. [Электронный ресурс] / В. Ф. Асмус. URL: http://polbu.ru/asmus_philointuition
2. Лебедев, И. Б. Психика. Сознание. Бессознательное : монография / И. Б. Лебедев. М. : Московская академия МВД России, 2000. 150 с.
3. Кривцун, О. Онтология искусства [Электронный ресурс] / О. Кривцун. URL: <http://www.deol.ru/users/krivtsun/aest14.htm>
4. Бергсон, А. Творческая эволюция [Электронный ресурс] / А. Бергсон. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bergs/index.php
5. Хозиев, М. Сюрреализм в искусстве [Электронный ресурс] / М. Хозиев. URL: http://www.darial-online.ru/2000_5/Hoziev.Shtml
6. Действительно ли сюрреализм сверх-реалистичен и сверх-разумен? [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/samojlowich_a_m/ssamojlowich_a_msjurr.shtml
7. Magpumm, P. [Электронный ресурс]. URL: <http://artpages.org.ua/palitra/rene-magritt.html>

ПОЗНАНИЕ КАК СИСТЕМА ПРИВЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: ЭТИКА «ПУТИ ВОИНА»

А. В. Кривошеев

Томский государственный университет

В этой статье речь пойдет о «пути воина» – одной из древнейших этических систем на земле. Большинство людей узнали о ней из книг одиозного американского антрополога К. Кастанеды, который, в свою очередь, неоднократно подчеркивал, что всю жизнь лишь транслировал, насколько был способен, знание, полученное им от «индейского шамана дона Хуана Матуса». К сожалению, из-за особенностей эпохи и самого «транслятора», о пути воина в массовом сознании сложилось весьма искаженное представление, мол, сплошные грибы, кактусы и прочие галлюциногены. А тот факт, что за «кастанедой» скрывается безмерная глубина Знания, мало кто принимает во внимание. Того Знания, к которому тольтеки (одно из центральных древнемексиканских племен), с которыми также обычно ассоциируется К. Кастанеда, пожалуй, имеют косвенное отношение, не они его придумали, потому что придумать Знание невозможно, как не может оно и бесследно исчезнуть. Зато можно сойти с того места, с которого только и возможно было его восприятие.

Сами по себе книги К. Кастанеды, скорее, опасны, и на неподготовленное сознание влияют в большей степени негативно. Но путь воина, именно как *этическая система*, заслуживает все-таки самого пристального внимания, если, конечно, суметь сепарировать его из массива кастанедовских текстов. Именно такая попытка и осуществлена в данной статье. Здесь будет много незакавыченных цитат из его книг, не потому, что автор статьи претендует на плагиат, а лишь для того, чтобы облегчить читателю восприятие текста. Задача автора статьи – собрать целостное мозаичное панно из доступных ему разрозненных элементов.

Суть пути воина – *Любовь* как отдавание себя этому прекрасному и непостижимому миру свободно, радостно и безупречно. Основа жизни и поведения человека – *безупречность* по отношению к судьбоносным силам бытия, даже если такое поведение будет выглядеть нелепо

или бесчеловечно. Сила, Дух, Знание – единственные по-настоящему реальные и имеющие значение вещи. Но мы ничего не можем о них сказать, они абсолютно невыразимы. Мы можем лишь *свидетельствовать* об их активнейшем присутствии:

– на этой земле существуют Силы, которые направляют и ведут людей, животных и вообще все живое, что здесь есть. В руках этих Сил мы – мусор, ничто;

– во всем, что делает человек, необходимо лишь одно – Дух. Без Духа человек ни на что не годен;

– Дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, Дух постоянно дает нам знаки. Мы не замечаем этого лишь потому, что *не настроены* на него. Дух во многих отношениях подобен дикому зверю. Он держится на расстоянии от нас до тех пор, пока мы, произведя необходимую настройку, не выманим его. Именно тогда Дух проявляется;

– внутри каждого человеческого существа есть гигантское озеро безмолвного Знания, о существовании которого каждый из нас знает интуитивно. И ради иллюзорного мира разума человек отказывается от безмолвного Знания. Пожиная плоды такого положения вещей, в конечном счете, он обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порожденные отчаянием и ведущие к саморазрушению. Причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица безмолвного Знания, которая у него еще осталась, и дает человеку, во-первых, возможность интуитивно почувствовать свою связь с источником всего сущего, и, во-вторых, понимание того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, завершенность;

– безмолвное Знание невозможно охватить умом. О нем нельзя говорить. Его можно только *пережить*;

– мы всегда должны делать то, что говорит нам безмолвное Знание, какими бы неразумными ни казались нам его советы.

Все воспринимаемое есть только лишь энергия. Мы просто не умеем воспринимать ее непосредственно, без *интерпретаций*. В первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом – миром объектов. Мы воспринимаем нечто. Это – точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы *обучаемся* тому, что и как воспринимать.

Окружающий мир, каким мы его представляем, в действительности совсем иной. Мы полагаем, что имеем дело с миром объектов, но это ошибка. Мир объектов существует лишь постольку, поскольку таким его делает наше сознание. Глупо верить в то, что мир именно таков, каким считаем его мы. Этот мир – место, исполненное тайн. Мы – разумны. И поэтому полагаем, что очень много знаем о мире. Но так ли это? Много ли мы знаем о нем на самом деле? Ведь мы видели только действия людей. И весь наш опыт ограничен лишь тем, что люди делают по отношению к нам и друг другу. И больше мы не знаем ничего. Ничего о тайнах этого неизведанного мира.

Между нами и миром находится наше *описание* мира. Поэтому правильно говорить, что мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира – всегда только *воспоминание* о его действительном восприятии. Плотность, материальность – это тоже воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире, они являются только накапливаемой нами памятью. Памятью о *таком* описании. Мир формирует его описание. Мир таков, каким мы его описываем, и другого мира у нас нет. Мир – это просто *точка зрения*, вне зависимости от того, кому она принадлежит.

Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы. То, как мы сегодня встречаемся с окружающим миром, – результат преобладающей *системы интерпретаций*, которой оснащен каждый современный человек. Мир повседневной жизни состоит всего из двух точек отсчета – «здесь и там», «внутри и снаружи», «добро и зло», «верх и низ». Наше восприятие жизни по существу является двухмерным. Ничто из того, что мы воспринимаем или делаем сегодня, не имеет *глубины*. Окружающий нас мир определяется процессами познания, и эти процессы не являются неизменными – они не есть нечто непреложное, раз и навсегда данное. Эти процессы зависят от подготовки, от настройки, они связаны с практичностью и пользой. То есть, процессы привычного нам познания являют собой только следствия *воспитания* – и ничего больше! Именно наше познание (как привычная система привычных интерпретаций) катастрофически сокращает наши ресурсы. Именно система интерпретаций говорит нам о параметрах наших возможностей, и, так как мы всю жизнь использовали одну эту систему, мы никак не можем отважиться поступить вопреки ее авторитету.

Мир – это то, что мы воспринимаем, независимо от избранного нами способа восприятия. Мир – это все, что заключено здесь. Жизнь, смерть, люди и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен и непостижим. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть сам по себе, – чудесной загадкой. Беспредельность мира настолько очевидна, что только сознательное заблуждение не позволяет нам этого заметить.

У человека в этом мире есть четыре природных врага: страх, ясность, сила, старость. Чтобы победить страх человек никогда не должен останавливаться и избегать ответственности. Чтобы победить ясность он должен знать, что ясность, в сущности, иллюзорна, и пользоваться ею лишь для того, чтобы научиться терпеливо ждать, перед каждым новым шагом тщательно все взвешивая. Чтобы победить силу нужно принять тот факт, что в действительности сила никому не принадлежит и принадлежать не может, поэтому человек должен утвердиться в неизменном самообладании, трезво и бескорыстно пользуясь всем, что узнал. Чтобы победить старость каждый должен стряхнуть с себя усталость и прожить свою судьбу до конца.

Одолеть всех этих врагов способен только человек, ставший *воином*. И здесь все зависит от уровня нашей энергии. Поэтому, если мы хотим исполнить свое предназначение как человеческих существ, нам необходимо накапливать энергию. Воин – это человек, который посредством сознательной практики собственной жизни накапливает энергию. Никто не рождается воином. Точно так же никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем и другим. У каждого из нас в этом мире нет ничего. Есть только жизнь, которую нужно прожить. И прожить ее нужно как воин, а не как ноющий ребенок. Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов. Свойство обычного человека – самоуверенность («я все знаю наверняка»). Воину же свойственно – смирение (безупречность в поступках, чувствах). Жизнь воина ни в коем случае не может быть холодной, одинокой или лишенной чувств. Потому что она основывается на *любви, преданности и посвящении* тому, кого он любит. Любовь воина – этот мир, эта Земля. Земля знает, что воин любит ее, и заботится о нем. Переход к чудесам этого мира требует, чтобы человек был воином: молчаливым, собранным, отрешенным, закаленным под натиском непознанного. Мы делаем выбор только один раз. Мы

выбираем быть воином или быть обычным человеком. Другого выбора просто не существует. Не на этой Земле.

Образ жизни воина называется *путь воина*. Путь воина способен открыть человека Силе, Духу, Знанию. Живи как воин и Сила сама найдет способ к тебе пробиться. Сила всегда находит путь к нам сама. Наши трудности на этом простом пути вызваны нежеланием большинства принять факт, что на самом деле требуется так мало, чтобы идти по нему. Мы ожидаем инструкций, обучения, проводников, учителей, и, когда нам говорят, что никто из них нам не нужен, мы не верим этому. Мы становимся нервными, затем теряем веру и под конец сердимся и разочаровываемся. Реальная же помощь, которая нам действительно нужна, заключается даже не в методах, а в правильном указании. Если кто-нибудь даст нам возможность осознать, что необходимо освободиться от чувства собственной важности, – это и есть реальная помощь. Незачем кому-то учить нас, потому что нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Учитель, если и нужен, то лишь по одной причине – он должен безжалостно побуждать к действию. В противном случае мы обязательно остановимся, чтобы поздравить самих себя с тем, что продвинулись так далеко. Нам только нужен кто-то, кто смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Единственное, что нужно – убедить себя в наличии силы, скрытой в самом твоём существе, и в том, что ты можешь овладеть ею. Самое важное – это изгнать из ума сомнения. Как только сомнения изгнаны, становится возможным все, что угодно. Однако проблема в том, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более – действовать в соответствии с тем, что слышали.

Все окружающее является непостижимой тайной. Мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться успеха. Мы должны научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое действие осознанным. Ведь мы пришли сюда ненадолго, и времени, которое нам отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого мира. Как этого добиться? Никто не имеет об этом никакого представления. И все же, начиная действовать, мы все делаем правильно, даже не понимая, что именно нам помогло. Для того чтобы решить все задачи необходимо только одно – понимание того, что это *можно* сделать. За счет повторения наши предшественники по социуму приучают нас к принятому в этом мире образу восприятия. Поэтому, точно так же, если мы хотим

измениться, все новое, что мы внесем в нашу жизнь, должно повторяться до полного нашего изнеможения, и только тогда мы ему открываемся.

И, прежде всего, человек должен разрушить непрерывность своей старой жизни. Если мы наполнены до краев привычными предметами и смыслами повседневной жизни, то нет места ни для чего нового. Если мы не находимся в прекрасном состоянии, Сила и близко к нам не подойдет. Поэтому не жалейте себя, не жалейте никаких усилий. Все наши действия должны стать актом «магии». Актom, свободным от вторгающихся ожиданий, опасений неудачи, надежд на успех. Свободными от культа «я». Все, что мы делаем, должно быть, своего рода, импровизацией, алхимическим «великим деланием», в котором мы свободно открываемся импульсам Духа. Потому что выбирает Дух. Искусство человека в том, чтобы обладать способностью двигаться по малейшему намеку. Искусство безмолвно соглашаться с каждым его словом и эффективно действовать в соответствие с ним. И, наконец, тот, кто встал на путь воина, должен обладать огромным *воображением*. Потому что на этом пути ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Литература

1. *Аснер, П.* Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки / П. Аснер. СПб. : Всемирное слово, 1999. 352 с.
2. *Бахтин, М. М.* К философии поступка // Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. Киев : Next, 1994. С. 9–69.
3. *Васильев, А.* Учение индейских магов К. Кастанеды и традиции христианского гуманизма / А. Васильев // Начала. 1991. № 1. С. 25–32.
4. *Генон, Р.* Очерки о традиции и метафизике / Р. Генон. СПб., 2000. 320 с.
5. *Кант, И.* Лекции по этике / И. Кант. М. : Республика, 2000. 430 с.
6. *Кастанеда, К.* Второе кольцо силы. Дар Орла. Огонь изнутри. Сила безмолвия / К. Кастанеда. Киев : София, 2001. 688 с.
7. *Кастанеда, К.* Искусство сновидения. Активная сторона бесконечности. Колесо времени / К. Кастанеда. Киев : София, 2001. 672 с.
8. *Кастанеда, К.* Учение дон Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе / К. Кастанеда. Киев : София, 2001. 608 с.
9. *Назаров, В.* Этика магов: этюд о неогуманизме / В. Назаров // Начала. 1991. № 1. С. 19–24.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ОТНОШЕНИЕ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ

В. П. Любчак

Новосибирский государственный аграрный университет

На рубеже XX–XXI вв. наряду с «традиционными» глобальными проблемами – угрозой ракетно-ядерной катастрофы, экологической, демографической, энергетической, продовольственной, распространением СПИДа и наркомании, обострилась проблема терроризма, несущая в себе все признаки опасности глобального значения. Актуальность терроризма, как явления современного мира, не вызывает сомнения. Хотя как явление терроризм существует более чем долго (в дореволюционной России это считалось достаточно обычной формой политической борьбы – против императора Александра II было совершено с десятков терактов, в 70-е гг. XIX в. прокатилась волна террора по Западной Европе и т. д.), с более совершенным – т. н. «новым» терроризмом Россия столкнулась в период чеченской кампании, а западные страны в ходе событий 11 сентября 2001 г. Одни из последних террористических актов, прежде всего трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, по своим масштабам и влиянию на дальнейший ход мировой истории стали беспрецедентными за всю историю человечества. Число жертв, размеры и характер разрушений, вызванные терактами начала XXI в. оказались сопоставимы с последствиями вооруженных конфликтов и локальных войн. Ответные меры, вызванные указанными террористическими акциями, привели к созданию международной антитеррористической коалиции, включившей в свой состав десятки государств, что раньше имело место только в случае крупных вооруженных конфликтов и войн. Ответные антитеррористические военные действия также приобрели планетарный масштаб.

В данных условиях глобальная проблема международного терроризма начала превращаться в важную составную часть более общей, связанной с фундаментальными вопросами войны и мира, от решения которой зависит дальнейшее существование человечества. Возрастающий натиск терроризма в России и в мире в целом требует критического переосмысления имеющихся представлений об этом особом и весьма

сложном явлении современной жизни, разработки новых подходов к его анализу.

В исследовании данного феномена существует множество теоретических и прикладных аспектов. Исследователи теоретических вопросов рассматривают неоднозначное понятие терроризма, мотивационно-идеологический, политико-идеологический аспекты данного явления, психологию терроризма и т. д. При обращении к практической стороне данного явления рассматривается вопрос выработки необходимой правовой, военно-политической, идеологической базы для эффективной борьбы с терроризмом. Однако, необходимо отметить, что в рассмотрении подобных вопросов существует множество подходов и относительно понятия терроризма, и относительно причин его распространения и, в частности, роли идеологического фактора в данном явлении, и соответственно методов борьбы и искоренения данного явления. Отсутствие единой позиции в данном вопросе еще раз показывает сложность, неоднозначность феномена терроризма и невозможность его окончательного исследования. Данная сложность усиливается тем, что в данном явлении достаточно сложно и подчас невозможно выявить *истинные, глубинные* причины того или иного террористического акта, побудительные мотивы террориста, так как во многих случаях сами исполнители гибнут в результате террористического действия, а установить истинного заказчика, который может отличаться от обозначенного в СМИ, представляется практически невозможным. Поэтому в большинстве случаев можно лишь весьма условно обозначать причины, побудительные мотивы заказчиков и исполнителей террористических актов. При исследовании проблем терроризма малоизученным остается такой аспект как специфика отношения населения той или иной страны к террористическим актам. Однако этот фактор нельзя не учитывать, так как, во-первых, без поддержки хотя бы частью общества террористические движения угасают, а во-вторых, независимо от того, кто является заказчиком или исполнителем теракта – от восприятия населением теракта и соответствующей на него реакции во многом может зависеть успех деятельности по предупреждению и предотвращению возможных терактов. Также необходимо отметить, что хотя и можно встретить отелный разрозненный материал по вопросу восприятия населением того или иного теракта, отсутствует системное видение данного вопроса и понимание глубинных причин того или иного вос-

приятия произошедших терактов. Исследованию глубинных причин специфики отношения к терактам способствует обращение к феномену менталитета. Исследование феномена менталитета позволяет увидеть подчас скрытые, не находящиеся на поверхности факторы того или иного отношения к вопросам конфликтов разного происхождения [1. С. 23], одним из которых является террористическая деятельность. Говоря о менталитете, прежде всего, необходимо обозначить определение данного понятия. Под менталитетом в данном контексте понимается «специфика сочетания фундаментального и социоситуативных уровней менталитета» [1. С. 22]. Выделение данных уровней помогает увидеть сложную структуру менталитета, которая показывает взаимодействие различных факторов.

Их (факторы) можно разделить на две группы: более устойчивые, которые можно отождествлять с подсознательным и более изменчивые, которые чаще отождествляются с осознаваемым, рациональным. В первую группу факторов вписана первооснова осмысления опыта культуры, которая сейчас имеет нерефлексивный характер. Эта группа факторов менталитета обозначена как фундаментальное основание менталитета [2. С. 131]. Благодаря данному основанию менталитет в рамках культуры обладает большой исторической длительностью и большой устойчивостью относительно изменений общественно-политической и культурной жизни.

Фундаментальное основание представляет ту часть сознания, которая наиболее устойчива к изменениям. Это связано с тем, что его основы формируются на ранних этапах развития современных наций. Решающими факторами здесь представлены географические, климатические, религиозные, культурно-исторические и т. п. Уже с этого момента наблюдаются различия в придании определенного смысла объектам физической и социокультурной реальности. На данном этапе происходит определение ключевых ценностей и идей, которые легли в основу той или иной культуры. Различный склад формирования смысла определил набор ценностей, что можно считать фундаментом всякой культуры. Следовательно, динамика социальной, политической и экономической жизни будет вторичным фактором, и по-разному отражаться в поведении тех или иных народов. Однако непосредственное наблюдение в реальной жизни компонентов этого основания связано со значительными трудностями. Все они – преимущественно подсознательные

категории, и их вербализация зачастую затруднена. Вторая группа факторов менталитета включает в себя осознаваемый опыт культуры, его переоценку, при столкновении с определенной ситуацией социальной действительности, и осознание этого опыта как значимого, а также ценности и стереотипы обращения к здравому смыслу, своего рода ситуативную поведенческую рациональность. Данный тип факторов менталитета обозначен как социоситуативный. Он более изменчив под воздействием культурно-исторических фактов.

Несмотря на устойчивость ментальных структур во времени, кардинальные перемены в жизни общества накладывают отпечаток на мировосприятие. Это происходит в период исторических переломов, когда гражданин оказывается перед лицом новых, резко изменившихся условий, меняются привычные стереотипы поведения, складывается новый стиль жизни, изменяются жизненные установки людей, их ценности. Это также находит отражение в таких явлениях как мода, общественное мнение, и, в дальнейшем, влияет на поведение граждан. Подобное отражение в менталитете граждан определенных исторических событий, влияющее на их поведение обозначается как социоситуативный уровень менталитета [2. С. 133].

В зависимости от культурно-исторического развития различных обществ более определяющим в поведении людей оказывается тот или иной уровень. Разное соотношение фундаментальных и социоситуативных факторов в структуре менталитета определенных государств находит свое проявление в разном стиле поведения и в разном отношении людей к жизненно важным общественным ситуациям, особенно в экзистенциальных ситуациях (военные конфликты, вопросы войны и мира, террористическая деятельность), когда возможны непредвиденные результаты поведения разных культурных общностей.

Так, например, можно выделить определенную специфику отношения к проблемам терроризма в рамках российского менталитета. Специфика российского менталитета в контексте вопросов войны и мира, и, по нашему предположению, в контексте проблем терроризма, определяется его фундаментальным основанием. Культура общества такого типа отличается тем, что образованные со временем из независимых типов поведения вторичные культурные комплексы работают соответственно первичным типам поведения. На основные компоненты данной матрицы (архетипы, мифы, комплексы идей) различные исторические,

экономические и политические события оказали очень мало влияния, и она в своей идейной духовной сути осталась практически неизменной. Эта основа, адаптируясь к внешним переменам, приобретает различные черты в разное время. Говоря о проявлении фундаментального уровня российского менталитета в контексте проблем терроризма можно обозначить ряд его (уровня) важных особенностей, отражающихся в отношении граждан и к вопросам терроризма. Подтверждением проявления данных особенностей является анализ результатов социологических исследований в контексте различных терактов [3–5].

1. *«Погружение» в группу, восприятие времени как «замедленного» приводит к осознанию долгосрочной перспективы событий: «так было и будет всегда»* – проявляется в том, что россияне привыкли к террористическим актам, как к действиям, которые теперь будут всегда. Отсюда и пассивная, равнодушная реакция.

«К терактам люди привыкли. Взрывы идут с такой частотой последнее время... Конечно, каждый раз людей это потрясает и возмущает, но это уже перестало быть чем-то чрезвычайным. Это ужасно, но обыденно. Теракты сегодня уже не поражают воображение так, как это было когда-то. Хотя лишь 5% опрошенных в сентябре Левада-центром россиян полностью удовлетворены тем, как сработали следственные и правоохранительные органы, выраженной потребности в том, чтобы иметь представление об истинных причинах тех событий, практически нет ни у кого. Я имею в виду не просто неудовлетворенность поступающими сверху объяснениями, но таким недовольством, которое превращается в социально-политические действия, требования ответственности политиков за принимаемые решения или их последствия. (Именно такой была, например, реакция испанского общества на теракты, приведшая к отставке правительства.) В России дело обстоит несколько иначе. 22% довольствуются тем, какого рода информация об этих событиях предоставлена им официозом, несмотря на то, что, как сами признаются, „полной картины этих событий у них нет до сих пор“. 35% опрошенных скорее недовольны расследованием, так как осуждены некоторые исполнители, а смысл самих преступлений остается неясным. И 19% „полностью не удовлетворены“ ни следствием, ни судебным процессом (столько же затруднились ответить на поставленный вопрос, будучи далекими от этих проблем или оставаясь к ним совершенно равнодушными)» [3].

2. *Деятельность носит спонтанный характер, в основном полагаясь на везение, которое не зависит от самого человека, а от мистически представляемой фигурой Судьбы. Непостоянство.* Эти особенности находят отражение в том, что восприятие и поведенческая реакция относительно терактов меняется на протяжении времени, готовность принять решительные меры по борьбе и предотвращению терроризма сменяется обычным пассивным восприятием и надеждой на везение, что меня это не коснется, меры безопасности оказываются вновь в пренебрежении.

«В целом же реакция населения на теракты парадоксальна. В конце 2003 г. 55 % опрошенных назвали главным событием, вызвавшим тревогу в прошлом году, теракты в Москве и на Северном Кавказе. А затем на вопрос о том, на каких задачах должен сосредоточиться Владимир Путин во время второго президентского срока, и борьбу с терроризмом, и наведение порядка в Чечне назвали главными лишь 14%. То есть людей взрывы беспокоят, рационально все понимают, что жить в стране стало небезопасно, но стараются об этом не думать» [3].

3. *Пренебрежение временем, обращение с ним в силу упорядочивающего действительность характера мифа («отложим на завтра»), лежит в основе принципа такого типа восприятия: «Хочешь жить – не лезь на рожон». Это ведет к существенному снижению значимости роли индивида в определении своего будущего («плыть по течению», «что будет, то будет»), веры в собственные силы, в способность влиять на социум.* Данная ментальная особенность проявляется в том, что носители российского менталитета свыклись с мыслью о неизбежности террористической деятельности и относительно спокойно реагируют на очередной теракт.

«По данным их опроса, проведенного 5–6 февраля 2011 г. в 138 населенных пунктах 46 регионов России каждый третий считает, что терроризм в нашей стране искоренить невозможно в принципе. Понимание того, что теракты будут продолжаться (а так считают две трети россиян!), ведет к фаталистическому отношению к этой угрозе. Можно сказать, что люди привыкают к подобной опасности или вытесняют ее из сознания, подкрепленное ясным пониманием, что все равно отдельный маленький человек в этой ситуации сам сделать ничего не может, а надежды на то, что спецслужбы смогут защитить все население страны от террористов нет: доля тех, кто так думает, колеблется от 51 % в октябре 1999 г. до 75–76 % в декабре 2002 г. и сентябре 2004 г. В 2006 г. этот

показатель снизился до 59%, а, например, в июле этого года, он был еще ниже – 42%. Общее мнение (его разделяют 61% россиян) сводится к тому, что деятельность российских спецслужб в этом плане не имела успеха (лишь 2% считают ее очень успешной), но 31% респондентов склонны отмечать в последнее время известный прогресс в этом отношении, сравнивая нынешнее положение дел с тем, что было раньше» [4].

4. *Смирение, терпение и пассивность представляют собой одни из важнейших черт российского менталитета, предопределяющих и горизонт понимания происходящего, и уровень запросов, и отношения к власти как центральному в сознании, скорее символическому, чем техническому институту управления. Власть – фундаментальный символ национального целого, отсюда раз за разом возникает готовность разгрузить ее от ответственности и критики.* Данная особенность проявляется в том, что деятельность властей по предотвращению и борьбе с терроризмом не вызывает практически никаких вопросов и критического восприятия. Хотя и существуют небольшие элементы критики, но они, как правило, направлены на абстрактных исполнителей программ по борьбе с терроризмом.

«По результатам соцопросов 85% россиян положительно отнеслись и полностью поддерживают действия властей и спецслужб по освобождению заложников во время теракта на Дубровке. 15% все же спрашивали, почему все произошло именно так, и получали от власти исчерпывающий ответ: „Так было надо и иначе быть не может“. Для особо настойчивых давалось более продвинутое толкование: „Количество погибших не выходит за рамки общемировых критериев успешности данных спецопераций“. Больше вопросов россияне не задавали. В отличие от западных СМИ. Вообще говоря, на Западе подобная ситуация обязательно бы стала поводом для настойчивых и очень неудобных для власти вопросов. Например, если потери были неминуемы, почему большая часть заложников погибла не от рук террористов, а от рук освободителей? И почему большинство людей погибло не во время, а после штурма» [5].

Теперь необходимо отметить некоторые моменты относительно проявления социоситуативного уровня в контексте проблем терроризма. В данном контексте можно обнаружить ситуативно-поведенческую рациональность непосредственно после совершения терактов, что частично отражается в том, что первая реакция на совершенный теракт

является в достаточной мере рационально осмысленной. Она характеризуется взвешенной оценкой значимости террористической угрозы и ведет к усилению режима безопасности. Таким образом, после очередного теракта носители российского менталитета, испытав страх и тревогу, начинают принимать необходимые меры безопасности. Однако, со временем уровень страха снижается, меры безопасности в основном забываются, вновь укрепляется надежда, что «авось нас не коснется, не заденет»... до очередного теракта, после которого опять начнут бить тревогу, усиливать безопасность, причем в основном в тех местах, где он уже был. На других аналогичных объектах о мерах безопасности особой заботы не проявляют до тех пор, пока эта проблема не затронет непосредственно. Достаточно ярко подобное отношение к серьезным бедствиям, проблемам в российском менталитете, которое проявляется и в контексте проблем терроризма, отражает русская пословица «Пока гром не грянет – мужик не перекрестится».

Таким образом, мы видим, что при столкновении с ситуацией теракта – носители российского менталитета могут проявить склонность к жесткому порядку, четкому соблюдению всех необходимых правил и принципов безопасности. Хотя обычно этим пренебрегают и готовы из добрых побуждений к тому или иного человеку пойти на уступки, уклоняясь от приказа по соблюдению необходимых мер безопасности. Но эта ситуативно-поведенческая рациональность проявляется, как правило, не слишком долго, постепенно жесткое соблюдение правил отходит на задний план и все входит в привычное русло надежды на везение, счастливый случай, что меня это обойдет, чем подчас и пользуются террористы. Можно предположить, что если бы все необходимые меры безопасности соблюдались постоянно, то каких-то терактов можно было бы избежать. Но так как это не свойственно носителям российского менталитета, то спустя некоторое время после теракта начинают проявляться традиционные установки фундаментального уровня менталитета.

Итак, обращение к феномену менталитета в контексте проблем терроризма позволяет увидеть истоки, понять сущность того или иного отношения к терроризму. Обращение к двухуровневой структуре менталитета дает возможность понять соотношение факторов рационального характера и факторов, действующих нерефлексивно, как бы автоматически в том или ином отношении к проблемам терроризма. В россий-

ском менталитете факторы социоситуативного уровня проявляются только некоторое время после совершения теракта, а вскоре более проявленными вновь оказываются факторы фундаментального уровня, которые в контексте данной проблемы являются более долговременными. Вопрос отношения носителей того или иного менталитета к проблемам терроризма представляется достаточно значимым, так как от понимания населением данных вопросов, возможной роли каждого лично в соблюдении всех необходимых мер безопасности в определенной степени зависит эффект антитеррористической деятельности. Таким образом, исследование данного аспекта проблемы терроризма представляется актуальным, значимым, как с научной теоретической, так и с практической точек зрения. Учитывая то, что данный вопрос является достаточно значимым и при этом мало изученным, представляется необходимым его дальнейшее более глубокое исследование.

Литература

1. Любчак, В. П. Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру / В. П. Любчак // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 5 (95). С. 22–26.
2. Любчак, В. П. К вопросу о структуре менталитета, значимой для понимания отношения к вопросам войны и мира / В. П. Любчак // Исследования мира и миротворческий дискурс в системе образования : мат-лы III междунар. конф. Томск, 23–25 сентября 2008 г. Томск : Дельтаплан, 2008. С. 129–133.
3. Гудков, А. Сегодня люди винят российские власти / А. Гудков. URL: <http://www.vremya.ru/print/106621.html>
4. Гудков, Л. Общественное мнение о войне с терроризмом / Л. Гудков. URL: <http://www.rb.ru/comments/sociology/2007/10/17/155509.html>
5. Бодалев, В. Операция «Норд-Ост»: послесловие / В. Бодалев. URL: <http://psyfactor.org/08-11-02.htm>

ЗНАЧЕНИЕ МАНИХЕЙСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

К. В. Плехов

Томский государственный педагогический университет

Манихейство в собственном понимании термина возникло в III в. Его основоположник перс Мани (216–276), опирался на религиозные идеи

зороастризма и, по всей вероятности, испытал влияние гностицизма. Именно в манихействе исконный зороастрийский дуализм света и тьмы, добра и зла, выступающих равноправными и персонифицированными ипостасями, доведен до его крайней классической формы. В манихействе считается, что тьма при нападении на царство света поглотила его часть и теперь идет борьба за освобождение той части света, которая находится в плену у тьмы. Победа над тьмой возможна для того, кто с помощью Христа или Мани на основе строгой аскезы вырвется из тьмы к свету, но многие погибли во время последнего мирового пожара. В манихействе материя, которая так же как и в гностицизме отождествлялась с тьмой, выступала в качестве начала, столь же вечного и неистребимого, как и свет. Два этих начала – божественное и дьявольское – находятся в постоянной и непримиримой борьбе между собой. Основной этико-социальный вывод, сделанный Мани из этого представления, состоял во враждебном христианству утверждении о неистребимости зла в окружающем мире. Его учение представляло собой самостоятельную систему и находилось вне рамок ортодоксального христианства [5. С. 31].

Осознание зла как силы, независимой от добра, оказалось более доступным и понятным для широких слоев населения, что в значительной степени сказалось и на христианской концепции. Ранние идеологи Ориген, Августин, Тертуллиан и другие, рассматривая зло только как отсутствие добра, вынуждены были все же допустить в канон образ дьявола (несовместимый с основной христианской доктриной) – иначе новая религия не смогла бы выполнить свою социальную функцию идеологического императива. Необходимо было «нечто», устрашающее грешников. Развитое средневековье пошло в этом еще дальше: его идеология развивалась под знаком дьявола, которому приписывалась власть над миром большая, чем самому богу.

Народные ереси павликианско-богомильского типа не только восприняли манихейское разделение добра и зла, но и стремились придать ему классическую, мифологическую форму. Обе абстракции воплощались в антропоморфные образы бога (Саваоф, Иегова, Элогим, Христос) и дьявола (Сатана, Сатанаил, Асмодей, Вельзевул, Люцифер). Так было легче дифференцировать земное добро и зло, провозгласив определенные общественные факторы происками дьявола [1. С. 213].

Человеческая душа также понимается дуально: одна ее часть произошла из света, другая – из тьмы. Там, где есть красота, душа побеж-

дает материю, и, наоборот, в безобразном одерживает верх материя. Но манихейство указывало и путь преодоления мира зла. Он был прежде всего этическим. Манихейский дуализм распространялся и на человека, душа которого так же раздвоена, как и все в мире. В основном это темное начало, однако оно содержит в себе и частицы света, которые человек и должен спасти от власти материи. Это возможно на пути строжайшего аскетизма, напоминающего буддийский.

Идея о необходимости борьбы с силами Тьмы за возвращение человека в Царство Света была столь привлекательна, что к манихейским общинам стало присоединяться всё больше известных римских граждан. Пожалуй, самым знаменитым из них стал Аврелий Августин (354–430), позже обратившийся в христианство и сегодня являющийся одним из наиболее почитаемых христианских святых.

В течение девяти лет Августин был ревностным Слушающим при одном из манихейских Избранных. Кстати, именно благодаря Августину европейцы впервые услышали о существовании манихейства; а поскольку он вёл непримиримую борьбу со своими бывшими наставниками и часто устраивал с ними публичные диспуты, долгое время манихейство воспринималось как нечто крайне вредное, а порой и непристойное.

По мнению Аврелия Августина, сама теория равного противоборства Света и Тьмы ложно описывала положение вещей в мире [4. С. 215].

Но как бы св. Августин ни критиковал бывших собратьев, многие свои идеи он вынес именно из манихейства. Например, в классическом труде «О граде Божием» он рассматривал весь исторический процесс как вечную и непримиримую борьбу между тёмными и светлыми силами, а грешному языческому миру – «граду земному» – противопоставил светлое царство духа – «град Божий».

Как аргумент теодицеи Августин считал, что зло не нарушает гармонии мира, но необходимо для неё. Наказание грешников так же не противоречит этой гармонии, как и вознаграждение святых. Августин, таким образом, не отрицает наличия зла в мире, однако понимает его чисто негативно, как отсутствие добра. Августин приписывал злу другое происхождение, чем добру. Зло происходит от человека, имеет земной характер, добро же проистекает от бога, продукт божьей милости. Человек отвечает за зло, но не за добро. Августин утверждал, что тело не является злом, ибо происходит от бога, но в телесных желаниях видел источник зла.

Возможность произвола Августин связывает с наличием зла, которое, несмотря на его роль в нашем мире, самостоятельной основы и питающего его источника не имеет. Зло, по убеждению Августина, является отсутствием или неполнотой добра, нарушением установленного богом порядка. Физическое зло выглядит как порок, а нравственное зло имеет форму греха. Но во всех проявлениях оно проистекает из того, что Бог творил мир «из ничего», т. е. из небытия. А потому без постоянной опеки со стороны Всевышнего все им сотворённое, включая человека и ангелов, один из которых, как известно, пал и стал Сатаной, имеет тенденцию к разрушению, т. е. к возвращению в небытие.

С одной стороны, мир как творение бога не может быть недобрым. С другой стороны, в существовании зла трудно усомниться. При определении понятия теодицеи, или защиты совершенства творения, Августин исходил из того, что зло не принадлежит природе, но является продуктом свободного творчества. Бог создал природу доброй, но отравила ее злая воля. С этим связан другой тезис: зло не является чем-то, что абсолютно противоположно добру, оно есть лишь недостаток добра, его релятивная ступень [2. С. 229].

Нет абсолютного зла, лишь добро абсолютно. Зло возникает там, где ничто не делается хорошо, зло – это отвращение от высших целей, это либо гордыня, либо вожденность. Гордыня проистекает из стремления обойтись без бога, вожденность – из страстей, направленных на преходящие вещи. Этике Августина присуще то, что он приписывал злу другое происхождение, чем добру. Зло происходит от человека, имеет земной характер, добро же проистекает от бога, продукт божьей милости.

Дуалистическое понимание бога и мира выступает прежде всего как противоположность между вечным и неизменным духовным бытием бога и постоянной изменчивостью и гибелью единичных вещей и явлений. Исследование этой противоположности вело Августина к проблематике времени. В рамках общего теологического решения этого вопроса отдельные ответы интересны и с философской точки зрения.

В условиях Византийской империи, примерно в VII в., появилось религиозно-еретическое течение павликианства, в доктрине которого основная идея манихейства несколько видоизменялась и приспособлялась к христианскому вероучению. Под прямым и косвенным влиянием павликианства в X в. в Болгарии возникло очень сильное антифеодальное крестьянское движение, участники которого получили наименова-

ние богомилов. Из Болгарии это учение проникло в сербохорватские земли, а оттуда уже в XI столетии оно распространилось в Северную Италию [3. С. 150].

Богомильство представляло собой еще более последовательное отвержение «земного», сатанинского начала, нежели павликианское учение, – вплоть до призыва к прямому неповиновению властям. Богомильский аскетизм был более суровым, осуждение «маммоны» – еще более гневным.

В том же столетии данное учение появляется во Франции, влияние его разрастается в течение всего следующего столетия, во второй половине которого оно и получает наименование движения катаров. Существуют известные различия между доктринами павликиан, богомилов и катаров. Но более существенно их сходство.

Даже по сравнению с манихейством в их доктрине дуализм радикален. Причем на первый план выдвинуто злое, дьявольское начало. Согласно мифологическим представлениям богомилов, перешедшим к катарам, старший сын бога Сатанаил наделен творческими функциями (чего не было в манихействе). Он является творцом всего реального, материального мира. Младший сын верховного бога, Христос, создатель духовного, доброго начала, открыл перед человечеством возможность спасения. Такие представления пришли в резкое противоречие с догматическим содержанием христианского вероучения, в особенности с его тринитарным и христологическим учением [5. С. 200].

В результате ожесточенной борьбы христианской церкви с ересями проблема добра и зла заняла особое место в средневековой теологической философии. Проблема добра и зла решалась исходя из идеи творения:

- окружающий мир всецело сотворен Богом;
- Бог является носителем и сосредоточением добра и справедливости;
- следовательно, окружающий мир изначально наполнен добром;
- зло в мир приносит дьявол (Сатана) – падший ангел, восставший против Бога;
- поскольку зла первоначально в мире не было, оно часто маскируется под добро и добивается своих темных целей;
- в мире идет постоянная борьба между добром и злом, но так как мир – творение Бога, и Бог добрый, то добро в итоге одержит победу над злом.

В отношении проблемы добра и зла (как в отношении многих иных вопросов) теологическая философия средневековья имеет оптимистический характер.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что манихейство в значительной степени повлияло на средневековые представления о добре и зле. Именно в результате критики манихейства была выработана официальная доктрина церкви, согласно которой добро и зло онтологически различны. Добро присутствует в реальности, а зло реально только как отрицание добра, но само по себе не существует.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. Б. Куликов.

Литература

1. *История философии в кратком изложении* / пер. с чеш. И. И. Богута. М. : Мысль, 1991. 590 с.
2. *Краткая история философии* / под общ. ред. В. Г. Голованова. М. : Олимп; Изд-во АСТ, 1997. 576 с.
3. *Трахтенберг, О. В.* Очерки по истории западноевропейской средневековой философии / О. В. Трахтенберг. М., 1957. 255 с.
4. *Малышевский, А. Ф.* История философии / А. Ф. Малышевский, В. А. Карпунин, К. С. Пигров. М. : Просвещение, 2004. 402 с.
5. *Антологии средневековой мысли и философия европейского Средневековья* : в 2 т. / под ред. С. С. Неретиной. СПб. : РХГИ, 2001. Т. 1. 539 с.
6. *Соколов, В. В.* Средневековая философия : учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов / В. В. Соколов. М. : Высшая школа, 1984. 448 с.

ВОСТОЧНЫЕ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

С. А. Русанов

Томский государственный педагогический университет

Древнегреческий философ Платон называл движение «целительной частью медицины», а писатель и историк Плутарх – «кладовой жизни».

Понимание того, что движения являются самым доступным и самым эффективным лекарством было всегда. Еще в самые давние времена люди знали, что для того, чтобы лишить человека энергии, нужно лишить его двигательной активности. В Древнем Китае гимнастика

для лечения впервые упоминается в книге «Кунг-Фу», название которой можно перевести как «трудный путь к совершенству». Эта книга была составлена более 2500 лет до н.э. Она впервые была переведена с китайского языка в 1776 г. Практически все движения современных китайских гимнастик заимствованы из элементов боевых искусств. Упражнения, предназначенные для невооруженной борьбы, трансформировались в одну из совершеннейших систем психофизического воспитания. В Китае физические упражнения для здоровья использовались на протяжении многих тысячелетий. В Древнем Китае были врачебно-гимнастические школы, где не только обучали лечебной гимнастике и массажу, но и применяли их в процессе лечения больных. В китайских врачебно-гимнастических школах лечили болезни сердца, легких, искривления позвоночника, переломы костей и вывихи. В VI в. впервые в мире в Китае был создан государственный медицинский институт, где уже тогда преподавали лечебный массаж и гимнастику как обязательную дисциплину. С тех пор различные гимнастики, приспособленные для индивидуальных оздоровительных занятий, в разных комбинациях широко применяют в китайских санаториях и домах отдыха, как основную форму лечебной физической культуры [1].

Знаменитый древнекитайский медик Хуа-То (II в.), основатель китайской гигиенической гимнастики, утверждал, что «тело требует упражнений, но не до изнеможения, ибо упражнения предназначены для того, чтобы устранять дурной дух из организма, способствовать кровообращению и предотвращать недуги». «Если ручка двери часто движется, она не ржавеет. Так и человек, если он много движется, то не болеет» [1]. Со времени жизни врача прошло уже две тысячи лет, но принцип китайской физической культуры все тот же, — поиск здоровья в двигательной активности: от утренней гимнастики до боевого искусства.

Восточные методики и нетрадиционные оздоровительные системы — это всевозможные виды йоги, цигун, тайцзи-цюань и многие другие учения, пришедшие к нам с Востока или возникшие в результате взаимодействия восточных и западных общеоздоровительных систем.

Преимущество восточных методик в том, что они соединяют в себе не только приемы тренировки и разминки тела, но и «работают» с энергетикой человека.

Восточные оздоровительные системы учитывают саморегулирующие способности организма как единого целого, и даже при болезнях

учат вначале восстанавливать нарушенное равновесие организма, его активность, нормализовать деятельность функциональных и регулирующих систем жизненно важных органов, усиливать защитные силы организма, повышать устойчивость к воздействию неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

Чтобы добиться хорошего физического здоровья, необходимо достичь психического равновесия. В тибетской медицине, к примеру, лечение начинается с перестройки мышления, формирования здоровых понятий, доброжелательного отношения к людям и окружающей среде. Чтобы сохранить здоровье, нужно нормализовать внутренние функции человека, восстановить потенциал его нервной системы, жизненных сил.

Гармония движений с окружающим миром, концентрация внимания на определенных участках тела снимают нервно-мышечное напряжение и восстанавливают равновесие жизненных энергий, тело делается легким и жизнерадостным. Главное требование к движениям – плавность и ритмичность. В оздоровительных системах Китая и Японии (Цигун, Шиаци и др.) главное внимание уделяется целостности организма, как сложной саморегулируемой системе, находящейся в динамическом равновесии с окружающей средой. Согласно древнекитайским медикам, для сохранения здоровья необходима правильная циркуляция энергии Ци. Различные «закатости», искривления создают пробки в энергетических каналах или других системах физического тела. Поддержание правильной осанки, чередование движения и покоя, саморегуляция и поддержание спокойного психического состояния, познание человеком самого себя – неперенное условие гармоничного функционирования этих систем [2].

Интересно, что системы упражнений в китайских оздоровительных методиках основаны на наблюдениях за повадками змей, птиц и зверей. Во всех упражнениях движения плавные, чередующиеся с фазами покоя. Упор делается на гибкость позвоночника, так как энергия накапливается именно в нем, в области поясницы. Накопив энергию при помощи других упражнений и контроля сознания, следует распределить ее по всему телу. Главные заповеди большинства китайских оздоровительных практик – спокойствие сознания, раскрепощение тела, контроль энергии и ее упорядочение, развитие духовных способностей.

Система Шиаци считает, что организм человека обладает способностью к самовосстановлению, стараясь самостоятельно справиться

с различными нарушениями в своей работе. Задача человека – поверить в свои естественные силы, помочь организму мобилизовать защитные функции. Во многом это связано с работой мышц: если мышцы сокращаются неправильно, нет должного расслабления, возникают нарушения в костно-суставном аппарате, расстройства кровеносной и нервной систем. Чтобы предотвратить неправильное сокращение и перегрузку мышц, мастера Шиаци рекомендуют делать растяжки, улучшающие кровоснабжение и питание тканей, энергетический тонус человека.

Несмотря на скептическое отношение многих людей к «потусторонним» практикам, восточные системы лечения и оздоровления организма приобретают все больше сторонников. Они очень эффективны, но лишь в том случае, если применяются грамотно. Достаточно вспомнить, что точки рефлекторного воздействия, связанные с определенными органами и системами организма, найдены и используются современной «традиционной» медициной. Поскольку древние целители Востока не имели современного оборудования, их методы лечения основаны на многовековых наблюдениях, а терминология, используемая при описании тех или иных народных методов, соответствует методам обследования. Названия кажутся странными, но эта странность не делает древнюю медицину менее эффективной. Например, в китайской медицине нет терминов, соответствующих современным, а болезни представлены как сочетания понятий – холода, жары, влажности, сухости, избытка или недостатка энергии применительно к органам. Древние китайцы не пользовались рентгеном и не могли сделать анализ крови на молекулярном уровне. Однако точность диагностики и эффективность лечения методами восточной медицины (в том случае, конечно, если специалист имеет достаточную квалификацию) сегодня наукой не оспариваются.

Использование восточных методик наряду с физической разминкой способствует приобретению душевного равновесия, «подзаряжая» энергетическое тело.

Естественно, что и в ходе обычной зарядки, или занимаясь определенным видом спорта, мы тоже «подзаряжаем» свое энергетическое тело (не зря же выполнение физических упражнений называется «зарядкой»). Но в этом случае «зарядка» происходит как бы сама собой, неосознанно. А в восточных методиках мы работаем с потоками жизненной энергии (ци, праны – название не столь важно), направляя ее в разные органы своего тела. Понятно, что такие методики более эффективны как для

физического тела, так и для энергетического. Сложность применения методик состоит лишь в осознании и принятии восточной философии, поскольку понимание и степень осознанного владения этими методиками напрямую связаны с результатом. Для западного человека это совсем не просто и требует некоторой, зачастую довольно серьезной подготовки.

Существует множество систем и методик работы с физическим телом – вы можете использовать те, что, на ваш взгляд, подходят вам больше. При выборе комплекса упражнений должно соблюдаться несколько очень важных условий: комплекс должен быть направлен на разминку всех суставов и мышц тела, выполняться не реже двух раз в неделю. Следуя этим простым правилам, вы очень скоро увидите, как изменилось ваше тело и как оно благодарно вам за заботу!

Несмотря на различие и разнообразие восточных единоборств и оздоровительных гимнастик, следует отметить, что все они опираются на основные педагогические принципы, в основе которых заложены морально-нравственные концепции буддизма и даосизма и, ни в коей мере не противоречащие общечеловеческим нормам [3].

Постижение ценностей восточной культуры представителями Запада существенное условие развития современной цивилизации, повышения её жизнеспособности.

Россия лежит между Западом и Востоком, она и Запад и Восток одновременно. Именно поэтому, как отмечал Ф. М. Достоевский, ей принадлежит историческая миссия интеграции ценностей Востока и Запада. Она призвана внести наибольший вклад в процессы интеграции подлинных ценностей, выработанных в рамках восточной и западной культур.

Чтобы приблизиться к источникам восточных оздоровительных систем, необходимо рассматривать их во всей совокупности исторических, религиозно-философских, культурных и медико-биологических факторов.

В системе непрерывного физкультурно-педагогического образования России восточные оздоровительные системы, как сложный комплекс духовной и физической культуры, как многовековые традиции оздоровления человека, находящиеся в непрерывном развитии имеют важное научно-практическое значение и вызывают необходимость изучения опыта и реализации возможностей восточных оздоровительных систем, как важного фактора повышения уровня физической подготовки населения в целом, формируя социально-активных граждан.

Научный руководитель: д-р мед. наук, профессор С. Б. Нарзулаев.

Литература

1. *Епифанов, В. А.* Лечебная физическая культура и массаж : учебник / В. А. Епифанов. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. 528 с.
2. *Смолевский, В. М.* Нетрадиционные виды гимнастики / В. М. Смолевский, Б. К. Ивлиев. М. : Просвещение, 1992. 80 с.
3. *Фомин, В. П.* Диалог о боевых искусствах Востока / В. П. Фомин, И. Б. Линдер. М. : Мол. гвардия, 1991. 367 с.

**РУССКИЙ КОСМИЗМ
ОТ ФЕДОРОВА И ВЕРНАДСКОГО
ДО ЕФРЕМОВА И ЛЕММА**

Е. В. Самойловских

Томский государственный педагогический университет

Колоссальный всплеск философской мысли XIX в. дал миру таких гигантов как Кант, Юм, Гегель, Маркс, Энгельс, а так же русских космистов.

Космизм – направление философской мысли конца XIX–XX вв. (Н. Ф. Фёдоров, В. С. Соловьёв, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, Н. К. Рерих), основной целью которых были размышления о проблемах Космоса, о месте человека в нём и будущем человечества и космоса.

Философия Н. Ф. Фёдорова это гигантский всемирный проект будущего человечества, представляющее собой сложное сплетение мессианских идей, фантастики, реализма и научности, проникнутое в то же самое время верой в мощь разума, науки и творческие возможности человека.

Основным его трудом является работа «Философия общего дела». В ее основе лежит определение главной цели человека и человечества в соответствии с пониманием смысла жизни и цели, ради которой живёт человек. Фёдоров считает, что необходимо активное участие в историческом развитии. Людям вручено дело спасения мира и себя и Фёдоров убеждён в наличии тесной связи процессов на Земле и во Вселенной,

Космосе. Поэтому деятельность человека не должна ограничиваться пределами планеты Земля. Человечество, опираясь на силу разума, должно и может не только познавать Вселенную, но и населять её, упорядочивая процессы космоса, диктуя преобразования всей природы. «Философия общего дела» представляет собой учение о родстве как основе жизни человеческой, мировой и даже самого Бога. Согласно этому культ предков может быть единственной истиной религией. Для реализации человеческих возможностей необходимо преодолеть разобщённость и эгоизм живых и мёртвых. Для полного торжества общего дела человечества необходима победа над главным врагом человека – смертью.

Жизнь как сохранение и развитие человечества рассматривается Федоровым как высшая цель и благо. Он ставил проблему преодоления смерти, воскрешения всех живших на земле, сохранение идейных трудов всех поколений. При этом воскрешение для него это не механическое возрождение, а превращение всего мира людей живых и воскресших в новую высшую форму природы. Учение Федорова о воскрешении фантастично и утопично, но в данном случае оно является развитием идеи единства, взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Бессмертное сплочённое человечество должно использовать безграничные возможности разума и активности для регулирования слепых сил природы, создания техники и технологий освоения космоса.

Согласно учению о био-, гео- и ноосфере В.И. Вернадского, взгляды которого созвучны идеям антропокосмизма Циолковского и Чижевского, в науке нет до сих пор ясного сознания, что явления жизни и явления мертвой природы, взятые с геологической, т.е. планетарной точки зрения, являются проявлением единого процесса. Жизнь же является неразрывной составляющей целостного Космоса. По Вернадскому, всякое развитие геосферы (неживой природы) неизбежно приводит к зарождению и развитию биосферы. Биосфера в свою очередь становится результатом длительной эволюции материи и закономерным этапом её развития. Человечество как часть биосферы является логическим завершением эволюции материи. Таким образом, возникновение человека и человеческого сознания это особый фактор эволюции. В этом качестве оно преобразует биосферу в ноосферу – сферу преобразующей деятельности человеческого разума.

Творчество И.А. Ефремова – вдохновенный гимн величию мироздания и могуществу человека в нём. И.А. Ефремов – учёный и писа-

тель планетарного мышления, космического размаха, строгой научности и логики. Он преемник идей русского космизма – особенно ценил Вернадского, Циолковского и Рерихов. Известный учёный, Ефремов особое внимание уделял социологической проблематике. Человек для него неотделим от общества, а общество – от всей эволюции жизни на Земле. Ефремов обнаружил великое соответствие между эволюцией всей жизни на Земле и духовным развитием индивида.

Социалистические идеи ХХI в., по его мнению, немыслимы без «ноосферы будущего» как формы социоприродной гармонии без ограничения материальных потреблений человека ради потребностей развития биосферы. Социализм должен стать экологическим, духовным, ноосферным и это его измерение – такое же сущностное, как общественная собственность на средства производства, свободное, гармоничное развитие человека, раскрытие его творческого потенциала.

Социализм и коммунизм Ефремова как «очеловечивание человека», как гуманизм реализуется тогда и только тогда, когда он реализуется как «ноосфера будущего», т.е. социоприродная управляемая гармония на основе общественного интеллекта и образовательного общества. Человек обретает истинное бытие и величие, собственную правду бытия лишь тогда, когда он не только преодолевает капиталистическое отчуждение и неравенство, капиталистическую фетишность бытия, но и преодолевает свое историческое и эволюционное отчуждение от Природы-Биосферы и становится человеком Природы – человеком Ноосферы. Ефремов, по-видимому, видит своей задачей конструирование человека будущего и общества будущего – сообщества разумных существ Галактики, всего Космоса. В его работах «Туманность Андромеды», «Лезвие Бритвы», «Час Быка» и других духовность становится ноосферной, космической, включая в свой этический базис «живую этику» как составной фактор влияния природных процессов.

Сегодня очевидно, что становление ноосферой цивилизации в виде «цивилизации общественного интеллекта и образовательного общества» происходит неравномерно со срывами и откатами, свидетельством чему, к примеру, стали распад СССР и многих социалистических государств («Час быка»). Одной из причин подобного является, по-видимому, мощный взлёт технологической революции и заметное отставание от него социально-культурного развития человеческого общества. Возможно, что этот отрыв будет преодолен в ХХI в. в виде

«Великого Эволюционного Перелома», если важнейшим императивом России в XXI в. станет её противостояние глобальному империализму мировой финансовой капиталократии, её стратегии колонизации и ликвидации России и русского народа как субъектов истории.

Станислав Лемм не только замечательный писатель фантаст, но и известный профессор философ-футуролог. Его работа «Сумма технологий» это не столько конкретный хронологический прогноз изобретений и открытий, сколько крупномасштабное полотно, аналогично фёдоровского размаха, но строго научного анализа возможного развития космической, а не только человеческой цивилизации в космических масштабах (миллиарды лет). При всей теоретичности такого прогноза он имеет огромную научную ценность, так как исследует пределы возможного с точки зрения современных достижений науки и техники. В этом смысле оно представляет собой достаточно строгое развитие идей всех и особенно русских космистов.

С. Лемм анализирует судьбу цивилизации и те трудности, которые можно ожидать в их будущем развитии: экспоненциальный рост научной информации, нарастание масс и энергии, которыми оперируют мыслящие существа, усложнение во всех сферах общества, рост населения и т. д. В работе «Догнать и перегнать природу» он исходит из оптимистических позиций по поводу возможностей регулирования общества и природы. Основа прогноза: сопоставление биологической и технологической эволюций (работа «Две эволюции»), биотехнологическая деятельность цивилизаций, проблемы космических цивилизации (статистика космических цивилизаций, проблемы поиска и распознавания, разумная жизнь: случайность или закономерность).

В своих гипотетических построениях Лемм строго ограничивается только построениями, которые не противоречат научным фактам и методам естественных наук. Это приводит к неизбежному выводу о множестве цивилизаций. Используя идеи и принципы кибернетики, гомеостаз, обратные связи, иерархичность построения программ управление и развития приходит к выводу о закономерном характере возникновения и развития цивилизаций. При этом вероятность точно такой же как наша (человеческая) цивилизации бесконечно мала. Лемм анализирует все варианты зарождения и развития цивилизаций; длительность их существование во времени, вероятность и плотность их нахождения в технологической фазе, возможные расстояния между ними, проблемы

космической связи и т.д. Космос, по его выводам, даёт колоссальные возможности развития сообщества разумных существ, но остаются вопросы множественности путей их вероятного развития и границ взаимопонимания.

Лемм рассматривает будущность цивилизации с точки зрения уровня развития науки в ее рамках. Ключ к мощи цивилизации – масса энергии, которыми она может распоряжаться, а ключ к овладению энергией заключён в информационной мощи общества. Этот ключ – создание кибернетических усилителей интеллекта, путь «интеллектроники». При этом проблему «машина и человек» он решает как часть общей проблемы соотношения естественного и искусственного в технологическом развитии цивилизации. Лемм прогнозирует, что в ходе развития цивилизации искусственное постепенно утратит своё положение «эрзаца» и проявит своё превосходство над естественным.

Лемм пытается представить и спрогнозировать новые открытия науки и пути развития самого человека или мыслящего существа. При этом он пытается заглянуть в области совершенствования самого мозга, размышляя над темой новых каналов связи с себе подобными и с искусственными творениями. Пытается предвидеть морально-этические проблемы: сохранение индивидуальности, допустимых пределов вмешательства в мозговую деятельность; личности и информации.

Рассматривая возможные пути развития цивилизаций Лемм проводит сравнительный анализ биологической и технологической эволюций. По его мнению обе ветви эволюции имеют очень много общего и вообще развиваются по похожим законам и это проявляет возможность «реконструкции самого себя» для *homo sapiens*, что собственно и является мечтой Фёдорова. Со временем человек активно и с полным знанием дела вмешается в глобальный ход эволюции и займётся перделкой собственной природы.

Таким образом, «космические философии», активно начатые русскими космистами, имеют сегодня продолжение, основанное на солидном научном фундаменте.

Пути развития человечества, идеи о его месте в Космосе, почти интуитивно заложенные и развёрнутые Н.Ф. Фёдоровым в конце XIX в. и нашедшие продолжение и развитие в трудах В.И. Вернадского, К.Е. Циолковского, А.Л. Чижевского, достойно представлены в современных произведениях И.А. Ефремова и С. Лемма. Утопический раз-

мах фантастических идей Фёдорова сегодня ищет научное обоснование в трудах современных космоистов.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент О. Б. Гужавина.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ТОМАСА КУНА И ПОЛА ФЕЙЕРАБЕНДА

А. Е. Сорокин

*Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета*

В эпоху модерна наука являлась важнейшим инструментом познания. Это в полной мере было свойственно Декарту, Лейбницу и Ньютону. Наука почти отождествлялась с гносеологией.

Однако на поздних этапах модерна, между наукой и гносеологией намечился некоторый диссонанс, в результате кантианской критики и некоторых научных открытий (теория относительности Эйнштейна и квантовая механика Нильса Бора). Далее, философы науки попытались осмыслить эту растущую дистанцию.

Радикальные позитивисты, к числу которых можно отнести представителей Венского кружка, полагали, что основы научного мировоззрения, в его классическом понимании, должны остаться незыблемыми, а новые вызовы должны лишь расширить методологическую базу и объем научных знаний. Ученые и философы науки неопозитивистской направленности, убежденные, что истинная научная теория может быть неопровержимо доказана, в основу доказательства вкладывали индуктивный опыт. Такой верификационный (убежденность в возможности проверить научную теорию или гипотезу экспериментом, соответствием четкому набору атомарных фактов и строго предсказуемых детерминистских ситуаций) подход был разработан в 20-е гг. XX в. членами Венского логического кружка (М. Шлик, О. Нейрат, Ф. Вайсман, К. Гедель, Р. Карнап, Х. Рейхенбах), вдохновлявшиеся логическими исследованиями Л. Витгенштейна. Позитивисты старались сохранить верность классической научной линии, обосновав новыми средствами адекватности рационалистического и индуктивистского (эмпирического) подхода.

Антипозитивисты настаивали на необходимости пересмотреть роль, содержание и функции науки, продемонстрировать произвольный, волюнтаристский и даже пропагандистский характер ее методов и развития. Взамен критериям научности, предлагался переход к опоре на интуицию, экзистенциальную гносеологию, символическую герменевтику. С этих позиций выступали А. Бергсон, О. Шпенглер, У. Джеймс, В. Дильтей, в 60-е гг. XX в. эту линию продолжили А. Тойнби, Т. Кун, П. Фейерабенд и К. Хьюбнер.

В постпозитивизме выделяются две основные линии, одну из которых принято отождествлять с Поппером, а другую – с Куном. Поппер обращал свое внимание на эпистемологические вопросы, у него отсутствовал крайний скепсис, и в целом наблюдалось позитивное отношение к такому предприятию человеческого разума, как научное знание, поэтому всю линию в целом, можно условно называет рационалистической. Та линия, которую начал Кун, в конце концов, пришла к полному скепсису в отношении научного знания. Она занималась изучением науки как социального или политического предприятия, оставляя почти без внимания рационально познавательное движение научного знания. Из нее вышла современная социология науки. Для некоторых ее представителей характерен антисциентизм.

Томас Кун предпринял серьезную попытку переосмысления науки на пути к постмодерну, и пришел к выводу, о том, что основные научные открытия делаются тогда, когда изменяется модель понимания тех или иных реалий. В отличие от своих предшественников-позитивистов, утверждавших, что накопление знаний происходит из-за количественного и качественного обогащения научных опытов, Кун продемонстрировал, что количественное накопление не ведет к открытиям автоматически. Открытия проистекают из-за смены «научных парадигм» (консенсус академических ученых относительно того, что в данный исторический период считать научными аксиомами). Кун убедительно продемонстрировал, что подчас все упирается в субъективный фактор нежелания академических кругов всерьез принимать те или иные теории по совершенно ненаучным основаниям – из-за соображений личного карьерного роста, устоявшихся предрассудков, социального контекста, политических идеологий.

С более радикальной позицией выступал философ науки Пол Фейерабенд. Он считал, что та роль, которая отведена науке в современном

обществе, противоречит либеральному мышлению и демократии. Научные выводы принимаются некритично, так же, как когда-то принималась космология церкви.

В своем главном труде «Против Метода», опубликованном в 1875 г., Фейерабенд пытается доказать, что некоторые научные опыты и эксперименты, призванные продемонстрировать правоту научного метода, представляли собой прямые подделки. Однако Фейерабенд указывает, что подобные «подтасовки» поспособствовали развитию научного мышления и, впоследствии, ученым удалось получить вполне конкретные результаты. Фейерабенд делает вывод, что поле науки – это лишь поле некоторого числа правомочных, и, порой, взаимоисключающих друг друга гипотез. Доказательства той или иной гипотезы напрямую зависят лишь от академического консенсуса. По мнению Фейерабенда, для того, чтобы преодолеть ограниченность научного метода, необходимо признать, что гипотезы нельзя рассматриваться как доказанные или недоказанные. Любые гипотезы должны, так или иначе, обогащать гносеологическую сферу («Не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая не способна улучшить наше познание»). Фейерабенд говорит о важности «принципа несоизмеримости», т. е. невозможности сравнивать различные теории друг с другом с точки зрения истинности научного знания. Данный принцип перекликается с принципом несоизмеримости парадигм у Томаса Куна.

Существующее единообразие подвергает опасности свободное развитие индивида, и для его преодоления нужно опираться на пролиферацию (разрастание, умножение) теорий. Пролиферация станет благотворной для науки, в то время как единообразие теорий ослабляет ее критическую силу.

Таким образом, Фейерабенд является представителем гносеологического анархизма. И утверждает, что «существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, – все дозволено», обосновывая это тем, что если наука существует, разум не может быть универсальным и неразумность исключить невозможно. Также, не принесящий победы ни одной из сторон, спор между наукой и мифом, только усиливает позиции анархизма. Для того чтобы применять подобную плюралистическую методологию, необходимо развивать науку, действуя контриндуктивно, что позволит разрабатывать гипотезы, которые несовместимы с хорошо

обоснованными теориями или фактами. Подобный плюрализм теорий и метафизических воззрений, согласно Фейерабенду, важен не только для методологии. Он является также существенной частью гуманизма, т. е. носит онтологический характер.

Комментируя работы Фейерабенда, Жан Брикмон и Ален Сокал, обращают внимание на общий и абстрактный характер его положений. На то, что у него в равной мере обнаруживается «немало двусмысленных или путаных высказываний, которые порой завершаются яростными атаками на современную науку: атаками, которые оказываются одновременно философскими, историческими и политическими, и в которых фактуальные суждения беспорядочно перемешаны с ценностными».

Мировоззренческие и гносеологические позиции Фейерабенда, характеризующиеся радикальной плюралистичностью и антисциентизмом, сближают его с постмодернизмом. Но, не смотря на скепсис Фейерабенда в отношении познания истины, его теорию можно отнести к «постпостмодернизму», т. е. к позитивным концепциям, учитывающим проблемы, поставленные постмодернистами.

Объединение антипозитивистских концепций Куна о научной истине как консенсусе академических групп с концепцией эпистемологического анархизма Фейерабенда, заставляет говорить о таком понятии как «постнаука». Фейерабенд заявлял (вполне в структуралистском духе), что научное поле есть лишь поле гипотез. Об этом писал и Мишель Фуко, который видел слова как самостоятельную категорию, «воплощающую конкретную историческую субъективность – человека». На смену научной эпистемы модерна приходит постклассическая постнаучная эпистема, в которой доминирующее место занимает реальность языка (слов), полностью оторванная от субъекта (язык, который сам себе и объект и субъект, он «учреждает (как вещь) и то, кто говорит, и то, о чем говорят»; способность текста познавать самого себя).

В постнауке отсутствует научный прогресс, так как гипотезы выстраиваются уже не по линейной логике, когда подтвержденные гипотезы принимаются и развиваются, а неподтвержденные отбрасываются. В постнаучной парадигме могут благополучно сосуществовать взаимоисключающие и опровергнутые опытным путем гипотезы. Наблюдается стирание границ между наукой и искусством. Доминирующим фактором становится лишь творческое воображение.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Н. А. Иванова.

Литература

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. М. : АСТ, 2009. 310 с.
2. Фейерабенд, П. Против Метода / П. Фейерабенд. М. : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.

ДИАЛОГ КАК НОВАЯ ФОРМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ МОЛОДОГО УЧЕНОГО

А. А. Тарасова

Сибирский государственный университет путей сообщения

В постепенно складывающемся глобальном цивилизационном пространстве высокая социальная мобильность того или иного слоя, класса, сообщества является одним из условий его «включенности» в происходящие общемировые процессы. Ученые, будучи представителями одной из сфер, оказывающей значительное влияние на формирование структуры современного техногенного общества, могут со временем уступить свои позиции. Это может произойти по многим причинам, в том числе и в силу того, что чем на более высоком уровне объективности, обоснованности и теоретико-абстрактного осмысления находится представитель науки, тем более обособленной, независимой, монологичной становится его позиция по отношению к другим представителям социума. Объективность данного становления в рамках теории коммуникации может объясняться сменой дискурса. При этом по мере углубления в интересующую его проблемную область молодой ученый совершает переход от обыденного уровня к теоретическому в структуре своего мировоззрения; когда концентрация мысли требует такой смысловой насыщенности общения, которая иначе как в рамках научного сообщества невозможна; а «погружение» в понимание объекта требует полного отказа от привычных представлений о нем. Так изначально объективная смена дискурса постепенно приводит к потере так называемой сферы «Между», между Я и Ты – Другого человека [1. С. 26], к отношению к Другому, как к Оно – объекту познания, но не как к равноценному субъекту общемирового жизненного пространства.

В настоящее время выделяют различные формы рациональности: классическую, неклассическую (постнеклассическую), техническую,

коммуникативную и т.д. В рамках выбранной темы особый интерес представляет «закрытая» и «открытая» формы, выделяемые В.С. Степиным при рассмотрении сверхсложных, открытых, человекосоразмерных систем [2. С. 96]. Первой соответствует констатирующее рациональное сознание, целенаправленность, построение догматической псевдореальности, стремление к идеалам позитивизма, репродуктивное творчество. Вторая характеризуется проектно-конструктивным сознанием, направленностью на поиск взаимоприемлемых решений, невозможностью познавательного «алиби» (термин М.М. Бахтина, цитировано по [2. С. 118]) единожды принятых критериев, диалогичностью. И закрытая, и открытая форма рациональности задается некими исходными ориентирами, но если первая нацелена на их реализацию и утверждение, то вторая связана с их совершенствованием и развитием и даже может привести к их смене. Именно благодаря открытой форме становится возможным переход от старой теории к новой, когда, возвращаясь «на круги своя», вся теория «сжалась в исходное понятие, обращенное теперь на себя, взявшее себя под сомнение» [3. С. 27]. Зарождение этого сомнения происходит не иначе как во внутреннем диалоге – в противопоставлении логики мышления ученого и логики мышления Другого Я этого же ученого. Речь идет не о взаимодействии с подсознанием (противопоставление происходит на сознательном уровне); и не о работе с собственным Двойником, когда диалог оборачивается монологом с элементом редуцирования точки зрения Другого Я, утверждает одну и ту же истину в разных терминах, и теряет способность к поиску неизвестной задачи. Внутренний диалог становится залогом научного творчества при условии, что Другое Я становится Собеседником, который воплощает и персонализирует «логику другого бытия» [3. С. 78], бытия за рамками привычного научного дискурса. Возникающий в связи с этим вопрос познания этого другого бытия, может быть разрешен диалогом внешним – познанием бытия Другого.

Внешний диалог, обладая такими свойствами как контекстуальность, ситуативность и незапланированность, представляет собой процесс обмена сообщениями между двумя и более участниками. Его началом, согласно М. Буберу, является интенциональная направленность, особый эмоциональный настрой на восприятие другого, когда еще до произнесения слов между участниками устанавливается связь. Основой данной связи, на наш взгляд, могут выступать, так называемые, фоновые

знания о мире: о культурном и социальном дискурсе, данные просемики и визуальных коммуникаций, эстетических кодов, кинезики и т. д. Их совпадение или несовпадение влияет на степень предсказуемости дальнейшего развития диалога.

Развертывание диалога происходит в процессе реализации его участниками своих «лингвистических» и «коммуникативных» компетенций (термины К. О. Апеля, цитировано по [4. С. 152]). Первые осуществляются в форме освоения определенного языка и формы жизни, обуславливают одностороннее мировосприятие. Основываясь на классической форме рациональности, именно они помогают участникам диалога сосредоточиться на конкретном предмете обсуждения, выявляют четкие денотации и образуют некий интерпретационный горизонт. Вторые, обладая ярко выраженным эмоционально-экспрессивным, оценочным, коннотационным характером, выступают в качестве условия возможного перехода установленных лингвистическими компетенциями границ и начинают выполнять по отношению к используемым в ходе разговора денотатам роль диссипативных структур, способствуя тем самым формированию объективного по отношению к участникам и ранее не существовавшего диалогического дискурса. Так возникает сфера «Между» (термин М. Бубера), где денотаты, введенные в диалог каждым участником, дополняются новыми коннотациями. Последние, расширяя индивидуальные жизненные миры, тем не менее, сохраняют их суверенность.

Специфика диалога ученого с представителем любой другой социальной группы заключается в том, что и фоновые знания представителя науки о мире, и вводимые им денотаты, как правило, обладают такой степенью информативности, концентрации кодов расшифровки и коннотаций, что сообщение, передаваемое им другому участнику диалога, становится достаточно сложным для восприятия. Невозможность предсказать дальнейшее развитие диалога снижает его продуктивность. Ее росту способствует избыточность сообщения – введение в него излишнего с точки зрения информации, но необходимого с точки зрения передачи смысла количества дополнительных знаков, «расшифровок», делающих его более понятным [5. С. 135]. Определение нужного количества таких знаков становится задачей «коммуникативной» компетенции молодого ученого, развитие которой происходит в силу «„самораскачки“ – чем больше данный индивидуум участвует в коммуникациях, тем легче ему это дается» [5. С. 167].

Таким образом, диалог зарождается, благодаря внутренней направленности на понимание другого в его бытии и желанию поделиться с ним значимостью индивидуально понятых значений – смыслом, идеей. В процессе своего развертывания он устанавливает собственные границы, опираясь на классическую форму рациональности, и создает сферу между Я – ученого и Ты – представителя другого социального слоя, основываясь на открытой форме рациональности. Возникающая сфера «Между» не только создает ранее отсутствовавший диалогический дискурс, но и обогащает индивидуальный мир каждого участника логикой мышления противоположной стороны. Так, диалектическое взаимодействие диалога внешнего с диалогом внутренним способствует не только усилению взаимопонимания между различными представителями социума, и, как следствие, усилению их мобильности в отношении друг друга, но и ведет к развитию творческого мышления у обеих сторон. Все это, однако, происходит только при условии диалога подлинного, когда каждая сторона признает равноценность другой именно в ее инаковости.

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор А. Н. Быстрова.

Литература

1. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. М. : Высшая школа, 1993. 173 с.
2. Степин, В. С. Диалог культур в глобализирующемся мире / В. С. Степин. М. : Наука, 2005. 428 с.
3. Библер, В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. М. : Политиздат, 1975. 399 с.
4. Соболева, М. Е. О возможности диалога между культурами / М. Е. Соболева // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147–157.
5. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. М. : Прогресс, 1973. 410 с.

**СЕКЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

КСЕНОФОБИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ДВЕ ГРАНИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ю. Г. Ахундова, А. Б. Сулейманова

Томский государственный педагогический университет

Целью нашей работы являлось исследование соотношения ксенофобии и толерантности в общественном сознании российского государства и поиски путей достижения толерантности. Для этого нами была проведено анкетирование студентов и проанализированы результаты опроса с данными результатов анкетирования ВЦИОМ в 2004 г.

Говоря о ксенофобии, нельзя не отметить актуальность данной проблемы. К сожалению, в нынешней России для распространения ксенофобии сложились весьма благоприятные условия, что влечет за собой не менее актуальную необходимость в исследовании данного социокультурного явления, вместе с явлением противоположного толка – толерантности.

Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма – важнейшие задачи России, как на уровне государственном, так и персональном. Поэтому, мы считаем, что уместно задуматься над этой проблемой уже сегодня, и тем самым, сделать решительный шаг на пути ломки стереотипов общественного этноцентризма, и попытаться наметить пути возможного ослабления этносоциальной напряженности в стране.

Русских обвинять в неприязненном отношении к инородцам крайне странно. Однако такое отношение формировалось в те времена, когда инородцы в подавляющем большинстве жили в местах оседлости, а на русских территориях вполне ассимилировались. Сейчас же ситуация совсем иная: инородцы захватывают жизненное пространство русских, приезжая из своих стран.

Естественно, в такой ситуации просыпается неприязненное отношение к чужакам, которые уже не приходят в гости, а вваливаются в дом и наводят свои порядки, поэтому русских обвиняют в ксенофобии – обычно с использованием ярлыков «русский фашизм», «экстремизм» и т. д. Мол, чего это вам вокруг никто не нравится?

Ксенофобия – *греч.* ξένος «чужой». Во-первых, это навязчивый страх перед незнакомыми лицами. Второе значение слова: нетерпимость,

неприятие, ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, чужеродному. В этом втором значении слово «ксенофобия» является антонимом слова «толерантность».

Ксенофобия – это природный механизм, заложенный во всех животных для охранения собственной жизни, жизнедеятельности собственного социума. Человек обладает разумом, в отличие от животных, поэтому он может обуздать свои инстинкты.

Причиной ксенофобий обычно служат межнациональные конфликты:

1) территориальные конфликты. Классический пример – ситуация в Нагорном Карабахе и отчасти в Южной Осетии;

2) конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования;

3) конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов;

4) конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства. Например, стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд районов Псковской области, которые, как известно, были включены в состав этих двух государств во время провозглашения их независимости, а в 1940-е гг. перешли к РСФСР;

5) конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществляемых в советский период;

6) конфликты как следствие столкновений экономических интересов;

7) конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера;

8) конфликты, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территориях других республик.

Таким образом, ксенофобия – это здоровая реакция здорового народа на нездоровую этнополитическую обстановку [1].

Следует отметить, и важный смысловой оттенок терминов. «Ксенофобия» подразумевает именно фобию, боязнь. Русофобия – это боязнь русских.

Русофобия – идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному русскому народу. Русофобия является целенаправленной политикой и идеологией, направленной против титульного народа России – русских.

Русофобия использует самые различные приемы, которые позволяют пока что безнаказанно унижать и шельмовать русских, их великую историю и культуру.

Основной тезис русофобии – русский должен забыть русскость, платить и каяться.

Русофобия – неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку, истории и культуре.

Основными следствиями русофобии являются:

- отрицание права русских на равноправие, статуса русской культуры и русского;
- обвинение русских, борющихся за свои права, честь и достоинство, в шовинизме, возбуждении межнациональной и межрелигиозной розни;
- репрессии против русских общественных и политических организаций;
- политика, ущемляющая социальные права русских, приводящая к сверхсмертности, снижению рождаемости;
- политика замещающей миграции, меняющей этнодемографический баланс в Российской Федерации;
- антирусский этнобандитизм и терроризм, а также их оправдание или провоцирование [2].

Какие меры принимает государство по сглаживанию этой острой проблемы? Средством может стать толерантность.

Толерантность – центральное понятие всей проблематики культуры мира и проводимых в её рамках международных и национальных акций, осуществляемых технологий.

Проявления экстремизма в самых крайних формах находит выражение в терроризме, который усиливает деструктивные процессы в обществе, сеет насилие. Глобальный характер проблема толерантности приобрела в связи с террористическими актами 11 сентября 2001 г. в США и 23 октября 2002 г. в Москве.

Толерантность связывают с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, уничтожать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий. Толерантность должна быть осмыслена сегодня не только как ориентация сознания, но и как тип образа жизни, основанный на гармонической совместимости кодов бытия универсума, природы и кода цивилизационного развития человечества [3].

К Международному дню толерантности Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) решил определить отношение россиян к людям иных национальностей. Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 23–24 октября 2004 г. Мы решили провести анкетирование среди студентов и, по нашему мнению, результаты данного опроса, и опроса 2004 г., весьма объективно отразили ситуацию, связанную с проблемой этносоциальной напряженности в стране [4. С. 2].

Категория респондентов: студенты.

Количество охваченной аудитории: 160 человек.

Год проведения: 2011.

Вопросы и анализ результатов исследования:

1. С каким из приведенных ниже суждений о характере межнациональных отношений в России Вы скорее согласны?

Отвечая на вопрос о том, как должны строиться межнациональные отношения в России, чуть больше половины респондентов выбрало точку зрения, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ» (54 % – 2011 г. и 49 % – 2004 г.).

2. Известны случаи стычек на почве национальной неприязни, когда русская молодежь избивает представителей других национальностей. Как Вы считаете, эти случаи отражают массовое настроение современной русской молодежи?

Стычки на почве национальной неприязни, при которых молодые хулиганы избивают представителей нерусских национальностей, воспринимаются общественным мнением неоднозначно. Из числа респондентов, полагающих, что эти случаи отражают общие настроения русской молодежи – 16 %. 53 % считают, что эти явления большинству русской молодежи не свойственны, хотя, и достаточно распространены. 26 % оценивают их как единичные случаи, не имеющие массовой поддержки.

3. Скажите, пожалуйста, есть ли нации и народы, представители которых вызывают у Вас чувство раздражения, неприязни? Если есть, то какие?

Несмотря на столь толерантные настроения, лишь 38 % россиян, на сегодняшний день, относятся к представителям всех национальностей одинаково. Среди наций и народов, вызывающих неприязнь, раздражение, называются в подавляющем большинстве выходцы с Кавказа – 15 %, цыгане – 30 %. Этот список разбавляют лишь евреи – 4 %

и китайцы – 3 %. По сравнению с 2004 г.: цыгане – 5,1 %. Очень редко называются евреи – 2,5 %.

4. Если у Вас вызывают раздражение, неприязнь представители некоторых наций и народов, с чем это в большей степени связано?

В основе неприязни определившихся с ответом лежат социокультурные стереотипы: во-первых, инородцы «не считаются с обычаями и нормами поведения России», «не умеют себя вести», они просто «чужие» – 60 %, 22 % – 2004 г.; во-вторых, боязнь терроризма – 8 %, 11 % – 2004 г.; в-третьих, экономические причины – контроль над бизнесом этнических группировок, конкуренция на рынке труда – 6 %, 9 % – 2004 г.

5. Как Вы считаете, следует ли ужесточить законы, чтобы пресечь по возможности миграцию в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока?

Присутствие в обществе все растущего числа «чужих» требует адекватных мер, полагают россияне. 23 % из них требует безусловного ужесточения мер против мигрантов из стран Юга и Юго-Востока, еще 46 % поддерживает подобную позицию с некоторыми оговорками, и лишь 15 % – против подобного ужесточения законов.

6. Как Вы считаете, следует ли ужесточить законы против разжигания межнациональной розни?

78 % респондентов ответили, что нужно ужесточить законы против разжигания межнациональной розни и лишь 6 % – нет.

Подводя итоги вышеизложенного исследования можно обозначить некоторые положения.

Явление «ксенофобия» носит характер некоего паразитирующего общественного вируса, поражающего умы тех, кто оказывается в силу неразвитой внутренней культуры и недостаточной грамотности. Важным является тот факт, что проблема взаимодействия различных этнических групп внутри государства весьма актуальна на сегодняшний день. Это, в первую очередь, связано с тем, что, к сожалению, проявления расовой нетерпимости (террористические акты, экстремизм, вандализм, хулиганство на почве расовой ненависти) имеют место быть в нашей повседневной жизни. Часто такие проявления носят весьма печальный характер.

Пути достижения толерантности:

1. ЮНЕСКО. Декларация Принципов Толерантности принята и подписана в Париже 16 ноября 1995 г. 185 государствами-членами ЮНЕСКО, включая Россию.

Выпустило и разослало в тысячи школ по всему миру пособие «Толерантность: путь к миру».

Разработали 6 флагов – символов толерантности. Посол доброй воли ЮНЕСКО, Пьер Карден, изготовил их и вручил по комплекту каждой стране, как вечное напоминание о толерантности для миллионов людей.

2. Роль государства. Комитет межрегиональных связей и национальной политики вышел с законодательской инициативой на Правительство Москвы, которое поддержало их. В первую очередь в законопроекте речь идет о корректировке законодательства УК РФ и УПК РФ в части ужесточения наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений на национальной почве.

Внесение изменений в федеральный закон «О средствах массовой информации» в части ужесточения наказаний тем СМИ, которые разжигают межнациональную рознь [5. С. 4].

3. Студенческие организации. 2009 г. – в Москве создан союз студенческих землячеств. Через этот орган комитет будет целенаправленно работать с молодежью, особое внимание, уделяя воспитанию такого хорошего, забытого понятия как интернационализм.

Дебаты на тему: «Толерантность – реальность или утопия» [6. С. 4].

Молодежные организации в Томске: «Дети Гор», «Дом молодежи», «Дом дружбы».

Программа в школах: толерантность укореняется в школе, формируется отношение к ней как к важнейшей ценности общества. Предмет о религиях, классные часы на тему «Толерантность – путь к гармонии», групповые обсуждения, фестивали и обменные программы для учеников.

4. СМИ. Разрабатывают ложные аргументы, представляют ложную статистику, манипулируют общественным мнением путем дезинформации и игры на предрассудках. Распространение информации скандального характера.

Наиболее эффективный способ ограничения влияния разжигателей ненависти состоит в выработке такой политики, которая бы способствовала становлению и развитию свободы прессы и плюрализма мнений, чтобы общественность самостоятельно могла отделять вымыслы от фактов [7].

В целом, все эти предложенные меры, должны привести к снижению межэтнической напряженности, к повышению этнокультурной и пси-

хологической компетентности представителей органов власти, к более адекватному пониманию специалистами и практиками сложной природы национальной напряженности в современной России, и, следовательно, к более эффективному межэтническому и межконфессиональному диалогу в поликультурных регионах нашей страны. Без формирования толерантности движение к цивилизованному обществу невозможно [8. С. 9].

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Н. В. Наливкина.

Литература

1. *Россияне и «иностранцы»: толерантность или ксенофобия?* URL: <http://www.iamik.ru/18773.html>
2. URL: ru.wikipedia.org
3. *Толерантность в России: свои и чужие* // Агентство социальной информации. URL: www.tolerance.ru.
4. *Москва ищет общероссийские стандарты межнациональных отношений* // Этносфера. 2010. № 2 (137). С. 2.
5. *Гражданская консолидация – путь к межнациональному миру* // Этносфера. 2008. № 1 (112). С. 4.
6. *Студенчество российских мегаполисов. 16 ноября – международный день толерантности* // Этносфера. 2009. № 11 (134). С. 4.
7. *Следзевский, И. В. Преодоление ксенофобии в СМИ / И. В. Следзевский, В. Р. Филиппов, Е. О. Хабенская* // Аналитический отчет о результатах исследования. URL: [www.igpi.ru/bibl/other_article/1101820840.html](http://igpi.ru/bibl/other_article/1101820840.html)
8. *Народы Кавказа за мир и процветание* // Этносфера. 2008. № 1 (112). С. 9.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Ю. Г. Ахундова, А. Б. Сулейманова

Томский государственный педагогический университет

Целью нашей работы является исследование смертной казни как высшей меры наказания XX века на примере зарубежных стран.

Мы рассматривали аргументы «за» и «против», проанализировали данные смертной казни в ведущих странах и привели факты смертной казни в мире.

Несмотря на то, что одной из главных, общепризнанных ценностей XX века является неприкосновенность человеческой жизни, а смертная казнь выходит за рамки прав любого гуманного человека и позиций

международных организаций, она все же остается в современном мире широко распространенным видом наказания.

Смертная казнь как высшая мера наказания вызывала и вызывает ожесточенные споры. Аргументацию «за» и «против» смертной казни можно найти в религиозных текстах («око за око», «не убий»). Как за отмену, так и за применение смертной казни высказываются различные политики и общественные деятели [1].

Мы рассмотрим следующие аргументы.

Аргументы противников смертной казни:

«Судебные ошибки – не исключение».

Нигде еще не удалось создать юстицию, работающую без ошибок. Это, значит, что при наличии смертной казни неизбежно казнят невиновных.

Случаи оправдания, несправедливо осужденных к смертной казни, (нередко через десятки лет после вынесения приговора), встречаются во многих государствах, в т. ч. и в истории Великобритании, Бельгии, Филиппин, Турции, Малайзии, Китая, Белиза, Пакистана, Украины, Японии и др.

В России в 1998 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда отменила приговоры 11 лицам, приговоренных к смертной казни из-за ошибок в применении норм уголовного и уголовно-процессуального права.

1. Отсутствие сдерживающего воздействия на потенциальных преступников.

Отмечается, что смертная казнь неэффективна в отношении одной из наиболее опасных категорий современных преступников: террористов, а также совершающих преступления по экстремистским и политическим мотивам, так как многие из них являются смертниками или постоянно рискуют жизнью в ходе совершения преступления.

Т. Маршалл, член Верховного суда США: «Смертная казнь не оказывает большего сдерживающего воздействия, чем пожизненное заключение...» [2].

Сторонники этой версии утверждают, что фактически совершается эвтаназия, в узком смысле этого слова, даже в странах, где она запрещена. Противники смертной казни верят, что если она (смертная казнь) будет отменена, то количество тяжких преступлений снизится, хотя бы на количество потенциальных самоубийц.

В Великобритании в период с 1965 по 1970 г. смертная казнь была отменена в качестве эксперимента. По окончании этого периода парламент проанализировал статистику и пришел к выводу, что количество убийств не увеличилось. После этого смертная казнь за убийство была отменена окончательно!

2. Смертная казнь не гарантирует уменьшения преступности.

Казнь преступника порождает иллюзию того, что общество «очистилось» и что жизнь его членов стала более безопасной. Казнь не способствует борьбе с социальными причинами тягчайших преступлений. Напротив, атмосфера жестокости и кровожадной беспощадности в обществе, которая легитимизируется государством использующим смертные казни, лишь создаёт новые предпосылки и благоприятные условия для ещё более страшных и жестоких преступлений.

Коретта С. Кинг, вдова Мартина Лютера Кинга: «Как человек, чьи муж и свекровь стали жертвами убийства, я твердо и безоговорочно выступаю против казни тех, кто совершает преступления, наказуемые смертью... Зла не исправить злом, совершаемым как акт возмездия. Справедливость не вершится лишением жизни человека. Мораль не упорочить санкционированным убийством» [2].

3. Смертная казнь не влияет на социальные факторы, порождающие преступность.

Основными факторами, провоцирующими преступность, являются бедность, невежество, неравенство, психические отклонения конкретного преступника. Смертная казнь никак не может влиять на указанные причины.

Такие вопросы, как нравственные или научные, не могут решаться на референдумах. Вопрос о смертной казни – слишком сложный и острый, чтобы он мог решаться без серьезной фактической базы. В связи с этим обсуждение данной темы должно быть полностью освобождено от эмоций и предоставлено специалистам.

Владимир Путин: «Я считаю, что смертная казнь бессмысленна и контрпродуктивна. Бессмысленность смертной казни доказана тысячелетней историей человечества и современной цивилизации» [2].

4. Смертная казнь отражает политическую и культурную отсталость общества.

подавляющее большинство стран в мире, которые используют смертную казнь – тоталитарные, авторитарные или экономически отсталые

страны, которым сопутствует коррупция, высокий уровень преступности и прочие негативные явления. Именно наиболее передовые и демократические страны первыми отвергли смертную казнь как наиболее варварский и безнравственный вид наказания. Есть прочная и тесная связь между высоким цивилизованным уровнем и отсутствием особо варварских и жестоких мер наказания, таких как смертная казнь, пытки, четвертования и т. д.

Аргументы сторонников смертной казни:

Криминолог США В. Реклесс сформулировал 4 основных аргумента в защиту смертной казни: принцип талиона – соответствие вины преступлению, предупреждение, искупление, защита интересов общества.

Криминолог США В. Сазерленд сформулировал 5 причин: предупреждение преступности, экономическая, замена суду Линча, освобождение общества от «дефектных» личностей; надёжнее, чем пожизненное заключение (отсутствие амнистии).

Гуманность как аргумент в защиту смертной казни приводил Черчилль в 1940-х гг. Пожизненное заключение, по его словам, «обрекает на долгие годы ужасных лишений и страданий ума и души тех, кому хотели сделать благо».

1. Экономическая и моральная несправедливость пожизненного заключения.

Экономическая несправедливость – вместо того, чтобы компенсировать обществу нанесённый вред или хотя бы не отягощать более общество своим существованием, преступник продолжает жить на иждивении общества, лишь потребляя предоставляемые им блага.

Моральная несправедливость – близкие люди жертвы преступника, вместо того, чтобы получить моральное удовлетворение от возмездия, вынуждены участвовать в оплате его содержания.

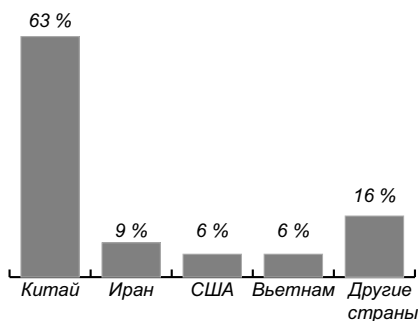
2. Восстановление социальной справедливости.

По мнению сторонников смертной казни, «смертная казнь на данном историческом этапе развития нашего общества не должна быть исключена из числа уголовных наказаний потому, что она относительно полезна и даже нужна обществу в качестве эквивалента наиболее опасным преступным проявлениям». Смертная казнь, таким образом, необходима для восстановления социальной справедливости, что является одной из целей наказания.

3. Смертная казнь как разновидность социальной защиты.

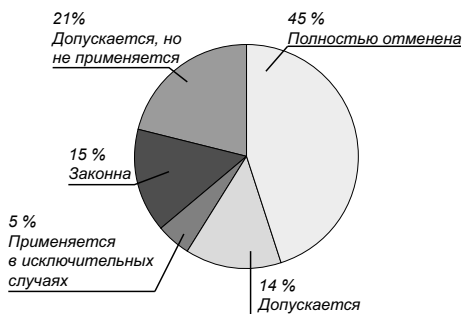
Смертная казнь рассматривается, прежде всего, не как возмездие конкретному преступнику, а как форма защиты общества от антисоциальных элементов. Отсюда эвфемизм «высшая мера социальной защиты», который применялся в СССР во времена Сталина как синоним понятия «смертная казнь» [2].

Проанализировав существующие данные, мы пришли к следующим выводам:

На протяжении 2003 г. казнено, по меньшей мере, 1 146 человек.

В 2003 г. 84 % всех казней, о которых стало известно, были совершены в Китае, Иране, США и Вьетнаме. В Китае, по неполным и ограниченным данным, поступившим в распоряжении «Международной Амнистии» на конец года, казнено не менее 726 человек. В Иране казнено не менее 108 человек. В США – 65 человек. По меньшей мере, 64 человека были казнены во Вьетнаме [3].

Количество фактов смертной казни в мире является гораздо более ужасающим, чем нам представляется. По данным 2006 г., смертная казнь полностью отменена только в 88 странах мира. В 11 странах она применяется только в исключительных случаях, таких как военное преступление и решение военного трибунала. В 30 государствах смертная казнь предусмотрена законом, однако на практике она уже не применяется. Несмотря на то, что количество государств, в которых допускается смертная казнь, составляет значительно меньше половины общего числа стран мира, но лишь примерно 45 % населения планеты проживает в тех странах, в которых нет угрозы смертной казни [4].

Должна ли быть в цивилизованном государстве смертная казнь? В идеале – может быть, что нет. Но, как сказал известный в XIX в. журналист Карр, смертную казнь можно бы отменить, но пусть начнут господа убийцы. Пока существуют дикие, немотивированные, жестокие убийства, она должна существовать [5].

Научные руководители: Ю. В. Ибрагимова, Н. В. Наливкина.

Литература

1. *История смертной казни.* URL: <http://www.murders.ru/pytki.html#telo>
2. *Обсуждение: Смертная казнь.* URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. ПАСЕ призывает Беларусь, США и Японию отказаться от смертной казни. URL: <http://news.tut.by/politics/223532.html>
4. *Смертная казнь в мире.* URL: <http://www.tyurem.net/mytext/history/006.htm>
5. *Омутов, И.* Смертная казнь: за и против / И. Омутов // Агентство политических новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article19189.htm>

ЛОМОГРАФИЯ КАК НОВЫЙ СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. О. Быдзина

Томский государственный педагогический университет

Каждый человек стремится к самореализации. Самореализации как желания воплощать свои таланты и способности, проявлять себя в обществе, отразив свои положительные стороны. С помощью творчества как функции самореализации, человек добывает знания и создает новые ар-

тефакты, тем самым прославляет свое имя. Веками люди придумывали новые способы самореализации: наука, поэзия, скульптура, живопись и т. д. Так в XIX в. была изобретена фотография. И на сегодняшний день с появлением Интернета и цифровой фототехники, фотография распространена повсеместно и очень популярна среди всех возрастных групп населения. Но и на этом не заканчивается эволюция способов самореализации – фотоискусство имеет множество проявлений, зависящих от обладания той или иной аппаратурой, преследования тех или иных целей. Многие пользуются цифровыми фотоаппаратами, обладающими сотней преимуществ перед пленкой. Некоторые все же остаются верны пленочной фотографии, которая, казалось бы, уже должна отойти на второй план, качественно устарев. Так появляется новый вид творчества, новая философия и новый стиль жизни – ломография.

Актуальность этой статьи заключается в том, что, несмотря на огромную популярность ломографии, бытует две точки зрения на истолкование ее понятия. С одной стороны, люди неосведомленные, считают принципы ломографии непрофессиональными или вообще не отделяют ее от фотографии. С другой стороны, любители называют ломографию новой формой визуального мышления. Целью данной статьи можем считать обоснование значимости ломографии.

Так что же такое ломография? Ломография – это вид пленочной фотографии, который ставит своей целью запечатлеть на снимках жизнь во всех её проявлениях такой, как она есть. Для этой цели изначально использовался миниатюрный автоматический фотоаппарат ЛОМО Компакт-Автомат (LOMO LC-A), откуда и произошло название.

История ломографии начинается свой отсчет с 1982 г. – именно тогда было принято решение о создании первого ЛОМО Компакт. Камера появилась путем улучшения японского фотоаппарата «Косина» (Cosina CX-1) заместителем министра оборонной промышленности СССР генералом Игорем Петровичем Корницким и Михаилом Панфиловичем Панфиловым, директором Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО). Однако создания одного фотоаппарата оказалось мало для появления нового вида аналоговой фотографии.

В 1991 г. два студента из Вены Маттиас Фигль и Вольфганг Штранцингер отдыхали в Праге. В одном из комиссионных магазинов города, где продавалась старая фототехника, студенты приобрели ЛОМО Компакт и стали фотографировать абсолютно все, не глядя в объектив.

Вернувшись в Вену и проявив фотографии, друзья были поражены результатом – снимки получились яркими и запоминающимися. Молодые люди решили организовать выставку. Но так как денег на это не было, студенты зарегистрировали себя как официальную организацию и обратились за поддержкой в Венский муниципалитет. Так в Вене в 1991 г. родилось Международное Ломографическое Общество. Летом 1992 г. были написаны «10 золотых правил ломографа», которые 5 ноября, появились на страницах газеты «Wiener Zeitung» вместе с «Манифестом Ломографии»:

1. Всегда имей при себе камеру.
2. Снимай в любое время дня и ночи.
3. Ломография – часть твоей жизни.
4. Снимай от бедра.
5. Подходи к объекту съемки как можно ближе.
6. Не думай.
7. Будь быстр.
8. Ты не знаешь заранее, что получится.
9. Да и после съемки не знаешь тоже.
10. А теперь забудь все правила и снимай [1].

Разумеется, эти правила – простая формальность и большинство ломографов применяют их в зависимости от своих целей и желаний, но для людей, в первый раз столкнувшихся с феноменом ломографии, они наиболее полно отображают специфику творческого процесса.

Вскоре городской совет Вены предоставил в распоряжении Международного Ломографического Сообщества пустующее здание на Брайт-гассе. Здесь состоялась первая выставка ломографии, на которой было продано 700 камер «ЛОМО Компакт» и прошла презентация ломостены, ставшей одной из визитных карточек Сообщества. Знакомство с предприятием ЛОМО состоялось в 1994 г., когда выставка ломографов проходила в Москве. К этому времени его производство собирались прекратить в связи с падением спроса на отечественные фотокамеры. Но после знакомства с ломографами производство ЛОМО-компакта было возобновлено, а Ломографическому обществу были предоставлены права эксклюзивного поставщика ЛОМО-компакта в мире.

На данный момент ломография развита повсеместно. Международное Ломографическое сообщество насчитывает более 1 000 000 человек, число посольств растёт (сейчас их около 75) [2]. Существует огромное

количество сайтов, на которых последователи могут общаться и делиться собственными достижениями, магазинов, в которых любители могут приобретать новые ломоаппараты и оборудование для них. Австрийцы придумали расшифровку слову LoMo – love and motion – любовь и движение. Именно это выражение и стало девизом Ломографического общества.

Международное Ломографическое Сообщество занимается распространением различных моделей фотоаппаратов, предназначенных для ломографирования, таких как Diana F+, Fisheye, Colorsplash и др. Ломографическая техника развивается – появляются новые камеры, ломографы придумывают различные фильтры для своих камер, позволяющие получать необыкновенные фотографии. Все это говорит о популярности ломографии в современном мире.

Чем же объясняется эта популярность? Во-первых, ценовой доступностью технического оборудования. Ломография не нуждается в классических критериях качества фотографии, таких как правдоподобная цветопередача, равномерная плотность кадра, резкость, а именно от этих характеристик зависит цена фотографического оборудования. Во-вторых, легкостью оборудования и простотой в его использовании и хранении. В-третьих, непредсказуемостью результата. Фотографии всегда получаются оригинальными, благодаря дефектам фотопленки, ненастроенной экспозиции и резкости. Ломографы постоянно экспериментируют со своими камерами, используя любые подручные материалы: добавление соды на пленку, прикрепление перьев к маске, заклеивание линзы изолентой [3]. Ломография, являясь неотъемлемой частью жизни ломографа-любителя провоцирует его на общение с единомышленниками. Ломографическое сообщество постоянно проводит выставки ломостен, тематические конкурсы на лучшую фотографию, вечеринки, где люди могут обмениваться опытом и своими уникальными достижениями.

Несмотря на свою недолгую историю, на сегодняшний день ломография имеет огромное количество последователей, относящихся к ней не только как к творческому акту, но и как к новому способу самореализации. Являясь способом самовыражения для огромного количества людей по всему миру, ломография выполняет еще одну важную функцию – изучение и документирование поверхности Земли, путем ломографирования моментов ее жизни.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. Б. Куликов.

Литература

1. *Фадеев, А. Е.* Ломография [Электронный ресурс]. URL: <http://photo-element.ru/ps/lomo/lomo.html>
2. URL: <http://www.lomography.ru/>
3. URL: <http://blog.lomography.ru/category/podskazki/>

ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИИ К. МАНГЕЙМА

О. В. Герасимова

Томский государственный педагогический университет

Как социолог, К. Мангейм определял образование как единый и неделимый феномен, в котором формальное обучение связано с целостной социальной системой: «...образование – это ...один из многих социальных факторов, воздействующих на поведение человека, и как таковой, хотим мы этого или нет, всегда служит социальным целям и сознательно направлен на формирование определенных типов личности» [1. С. 463]. Для изменяющегося общества необходима новая концепция образования. Критикуя фрагментарное образование эпохи либерализма, содержательно скованное прописанными в программах предметами, обособленное, игнорирующее общественные потребности, Мангейм указывает на необходимость развития интегрального образования, непрерывного, имеющего целью не передачу обучающимся готовых знаний, а «научить их эффективнее учиться у самой жизни» [1. С. 462].

К. Мангейму принадлежит теория «экзистенциальной детерминации» поведения и образа мышления личности. Человек социализируется под воздействием непосредственного социального окружения и внешнего влияния.

Невозможно воспитать независимую личность, пренебрегая анализом социальных условий, в которых человек должен жить. Такой социологический подход способен полемизировать с педагогическим, где конечная цель образования – это воспитание свободной личности, путем

беспрепятственного развертывания внутренних качеств. Однако образовательный процесс конкретен, в ходе него формируется не абстрактный человек, человек вообще, но человек для данного общества. В свою очередь, общество – это важный фактор, влияющий на цели и методы образования.

Для викторианской эпохи игнорирование социальной сущности образования не могло причинить особого вреда, образование было элитарным и предоставляло возможности для индивидуализации личности, ее разностороннего развития. Цель и методы образования рассматривались как некоторые целостности, хорошие или плохие сами по себе, независимо от социальных условий. Однако как только отделенные от элиты массы становятся политически активными, возникает необходимость в новых формах образования. На этой стадии уже невозможно ограничить проблему образования рамками школы. Образование уже не может рассматриваться как взаимный обмен между двумя индивидами, учителем и учеником, на уровне личных отношений, а представляет собой часть общего социального процесса. Обучение не будет являться адекватным, если оно не научит человека осознавать целостную ситуацию, в которой он находится.

Таким образом, система образования для определения собственных целей и методов и адаптации их к новым общественным потребностям, нуждается в социологическом подходе к образованию. Мангейм сформулировал постулаты этого подхода:

1. Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества.

2. Наилучшей образовательной единицей является не индивид, а группа. Группы различаются по размерам, целям и функциям. В ходе обучения вырабатываются различные модели поведения, которым должны следовать индивиды в группах.

3. Цели образования в обществе не могут быть адекватно поняты, пока они отделены от конкретных ситуаций, в которые попадает каждая возрастная группа, и от социального строя, в котором они формируются.

4. Законы и нормы для социолога не самоцель, они представляют собой выражение взаимодействия между индивидуальным и групповым приспособлением.

5. Цели образования в их социальном контексте сообщаются новому поколению вместе с методами образования. Эти образовательные

методы разрабатываются не изолированно, а как часть общего развития «социальных методов». Образование может быть правильно понято лишь тогда, когда оно будет рассматриваться как один из способов воздействия на человеческое поведение и как одно из средств социального контроля. Малейшее изменение в общей технологии и контроль будут оказывать воздействие на образование в узком смысле, т. е. образование в стенах учебных заведений.

6. Образование – не единственный способ воздействия на поведение человека. Без согласования с остальными формами социального контроля даже самые эффективные его методы не будут работать. «Ни одна система образования не в состоянии поддерживать у нового поколения эмоциональную стабильность и духовную целостность, пока она не имеет своего рода общей стратегии с социальными службами, действующими за рамками школы. В наше время лишь во взаимодействии с ними можно контролировать социальные влияния, которые в противном случае дезорганизуют жизнь общества» [1. С. 480].

Мангейм видел в профессиональном образовании потенциальные предпосылки к дегуманизации человеческой личности. Чрезмерная специализация ведет к нейтрализации истинного интереса к реальным проблемам и путям их разрешения. Необходима связь между различными областями исследований, некая междисциплинарность. Отсутствие этого ведет к тому, что «никто не стремится рассмотреть ситуацию в целом, студенты оказываются совершенно неспособными не только к созданию синтетической картины, но и к критике вообще» [1. С. 472].

Таким образом, содержательное наполнение образования зависит от тех изменяющихся целей, связанных с общественными трансформациями. Поэтому строго формализованное предметное образование не столь эффективно как образование, позволяющее человеку определить свое место в обществе. Следовательно, для надлежащего образования, по мнению Мангейма, необходимы вполне определенные курсы: 1) социология образования; 2) наука о человеческом поведении; 3) социология культуры; 4) изучение социальной структуры.

Литература

1. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. М. : Юрист, 1994. 700 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МАЙЯ

Д. Н. Гуль

Томский государственный педагогический университет

Культура майя одна из самых загадочных на сегодняшний момент. Как и любая другая, она имеет ряд характерных особенностей, которые говорят о ней, как о вполне сформировавшейся культуре. Основной целью данной статьи является выявление этих особенностей на примере сравнения культурных черт цивилизации майя с другими традиционными культурами.

В первую очередь народы майя известны благодаря своему искусству, архитектуре, письменности, а также астрономическим и математическим счислениям. Майя уделяли большое внимание изучению календаря и летоисчисления, астрономии, медицины и истории. Эти отрасли тесно переплетались с мистическими учениями о богах, знамениях и предсказаниях [1. С. 29]. Религия также легла в основу политического и социального устройства, религиозные мотивы и сюжеты преобладали в искусстве. Именно поэтому необходимо в первую очередь рассмотреть религиозные представления майя как одну из первооснов культуры. Диего де Ланда описывал религию майя как «идолопоклонство» [2].

Как и в любой языческой религии у майя было особое представление о Космосе как о мировом порядке вещей. По их представлениям в мире существовало 13 небесных сфер, или слоев неба и 9 подземных миров. По четырем углам мира, на севере, востоке, юге и западе находились «Мировые деревья», которые назывались Красное (на востоке), Белое (на севере), Черное (на западе) и Желтое (на юге) деревья. На них обитали боги дождя Чаки. Здесь же были четыре огромных кувшина с водой, считалось, что когда боги льют из них воду, идет дождь. В центре мира находилось Зеленое дерево. Его корни находились в подземном мире, ствол в мире людей, а крона на небесах. Именно там находился рай с богиней Иш Таб. В подземных мирах находился ад. Представления майя о смерти были связаны с уровнями небесного и подземного миров. Считалось, что место, куда попадает человек после смерти, зависит от того, какие

поступки он совершал при жизни, от его социального статуса и от условий, при которых он умер.

Верховным богом в пантеоне майя считался Ицамна. Он был богом-творцом, основателем жречества и жреческой культуры, изобретателем и письменности наук и покровителем Дня и Ночи. Одними из наиболее почитаемых богов пантеона майя были богиня Иш Чель – супруга Ицамна и богиня плодородия, деторождения и медицинских знаний, бог Эк Чуах – бог-покровитель купцов и охранитель плантаций какао и, уже упомянутый выше, бог Чак – бог дождя и молнии, вырубки деревьев и покровитель полей и растущей кукурузы [1. С. 29].

В пантеоне было еще множество богов огня, охоты, долин и гор и зооморфных божеств – ворон, олень, ягуар и т. д. Поклонение этим богам и ритуалы, связанные с ними, вероятнее всего являются результатом развития различных отраслей сельского хозяйства, а также развития разного рода религиозных ритуалов, в которых использовались жертвоприношения.

Ритуал жертвоприношения играл важнейшую роль в религиозных обрядах. Диего де Ланда в своем труде «Сообщение о делах в Юкатане» упоминает о том, что одной из наиболее центральных культовых построек в Чичен-Ице является «Колодец», «куда они бросали в жертву живых людей и также драгоценные вещи. Он имеет более семи эстадо глубины до воды, более ста ступней в ширину и сделан круглым в обрывистой скале удивительным образом; вода кажется зеленой; говорят, что причиной этому роща, которой он окружен» [2].

Важен также был, так называемый, обряд кровопускания. По мифологическим представлениям майя, человеческая кровь питала и укрепляла богов, которые, в свою очередь, давали силу людям. Считалось, что наибольшей магической силой обладает кровь языка, ушных мочек и гениталий. Этот обряд, как правило, проводили правители при каждом важном событии в жизни народа.

Помимо человеческих жертвоприношений и подношений богам в виде драгоценных камней и изделий золота, у майя были широко распространены жертвы животных. Кити Эмери, археолог из музея естествознания Флориды, нашла множество останков практически всех представителей фауны на данной территории. Она отмечает, что «уменьшение популяции крупных животных пропорционально укреплению правящего аппарата майя и разрастанию их империи. Это мо-

жет быть связано с тем, что со временем лесные массивы уменьшались, а климат становился суше. Чтобы не потерять свой авторитет в глазах населения, правители стали чаще прибегать к ритуальным жертвоприношениям зверей типа ягуаров» [5]. Стоит также отметить, что жертвоприношения были наиболее широко распространены в период расцвета цивилизации майя – 250–900 гг.

Историю майя принято делить на три традиционных периода: предклассический (2000 г. до н.э. – 250 г.н.э.) – начало формирования цивилизации, строительство первых городов, складывание письменности; классический (250–900 гг.) – расцвет цивилизации майя, возведение самых больших и величественных городов, создание первого календаря; постклассический (900–1521 гг.) – упадок цивилизации, постоянная борьба между городами.

Наибольшего расцвета культура достигла в классический период. Именно тогда были построено множество городов, искусство и архитектура достигли своего расцвета. По красоте изображения людей на фресках, а также по величию храмов мы можем сравнить эти памятники культуры с памятниками культуры античности и Древнего Египта. Архитектуру этой эпохи отличает монументальность форм, которые мы можем увидеть в архитектурных постройках классической античности и пирамидах Древнего Египта. Пирамиды майя часто сравнивают с пирамидами в долине Гизы. Для этого есть основания. Пирамиды майя, как и пирамиды древних египтян, отличаются монументальностью, схожим способом укладки плит – без использования какого-либо цементирующего раствора, а также важным является одинаковое расположение этих сооружений по сторонам света.

Храмовые постройки были украшены множеством фресок и барельефов. На фресках мы можем увидеть множество элементов, которые позволяют нам сравнивать их с изображениями античности и Древнего Египта. На них преобладали исторические и религиозные сюжеты. Плоские фигуры и предметы очерчивались чёткими контурами и ярко раскрашивались. Живописцы применяли растительные и минеральные краски, не используя чёрный и белый цвета. Люди изображались в профиль. Статуи и рельефы посвящались правителям и многочисленным божествам, изображавшимся как в облике людей, так и животных и растений. Рельефы часто раскрашивались [3]. В городах возводились величественные храмы и дворцы, которые не уступали по красоте и величию

архитектурным памятникам античности. Наиболее крупными и развитыми городами были Чичен-Ица, Паленка, Копан, Ушмаль и др.

Уже отмечалось, что религия у майя пронизывала все сферы человеческой жизни. Жрецы майя разработали сложнейшие мистические учения о богах. Согласно этим учениям, четыре бога – Хобниль, Кан Цик Наль, Сак Кими и Хосан Эк – правили этим миром поочередно, ежегодно сменяя друг друга у власти. Эти представления отражали древний институт смены власти, согласно которому, сначала ежегодно, а позднее, каждые двадцать лет один род сменял у власти другой [1. С. 30].

У майя было ярко выраженное социальное расслоение общества. На самом верху социальной лестницы находились правитель и его ближайшие родственники, далее шла высшая и средняя наследственная знать, обладавшая разной степенью власти, за ними следовали свита, ремесленники, архитекторы разного ранга и статуса, ниже стояли богатые, но незнатные землевладельцы, потом – простые земледельцы-общинники, а на последних ступеньках находились сироты и рабы. Хотя эти группы контактировали между собой, они жили в отдельных городских кварталах, имели особые обязанности и привилегии и культивировали собственные обычаи [6].

Особая роль в обществе отводилась жрецам. Диего де Ланда описывает функции жрецов следующим образом: «Они имели великого жреца, которого называли Ах Кин Май или другим именем, Ахау Кан Май, что значит „жрец Май“, или „великий жрец Май“; он был очень уважаем сеньорами. <...> У него был ключ к их наукам, и ими они более всего занимались; они давали советы сеньорам и ответы на их вопросы. Дел, связанных с жертвоприношениями, он касался в редких случаях, только при наиболее значительных праздниках и при важнейших делах. Они обучали сыновей других жрецов и младших сыновей сеньоров, которых им приводили для этого еще детьми, если замечали, что они склонны к этому занятию» [2]. Из последнего предложения можно сделать вывод, что заниматься науками могли только дети из знатных семей и семей жрецов. Согласно описаниям Диего де Ланда «науки, которым они обучали, были: счет лет, месяцев и дней, праздники и церемонии, управление их святынями, несчастные дни и времена, их способы предсказания и их пророчества, события, лекарства против болезней, памятники древности, умение читать и писать буквами и знаками, которыми они писали, и фигурами, которые объясняли письмена».

В изучении наук майя достигли поразительных успехов. Они разработали систему счисления и летосчисления, иероглифическую письменность, научились делать расчеты продолжительности дня и ночи и лунных фаз, изобрели календарь.

Система счета майя базировалась на двадцатеричной системе счисления, в которой были задействованы десять пальцев рук и десять пальцев ног. В тоже время у них существовало понятие «нуля» как самостоятельной математической единицы. Мы знаем, что в древней и средневековой Европе это понятие отсутствовало. Отрицательное число всегда трактовалось как долг, а ноль – как ситуация полного разорения. У майя ноль схематически изображался в виде раковины и означал бесконечность. Его присутствие было необходимо во многих математических операциях. Благодаря его наличию были сделаны почти точные расчеты продолжительности года и количества дней в лунном месяце. Приведем пример: согласно копанским вычислениям продолжительность лунного месяца составляет 29,53020 дней, по паленским – 29,53086 дней, в то время, как фактическая продолжительность равна 29,53059 суток; продолжительность года, согласно вычислениям майя составляет 365,2422 дня, фактическая продолжительность, согласно современному григорианскому календарю – 365,2425 дней [1. С. 33]. Трехсот шестидесяти пятидневный год составлял основу календаря, который в свою очередь делился на восемнадцать месяцев и пять добавочных дней. Подобное деление на месяцы соответствовало делению на хозяйственные сезоны, которое, вероятнее всего, существовало задолго до появления самого календаря [1. С. 30].

Основу письменности майя составляло иероглифическое письмо, схожее с письменностью древних египтян. Письменность сложилась в предклассический период, ок. III в. до н. э.

Исследования письменности начались еще в XVI в. Диего де Ланда одним из первых пытался расшифровать иероглифическую письменность, по его мнению, иероглифы майя были сродни индоевропейским алфавитам. Он полагал, что каждый иероглиф представляет собой определённую букву [2]. Его исследования считались базой вплоть до XX в.

Значительный вклад в расшифровку письменности внес Ю.В. Кнорозов. В своем труде «Письменность индейцев майя» Кнорозов убедился, что список де Ланды не был алфавитом, но он не отверг его полностью по этой причине: Кнорозов предположил, что «алфавит» де Ланды

в действительности являлся списком слогов. Каждый знак в нём соответствовал определённой комбинации одного согласного с одним гласным. Соединённые вместе знаки были фонетической записью слов [1. С. 233–238].

Таким образом, становится возможным выявление следующих особенностей традиционной культуры майя:

1. Относительно высокий уровень развития строительного искусства.
2. Тщательная разработка математических вычислений, положенных в основу календаря.
3. Развитие письменности, обеспечившей последовательный прогресс цивилизации в целом.

Все это позволяет заключить, что цивилизация майя – это самостоятельный центр развития человечества, предлагающий реальную альтернативу классическим идеалам, зародившимся в результате становления греко-римской цивилизации и повлиявшим на становление культурного мира Европы.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. Б. Куликов.

Литература

1. Кнорозов, Ю. В. Письменность индейцев майя [Электронный ресурс] / Ю. В. Кнорозов. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1156992>
2. Ланда, Д. Сообщение о делах в Юкатане [Электронный ресурс] / Д. Ланда. URL: <http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/L.phtml>
3. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cwer.ru/node/57022/>
4. Наследие цивилизации майя [Электронный ресурс]. URL: <http://mayax.ru/tag/iskusstvo-majya>
5. Майя спровоцировали экологическую катастрофу [Электронный ресурс] // Мир новостей. URL: <http://www.mirnov.ru/arhiv/mn730/mn/31-2.php>
6. Академик: словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/6528

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В РАМКАХ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ОБЩЕСТВА КАК ЕДИНОГО ЦЕЛОГО

Л. В. Котликова

Томский государственный педагогический университет

История современной России уже отмечает свое двадцатилетие. Временной промежуток данного события в историческом исчислении, безусловно, ничтожно мал, но насыщенность всевозможного рода проявлений современных российских проблем самого широкого спектра – от экономики и политики, до культуры, морали, образования и т. д. актуализирует потребность анализа состояния и развития общества как целостного организма.

Специфика познания социальной действительности затрудняла саму возможность рассмотрения с позиций материализма всех, происходящих в обществе, изменений и определяла сохранение идеализма в его «последнем убежище».

Системный подход в рассмотрении общественных процессов состоялся в марксистской диалектике, как теории и методе познания любой действительности, включая социальную действительность. Только в рамках данного диалектического подхода можно познавать законы функционирования общества как целостного организма и регулировать сознательную деятельность человека в направлении прогрессивного, поступательного развития общественных отношений.

В XX в. произошло мощное становление социального знания и появление самостоятельных наук о различных сферах общественной жизни: экономические науки, политология, социология, культурология, этнология и др. Но чем активнее шел процесс «узнавания» и «понимания» особенностей и специфики функционирования и развития различных сфер общественных отношений в рамках той или иной частной науки об обществе, тем очевидней утрачивалось понимание общества как единого целостного организма, имеющего свои, самостоятельные объективные законы функционирования и развития. Позитивизм, делающий упор на частнонаучном знании, проник в сферу изучения общественных отношений и начал выстраивать умозрительные, априорные схемы.

Более того, в условиях сохраняющейся частной формы собственности и социального неравенства, в любом обществе есть прямая заинтересованность определенных социальных сил в «затушевывании» социальных противоречий, имеющих системную природу, путем переноса внимания общественности на другие, пусть и значимые противоречия современной эпохи, но носящие «опосредованный» характер. Проблемы культуры или религии, проблемы «свободы» человека или проблемы «глобализации», проблемы «международного терроризма» или проблемы «СПИДа» и «гриппа» – все это стало доминирующими характеристиками современных общественных процессов. Но при таком подходе нарушается главный принцип диалектики: смотреть вглубь проблем, «стремиться к охвату самых важных, необходимых сторон, отношений и из их состава выделять определяющую, интегративную сторону, от которой зависят остальные» [1], т.е., находить объективные причины, порождающие те или иные противоречия современности.

Сама марксистская диалектика, составляющая суть и ядро марксизма в целом, успешно проросла корнями в современном научном познании, но подвергалась и подвергается сегодня постоянной критике со стороны, прежде всего, противников марксистской идеологии. Это касается центрального положения марксизма о том, что он «конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменении способа производства и обмене...». И что именно частная форма собственности на основные средства производства выступает причиной социальных противоречий и конфликтов. Это касается и главного вывода марксистской идеологии о том, что классовая борьба – объективная закономерность общества, разделенного на противоположные классы по «их отношению к средствам производства».

Разразившийся в конце первого десятилетия XX в. мировой экономический кризис и растущая активность сознания народных масс в «благополучных» европейских странах – прямое подтверждение выводов марксизма об определяющей роли экономического базиса в общественной жизни. В условиях данного экономического кризиса, современный западноевропейский капитализм сорвал маску с общества «всеобщего благоденствия», пытаясь решать проблемы, прежде всего, за счет именно трудящихся масс (рабочих мест, заработной платы, пенсионного возраста, налогов и т.п.), а не собственников основных средств производства.

Что касается положения дел в России, то и проведение так называемых «реформ» 1990-х гг., и современная система управления в нашей стране находятся за рамками диалектического подхода в понимании развития общества как целостной системы. И хотя 1990-е гг. в России все более оцениваются сегодня как «лихие» и «разрушительные», а так называемые «нулевые» годы XXI в. – как «стабилизационные», между ними просматривается главная связующая нить: отсутствие системного рассмотрения общественных процессов. И особенно отчетливо это проявляется в сложившейся системе подмены ряда понятий.

В начале 1990-х гг. состоялась «революционная» (или «контрреволюционная») ломка всех общественных отношений в СССР, закончившаяся его распадом. В то же время, в общественное сознание вносилось и продолжает вноситься понятие «реформ». От «реформ» общественное сознание ожидало «улучшения качества жизни» всего общества, а на практике получило «дикий олигархический капитализм». Практически все реформы, осуществляемые в современной России, не принесли «улучшения» «реформируемых» общественных систем: от экономики до культуры. Поэтому сегодня и идет такое отторжение в массовом сознании любого «реформирования», предлагаемого со стороны правящей элиты.

Понятие «частной собственности на основные средства производства» приравнялось к понятию частной собственности на квартиру или дачный участок, и все члены общества в один миг стали «частными собственниками».

Понятие «демократия» как «власть народа» во всевозможного рода анализах, как со стороны политиков, так и теоретиков, утратило свое четкое определение.

Понятие «свобода» в основном было сведено к «свободе слова» и все более приобретало искаженный и абстрактный характер. Классовое содержание убрано из понятия, а «свободными» в своей жизни и деятельности стали те, кто получил больше «власти и денег».

Произошла подмена понятий «идея» и «идеология», поэтому всевозможные поиски так называемой «национальной идеи», способной объединить все общество, продолжают носить абстрактный и ложный характер. А без идеи «общество не просто умирает, оно заживо разлагается» [2].

Перевернутым на практике оказалось понятие «закона», перед которым все должны быть «равны», не случайно в обиход вошло понятие «избранного правосудия».

Размытыми оказались все понятия морали: «добро», «зло», «совесть», «справедливость», «честность», «долг» – что привело к потере человеком того внутреннего «нравственного императива», о котором рассуждал еще И. Кант.

Подмена понятий системного и комплексного управления общественными процессами приводит к невозможности выявлять и решать глубинные, объективные законы развития общества, а потому все более необходимой становится система «ручного управления».

Безусловно, что такая подмена понятий или их «размывание» проходило на «осознанном» уровне тех, кто ставил задачу целенаправленного уничтожения системы социализма и марксистской идеологии под флагом «необходимости реформирования» общественной системы СССР. В обрушившемся на страну «хаосе» всех сфер общественной жизни стало не до «понятий».

Но сегодня, когда сама правящая элита пытается предпринимать не «хаотичные», а «осознанные» решения в пользу прогрессивного развития России как государства, а не «экономической выгоды» отдельных ее граждан – неопределенность «подмененных» понятий затрудняет саму возможность системного управления обществом как целостным организмом.

Внесистемное управление общественными процессами в России все более очевидно демонстрирует свою несостоятельность. С одной стороны, нельзя не признать те усилия, которые были предприняты со стороны Президентов и Государственной Думы в первом десятилетии XXI в. по стабилизации запущенных «реформами» 1990-х гг. разрушительных процессов, способных привести к распаду России как целостного государства. Это была достаточно сложная задача в условиях имевшегося и имеющегося как внутреннего, так и внешнего «противоборства интересов».

Практически выстроенная «вертикаль» политического управления, определенное «обуздание» «дикого олигархизма» и «организованной преступности», провозглашенный поворот к построению социально ориентированного государства – все это несколько оживило общественное сознание в России, настроив его на новые «ожидания».

В этих произошедших изменениях можно было бы даже увидеть «диалектическую спираль» с ее законом «отрицания», когда на первом этапе происходит кардинальная ломка и отрицание всего устаревшего

и требующего замены «качества» явления, а на втором этапе – возврат к самому явлению, но с обновленным качественным содержанием, сохранившим все положительные характеристики прошлого.

Однако в данном случае у России не просматривается сама возможность «возврата» к исходному состоянию «явления» – социализму, поскольку именно доказательство несостоятельности самой идеи социализма стало основной точкой борьбы как в 1990-е, так и «нулевые» годы.

Поэтому, как представляется, главной задачей для решения российских проблем сегодня, остается задача выработки общественной идеологии, способной четко сформулировать «конечную» цель общественного развития.

Ожидание именно такой цели просматривается сегодня в массовом общественном сознании. Но, к сожалению, как отметил О. Газманов, «за столько лет у нас так и не появились ни вектор, ни понимание того, в какую сторону и ради чего мы идем. А хаотичные движения на практике всегда все разрушали...» [3]. Именно о такой цели говорилось в одном из вопросов В.В. Путину во время «прямого эфира» – «Когда в России появится идея, ради которой хотелось бы жить и умереть?». Ответ одного из первых руководителей страны не случайно прозвучал весьма обтекаемо [4]. «Ведущая и руководящая» в современной России политическая партия, лидером которой он является, выступает под идеологическим лозунгом «консерватизма», который не воспринимается общественным сознанием как некий четкий мировоззренческий ориентир будущего устройства России. А идея только тогда способна стать «движущей силой», когда она «овладевает массами». И такие мировоззренческие идеи для целого общества, рождаются не по «желанию сознания», а имеют те глубинные основания, которые, согласно диалектике общественных отношений, следует искать в экономическом базисе. Но любая идеология, одновременно, с момента своего оформления носит классовый характер. Она выступает теоретическим оформлением интересов, прежде всего, господствующего в обществе экономического и политического класса. Попытка подмены идеологии разного рода «реальными практическими делами» только усугубляет ситуацию. Поскольку создаются условия для возникновения «псевдоидеологий» деструктивного для общественного сознания характера.

Если проследить озвученные правящей элитой современной России направления, требующие «переустройства» и предпринимаемые

реальные попытки такого переустройства, то, прежде всего, четко прослеживается отсутствие именно системного подхода в управлении. Ни пенсионная реформа, ни реформа системы образования, ни реформа медицины, ни реформа вооруженных сил, ни реформа системы правопорядка, ни реформа энергетики или транспорта, ни реформа ЖКХ и т. д., не дают в их нынешнем осуществлении «ожидаемых» положительных эффектов. Как и борьба с коррупцией или наркоманией. Даже если все предлагаемые «рецепты» данного реформирования будут носить со стороны государства «комплексный» характер, решить их без решения проблем экономики и собственности не представляется возможным. У государства никогда не будет хватать средств для полноценного решения всех этих проблем, если собственность на основные средства производства и недра останется в руках тех, кто эту собственность «присвоил» в 1990-е гг. Но чтобы решать проблемы современной России, правящей партии придется определяться с социальной базой своей идеологии. Средний класс, о котором так много сегодня говорится, не складывается за несколько лет. А невозможность решения обозначенных социальных программ может проявить себя достаточно скоро.

Литература

1. Алексеев, П. В. Теория познания и диалектика / П. В. Алексеев, А. В. Панин. М., Высшая школа, 1991. С. 317.
2. Шалыганов, Ю. Чума приближается, пир продолжается / Ю. Шалыганов // Аргументы недели. 2010. № 50. С. 19.
3. См.: Что творит с мозгами либеральная демократия // Аргументы недели. 2010. № 48. С. 3.
4. См.: Российская газета от 17 декабря 2010. С. 2.

МОЛОДЕЖЬ И ИДЕОЛОГИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ

Л. В. Котликова

Томский государственный педагогический университет

Накануне Нового, 2011 года, практически во всех средствах массовой информации подводились итоги минувшего десятилетия. Чего же

достигла Россия за это второе десятилетие своего существования в новом качестве? Какие успехи развития, или какие наиболее ключевые события оставили яркий след в сознании общества?

В большей степени все СМИ говорили не об успехах в экономике, не об успехах в науке или образовании, медицине или культуре. И не об успешном, поступательном развитии нашей страны за это десятилетие в целом. Либо такие успехи рассматривались журналистами как ничтожно малые, и не характерные показатели для характеристики десятилетнего периода функционирования общества, либо в других событиях они находили обобщенную характеристику так называемых «нулевых».

Наиболее яркими событиями были обозначены следующие: непрекращающееся противостояние на Кавказе; взрывы в метро, на рынках и на железных дорогах; противостояние общества и милиции: на митингах, автомобильных дорогах, в мед вытрезвителях, СИЗО и т.п.; марши «несогласных»; «Кушевские» события; события на «Манежной» площади; катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС и лесные пожары лета 2010, и т.д.

Даже если убрать из этих итогов «субъективные» пристрастия журналистов, остается вопрос для общества: что же происходит с Россией сегодня? Куда она движется в своем развитии и есть ли такое развитие вообще? Правоммерно ли оценивать целое десятилетие через призму пусть ярких, но в целом негативных фактов и событий? Попробуем в этом разобраться. Без попыток приблизиться к пониманию первопричин, как самих обозначенных событий, так и их интерпретации, вряд ли можно рассчитывать на скорый выход массового сознания «из тупика».

Представляется, что «трудность» иного, целостного и системного анализа минувшего десятилетия для России состоит, прежде всего, в том, что *на протяжении уже двух десятилетий «постреформенной» России, общество функционирует в отсутствии внятной идеологии и внятной цели своего дальнейшего пути.* Более того, массовая «деидеологизация» общества в начале 1990-х гг., закончившаяся развалом СССР, ожесточенной борьбой с любым проявлением «наследия марксистской идеологии», не повлекла за собой создание нового идеологического стержня, способного организовать массовое сознание на созидательное развитие России. Весь семидесятилетний путь развития страны после Октября объявлялся ошибочным «зигзагом» истории, отходом от прямых

путей развития цивилизации. Вина за этот отход возлагалась на Ленина и большевиков. Но возврат в лоно «западноевропейской демократии» в реальной практике оказался, не совместим с национальными интересами и «элиты» заговорили о специфике своей «российской демократии». Вместе с тем, все разговоры и обсуждения о сути такой демократии не вылились в четко сформулированную идеологию для всего общества. И общество «зависло» между «развенчанным» прошлым и не понятным будущим. О единой идеологии сегодня не принято говорить. И это объяснимо в реалиях современной России. Идеология – явление классовое, а правящая партия не может сегодня выстроить внятную идеологию ни для «меньшинства» ни для «большинства», поскольку считает своей социальной базой «средний» класс, который по-прежнему в России находится в «зачаточной» стадии становления. Но не признавать, что *именно идеология выступает теоретическим стержнем развития общества, обеспечивающим формирование необходимого мировоззрения у большинства членов этого общества* – это, значит, отходить от истины.

Между тем, в отсутствии внятной идеологии для всего общества, по сути уже идет настоящая идеологическая война внутри молодежных организаций: «наши» – «не наши», «славяне» – «инородцы», «фашисты» – «антифашисты» и т. п. Ожесточенность, с которой ведутся «военные действия» с той и другой стороны, становится все более очевидной. И эта война уже втягивает в себя все общество.

Как представляется, именно *созданный «идеологический вакуум» нанес основной удар по подрастающему поколению*, которое не имело ни «запасов прочности» старого мировоззрения, ни четкой программы формирования «нового» мировоззрения.

Родившиеся в конце 1980-х гг., они учились в школах 1990-х гг. по учебникам «Фонда Сороса» [1], где в угоду времени пересматривалась вся история страны, где Великая Победа 1945 г. переставала быть великой, а учителя оказывались бессильными в интерпретации всего происходящего. Они выросли в «нулевые», где основным социальным фоном стали коррупция, наркомания, платная система высшего образования, «беспредел» милиции, «дедовщина» в армии и т. п. Весь этот «сэдизм», по выражению известного политолога Глеба Павловского, «стал нормой нашего общества» [2]. Это поколение, у которого «нет кумиров, которые говорили бы о добре и справедливости...» [3]. Ведь в порыве «деидеологизации» образовательного пространства были ликвидирова-

ны не только детские и молодежные организации октябрят, пионеров и комсомольцев, но осмеяны и «развенчаны» те самые «кумиры», которые своим примером воспитывали в детях именно чувства долга, добра, справедливости, патриотизма и т. п.

Система воспитания «потеряла» и Павлика Морозова, и Зою Космодемьянскую, и Павку Корчагина, и Тимура с его командой и, даже, доброго «дядю Степу-милиционера». «Реформаторы» громко заявляли в начале 1990-х гг. о том, что когда уйдет старшее поколение, «привитое на социализм», придет новое поколение, выросшее в «лоне свободы», которое и обеспечит построение «демократической России». И вот сегодня это молодое поколение уже пришло и начинает громко, массово заявлять о себе не на «комсомольских стройках», а на Манежной площади, у стен Кремля. В этом выступлении многотысячной толпы подростков и молодых людей достаточно отчетливо проявил себя целый клубок проблем и противоречий: от «неповиновения властям» до межнациональных и межэтнических конфликтов.

О проблемах молодежи в современной России и о попытках властистроить молодое поколение в политическую, прежде всего, систему общества, уже приходилось говорить не раз [4]. Но события декабря 2010 г. на Манежной площади не могут оставаться за рамками их осмысления и анализа. Это не событие регионального масштаба, а «сколок» всех проблем, как самой молодежи, так и всего общества современной России. Атмосфера нетерпимости и агрессии в обществе накаляется достаточно быстро и может накрыть и разрушить все наше общество. Волна насилия прокатывается не только на площадях. Насилие и агрессия проявляют себя и в быту между «родителями» и «детьми», и на улицах между «своими» и «чужими», и в школах между учениками или родителями и учителями. И масштабы такого насилия только увеличиваются. «Кто виноват?» и «Что делать?» – вновь на повестке дня.

В одной из телевизионных программ известный режиссер Н. Михалков отметил, что для человека более важным является вопрос не «как жить», а «зачем жить». Сам Михалков право поиска этого смысла жизни оставляет за человеком. И с этим трудно не согласиться. Но если продолжить это рассуждение и задаться вопросом: может ли быть смысл жизни у целого общества, государства в котором и обитает каждый отдельно взятый человек? И, как и кем определяется этот смысл жизни?

Как представляется, именно задачей идеологии и является определение данного смысла жизни для всего общества или части его, если общество разделено на непримиримые социальные слои (классы). Но идеология является «теоретическим оружием» политических партий. И хотя Россия освободилась от того «хаотичного» многоцветия так называемых политических партий 1990-х гг. и выстроила более или менее внятную политическую систему, в обществе, где возникшее социальное расслоение достигает невиданных даже по западным меркам размеров, не приходится говорить о сегодняшней правящей партии, как партии, выражающей интересы всего общества.

Заявленный правящей партией «консерватизм» в качестве ее идеологии, не только не понятен для большей части нашего общества, но и не состоятелен в современной России. Консерватизм для западноевропейских политических партий заключается в отстаивании и сохранении чего-то уже состоявшегося в прошлом – «уровня жизни», «образа жизни», «системы управления» и т. п. Но у современной России – недавнее прошлое, «развенчанный социализм», а ближайшее прошлое, «лихие» 1990-е гг. Поэтому остается не ясно, что партия предлагает «отстаивать и сохранять». В то же время, именно эта правящая партия направила основные свои усилия в последние годы на изменение ситуации в социальной сфере, в интересах большинства членов общества. Это и повышение пенсий для стариков, это и внимание к школьным стандартам и учебникам, прежде всего по истории, это и попытки решения «демографической проблемы», это и строительство спортивных комплексов, и многое другое, что реально было осуществлено на практике именно благодаря усилиям правящей партии.

Вместе с тем, все очевиднее становится для общества, что в отсутствии именно четкого идеологического выбора, *за гранью практических дел остается проблема формирования мировоззренческих позиций человека*. А сами практические дела все чаще показывают свою несостоятельность: невозможно поднимать заработную плату бюджетникам, или пенсии старшему поколению, если одновременно неконтролируемо возрастают цены на товары массового спроса или услуги ЖКХ. Невозможно повысить мотивацию педагогической деятельности за счет заработной платы или материального обеспечения школы, если учитель все чаще оказывается беззащитным, в прямом, физическом смысле и перед своими учениками, и перед их родителями. Невозможно

завлечь в современные спортивные сооружения детей «с улицы», поскольку в условиях «рыночных отношений» цена посещения этих заведений остается недостижимой не только для данных детей, но и детей из благополучных, но малообеспеченных семей. А таких семей сегодня, половина страны.

Поэтому ни в «ЕГЭ», ни в «модернизацию», ни в будущую «полицию» общество сегодня не верит. А коррупция и «откаты» во время исполнения всех этих «практических дел», приобретают все очевиднее системный характер.

Загоняя себя в «практику реальных дел», правящая партия не только подтачивает, а не наращивает доверие к себе со стороны общества, но и оказывается не в состоянии влиять на формирование мировоззрения подрастающего поколения. Заявленный лозунг «Россия, вперед!» остается для массового сознания простой декларацией, так как не сформулирована сама концепция этого «ожидаемого будущего».

Общество сегодня «задыхается» в несправедливости. А «несправедливость, – как отметил Патриарх Кирилл в разговоре с Д. А. Медведевым, – это нечто опасное для общества и государства». Но истоки «несправедливости» следует искать в экономическом базисе и форме собственности. Это объективность законов общественного развития, а не просто «марксизм как идеология». Иначе вполне возможен сценарий событий, о котором рассуждает Председатель Конституционного суда В. Зорькин: «Пропасть между большинством и меньшинством будет постоянно нарастать. По одну сторону будет накапливаться агрессия и презрение к „лузерам“, которых „должно резать или стричь“. По другую сторону – ужас и гнев несчастных, которые, отчаявшись, станут мечтать вовсе не о демократии, а о железной диктатуре...» [5].

Если именно «догматизм» в идеологии КПСС, прежде всего (наряду с массой других, вытекающих и сопутствующих факторов), был основной причиной распада СССР, то отсутствие сегодня «идеологического стержня» представляет реальную угрозу для распада России. Чем раньше это осознание придет к правящей элите, тем скорее общество начнет свое созидательное движение.

Литература

1. См.: Котликова, Л. В. Интерпретация событий Отечественной войны в ряде современных учебных пособий и проблемы патриотического воспитания / Л. В. Котликова //

Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны : сб. мат-лов региональной научной конференции (17–18 мая 2001 г.). Томск, 2002. С. 83–89.

2. См.: *Российская газета*. 26 августа 2006 г. С. 9.

3. *Дашкевич, В.* // *Российская газета*. 24 сентября 2008 г. С. 12.

4. См.: *Котликова, Л. В.* К проблеме «политизации» молодежи в современной России / Л. В. Котликова // Сб. мат-лов Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.). Томск, 2006. Т. 5. С. 297–302.

5. *Зорькин, В.* Конституция против криминала / В. Зорькин // *Российская газета*. 10 декабря 2010 г. С. 1, 17.

НЕРЕГУЛИРУЕМАЯ ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИИ

Ю. С. Лохова

Томский государственный педагогический университет

В современном мире трудовая миграция стала важным фактором мирового развития и вместе с тем превратилась в одну из наиболее актуальных по значимости и остроте проблем. Она становится мощным фактором социокультурных изменений, происходящих как в отдельных регионах, так и в мире в целом.

С точки зрения О. Д. Воробьевой, *миграция населения* – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности на период, составляющий не менее 90 суток [1. С. 35].

Иммиграция же – это вид международной миграции, рассматриваемой по отношению к стране, куда въезжают мигранты.

Соответственно *иммигранты* (от лат. *immigrans* – вселяющийся) – граждане одного государства, поселяющиеся постоянно или на длительное время на территорию другого государства.

Если раньше иммиграция рассматривалась исключительно со знаком «плюс» и во главу угла ставилась, прежде всего, ее экономическая и демографическая составляющая, то теперь из-за возросшего напряжения в межэтнических отношениях, в России обратили внимание на

социально-политические последствия миграции в контексте проблемы национальной безопасности, защиты отечественных интересов и рынка труда.

В городах России, по разным оценкам, трудовые мигранты составляют 5–7% к учитываемому числу занятых в экономике (внутренние и внешние мигранты). Они, безусловно, вносят вклад в ее развитие. Объем производимых ими работ оценивается более чем в 2 трлн руб. [2].

Характерной особенностью нашей страны, да и ряда других европейских государств (например, Франции), является отсутствие достоверной, официальной, открытой для общества статистики в сфере миграции. Например, в 2007 г., по информации Росстата, в Россию прибыли 20 968 (в 2006 г. – 8 900) азербайджанцев. По оценкам правительства РФ (опять же неточным), их в стране находится около 2 млн человек. Настораживает тот факт, что достоверной статистикой не располагают даже те структуры, которые непосредственно осуществляют государственную миграционную политику (ФМС, мэрии).

По данным директора ФМС К. Ромодановского, в 2007 г. на миграционный учет встали 7,3 млн человек, выдано разрешений на работу 2,3 млн человек; за девять месяцев 2008 г. соответственно 6,9 и 1,6 млн иностранным гражданам и лицам без гражданства. Число нелегалов в России насчитывается ориентировочно 5–7 млн человек. В основном это граждане СНГ [3. С. 65].

По разным оценкам, структура иммигрантов 2008 г. в России по странам происхождения приблизительно такова: 2,5 млн человек из Армении, около 2 млн – из Азербайджана, по 1 млн – из Грузии и Украины, 0,5 – из Таджикистана, 0,3 млн – из Киргизии. Правильно заговорить уже не о временной трудовой миграции, а о перемене места жительства, особенно за счет граждан Киргизии, так как наше гражданство освобождает их от оформления разрешительных документов на трудовую деятельность.

В 2010 г. основной поставщик и рабочей силы, и гостей – Украина, – сказал глава ФМС на встрече с премьер-министром РФ Владимиром Путиным. На втором месте – Узбекистан, на третьем – Казахстан. «2,8 миллиона человек из Украины, 1,5 миллиона человек из Узбекистана и 1,4 миллиона – из Казахстана».

По словам Ромодановского, в РФ сегодня находятся 4 млн 891 тыс. 296 иностранных граждан. По структуре это граждане из безвизовых

стран, визовых стран, и отдельными секторами выделено, сколько из них имеют разрешения на работу. Количество законно работающих крайне незначительно. Основной контингент в безвизовом режиме – 78 % [4].

Другой серьезной проблемой является необходимость выработки особых практических подходов к ситуации в тех регионах, которые являются основными «центрами притяжения» мигрантов, таких как Москва и Московская область, Краснодарский край, Оренбургская область, Татарстан и Приморский край.

Применительно для Москвы, требуется срочное решение в рамках квалифицированной региональной политики. По данным московского Центра миграционных исследований, лишь 50 процентов трудовых мигрантов владеют русским языком в достаточной степени, чтобы заполнить официальные документы, а 20 процентов не знают языка вовсе, эта ситуация характерна для Москвы.

Более половины из числа иммигрантов, получивших официальное разрешение на работу от ФМС в 2005 г., составляли граждане СНГ, имеющие низкую квалификацию рабочих, что, безусловно, сказывается и на качестве выполняемых работ. Данные Федеральной службы государственной статистики подтверждают, что в Россию едут в основном люди со средним профессиональным, средним общим и основным общим образованием [3. С. 67] Они составляют более 38 % от общего числа приехавших из стран СНГ и Балтии. Численность прибывших специалистов с высшим профессиональным (высшим) образованием составила 15,5 % [5. С. 142].

По данным ФМС и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2008 г. гастарбайтеры работали: в сфере строительства – 37–38 %, торговле – 26 % (по неофициальным данным – 35–40 %), на транспорте – 9 %, в лесном хозяйстве – 8 %, сельском хозяйстве – 5–7 %, в прочих сферах – 6 % (производство, сфера услуг, интеллектуальная деятельность – неофициально 15 %) [6].

Структурные сдвиги в занятости привели к тому, что на рынке труда появились специфические иммигрантские ниши, которые практически невозможно заполнить за счет коренного населения. Те рабочие места, на которые нанимают иммигрантов, имеют очень низкую оплату труда, малопривлекательную для россиян. Данные опроса, проводимого в Москве, показали, что большинство не смогли бы работать в тех усло-

виях, в которых работают мигранты. У каждого из нас сформировалось свое понятие о «приличной зарплате».

Низкие требования к образованию, безвизовый режим, низкая зарплата, вот основные причины существования ранее упомянутой ниши. Работодатели экономят на фондах оплаты труда – привлекают более дешевую рабочую силу, нетребовательную к условиям труда.

Заставляет задуматься тот факт, что в Европе иммигранты привлекались для развития промышленности, а у нас для строительства. И еще более устрашают последствия такого «привлечения». Известно, что трудоспособное население в России убывает со скоростью 1–1,5 млн чел в год. Восполняя ее за счет иммигрантов, мы рискуем столкнуться с депопуляцией.

Однако, Константин Ромодановский категорически отрицает, что иностранные мигранты занимают рабочие места россиян. Он рассказал, что гастарбайтеры выполняют «самую трудную, грязную и опасную работу». С его слов миграционные механизмы уже неплохо отработаны, именно Россия принимает основные потоки трудовых мигрантов на просторах СНГ – это заранее подготовленные места и только туда, где они нужны. Основное направление миграционной политики направлено на борьбу с нелегальной миграцией [4].

По данным исследований Всемирного банка, увеличение мигрантов в какой-либо стране на 0,5 % уменьшает зарплату национальных кадров на 1 %. В Ставропольском крае России с ростом иммигрантов на 1 % безработица увеличилась на 0,2 % [7. С. 179]. А экономический ущерб, причиненный нелегалами из-за неуплаты налогов в России, в 2006 г. превысил 8 млрд долл.

В мае прошлого года В.В. Путин в разговоре с директором ФМС поднял проблему безвизового режима для стран СНГ и отметил «нерегулируемость до сих пор нормальным образом миграционных потоков». Если иммиграция не ограничивается и плохо контролируется, она рано или поздно становится дополнительным социальным бременем, угрозой национальному рынку труда, традиционным ценностям и привычному быту коренного населения, а в итоге – источником этнической, социально-политической напряженности, ухудшения отношений с соседними государствами.

Все те проблемы, с которыми сталкивается Россия сейчас в отношении трудовой иммиграции, существуют и в других странах. Поэтому,

удивляет, с какой легкостью у нас игнорируется мировой опыт и миграционная политика других стран.

Опыт США говорит, прежде всего, о пользе иммиграции и способности государства принять и ассимилировать значительные массы мигрантов, не подвергая опасности основы демократической власти. Эта страна столкнулась с необходимостью поиска новых форм иммиграционной политики в условиях, когда относительно благополучная страна граничит с более бедными государствами, где наблюдается избыточность трудовой силы. Одна из таких форм носит противоречивый характер – периодические амнистии нелегальных мигрантов. Ряд мер (1976 и 1980 гг.) был направлен на увеличение доли иммигрантов из Западной Европы. Обычно США предоставляет льготные квоты выходцам из тех стран, население которых мало представлено в составе населения США.

Говоря об истории Франции, мало кто вспомнит о том, что за последние 150 лет она приняла у себя иммигрантов больше, чем любая другая страна Европы. О размерах иммиграционного потока в эту страну говорит такой факт, что в 1930 г. доля иностранцев в населении Франции была выше, чем в США. Но даже в самой Франции иммиграция и ее последствия стали глубоко изучаться только в 1980-х гг. [8]. Уже тогда обозначились два главных направления во французской иммиграционной политике: удовлетворить растущий спрос на рабочую силу и стабилизировать демографическую ситуацию, поскольку Франция раньше, чем какая-либо другая страна мира столкнулась с угрозой депопуляции.

По отношению к трудовым мигрантам, должны рассматриваться ходатайства о выдаче разрешений на работу в течение 2–3 месяцев. Серьезным основанием для отказа в прошении может стать криминальное прошлое потенциального иммигранта.

Другим дополнительным условием получения разрешения на работу является прохождение потенциальным иммигрантом после прибытия во Францию медицинского освидетельствования, которое организуется Отделом международной миграции. Кроме того, ОМИ осуществляет сбор и хранение информации о каждом иностранном рабочем [8].

Выделяя общие черты миграционной политики стран ЕС, можно сказать о следующих приоритетных мерах по регулированию: 1) недопущение нелегальной миграции и борьба с ней; 2) утверждение государственного перечня специальностей (вакансий), в соответствии с которыми должен осуществляться прием на работу; 3) удержание квалифициро-

ванных специалистов и поощрение к возвращению на родину; 4) согласование миграционной политики на наднациональном и региональном уровнях; 5) адаптационная политика; 6) получение права на двойное гражданство и др.

В странах ЕС важное место в государственном регулировании занимают механизмы адаптации мигрантов. Основное значение в этом процессе придается языковой подготовке и специальным курсам по интеграции. Во Франции действует «контракт по приему и интеграции», включающий лингвистическую подготовку, изучение особенностей жизни и закрепление за мигрантом «социального куратора» [9. С. 61].

В США каждый обращающийся за получением гражданства должен продемонстрировать приемлемый уровень знания английского языка, американской истории и политической системы и зарекомендовать себя в качестве законопослушного жителя.

Инициатива Буша касательно мер против нелегалов состояла в следующем: иммигранты, находящиеся в США, получают юридическое разрешение на работу сроком на 3 года. Для этого им необходима поддержка работодателя. В течение этого периода они могут, уплатив определенные налоги и штраф, обратиться в иммиграционные органы за получением постоянного иммиграционного статуса. В противном случае они выезжают из страны и вывозят свои сбережения на законных основаниях [9. С. 65].

Сегодня Россия столкнулась с похожей проблемой, около 6 млн нелегалов проживает на территории страны. Для разрешения этой проблемы идет обсуждение предложения ликвидации квот вообще для стран СНГ. Основной аргумент за: «действующие квоты создают только видимость контроля трудовой миграции, на самом деле число нелегалов очень велико (4,5–5 млн), тем более размер этих квот постоянно варьируется, даже в течение года. А ликвидация квот значительно сократит поток нелегалов». Это весьма спорное утверждение и вызывает много дискуссий. Каким бы плохим регулятором процесса миграции квота не была, лучше чтобы она существовала, нежели пустить миграционный поток на самотек. Впрочем, «этот вопрос пока висит в воздухе», по сообщению Российской Газеты.

В США действует Администрация стандартов трудоустройства, отвечающая за обеспечение соблюдения работодателями трудового законодательства (прежде всего в отношении минимальной заработной

платы, сверхурочных, недопущения детского труда) при использовании труда иммигрантов. Администрация по трудоустройству и профессиональной подготовке должна удостовериться, что на место, заполняемое трудовым мигрантом, действительно, не было подходящего кандидата внутри страны и, что при оформлении мигранта на работу соблюдены все требования, включая его профессиональную квалификацию.

Исходя из всего вышесказанного, первым важнейшим условием формирования эффективной миграционной политики РФ является установление тесного взаимодействия между наукой и практикой, плодотворное использование результатов исследований в процессе принятия решения. Ведь у нас нет достоверной информации о ситуации на рынке труда и о реальной потребности в мигрантах. Данные независимых центров дадут объективную оценку и количественные показатели уровня миграции.

Опираясь на эти данные возможно точное составление уровня квоты, разрешений на работу, а также получение статистических данных о количестве легально приехавших и зарегистрировавшихся по месту работы иммигрантов.

Помимо квот необходимо осуществление депортации нелегальных трудовых мигрантов, ввести институт прописки и т. д.

Немаловажно уделить внимание уровню квалификации иммигрантов, как это осуществляется в ЕС и США. Так, согласно опросу, проводимому среди 160 студентов, выявлено, что абсолютное большинство (46 %) выступают за ужесточение законов в отношении миграции в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока, не владеющих русским языком и не являющихся гражданами бывших советских республик. 23 % – за ужесточение закона в отношении всех мигрантов. Только 15 % считают, что такую политику проводить не стоит. 16 % затруднились с ответом. Для этого необходимо создание Федерального общеобразовательного центра, а на его базе – республиканских, областных, районных и муниципальных центров и образований по адаптации мигрантов к местным условиям и подготовке потенциальных мигрантов.

Регулирование трудовой миграции необходимо.

Сегодня для страны крайне важен интеллектуальный вклад в развитие российской экономики, науки и культуры.

Подводя итоги, можно выделить основные механизмы государственного регулирования трудовой миграции: государственная политика,

текущее оперативное управление, система прямых и косвенных регуляторов, миграционное поведение, миграционное сознание.

Научный руководитель: Н. В. Наливкина.

Литература

1. *Одинокова*. Нерегулируемая трудовая миграция: социальный подход к определению понятия / Одинокова // Социальная политика и социология : сб. ст. 2007. № 2. С. 35–43.
2. *Новости* ФМС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/press/news> 14.01.2008
3. *Стерельцова*. Трудовая миграция из стран СНГ: что изменилось / Стерельцова // Россия и современный мир : сб. ст. 2009. № 3. С. 62–72.
4. *Издания о миграции в Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: http://migratsia.ru/publ/2010_god/5_2010_g/problemy_trudovoj_migracii/12-1-0-60
5. *Численность* и миграция населения РФ в 2007 г. : стат. бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2008.
6. *Комсомольская правда* от 27.02.2008 г.
7. *Рязанцев, С. В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев. М., 2007. 572 с.
8. *Франция*. Организационное устройство миграционной политики [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/France/
9. *Иванов, А. Г.* Государственное регулирование внешней трудовой миграции: опыт ЕС, Франции, Германии, США : сб. ст. / Российский университет дружбы народов. 2008.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕКЛАМЫ И ИСКУССТВА

В. М. Лупак

Томский государственный педагогический университет

Реклама – яркое явление современности: всепроникающее, вездесущее. Она с каждым днём все больше заявляет о себе как о создателе потребительских предпочтений, беря на себя социальную роль управления потреблением. На сегодняшний день реклама не только формирует новые потребности и желания и становится базой для их возникновения, она еще и все больше проникает во все сферы жизни, в т. ч. и духовную.

В настоящее время реклама все больше приобретает черты искусства. Нельзя отрицать тот факт, что реклама нередко бывает по-настоящему красивой, эстетически-выразительной. Это неслучайно, так как

существуют приемы, связывающие рекламу и искусство. Так, например, они пользуются одними и теми же методами и приемами, такими как драматургия, классическая живопись и т. д. Безусловно, это напрямую зависит от того, кто занимается созданием рекламы. Некоторые копирайтеры и арт-директоры, а иной раз и целые агентства, ставят на первое место свободу творческого выражения, чем еще больше приравнивают рекламу к искусству. Однако, реклама, приобретая вид искусства, часто снижает свою эффективность при высокой художественной ценности. Реклама приобретает художественную ценность, так как люди начинают воспринимать ее как элемент искусства, но не как средство продвижения товара. Вследствие этого люди запоминают рекламу, любят, наслаждаются ей, но не приобретают товар, так как сама реклама затмевает рекламируемый товар.

Таким образом, становится актуальным вопрос о том, что реклама отходит от своей главной функции – продвижение товара и начинает выполнять ряд других функций, которые не были присущи ей изначально. Отсюда, реклама перестает выполнять свою функцию, в которой заинтересован рекламодатель, т. е. продажа товара и получение прибыли. Заказчики рекламы, т. е. рекламодатели, обычно не склонны рисковать маркетинговыми бюджетами, своей долей рынка, прибыльностью и т. д. ради искусства. Отсюда следует, что реклама является инструментом продвижения, но нельзя не отметить, что все-таки выразительные средства искусства широко применяются в рекламе, и тем самым помогают ей выделиться, стать более запоминаемой и донести сообщение таким образом, чтобы оно более эффективно воздействовало на аудиторию. Из этого следует, что реклама способна сама становится произведением искусства, либо оставаться рекламой и выполнять свои коммерческие цели.

Таким образом, существует проблема оптимальной доли искусства в рекламе, чтобы в ней не проявлялось искусство ради искусства, и при этом она эффективно выполняла свои функции.

Для выявления взаимодействия рекламы и искусства необходимо дать определения этих феноменов. Касаясь рекламы необходимо сказать, что на сегодняшний день в литературе существует множество определений данного понятия. В настоящее время реклама является не только важным инструментом экономики, имеющим своей целью продвижение товара, но также и областью социального взаимодействия, влияющей на нормы, ценности, представления, реальное поведение людей.

Рассматривая рекламу в рамках данной темы, нельзя не учитывать ее социального назначения и принадлежности к современной культуре. Отсюда вытекает определение рекламы как феномена современного социума, специфической информации, производимой определенными структурами для воздействия на массовое сознание [2].

Что касается искусства, то данное понятие достаточно широкое по своему содержанию и несет в себе большое количество различных интерпретаций, включая определение его как сложного процесса «социальной настройки» человека, изменения его поведения, духовного отражения действительности, элемента культуры, в котором аккумулируются художественно-эстетические ценности, источника познания мира, удовольствия, проявления иррационального и бессознательного начала в человеке, способа самовыражения и самосознания человечества через личность художника [1]. В рамках данной темы искусство рассматривается как готовые продукты творчества, выполняющие функции искусства в широком смысле.

Переходя к вопросу о взаимодействии рекламы и искусства, надо сказать, что мнения ученых и исследователей по данной проблеме достаточно противоречивы. Многие исследователи считают, что рекламе следует рассматривать также как элемент национальной культуры, один из механизмов его формирования. Причем, возникая как феномен массовой культуры, реклама способна в своих наилучших творческих проявлениях формировать духовную культуру в самом высоком смысле [4]. Другие же исследователи придерживаются противоположной точки зрения, явно разграничивая понятия рекламы и искусства. Большинство исследователей данной проблемы приходят к выводу, что реклама и искусство тесно взаимосвязаны между собой.

Через анализ функций рекламы и искусства можно сделать вывод, что реклама, появление которой было вызвано необходимостью влияния на массовое сознание с целью достижения экономических и политических целей, объективно стала выполнять ряд важных социокультурных функций, в результате чего превратилась в неотъемлемую и необходимую часть культурной среды, массовой культуры, в мощный рычаг развития как духовной, так и материальной культуры [4]. Таким образом, реклама активно использует функции в частности искусства, хотя и не основные. Это можно доказать, проследив тесное пересечение функций рекламы и искусства. Отсюда целесообразно сделать вывод,

что функции данных феноменов пересекаются не случайно – на сегодняшний день развитие рекламы достигло такого уровня, на котором можно проследить явную тенденцию сближения рекламы и культуры. Здесь необходимо отметить, что в силу наличия меньшей художественной ценности, общедоступности и в ориентации в основном на сферу досуга реклама относится к так называемой массовой культуре. Тем самым, использование в рекламе образцов элитарного искусства (высокой культуры, создаваемой профессиональными творцами) способно пагубно влиять на ее эффективность, исключая случаи создания рекламы для различного рода фестивалей. Что касается непосредственно использования мировых культурных ценностей для продвижения товаров и услуг – это позволяет усилить воздействие на подсознание потребителя за счет «эффекта переноса», ведь знакомый образ в любом случае вызывает ответную реакцию [3]. Использование в рекламе широко известных, «культовых» произведений живописи распространено достаточно широко [3]. Мотивы подобного рода визуализации очевидны и понятны – на восприятие рекламируемого товара или услуги работает знакомый, находящийся в памяти и подсознании образ. При этом в первую очередь, срабатывает эффект узнавания, затем человек фиксирует свое внимание на необычном, креативном использовании живописного шедевра. Иногда оно вызывает улыбку, иногда – возмущение «кошунственным» отношением к мировому культурному наследию, но равнодушным, как правило, не остается никто: у человека невольно возникает желание уточнить детали и подробности. В сущности, происходит эксплуатация авторитета классического произведения, знакомого с детства.

Как показывает практика, такая реклама работает эффективно. Шедевр, входящий в число мировых культурных ценностей, позволяет на подсознательном уровне воспринимать рекламируемый с его помощью товар или услугу как что-то надежное, настоящее, заслуживающее внимания и доверия. Происходит трансляция личного отношения к произведению искусства на объект рекламы – хочет того потребитель или нет. Психологи давно и довольно детально описали подобный феномен, свойственный человеческой психике и называемый «эффектом переноса». Естественно при этом воспринимать рекламируемый продукт уже не сам по себе, а в соотношении с шедевром живописи. По сути, происходит явная манипуляция сознанием потребителя, к чему и стремится любая реклама [3]. На сегодняшний день существует достаточное коли-

чество примеров использования шедевров мировой живописи в рекламе. К их числу можно отнести рекламные продукты таких известных марок как «Orbit», «Coca-Cola», «Pizza Hut», «Lexus», кофе «Lavazza», «Vidal Sassoon», «Быстроном», «Mazda» т.д. Перечисленные компании взяли за основу своих рекламных продуктов великие произведения искусства.

При проведении контент-анализа рекламных материалов данных компаний было выделено два метода использования подобного способа рекламирования: во-первых, использование оригинала картины с добавлением различного рода атрибутов, идентифицирующих рекламируемый бренд (сюда относится реклама компаний «Orbit», «Vidal Sassoon», «Canon» и «Быстроном»), во-вторых, копирование сюжета картины путем использования ее основной идеи и содержания, данный метод используют бренды «Mazda», «Lexus», кофе «Lavazza» и «Pizza Hut». Из анализа содержания образцов рекламы, а также анализа восприятия рекламы по отзывам потребителей следует, что результаты использования известных картин великих художников неоднозначны. Необходимо отметить, что данный вывод применим к обоим методам представленного способа рекламирования. Реакция потребителей предусматривает различные отзывы, как положительные, так и отрицательные. Это также зависит от интеллектуального статуса, уровня образования и отношения к мировому искусству потребителей.

Однако нельзя отрицать тот факт, что сам по себе данный способ имеет ряд преимуществ перед традиционной рекламой. Это объясняется спецификой данного способа. За счет знакомого потребителю образа или изображения реклама подобного вида воспринимается гораздо быстрее. В случае положительной реакции потребителя на рекламу результаты рекламирования могут быть гораздо более перспективными. Кроме того, такая реклама в любом случае достаточно эффективно привлекает внимание людей за счет изображения, который уже заложен в сознании потребителя. Несмотря на это, всегда необходимо учитывать специфику целевой аудитории, проводя анализ характера восприятия подобного материала, а также принимать во внимание всеобщее отношение к мировым шедеврам искусства, не употребляя различные приемы, которые способны каким-либо образом оскорбить шедевры и тем самым сделать рекламу недобросовестной.

Научный руководитель: ст. преподаватель О. В. Герасимова.

Литература

1. Багдасарьян, Н. Г. Культурология : учебник для вузов / Н. Г. Багдасарьян, Г. В. Иванченко, А. В. Литвинцева. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
2. Федотова, Л. Н. Социология рекламной деятельности : учебник для вузов / Л. Н. Федотова. М. : Гардарики, 2002. 272 с.
3. Куприянов, И. Современная реклама и классическая живопись [Электронный ресурс] / И. Куприянов // Рекламный портал Дв-реклама. М., 2011. URL: http://www.dv-reclama.ru/others/articles/detail.php?ELEMENT_ID=21307
4. Социокультурные измерения рекламы. Рекламный миф и массовая культура. [Электронный ресурс] // Рекламный портал гуд-реклама. М., 2009. Ч. 2. URL: <http://www.good-reklama.ru/izmerenijareklamy/4.html>

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПОСТКРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

А. А. Максимова

Томский государственный педагогический университет

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [6], в России осуществляют деятельность 5 605 883 субъекта малого и среднего предпринимательства, в том числе: 1 374 777 микропредприятий; 227 744 малых компаний; 18 012 средних компаний; 3 985 350 индивидуальных предпринимателей.

В связи с кризисными явлениями в экономике в 2009 г. произошло сокращение сектора малого предпринимательства. Так, по итогам 2009 г. (по сравнению с 2008 г.) численность занятых на малых предприятиях снизилась на 1,1 %, объем оборота малых предприятий за год с учетом ИПЦ сократился на 17 %, а объем инвестиций в основной капитал на малых предприятиях – на 32,6 %. Единственное исключение составил показатель числа зарегистрированных малых предприятий: на 1 января 2010 г. число малых предприятий увеличилось по сравнению с 1 января предыдущего года на 20 % [3. С. 8].

К основным антикризисным мерам по поддержке субъектов малого предпринимательства можно отнести:

1. Понижение ставки налога на прибыль с 1 января 2009 г. с 24 до 20 %.

2. Изменения Налогового кодекса РФ в части снижения ставки налога на прибыль организаций по упрощенной системе налогообложения (УСН). Субъектам малого предпринимательства было дано право уменьшать ставку с 15 до 5 % от суммы дохода при применении УСН.

3. Расширение с 2009 г. возможности применения УСН в виде патента: ее могут использовать предприниматели, нанимающие до 5 чел. Перечень видов деятельности для применения патента расширен на ряд сельскохозяйственных работ и распространен на медицинских работников.

4. Сокращение отчетности (в четыре раза) по налогу в рамках УСН: отменены ежеквартальные налоговые декларации. Теперь налогоплательщики отчитываются раз в год.

5. Реализация мероприятий, направленных на снижение административного давления на бизнес (в декабре 2009 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О перечне платных услуг, оказываемых организациями при предоставлении федеральными органами исполнительной власти государственных услуг», которым утвержден исчерпывающий перечень платных услуг» [4]).

6. Ограничение количества проверок малых компаний; согласование внеплановых проверок с органами прокуратуры (с 1 мая 2009 г. вступил в силу федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [7]).

7. Улучшение условий доступа к энергетической инфраструктуре для деятельности малого бизнеса (в мае 2009 г. вступило в действие Постановление Правительства № 334 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам совершенствования порядка технологического присоединения потребителей к электрическим сетям» [5]). Новые правила полностью исключили возможность отказа сетевой организации от заключения договора технологического присоединения малого предприятия к электрическим сетям.

8. Введение добровольного порядка применения контрольно-кассовой техники для плательщиков единого налога на вмененный доход (с 21 июля 2009 г. вступил в силу ФЗ от 17 июля 2009 г. № 162-ФЗ «О внесении изменения в ст. 2 Федерального закона „О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт“» [8]).

В данных отчета, опубликованных Национальным институтом системных исследований (АНО «НИСИП») по проблемам предпринимательства, дается оценка результативности государственной финансовой поддержки в разрезе основных ее доноров [3].

К числу основных доноров, осуществляющих финансовую поддержку малого и среднего предпринимательства на федеральном уровне относятся: Министерство экономического развития РФ, Открытое акционерное общество «Российский банк развития» и Министерство здравоохранения и социального развития РФ.

1. *Министерство экономического развития Российской Федерации* распределяет субсидии федерального бюджета по софинансированию региональных программ поддержки и развития субъектов малого предпринимательства на конкурсной основе.

2. *ОАО «Российский банк развития»* (ОАО «РосБР») организует деятельность по кредитованию субъектов малого предпринимательства в рамках собственной программы. В отраслевой структуре кредитов, выдаваемых МСП по программам ОАО «РосБР», преобладают промышленность, торговля и сфера услуг. Около трети кредитов были выданы на срок от 2 до 3 лет.

Среди организаций инфраструктуры финансирование было распределено следующим образом [3. С. 29]: бизнес-инкубаторы – 986 млн рублей; лизинговые компании – 205 млн рублей; микрофинансовые организации – 59 млн рублей; региональные фонды – 193 млн рублей; факторинговые компании – 300 млн рублей.

3. *Министерство здравоохранения и социального развития* осуществляет рассмотрение региональных программ по разработке и реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда отдельных субъектов РФ. Федеральная служба по труду и занятости осуществляет распределение субсидий между субъектами Российской Федерации и проводит мониторинг реализации региональных программ.

В Томской области в рамках областной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2008–2010 гг.» был определен перечень механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства.

В данном субъекте РФ можно выделить ряд организаций, оказывающих поддержку малому и среднему бизнесу. Среди них: ОГАУ «Том-

ский региональный ресурсный центр»; Центр поддержки малого и среднего бизнеса при Администрации г. Томска; Кредитные кооперативы Томской области; бизнес-инкубаторы; Гарантийный фонд Томской области.

Также, в Томской области в течение 2008–2010 гг. реализовывались конкурсы «Первый шаг» и «Бизнес-старт».

В администрации Томской области утверждена долгосрочная целевая программа развития малого и среднего предпринимательства в регионе на период 2011–2014 гг. [1]. В ближайшие четыре года из областного бюджета на реализацию этой программы предполагается направить более 600 млн руб. и почти столько же средств планируется привлечь из федерального центра. Основными направлениями государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) станут, в частности, финансовая поддержка стартующего бизнеса, поддержка продвижения продукции МСП за пределы региона и на экспорт, поддержка технологической модернизации предприятий. В результате реализации всего комплекса мероприятий программы планируется и увеличение доли занятых в малом и среднем предпринимательстве, в том числе у индивидуальных предпринимателей, от общей численности занятых в экономике до 51 % в 2015 г.

По данным Росстата, прирост количества субъектов малого и среднего предпринимательства (средних, малых, микропредприятий и индивидуальных предпринимателей) составил в 2009 г. по сравнению с предыдущим 9,3 %. Однако большинство из организованных предприятий вряд ли успели к концу 2009 г. переступить за границы сегмента микро-предпринимательства.

Доля малого бизнеса в российском ВВП в последние годы удвоилась и достигла 20 %, однако, она все еще остается очень низкой. В развитых странах (Франции, Великобритании, Германии, Италии, США) эта доля превышает 50 %.

Меры, направленные на ликвидацию кризисных явлений и стимулирование сектора микро-предпринимательства выразились в основном в росте числа предприятий. А вопрос качественных характеристик таких предприятий требует уже отдельного внимания. Малые предприятия в своей деятельности по-прежнему сталкиваются с такими проблемами, как недостаточная материально-техническая, финансовая и ресурсная база; несовершенство законодательной базы; недостаточный

уровень профессиональной подготовки организаторов предпринимательской деятельности; слабая социальная защита предпринимательской деятельности; недобросовестная конкуренция на товарных рынках по отношению к малым предприятиям (навязывание невыгодных условий договоров, нарушение установленного порядка ценообразования, изъятие товаров с рынка с целью создания дефицита и препятствий к доступу на рынок, установление монопольно низких цен). Все эти и другие проблемы свидетельствуют о наличии определенных препятствий, ограничивающих реализацию больших потенциальных возможностей развития малого бизнеса, имеющихся в стране.

Не успел малый бизнес «оправиться» от кризиса, как государство с нового 2011 г. приготовило для него новые сюрпризы, связанные с увеличением налоговой нагрузки. Данное обстоятельство отмечает сам *министр финансов Алексей Кудрин*: «Минфин оказался на развилке: или сокращать расходы, в том числе и социальные обязательства правительства, что означает уменьшать выплату досрочных пенсий, и повышать пенсионный возраст, или увеличивать налоговую нагрузку на бизнес» [2]. Выбор был сделан в пользу повышения налогов.

Получается, что антикризисные меры, рассмотренные нами выше, оказались лишь временной мерой по стимулированию предпринимательства.

Большая часть увеличения налоговой нагрузки на бизнес связана с ростом социальных страховых взносов с 26 до 34%. С 1 января 2011 г. в отношении предпринимателей и организаций, применяющих УСН и ЕНВД устанавливается обязанность по уплате страховых взносов в размере 34% от фонда оплаты труда наравне с теми, кто использует общий режим налогообложения. Ранее, организации, применяющие данные специальные режимы, уплачивали 14% страховых взносов во внебюджетные фонды. Известно, что данные режимы применяют, как правило, малые предприятия. В результате для предприятий, работающих по УСН и ЕНВД, финансовая нагрузка единовременно потяжелеет в 2,4 раза. Тогда как для применяющих общий режим налогообложения – в 1,3 раза.

Увеличение финансовой нагрузки на фонд оплаты труда для всех без исключения категорий предпринимателей, тем более в посткризисный период, будет означать, что организации различными способами начнут искусственно занижать свою прибыль, применять иные схемы налого-

вой «оптимизации». При этом можно ожидать, что уменьшатся вложения бизнеса в экономику, сократится приток инвестиций. Вместе с тем, это грозит переходом компаний на схемы, связанные с сокрытием налога на доходы физических лиц и выплатой заработной платы «в конвертах». Первое будет означать сокращение рабочих мест, занятых в малом предпринимательстве, и, соответственно, рост безработицы. Второе может уменьшить поступления в бюджеты дохода от налога на доходы физических лиц.

Помимо увеличения ставки страховых взносов, так же, изменена база, облагаемая взносами на обязательное страхование, на 2011 г. она составляет 415 000 руб. на одного работника. В связи с этим, возникают опасения возникновения еще большей дифференциации в заработной плате по отдельным отраслям реального сектора экономики. Станет более выгодным повышать заработную плату высокооплачиваемым работникам, превышающую порог годового дохода в 415 тыс. руб., так как с этой суммы не взимаются страховые взносы. А что касается людей со средним заработком, то придется выплачивать 34 % страховых взносов с каждого добавленного им рубля. Особенно это относится к отраслям со средним и ниже среднего уровнем заработной платы, например, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, малый бизнес.

В 2011 г. планируется и увеличение на 60 % налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на газ. По мнению вице-премьера Алексея Кудрина, в 2013 г. главным налоговым рекордсменом станет НДПИ на нефть. Рост НДПИ на нефть суммарно составит 2,3 % по уровню 2010 г., а в 2013 г. НДПИ ещё увеличится на 3,5 % [2].

Повышение налогов не обошло таких подакцизных товаров как табак и алкоголь. В 2011 г. повышение акцизов на данную продукцию составило порядка 10 %. В последующие годы планируется повышение на 20–30 %.

Повышение налоговой нагрузки в Правительстве обосновывают необходимостью оздоровления экономики и сокращением бюджетного дефицита.

Подводя итоги вышеописанному необходимо заметить, что государству необходимо оказывать не только субсидиарную и кредитную финансовую поддержку малому бизнесу, а налоговое стимулирование. Необходим интегрированный механизм создания условий для развития предпринимательства, совершенствуя антимонопольное, налоговое

законодательство, создать социальную защиту предпринимательских структур. Инвестиционный толчок не даст должного эффекта к долгосрочной перспективе, если его не поддерживать определенное время.

Литература

1. *Долгосрочная* целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2011–2014 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://tomsk.gov.ru/ru/news?id=10869>

2. *Зыкова, Т.* Сценарий в никуда / Т. Зыкова // Российская газета. 2010. № 5342 (263). 22 ноября.

3. *Малый бизнес и государственная поддержка сектора* [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический доклад национального института системных исследований проблем предпринимательства 2010 г. URL: http://www.nisse.ru/business/article/article_1560.html

4. *Постановление* Правительства Российской Федерации «О перечне платных услуг, оказываемых организациями при предоставлении федеральными органами исполнительной власти государственных услуг» [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система КонсультантПлюс, интернет-версия. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=law; n=94519#>

5. *Постановление* Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 334 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам совершенствования порядка технологического присоединения потребителей к электрическим сетям» [Электронный ресурс] / Справочно-правовая система КонсультантПлюс, интернет-версия. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=law; n=87100>

6. *Структурная статистика предприятий* [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/reform/#>

7. *Федеральный закон* от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс] / Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12164247>

8. *Федеральный закон* от 17 июля 2009 г. № 162-ФЗ «О внесении изменения в ст. 2 Федерального закона „О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.molodezh67.ru/docs/molpredrinimat/fz17-07-2009.pdf>

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

А. А. Мытник

Томский государственный педагогический университет

Всемирная Торговая Организация (ВТО) – международная организация, основанная в 1995 году с целью либерализации международной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов. ВТО является преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключённого в 1947 г.

Основная цель ВТО – упростить торговлю между странами. Страны-члены ВТО (за редкими исключениями) не имеют права дискриминировать по торговле кого-нибудь из других членов. То есть, если на какой-либо товар вводятся пошлины, то эти пошлины распространяются на всех поставщиков.

Соглашения, подписанные в рамках ВТО – это документы, носящие юридический характер и охватывающие широкий ряд проблем. Соглашения касаются торговли сельскохозяйственной продукцией, текстильными изделиями и одеждой, банковских операций, телекоммуникаций, государственных закупок, промышленных стандартов, нормативов по пищевым продуктам, интеллектуальной собственности и много другого. В основе всех документов лежит ряд исходных принципов, суть которых состоит в следующем.

В соответствии с соглашениями в рамках ВТО государства не могут устанавливать разные правила по отношению к своим партнерам – другим государствам. Государство не имеет права различать между собой партнеров как иностранных, так и внутренних. Торговля импортными и отечественными товарами должна вестись по одним правилам. Должна быть исключена дискриминация в торговых отношениях, следует препятствовать и отказываться от экспортных субсидий и демпинга.

Исходя из данных правил, должны будут выровнены внутренние и мировые цены на все виды товаров и услуг, включая такие как топливо и электроэнергию, а также транспортные тарифы. То есть, следует либо повысить цены на внутреннем рынке, либо понизить их для экспорта. Легко заметить, что для России повышение цены на топливо и электро-

энергию губительно скажется для населения, так как большую часть года занимает отопительный сезон. Так же, следуя по данным правилам, надо сократить субсидирование агропромышленного комплекса и упразднение государственных заказов. Для агропромышленного комплекса это однозначно приведет к тому, что его продукция потеряет свою конкурентоспособность, так как в России выращивание с/х культур затруднено особенностями климата страны. Российскому АПК в условиях открытой глобальной конкуренции самостоятельно будет трудно отстоять свою рентабельность, так как импортные товары оказываются дешевле из-за более благоприятных условий ведения сельского хозяйства.

Однако существуют правила ВТО, позволяющие оказать поддержку АПК. Большинство стран оказывает в той или иной форме поддержку своему сельскому хозяйству и сельскому населению. В соответствии с классификацией Соглашения по сельскому хозяйству ВТО принято делить эти меры поддержки на три категории, или «корзины».

В зеленую корзину попадают финансовые расходы государства на программы, которые не оказывают прямого воздействия на увеличение производства или условия торговли. Сюда относятся затраты на страхование урожаев, развитие консалтинга и информационного обеспечения в сельской местности, модернизацию сельской инфраструктуры, научные исследования, инвестиционное субсидирование, ветеринарные услуги, выставочное дело и т. п. Одна из задач переговорного процесса о присоединении к ВТО – больше «нагрузить» «зеленую корзину».

К «голубой корзине» отнесены выплаты, направленные на ограничение размеров используемых сельскохозяйственных угодий и поголовья скота, а также компенсации при добровольном сокращении фермерами объемов производства. В России в настоящее время подобные меры не применяются.

В желтую корзину включаются меры поддержки, которые, по мысли авторов Соглашения по сельскому хозяйству, стимулируют производство и искажают условия внешней торговли. К ним относят все затраты государства, не включенные в зеленую и голубую корзины.

Государственный заказ на сегодня занимает большую долю для многих видов промышленности, но является внерыночным механизмом регулирования, что нелегитимно с позиции ВТО. Но государственный заказ оказывает поддерживающий эффект для некоторых отраслей и без него многие предприятия окажутся убыточными.

Неблагоприятный климат, значительно большие, чем на Западе, капиталовложения и энергозатраты в строительство, производство и транспортировку энергоносителей, комплектующих и готовых изделий приводят к тому, что затраты на производство практически любой продукции в России выше, чем в Западной Европе.

Необходимость либерализации торговли, снижения или устранения торговых барьеров, отказ от экспортных субсидий, от квотирования импорта и прочих мер протекционистского характера оказывается весьма болезненной. Снижение таможенных пошлин ведет к сокращению доходов государственного бюджета. Для достижения необходимой конкурентоспособности на мировых рынках требуются значительные капитальные вложения в производство и инфраструктуру, а это может привести к усилению зависимости от мирового финансового рынка. Таковы краткосрочные и среднесрочные последствия присоединения государств к ВТО.

Вступление в ВТО накладывает на новых членов гораздо более жесткие обязательства по либерализации торговли, чем те, которые взяли на себя старые члены этой организации. К тому же, в переговорном процессе коалиции экспортеров выступают солидарно, а государства – участники СНГ действуют поодиночке, что делает их силы неравными. Далее, правила ВТО не предусматривают особых режимов для государств с переходной экономикой, которые только выходят кризиса. Наконец, одновременное снижение государственной поддержки, открытие рынков и отказ от экспортных субсидий имеет отрицательные последствия и для производителей, и для бюджета, и для продовольственной безопасности страны.

К положительным моментам относится, прежде всего, внедрение в российское законодательство стабильных, предсказуемых правил. Законодательство России противоречиво и непоследовательно, подвержено непредсказуемым изменениям. Это существенно препятствует нормальному развитию экономической деятельности, привлечению капиталовложений. Распространение этих правил на Россию сделает более предсказуемым экономическое и правовое поведение для российских субъектов экономики. Предполагается повышение привлекательности государства для иностранных инвестиций. Таможенная политика России, как и политика регулирования доступа на рынок, запутана и противоречива, а ВТО подчинит политику регулирования доступа на рынок строгим правилам.

Вступление в ВТО обещает приток иностранного капитала в виде инвестиций, внедрение новых технологий. В связи с расширением рынка увеличивается потребность в рабочей силе. По оценке Всемирного Банка, выгоды России от вступления в ВТО составят 19 млрд долл. в год, однако ряд ключевых отраслей столкнется со снижением занятости.

В настоящее время против России применяется множество мер дискриминационного характера. Вступление в ВТО обещает существенно улучшить условия доступа на мировые рынки российских товаров и услуг. Понятно, что это позитивно отразится и на экономической деятельности российских предприятий, и, как следствие, на доходах российского бюджета.

При этом необходимо учитывать, что для потенциальных российских партнеров по ВТО преимущества от вступления России в эту организацию реализуются практически немедленно, а для российских производителей – с течением довольно длительного периода времени.

Кроме того, следует добавить, что вступление России в ВТО позволит на общих условиях совершать денежные капиталовложения в зарубежное производство со стороны российского бизнеса. Другими словами, представители российского бизнеса, накопившие большие денежные ресурсы, нацелены на вложение капитала в производство, которое будет приносить прибыль. Таковое производство бизнес видит в иностранных фирмах. Но на пути инвесторов стоят ограничения, которые можно устранить, вступив в ВТО.

Научный руководитель: канд. экон. наук, доцент А. А. Максимова.

Литература

1. *Преимущества* вступления в ВТО [Электронный ресурс] // Сайт Министерства промышленности и торговли. URL: <http://mpt.tatar.ru/rusadvantage>
2. *Чем обернется* вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны? [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_30.html
3. *Лушин, С. И.* Аспекты вступления России в ВТО / С. И. Лушин // Финансы. 2010. № 2. С. 25–29.
4. *Тихомолов, А. С.* Россия и ВТО [Текст] / А. С. Тихомолов // Экономист. 2008. № 6. С. 19–22.

ПОЛЯКИ И ПОЛЬША В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ТГПУ

Tomasz Pogorzelec
Uniwersytet Wrocławski

Социальное восприятие других национальностей запутано в исторический и социальный контекст, который может быть сформирован на основе собственного опыта отдельного человека, например, в результате контакта с гражданами других стран, а также в результате влияния средств массовой информации, часто ссылающихся на исторический контекст. Поэтому мнение личности о других национальностях в наибольшей степени зависит от сознания, а также от того, что этот человек знает о других нациях. Блюмер указывает, что социальная действительность представляется как система некоторых взаимодействий между частным лицами, где общее значение устанавливается с помощью символов [1. С. 121], и здесь также формируется восприятие человека.

Следует подчеркнуть, что социальное восприятие – это не хаотическая область действительности, напротив, оно представляется как определенная упорядоченная схема категоризации, основанная на слиянии похожих объектов в группы, образующие конкретные категории. Эта категоризация может быть определена различными факторами, такими, например, как внешний вид, черты характера. В случае отсутствия прямого контакта с объектом она может возникать из образа, созданного группой ссылок или внешних раздражителей, формирующих представления о социальной классификации объекта, приводящего к отнесению объекта к определенной группе лиц. Дюркхейм подчеркивает, что фиксированные представления и обыденные знания не могут заменить настоящего опыта [2. С. 59], поэтому собственные впечатления и знания должны быть наиболее важным прогностическим фактором социального восприятия. Как говорят Эллиот Аронсон и Энтони Пратканис, для восприятия мира человеку прежде всего требуется эффективный аппарат рационализации [3. С. 39]. Механизм восприятия в значительной степени основан на упрощенных мыслительных конструкциях, которые существуют в виде представлений о мире и других людях. Эти формулы часто проникают в язык, становясь предметом, формирующим восприятие других национальностей.

Стоит отметить, что социальное восприятие личности может принимать двоякую форму, т.е. она может касаться макро-уровня, где народ рассматривается как целое, или на индивидуальном уровне, где рассматривается отдельно взятая личность. Обе этих области обычно являются взаимоисключающими, т.е. одни факторы могут влиять на отнесение личности в индивидуальную категорию, а другие – на ее отнесение ко всему населению.

Теоретико-методологическими рамками взятой тематики является концентрация внимания на образе и восприятии польского народа в целом. С целью отражения восприятия поляков русскими студентами ТГПУ, а также проверки их знаний о Польше был разработан метод исследования в виде анкеты. В период 21–26.04.2011 г. в Томске было опрошено 115 респондентов, которые имели статус студентов ТГПУ. Из опрошенных респондентов 82% – женщины и 18% – мужчины, и это, безусловно, результат того, что женщины чаще выбирают гуманитарные науки, они также являются доминирующим полом в Томске. Большинство респондентов – городские 72%, и 28% из деревни. Кроме того, 22,5% респондентов учатся на первом курсе, 26% – на втором, 15% – на третьем, 13% – на четвертом, 20% – на пятом, 2,5% – на первом курсе магистратуры и 1% – учащиеся аспирантуры.

В качестве отправной точки для размышлений о восприятии поляков было предположено, что восприятие студентами ТГПУ польского народа положительно и что студенты имеют базовые знания о Польше. Результаты исследований, похоже, подтверждают поставленные предположения. На вопрос о собственном отношении к польскому народу 85% признались, что оно положительное. Негативно воспринимает польский народ только 1% опрошенных студентов, остальные не имеют мнения по этому вопросу. Что интересно, на обратный вопрос, как поляки, по мнению русских студентов, воспринимают русский народ, только 57% указали, что положительно, и целых 11% респондентов указали, что отрицательно, остальная часть не имела мнения по этому вопросу. Кажется, что эти различия могут быть продиктованы различными переплетениями исторических путей двух народов.

Одной из тем, затронутых в исследовании, была попытка проверить мнение о современных отношениях между двумя государствами, Польшей и Россией. Анализ ответов показывает: половина опрошенных считает, что Польша и Россия как государства имеют хорошие

отношения, противоположной точки зрения придерживается только 6% респондентов, а 44% думают, что трудно определить отношения между двумя государствами. Причиной такого большого числа неопределившихся респондентов может быть трагедия, произошедшая в 2010 г. в Смоленске, вследствие чего многие респонденты имеют амбивалентные взгляды на взаимоотношения двух государств.

Тем не менее, в восприятии студентов ТГПУ польский народ кажется трудолюбивым: 66% респондентов разделяют это мнение, 82% считают поляков дружелюбными и 95% – образованной нацией. Большинство студентов, 56%, считают, что польский народ честный, а 49% считают, что поляки творческие.

Еще одним важным моментом в плане социального восприятия является владение базовыми знаниями о Польше и поляках. В целях проверки были поставлены два вопроса на эту тему.

Первый из них касался знания о том, какой город является столицей Польши. Анализ полученного материала показывает, что 91% респондентов характеризуется необходимым уровнем знаний по этому вопросу, остальная часть респондентов указала такие города, как Вроцлав 1%, 6% – Будапешт и Кракове – 2%.

Второй вопрос касался знания о доминирующей религии в Польше. Распределение ответов показывает, что большинство студентов 53% знают, какая религия главная в Польше, достоин внимания также тот факт, что 28% студентов не стали давать какого-либо ответа на этот вопрос, но, по мнению 16% респондентов, большинство поляков – православные. Трудно определить, почему они так считают, может быть, респонденты, отвечая на этот вопрос, руководствовались своим собственным вероисповеданием.

Кроме мнения студентов ТГПУ о польском народе, исследовалось также мнение респондентов о том, что является источником стереотипа о поляках. По большей части 48% преобладало мнение, что причиной возникновения стереотипов является история, т.е., что некоторые исторические события, которые определяли мнение о поляках в прошлом, переносятся в настоящее, другого мнения придерживались указавшие, что за стереотипы ответственные средства массовой информации (24%), и 11% студентов считают, что стереотипы связаны с фактическим поведением поляков.

Современные обыденные знания, которые были предметом исследовательского наблюдения, предоставляют некоторую информацию

о том, как изменяется мир и как его воспринимать [3. С. 22]. Однако, отдельных знаний слишком мало для того, чтобы определить представление личности, поэтому обыденные знания – это сумма коллективного опыта. Реализованный исследовательский проект имел экспериментальный характер, следовательно, не в полной мере отражает современные знания и только приближается к ним.

В заключение следует отметить, что, согласно моим исследованиям, польская нация рассматривается студентами ТГПУ в Томске очень положительно, также студенты владеют основными знаниями о Польше. Это может быть вызвано тем, что в Томске много людей с польскими корнями, и почти 50% студентов признают, что имели контакты с ними, 30% респондентов указали, что общались с людьми, имеющими польское гражданство, в то время как 9% признают у себя польские корни. Другим фактором, определяющим положительное мнение о польской нации, может быть влияние интервьюера, который был поляком. Тем не менее, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что поляки в восприятии студентов ТГПУ в Томске выглядят как люди образованные, доброжелательные, честные и трудолюбивые. У большинства студентов положительное отношение к полякам и, по их мнению, источник стереотипов о поляках – история.

Литература

1. *Pratkanis, A., Aronson, E. Wiek propagandy*, przeł. J. Radzicki, M. Szuster. Warszawa, 2003.
2. *Synowiec, A. Obraz Rosji w dyskursie kulturowo-ideologicznym. Studium wyobraźni zbiorowej na łamach polskiej prasy z lat 1991–2005* / A. Synowiec. Katowice, 2009.
3. *Szacka, B. Wstęp do socjologii* / B. Szacka. Warszawa, 2003.

СЕТЕВАЯ ЛОГИКА КАК ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ТРАНСФОРМАЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

С. А. Пучеглазов

Новокузнецкий филиал-институт

Кемеровского государственного университета

Концепция информационного общества представляет собой теоретическая модель общества, достаточно хорошо проработанная, и можно сказать – официально принятая. Её авторы утверждают, что новая реальность отталкивается от нового способа производства, который меняет свойства системообразующего капитала в обществе, и главные его коды. При этом, все теоретики сходятся на том, что информационное общество представляет собой не просто альтернативную ветвь развития, а прямое следствие перемен в индустриальном обществе.

Под влиянием этих процессов всё более отчётливым становится феномен «сети» в обществе как один из самых важных и интересных в структуре общества информационного типа. К его возникновению относят две группы причин: технологические и культурно-социальные, вокруг которых сформировались свои теоретические подходы. К первой группе относят ранних ученых – Маклюен, Тоффлер, Белл, второй подход более современный, представлен в основном философами и историками культуры.

Сетевая логика представляет собой новый способ существования социальных структур, выходящий за рамки простой организации. В предыдущую эпоху модерна, доминирующим типом были «иерархизированные» структуры, основывающиеся на принципе восходящей линии власти. Считается, что они соответствовали требованиям эпохи, экономика, политика и социум которой, требовал высокий уровень централизации, частой мобилизации и допускал самостоятельность только узкой группы элементов, которые становились центром. Остальные элементы – подчинённые, становились периферией.

Взросший поток информации делает среду слишком непредсказуемой для сложных централизованных структур, которые всегда стремились минимизировать риски и отклонения от назначенного плана. Структура

изменяется в соответствии с требованиями гибкости, локальности и автономности. «Сетевой характер» общества становится его естественной реакцией на изменение внешней среды.

Здесь принципиально важно отметить, что современные сетевые структуры основаны на достижениях в научно-технической сфере, прежде всего информационных технологий. Как пишет Кастельс, без соответствующей технической базы такие структуры были бы слишком громоздкими.

Основные принципы сетевой логики, включают в себя: взаимозаменяемость элементов, модифицируемость кодов, автономность элементов, стремление к комбинированию своих частей в ущерб реформированию, а так же виртуализация.

Если основной структурной единицей индустриального общества была административная пирамида, то, по словам Д. Танскотта, новые структуры похожи скорее на скопление молекул. Место пирамиды, занимает совокупность узлов, где все элементы связаны между собой информационными потоками.

Номинально такая структура является деиерархизированной, но это не значит, что в ней отсутствует управление. Скорее можно говорить, о новых формах этого управления. Власть всегда выступает как некое единение, и иерархизированные структуры были необходимым условием целостности системы, а коды, которые использовала власть, были изначально заданы культурой. Процесс легитимизации власти, в ходе которого происходило «встаивание» кодов периферии и центра был сложный и необходимый процесс. Код существовал заранее, и власть должна была найти себе место внутри него. Теперь же, в сетевых структурах, происходит разрушение традиционного кода, и на его место приходят новые, динамичные коды – мода, бренды, псевдорелигии, псевдоидеологии. Их особенность в том, что эти коды формируемы, и не носят принципа общеобязательности. Таким образом, элементы в структурах продолжают быть взаимосвязаны, но власть смещается к границам элементов, туда, где формируется код и информация. Таким образом, те элементы, которые выступают точками формирования кодов и, через них, информации – становятся центрами.

Так формируется новый тип «горизонтальной» иерархии. В качестве примера уместно обратиться к аналогии с интернет-сетями: сервера не могут напрямую управлять подключенными к ней клиентами, но

они организуют их, обеспечивая поток информации между компьютерами и формируя так называемые протоколы. За сервером сохраняется власть включать и отключать компьютер от сети. Статус «не в сети» для её элементов равносителен её физическому отсутствию.

В социальной реальности это проявляется в том, что функции центров (прежде всего крупных городов) переходят от управления производствами и локализации производственных ресурсов, к превращению их в своеобразные «сервера», где концентрируются межсетевые потоки. Это как старые экономические центры, так и новые, вырастающие в основном как поставщики технологических инноваций. В таких городах решается, какой символ будет доминировать на одежде, не важно – европейского или китайского производства, и в поддержку кого идут демонстрации в Ливии.

Структурной основой нового общества становится средний класс. Средний класс – класс специфичный, в силу отсутствия антагонизма с другими классами. Разрастаясь, он включает в себя всё больше и больше социальных групп, размывая внутри себя все социальные различия [1].

Среди масс разрушается вертикальная иерархия, сохраняется только сетевая дифференциация, в которой все равны. Так как они существуют в логике сетевых структур, то необходимо подчинены информационным потокам, ведь массы без кода уже не имеют традиционного культурно-ценностного образца, а следовательно, не могут критически воспринимать окружающую их действительность. Поэтому они не формируют оценку происходящих событий без воздействия на них СМИ, и не могут выступать самостоятельным субъектом социальных отношений [2]. Основная занятость сосредотачивается внутри сектора услуг, где возникает определенная внутрисекторная дифференциация: «Если инновация – основной источник производительности, знания и информация суть главные материалы нового производственного процесса, а образование есть ключевое качество труда, то новые производители в информационном капитализме суть те создатели знания и обработчики информации, чей вклад наиболее ценен для фирмы, региона и национальной экономики» [3]. Вместе с этим возникают «черные дыры» информационного капитализма, в которых скапливаются низкооплачиваемые работники, экономически практически бесполезного «обслуживающего персонала».

Если индустриальную эпоху можно было представить как один большой завод, выпускающий определённую продукцию, на котором выстраивалась четкая пирамида начальников и подчинённых. То, возможно, информационную эпоху стоит представить как одно большое кафе, в котором есть посетители, рассуждающие о том, как им обновить дизайн интерьера и обслуживающий персонал.

Другой особенностью социальных изменений становится виртуализация. Виртуализация, как использование символов, существующих в сфере коммуникации, является неотъемлемым элементом любой сетевой структуры. Дело в том, что реальность как таковая определяется своей конечностью, то есть момент наибольшей реальности достигается в момент смерти. Несложно прийти к выводу, что онтологическая категория смерти необходимое условие существования «подчиняющих» иерархизированных структур. В сетевых же структурах понятие смерти отсутствует, так как элементы присутствуют только символически, а следовательно могут свободно покидать сеть или менять свой символ. Смерть в сетевых структурах заменяет состояние отключения от сети, но это не равносильно понятию смерти, так как не является необратимым. Наиболее ярко этот принцип представлен в феномене Социальных Сетей. В более традиционных институтах это будет отражаться в смещении взаимодействия реальных акторов, на взаимодействие их «имиджей».

Глобальная перестройка структурных принципов приводит к трансформации социальных институтов. Экономика одна из первых перешла от линейной иерархической структуры, к сетевой. На макроуровне это проявляется в двух взаимосвязанных тенденциях – распространение и рост влияния ТНК, и одновременно с этим большое количество небольших стартаповских проектов, которые могут за короткий срок распространить свою продукцию (но что важнее – имидж) на весь рынок. На микроуровне происходят изменения в организации труда работников. Им создаются условия для творческой работы, наблюдается переход от прямого управления к постановке задач, которые работник выполняет сам. Снижается значение денежных стимулов, на их место главными критериями становятся – удовлетворение от работы, способность заработать имя, хороший корпоративный климат. Но в чистом виде такая ситуация наблюдается только во «флагманских» секторах экономики, наиболее инновационных.

Политические институты ещё большее внимание начинают уделять внешней стороне своей деятельности, политика превращается в спектакль, обосновывая это необходимостью создания «открытого общества». Но по факту, всё большая «театрализованность» постепенно скрывает реальные процессы происходящие внутри института. Создаётся феномен «раздвоенности» элит, когда политическая элита перестаёт отвечать за выдвинутые для масс лозунги, и они постепенно теряют интерес к политике.

Институт семьи теряет свою экономическую функцию, и ввиду этого растёт количество разводов и детей выросших с одним родителем. Строгие обязательства крайне непопулярны у людей привыкших жить в сетевом обществе, поэтому отношение к браку становится формальным, как к временному союзу. Соответственно растёт число гражданских браков, которые по нашему мнению, должны стать основой семейных отношений в информационном обществе. В таких условиях социализирующая функция семьи теряется.

Представление о социальном субъекте смещается с обращения к классам и стратам, к интернету, который одновременно подвергает процессу массовизации и социализирует. Социальный субъект изначально формируется в виртуальной среде, где создаются знаки, лидеры, аудитория, а потом уже выливается в реальную социальную среду.

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Н. А. Иванова.

Литература

1. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. М. : АСТ, 2009. 331 с.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУВШЭ, 2000.
3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. Екатеринбург, 2000.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Д. Б. Ушакова, Н. В. Наливкина

Томский государственный педагогический университет

Вступление современной России в полосу реформ и демократизации общественной жизни вызвало множество новых явлений во всех сферах общества. Появление множества политических партий, общественно-политических движений, избирательных блоков и обостренная конкуренция между ними способствовали возникновению политического маркетинга. Политический маркетинг (*англ.* marketing – рынок, сбыт) – система целенаправленного воздействия на сознание и поведение людей, позволяющая в условиях политических и гражданских свобод сформировать у них такие интересы и потребности, которые выгодны действующему субъекту политических отношений. Одним из его элементов выступает политическая реклама, которая призвана обеспечить в доступной эмоционально-смысловой форме представление о сути конкурирующих политических идей и программ, а также настроить избирателей на их поддержку [1. С. 10].

В настоящее время в России ведется много дискуссий и разногласий по поводу политической рекламы, поэтому эта тема очень актуальна. Некоторые утверждают, что это не нужный инструмент в политике, аргументируя свое мнение тем, что о хорошем политике и так узнает каждый избиратель. Другие напротив считают рекламу неотъемлемой частью политической программы. Американский специалист по рекламе Джордж Луис отметил: «Хорошо это или плохо, но факт в том, что реклама – единственный способ, при помощи которого кандидат может поведать о своих добродетелях. Без рекламы любой кандидат, невзирая на все свои благородные качества, будет просто уничтожен, на него просто никто не обратит внимания» [2. С. 45].

Согласно закону от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» существует следующее определение: «Политическая реклама – реклама политических партий (объединений), органов государственной власти, государственных и общественных организаций и принимающих участие в политической деятельности отдельных граждан, их действий, идей,

программ и отношения к каким-либо организациям, событиям, гражданам, идеям». В этом определении обозначены лишь субъекты рекламы. Исходя из функций и целей политической рекламы, ее можно определить, как форму политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы в лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме [3. С. 92].

Политическая реклама не сильно отличается от рекламы коммерческой. Первая заинтересована в победе на выборах, вторая же – в будущей прибыли. В реализации коммерческой рекламы принимают участие «профессионалы управленческого персонала», в реализацию политической рекламы профессионалы – психологи, журналисты, политологи, пиарщики, социологи, агитаторы и т. д. [1. С. 55].

Таким образом, цель политической рекламы – побудить людей участвовать в тех или иных политических процессах, включая делегирование различных полномочий, в т. ч. путем выборов. Политическая реклама крайне необходима в нашем обществе [2. С. 23].

Одной из основных функций политической рекламы является ее информативная функция – оповещение, ознакомление аудитории с политической акцией, кандидатом, партией, их взглядами, предложениями, преимуществами. Кроме того, существует коммуникативная функция политической рекламы, то есть она устанавливает контакт между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и населением, осуществляет определенным образом направленную адресную связь между ними, используя предельно доступную для восприятия знаковую систему. Она является своего рода проводником идей, ретранслятором образов, символов, мифов. Политическая реклама функционирует в условиях политической конкуренции, она выделяет собственный объект среди других (личность или партия), поэтому допустимо говорить о социально-ориентирующей, идеологической функции политической рекламы. Реклама обладает значительными возможностями воздействия на массовое сознание.

Многочисленность партий и схожесть их платформ дезориентирует избирателя. К тому же мало кто читает программы разных партий. Реклама призвана упростить эти сложные политические концепции и программы, выхватив из них самое яркое, перевести скучные тексты на язык эмоций, лозунгов, девизов, предвыборных слоганов, призывов, символов и впечатляющих зрительных образов [1. С. 102].

Политическая реклама функционирует не только в период избирательных кампаний, но и в промежутках между ними. Она служит, например, подспорьем для привлечения той или иной партией сторонников, вербовки новых членов, донесения до широких масс идеи или принципов новой партии, для побуждения людей к участию в какой-либо политической акции.

Для того чтобы осуществить все функции реклама должна «привлечь к себе внимание». Факт того, что избиратели вовлечены в процесс необходимости сделать выбор, привлекает внимание людей. Реклама должна быть убедительной, логичной, затрагивать эмоциональную сферу, иметь как объективное, так и личностное значение [4. С. 15].

Таким образом, задача рекламы состоит в том, чтобы привлечь избирателя, дать ему как можно более полную (с точки зрения избирателя), достаточную информацию, которая сможет его убедить и, в конечном итоге, побудить к действию, проголосовать за кандидата.

Для политической рекламы важно познакомить избирателей с политиком и повысить его узнаваемость. Поэтому цель политической рекламы совпадает с рекламой новой продукции на рынке. Она также стремится создать определенный образ кандидата. Особенно эффективно этот имидж создаётся на телевидении, которое сообщает о невербальном и вербальном поведении кандидата [5. С. 17].

Некоторые исследования имиджа политика посвящены общим аффективным чертам, личности, социальным атрибуциям и сравнивают имидж человека с его реальным поведением. Существуют четыре общие схемы, которые люди применяют при обработке политической информации:

- личностные факторы кандидата;
- профессиональная деятельность;
- групповые взаимоотношения;
- партийная идентификация.

Многие люди более последовательно используют именно эти схемы, поэтому их необходимо учитывать при создании гармоничного имиджа.

Так согласно опросу 36 студентов Томского государственного педагогического университета, качества, присущие идеальному политику, по мнению 20% – честность, 17% – образованность и компетентность во всех вопросах, 11% – патриотизм, 9% – справедливость. Результаты подтверждают схемы, применяемые избирателями. Большинство ре-

спондентов указали сначала на личностные качества, а затем на профессиональную деятельность.

При планировании деятельности избирательной компании применяется SWOT-анализ сильных и слабых сторон имиджа кандидата. На его основе выделяются 4 направления управления имиджем: фиксация на позитивных характеристиках, минимизация негативных характеристик кандидата, внедрение новых позитивных характеристик, недопущение внедрения в имидж кандидата негативных характеристик [5. С. 18].

Так фигура премьер-министра В. Путина на политической сцене материализует мифологический тип лидера-героя, способного на решительные действия, не страшась ответственности, отстаивающего интересы России. Для массы россиян, уставших от пустых обещаний и туманных перспектив, конкретные действия премьера оказались более понятными, чем научно обоснованные экономические и политические программы [5. С. 22].

Жириновский имеет имидж человека весьма небедного, слегка горделивого, пробивного и эпатажного. Он не заботится о том, чтобы говорить только те вещи, которые собирается реализовывать на практике. Жириновский не особо конкретен и последователен, но его пламенные и эпатажные выступления оставляют след в памяти избирателей.

Имидж нынешнего президента, по мнению многих специалистов, можно констатировать как не яркий, незапоминающийся. Он ничем не выделяется на фоне других чиновников, входящих в политическую элиту. Его выступления сухи, безэмоциональны [5. С. 23].

Согласно опросу томских студентов в возрасте от 18 до 24 лет, среди молодежи пользуется популярностью Владимир Путин. Его назвали самым предпочтительным политиком 50% опрошенных. 25% указали на Жириновского. Хочется заметить, что настоящий президент Медведев не очень симпатичен молодежи, его упомянули лишь 3% респондентов.

Помимо знакомства избирателей с кандидатом через его имидж, реклама имеет другие виды воздействия.

Арсенал политической рекламы, как и рекламы коммерческой, многообразен. Средствами политической рекламы были и остаются:

- плакаты;
- транспаранты;
- листовки;
- иллюстрации и карикатуры на политические темы;

- ролики по ТВ;
- реклама по радио;
- баннеры;
- сувенирная продукция (ручки, блокноты, календари и т.п.);
- почтовая рассылка;
- любая реклама в Интернете;
- поддержка любых проектов, которая вызовет одобрение и благодарность потенциальных избирателей (благотворительных акций и кампаний) [1. С. 51].

По результатам опроса стало известно, что в основном избиратели сталкиваются с политической рекламой в виде роликов по ТВ (91 %), листовок (88 %) и плакатов (86 %), а предпочитают сувенирную продукцию.

Хочется отметить, что большинство респондентов сталкиваются с различной рекламой, но не предпочитают ее.

Реклама, как правило, содержит политические лозунги, призванные побуждать к выбору избирателей. Интересно, что 56 % опрошенных не смогли вспомнить ни одного политического лозунга. 14 % назвали лозунг: «ЛДПР – или терпи дальше», а 11 % упомянули лозунг партии Единая Россия – «Единая Россия – сильная Россия». Это позволяет сделать вывод о том, что политические лозунги не запоминаются молодежи, поскольку они однообразны и не побуждают к действию. Лозунг ЛДПР звучит как призыв и вызывает эмоции. Это запоминается избирателям. Лозунг Единой России прост и не сильно отличается от лозунгов других политических партий, но популярность партии, а также повсеместная реклама объясняют внимание к нему молодежи.

Также по результатам опроса стало известно, что партии Единая Россия и ЛДПР известны всем опрошенным. 81 % знакомы с партией Справедливая Россия, 78 % – с КПРФ, 70 % – Яблоко. Эти партии применяют политический маркетинг и активно себя рекламируют, оставаясь тем самым в памяти молодежи. Лишь 11 % студентов знакомы с Российским народно-демократическим союзом и с Партией патриотов России. Такой процент узнаваемости объясняется отсутствием рекламы.

Итак, проведенное исследование позволило установить, что политическая реклама выражается как деятельность, формирующая общественное настроение с психологической точки зрения. Включение механизмов рекламы на этапе осознания имиджа политика обеспечит его узнаваемость, привлекательность среди избирателей. Политическая

реклама может продвинуть кандидата и обеспечить ему победу в выборах, по средствам побуждения к действию и информированности избирателей.

Литература

1. *Егорова-Гантман, Е.* Политическая реклама / Е. Егорова-Гантман. М. : Николо М, 1999. 240 с.
2. *Лисовский, С. Ф.* Политическая реклама / С. Ф. Лисовский. М. : ИВЦ «Маркетинг», 2000. 130 с.
3. *Владимирова, А. В.* Истоки политического маркетинга / А. В. Владимирова // Вестник МГУ. 2008. № 5. С. 90–99.
4. *Ковлер, А. И.* Основы политического маркетинга. Технология организации избирательных компаний / А. И. Ковлер. М. : ИГиП РАН, 1993. 46 с.
5. *Володенков, С. В.* Применение SWOT-анализа политического имиджа в аспекте построения стратегической имиджевой концепции / С. В. Володенков // Вестник МГУ. 2008. № 2. С. 17–25.

МОРАЛЬ И ПРАВО В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ)

М. В. Черепанова

Томский государственный университет

Для России на современном этапе ее истории характерна явная тенденция к актуализации моральной кодификации в различных сферах общественной жизни. Это свидетельствует, с одной стороны, об увеличении внимания к наличному уровню нравственности в стране и стремлении к его повышению, с другой, учитывая ряд особенностей протекающего процесса, — о недостаточном понимании механизмов функционирования морали как способа неформальной регуляции.

Появление большого числа кодексов можно с успехом охарактеризовать словами Ж. Бодрийяра, писавшего о засилье «буйной поросли вещей» в современном мире, когда «каждая вещь, прибавляясь к уже существующим, отвечает своей собственной функции, зато противоречит единству целого, а бывает даже, что одновременно и отвечает и противоречит своей же функции» [1. С. 7]. Излишняя фрагментация

морального универсума в данном случае может рассматриваться не как его специализация, но как деструкция. Это очевидно связано с тем, что в нашей стране еще не выработаны или недостаточно четко оформлены представления об общих принципах морали, соответствующих одновременно национальным традициям и современным реалиям жизни. А отсутствие такого рода основания является предпосылкой раскола единого пространства на множество фрагментов, каждый из которых неизбежно начинает развитие по собственному независимому пути, что и приводит к созданию различных по своей сути кодексов. Так, широкое распространение сегодня получили кодексы корпоративные, связанные с широким развитием корпораций (в т. ч. ТНК) в современном мире; профессиональные, появление которых связано с возникновением большого числа новых специальностей и формированием иных условий функционирования для прежних; а также «городские», призванные регламентировать поведение людей, объединенных лишь общностью проживания на определенной территории.

Одним из последних заметных событий сферы моральной кодификации в России является разработка и принятие «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих». Данный документ состоит из десяти статей, определяющих общие положения (предмет, цель и сферу действия кодекса); основные принципы и правила, которых должны придерживаться служащие, в т. ч. требования к антикоррупционному поведению; собственно этические правила и, наконец, санкции, связанные с ответственностью за нарушение кодекса. Рассмотрение этого кодекса позволяет выделить ряд его характерных черт.

Во-первых, несмотря на то, что кодекс назван этическим, собственно вопросам морали в нем посвящено только две статьи, не затрагивающие основополагающих основ человеческого поведения. Зато закреплён запрет «курения во время служебных совещаний, бесед, иного служебного общения с гражданами». Возможных причин для такого рода упущения две. Первая – составители Кодекса автоматически приравняли личную мораль служащего к общечеловеческой, не сомневаясь в высоте и силе их нравственных принципов, помогающих нести службу. Позиция довольно спорная: в свое время на Руси одними из лучших «государевых людей» были опричники, которые безусловно несли свою службу, но, мягко говоря, не обладали высокоморальными качествами.

Вторая причина кроется в отделении авторами Кодекса профессиональной морали от принятой обществом в целом, основанном на понимании профессиональной морали как некой изолированной и абсолютизированной сферы. Данный аспект во многом способствует негативному отношению со стороны общества, усматривающего в создании Кодекса очередную попытку госаппарата возвысить себя над электоратом.

Во-вторых, лейтмотив документа – борьба с коррупцией: пандемия ее прочно захватила госструктуры и изживается с большим трудом. Здесь внедрением этического кодекса дело не ограничивается: одновременно активно вносятся поправки в законодательство, ужесточающие ответственность за подобного рода нарушения. Но, очевидно, что взятки и казнокрадство не порождение, а лишь симптом нового времени и закономерность, присущая российскому чиновничеству на протяжении долгих лет, а надежда на то, что одним созданием кодекса удастся разрубить этот гордиев узел вряд ли является оправданной.

В-третьих, Кодекс состоит из норм, включая, таким, образом, лишь один пласт, присущий такого рода сводам. В нем прописаны технические регламентации, но не отражена та идейная ценностная составляющая, которая бы выделяла, в лучшем смысле этого слова, данную группу людей из общей массы. А ведь общеизвестно, что «всякий *esprit de corps* (корпоративный дух), всякая идея корпоративной чести... есть показатель, что за эмпирической связью людей стоит идея – святыня, которой они служат и которая есть глубочайшая связующая и животворящая сила этого союза» [2. С. 74].

В-четвертых, в Кодексе четко прописана ответственность за невыполнение указанных в нем требований вплоть до уголовной ответственности. Однако данное положение неправомерно хотя бы потому, что сфера морали по сути не может обладать репрессивным аппаратом для внедрения своего содержания в жизнь, тем самым теряется один из основополагающих ее признаков, а именно свобода, а сама мораль подменяется идеологией.

Таким образом, представленный кодекс можно охарактеризовать как этико-правовой комплекс, так как фактически он находится на границе моральной и юридической сфер регулирования. Во многом он дублирует принятые на федеральном уровне акты, в частности, закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации». При этом неизбежен вопрос о целесообразности его внедрения в условиях

существования и без того четких инструкций, к тому же законодательно закрепленных. Моральные кодексы в основе своей являются неформальными средствами регуляции. Подобное параллельное существование формальных и неформальных кодексов объясняется, в первую очередь, тем, что многие человеческие поступки и их следствия не могут быть строго формализованы, юридически закреплены.

Мораль и право представляют собой две различные формы регуляции поведения людей в обществе. Они едины в своем истоке, разделившись на разные русла лишь в процессе развития, но общность происхождения и по сей день в значительной мере определяет специфику их взаимодействия. Известно, что в Античном мире правомерность и нравственность поведения человека оцениваются одной общей мерой «дике» – правом-справедливостью, но уже на этой стадии исторического развития появляются первые отличительные смысловые оттенки. «Греческая душа и римский интеллект – вот что это такое», – пишет О. Шпенглер, характеризуя принципиальное отличие следующих друг за другом стадий развития античной культуры. Действительно, в культуре Древней Греции, смысловым ядром которой становится человек со всей его противоречивой сущностью, впервые возникает вопрос об истоках верного с точки зрения социума поведения индивида, здесь появляется понятие «этика», а культ незыблемости государственного устройства Древнего Рима в значительной степени замещает ее теорией права.

В России ситуация исторически складывалась таким образом, что сфера права была неотделима от морали и зачастую подчинялась ей. И административная сфера никогда не была исключением. Это находит свое отражение в сводах законов, создававшихся в разные периоды исторического становления страны. Так, начала профессиональной морали государственных служащих в России были заложены Петром I в «Генеральном регламенте» 1720 г., и не теряют своего значения в дальнейшем. Показательным в этом отношении является рассмотрение Свода законов Российской империи, изданного в 1832 г. В первую очередь подчеркивается главная обязанность любого вступившего на службу государства – преданно и верно служить Императору и Отечеству, с честью исполнять возложенный на него долг. Среди прочих положений описываются общие качества лица, состоящего на гражданской службе: здравый рассудок, добрая воля в отправлении порученного,

человеколюбие, верность службе Его Императорского Величества, усердие к общему добру, радение о должности, честность, бескорыстие и воздержание от взяток, правый и равный суд всякому состоянию, покровительство невинному и скорбящему. Особо подчеркивается, что все служащие возложенные на них обязанности должны исполнять согласно присяге, «с усердием, нелицемерно и добросовестно», а «леность, нерадение и неприлежность полученному делу да почтутся наивящим для них стыдом, упущение же о должности и нерадение о части блага общего, им вверенного, главнейшим поношением» [3. С. 148]. При этом каждому начальнику надлежит осуществлять надзор над «поведением и обхождением» своих подчиненных и побуждать их «к добродетелям и похвальному любочестию, удерживая от безбожного житья, пьянства, лжи и обманов» [3. С. 150]. «Вообще все служащие, начальствующие и подчиненные должны пребывать между собою в соединении, и общим верным трудолюбием и прилежною работою чинить друг другу всякое в службе Его Императорскому Величеству вспоможение» [3. С. 151]. Для того чтобы быть избранным на определенную должность недостаточно прохождения одного только имущественного ценза, необходимо также «чистое и неукоризненное поведение», а «явный и нарушающий доверие порок» служит причиной недопущения до выборов [3. С. 232].

Итак, можно сказать, что описанный свод является не только законодательным актом, но и своего рода «моральным кодексом», достаточно органичным и всесторонне охватывающим регламентацию поведения госаппарата. Согласно ему служба государству неизменно воспринимается как высокий долг и почетная обязанность, которую необходимо исполнять «добропорядочно, усердно и беспорочно». Профессионализм человека здесь неразрывно связан с его личными качествами. Тем самым выражается важная мысль: конечной целью человека является идеал не столько профессионала, сколько целостной личности.

Подобное понимание самостоятельности, но в то же время неразрывного единства морали и права в дальнейшем находит теоретическое осмысление в трудах русских правоведов и философов. Борис Николаевич Чичерин – историк, юрист, публицист, общественный деятель – в одной из своих работ, посвященных осмыслению феномена права [4], утверждает, что право и нравственность исходят из одного корня – существа человеческой личности, требующей к себе уважения. Но подчинение права нравственности (как части целому) было бы

равносильно признанию необходимости введения морали принудительными мерами, уничтожению как нравственности, так и права.

Правом определяются отношения внешней свободы, нравственность касается только внутренних помыслов, но в этом заключается и требование уважения к праву, как выражению человеческой личности. Когда правомочное с юридической точки зрения действие обусловлено не правом внешнего наказания, а сознанием долга, оно получает нравственный характер. Вся нравственность – выражение метафизической сущности человека, возвышающейся над любыми эмпирическими определениями и полагающей своей целью идеальные отношения разумных существ. Коренное отличие нравственности от права заключается в том, что последним определяются внешние отношения воли, первой – внутренние побуждения; одно устанавливает правила для внешних действий, касаясь внутренних мотивов лишь поскольку они выражаются в первых; другая устанавливает внутренний распорядок человеческой души и касается внешних действий лишь настолько, насколько в них выражается этот внутренний мир. Нравственно только то, что человек делает по собственному внутреннему побуждению, при отрешении от разного рода эмпирических мотивов, т. е. безо всякого желания общественных наград и наказаний. При этом нравственный закон не только полагает границы человеческим действиям, он налагает на человека и положительные обязанности (например, помощь ближним), что выходит уже за рамки всяких юридических обязательств. Жизненное призвание каждого человека состоит в осуществлении права и нравственности, а корень того и другого лежит в ценностном единстве личности.

Таким образом, в нашей стране существует богатая история разработки вопросов, посвященных как теоретическому осмыслению вопросов морали и права (в том числе в административной сфере), так и практическому внедрению их в жизнь. И характерной чертой этой традиции является доминанта нравственного фактора, в том числе и в служебной деятельности. Профессионализм всегда почитался лишь в сочетании с высокими нравственными качествами самой личности и подобная позиция неизменно приводила к росту самоуважения лиц, занимающих определенные должности, и повышению их авторитета в обществе. Понимание этого необходимо донести и до современных госслужащих: этому могла бы способствовать несколько иная редакция изданного Кодекса этики.

Научный руководитель: ст. преподаватель М.З. Этиштейн.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. М. : Рудомино, 1995. 174 с.
2. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. М. : Республика, 1992. 511 с.
3. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Ч. 3: Свод учреждений государственных и губернских. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 638 с.
4. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. М. : Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. 337 с.

**СЕКЦИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОГО ВОСПРИЯТИЯ ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ НА УРОКЕ МУЗЫКИ

Е. Е. Ланкина, А. О. Блохин

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время проблема формирования и развития эмоционально-ценностного отношения учащихся к музыке, сформулированная академиком Д. Б. Кабалевским еще в 1970-е гг. не только не потеряла своей значимости, но и приобрела новую актуальность, прежде всего в связи с появлением новых педагогических технологий. Наиболее приемлемой для преподавательской деятельности учителя в контексте данной проблемы мы считаем технологию художественно-образного постижения музыки как предмета искусства доцента НГПУ Л. П. Масловой [1]. Основа этой педагогической технологии раскрывает связь эмоционально-ценностного отношения ребенка к музыке, к Искусству, через связь Искусства с окружающим миром. Центр этих отношений – художественный образ (целостный Образ Музыки). Учитель, выступая в роли посредника между учеником и предметом искусства, помогает определить главную духовную ценность урока – художественно-педагогическую идею (ХПИ), выявление которой возможно в результате создания на уроке атмосферы художественного восприятия. Приведём пример урока музыки в 7-м классе, где кульминационным центром является Венгерская рапсодия Ф. Листа.

В соединении с песенным репертуаром урока определяется художественно-педагогическая идея: образ любви к Родине, образ патриотизма как духовная ценность личности человека.

Слушание и исполнение музыки являются ключевыми этапами урока, но целостное, художественно-образное восприятие складывается, формируется благодаря созданию художественного контекста через «выходы» за пределы музыкального искусства. Опираясь на теорию ценностного отношения, формируя тонкий, ранимый духовный мир школьника-подростка, учитель ориентируется на эмоциональную сферу личности учащегося. Принимая во внимание тот жизненный опыт,

который приобрел ученик, знания, полученные им на других школьных предметах, учитель музыки помогает не только раскрыть специальные музыкальные способности, но и что наиболее важно, определить его ценностные ориентиры. Художественно-педагогическая идея урока неразрывно связана с понятием художественного образа, а он, в свою очередь складывается из всех компонентов урока. Если мы ставим цель в начале урока – определить ХПИ – она должна предполагать результат. Результатом успешности урока являются выводы, которые делают сами учащиеся. Во всех этапах урока, от повторения до исполнения, учащиеся смогли прочувствовать главный образ урока. Правильно построенная деятельность учащихся на уроке, а отсюда и результативность, зависит главным образом от самого учителя. Учитель не должен быть «рабом конспекта», но и сою очередь, не пускать процесс урока на самотек. Очень важно не потерять смысловой стержень урока, его духовную ценность, чтобы учащиеся успели уловить то главное, необходимое, для их собственного мироощущения окружающей действительности. Связанные между собой деятельность учителя и учащихся формируют духовное общение прежде всего через эмоциональный контакт. В данном случае деятельность учителя определяется прежде всего созданием эмоциональной атмосферы (построение урока-образа). Мироощущение и миропонимание через отношения личностей, заложенных художественном образе; через различные виды искусства учитель воздействует на развитие таких процессов, как ассоциативное мышление. Главной целью при построении урока-образа является, все-таки, не усвоение материала, а выявление отношений, проникновение вглубь художественного произведения от эстетической материи (музыкального образа) к художественному предмету. Метод художественный ассоциаций: стих-песня, песня-картина и т.д. помогает учителю выявить уровень мышления, ассоциативного мышления учащихся, а учащимся, в свою очередь формировать и совершенствовать мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация и т.д.) У школьников-подростков словесно-логическое (понятийное) мышление является особенно важным. Умения и навыки сравнивать факты и явления, проводить анализ, формулировать выводы, вычленять идеи и закономерности, вести наблюдения, устанавливать логические связи, обобщать, делать выводы и т.д. образуются и совершенствуются при восприятии нового материала, обобщении и систематизации знаний,

закреплении и повторении учебного материала. Способы активизации мыслительной деятельности на уроке музыки различны.

Рассмотрим письменные и устные задания. Форма работы может также быть различной: индивидуальная, групповая, фронтальная.

1. «Лишнее слово»:

- а) гобой, флейта, рожок, труба, саксофон;
- б) баян, аккордеон, гармонь, фортепиано;
- в) пианист, трубач, композитор, гитарист;
- г) вальс, полька, фокстрот, марш;
- д) симфония, песня, пьеса, соната.

2. Продолжить ряд:

- а) органист, трубач... (профессии музыкантов-исполнителей);
- б) виолончель, гусли... (струнные инструменты).

3. Составить логическую пару слов:

а) гармонь-баян («родственники»), гармонь-балалайка (русские народные инструменты);

б) песня-куплет (часть песни), песня-хор (хоровое исполнение песни) и т. д.

4. «Звучащая викторина». Определить по фрагменту:

- а) тип оркестра;
- б) тип хора;
- в) инструмент;
- г) солирующий инструмент;
- д) жанр назвать произведение и автора.

5. Ассоциативная форма мышления. Назвать 5–6 слов:

а) орган: ... (трубы, мануалы, Бах, полифония, кафедра, Лейпциг, «король инструментов»);

б) песня: ... (соло, хор, оркестр, характер, концерт, ансамбль).

6. Блиц-опрос (по пройденному материалу):

- а) образы жизни и смерти (Шуберт «Лесной царь»);
- б) прелюдия Скрябина (образ страдания и покорности судьбе);
- в) композитор, воплотивший в романсе «Образ кажущейся неподвижности и покоя» (Рахманинов);
- г) трагедия Гёте – воплощение в музыке (Л. ван Бетховен «Эгмонт»);
- д) испанский танец. Его особенности («Болеро» М. Равель; неизменность мелодии, ритма, темпа).

Если ученик глубоко осознает смысл полученных знаний, значит, он понимает характер связи между ними, отмечает существенные связи от

несущественных, усматривает процесс становления и проявления этих связей, умеет доказывать истинность знаний и применять их на практике.

Владея необходимыми (музыкальными) понятиями и знаниями, учащийся легко оперирует ими в процессе обсуждения, диалога, умело использует их, доказывая правильность своих суждений. Развитие мышления на уроках музыки необходимо не только для закрепления изучаемых понятий, но и прежде всего для развития личности школьника-подростка, для правильного формирования его собственного «я». Деятельность учащихся, направленная на различные виды деятельности на уроке, проходит в первую очередь через активное восприятие. Активное восприятие деятельности, глубокая сосредоточенность и художественный анализ помогает подростку лучше понять самого себя. Ведь зачастую испытывая состояния конфликтности, максимализма и критицизма, он с трудом разрешает свои нравственные и психологические проблемы. В музыке чувства, переживания, глобальные проблемы человеческой цивилизации, индивидуальные проблемы человеческой личности, взаимодействия людей отражаются в сонатах, симфонии, где существует система воспринимаемых образов, выраженных формулой: интонация – образ – идеал. С помощью творческих заданий учащихся раскрывает для себя художественный образ. Например, прослушав впервые произведение Ф. Шуберта «Лесной царь» (на немецком языке) – определить для себя слуховые и зрительные ассоциации:

<i>Слуховые</i>	<i>Зрительные</i>
тревога	серый
возбужденность	красный
агрессия	коричневый
напряженность	темно-зеленый

Таким образом, учащиеся, определив конфликтность музыкального материала через звуковые и зрительные ассоциации, самостоятельно определив характер произведения, более легко воспринимают его уже через литературный текст, как бы дополняя уже созданный ими самими образ. Здесь отражается одна из основных идей развития эмоционально-ценностного отношения учащихся-подростков к музыке как предмету искусства – это самопознание.

Самовыражение учащегося на уроке – это основа его деятельности на уроке. Оно помогает раскрыть эмоциональный, душевный мир уче-

ника – на уровне его чувств, отношения к происходящему. Очень важно, чтобы этапы урока были связаны между собой, чтобы образ, созданный в процессе художественного восприятия не был разорван (например, вокально-хоровым исполнением песни, не продолжающей эмоционального настроя, оторванной от основной ХПИ урока). Не только правильно подобранный репертуарный план, но и сама культура звука должна быть в подчинении художественного образа. Стремление к чистоте интонаций – это не только технический прием, это художественное восприятие и художественное исполнение. Даже распевка, которая зачастую воспринимается как певческие упражнения, должна соответствовать характеру исполняемой песни, являясь своеобразным камертоном, настройкой к исполнению

Применяя на практике принципы педагогики искусства, такие как целостность, образность, интонационность, ассоциативность немало важно ориентироваться на принципы развивающего обучения. Главным методическим принципом на уроке музыки – уроке искусства выступает принцип моделирования художественно-творческого процесса, разработанный Л. В. Школяр. Очень важно соотносить процесс познания музыкального искусства с реальной жизнью, общечеловеческими ценностями, которые не умирают, несмотря на «моду» и течение времени. В собственной творческой деятельности подростки, с помощью педагога, реализуют человеческую способность осваивать мир эстетически, моделируют в себе процесс становления искусства как формы общественного сознания, формы познания мира.

Развитие эмоционально-ценностного отношения учащихся-подростков к музыке могут быть основаны на следующей системе: метод интонационного анализ художественного произведения, метод содержательного анализа, метод создания художественного контекста, метод творческих заданий, наблюдения и сравнения, метод музыкального обобщения, метод эмоциональной драматургии. Поиск и воплощение методических идей каждый учитель выбирает самостоятельно. Главное, чтобы методическая система была не только воплощена в работе, но и давала положительные результаты. Поэтому в основе работы методических приемов должны быть положения, которыми и необходимо руководствоваться. Тогда методологической основой художественного восприятия подростков являются следующие положения: единая «корневая» система всех видов искусств (музыки, ИЗО, литературы и т. д.);

единая структурная единица – художественный образ; основной метод структурирования эмоций – контраст и сопоставление, отражающие закон жизни. Результатом работы по данной проблеме является отход от традиционной музыкальной педагогики, переход на полноценную музыкально-художественную деятельность, применения технологии художественно-образного восприятия музыки как предмета искусства, с учетом психофизиологической особенности учащихся подросткового возраста.

Развитие художественно-образного восприятия учащихся подростков является одной из главных сторон формирования ценностных ориентаций духовно развитой личности.

Литература

1. Ланкина, Е. Е. Проблема формирования духовных и нравственных ценностей в музыкальном образовании и эстетическом воспитании детей и юношества / Е. Е. Ланкина // Дефиниции культуры : сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых учёных. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 7.
2. Маслова, Л. П. Педагогика искусства / Л. П. Маслова. Новосибирск, 2009.
3. Психология музыкальной деятельности : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Г. А. Цыпина. М., 2003.
4. Цуккерман, Б. Н. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов / Б. Н. Цуккерман. М., 1994.
5. Школяр, В. А. Теория и методика музыкального воспитания / В. А. Школяр. М., 2000.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ В ФОЛЬКЛОРНОМ АНСАМБЛЕ «ВЕСЕЛИНКА»

В. В. Вишневская

Томский государственный педагогический университет

XXI век, вступив в свое второе десятилетие, дал миру новое поколение. Дети, родившиеся на рубеже столетий – ровесники нового века – уже являются школьниками. Современные тенденции развития культуры «оцифрованного мира» таковы, что не могут не оказывать как положительного, так и отрицательного влияния на подрастающее поколение. Дети окружены быстро растущей информацией, заполняю-

щей все вокруг. Они пользуются сотовыми телефонами, компьютерами, через которые возможно расширение кругозора знаний. К сожалению, в буме информации неопытным душам трудно отсеять дурное от хорошего. Как бы ни старались благоразумные родители и педагоги оградить юных граждан от негативного воздействия деструктивных сил мира, навязчивая информация буквально врывается в сознание – через зрение, слух. Несмотря на разгул массы потока разрушающих душу сведений из Интернета и СМИ, загрязняющих и подавляющих личность, душа человека, а тем более ребенка, не может существовать без чистого, светлого, вечного. Даже испорченная душа, как это ни парадоксально, подспудно стремится к истинному благу всеми своими творческими силами, заложенными изначально в человеческой природе. Как важно в современных условиях жизни, полной природных и социальных катаклизмов, сохранить культуру, искусство, статус Человека как такового, да и саму Жизнь!

Детство – оптимальная пора для накопления слухового опыта, формирования первых певческих проявлений, танцевальных движений. Творческий потенциал детей, который мы, педагоги дополнительного образования, стараемся всячески развивать, нуждается в сотворческой поддержке. Поэтому каждому педагогу необходимо почувствовать себя причастным как родной культуре, так и внутреннему миру ребенка. И здесь первой помощницей творчеству является музыка. Как пишет Е. Е. Ланкина, «субъектные качества, формируемые музыкой, носят наиболее общий – универсально-личностный характер, способный сказаться в любом виде деятельности. Известны многочисленные факты прогрессивного общего интеллектуального развития детей, интенсивно занимавшихся музыкой (хоровое пение, музыкальное исполнительство), проявляющегося, в частности, в неспецифически художественных видах учебной деятельности, в успешности решения ими задач, требующих высокой степени ассоциативных обобщений и творческих проявлений» [3].

Одной из успешных форм дополнительного образования детей является такая деятельная структура, как Дом Творчества. Дома творчества возникли в 1992 г. после реорганизации дворцов пионеров и школьников как многопрофильные учреждения. Дом детского творчества – вид учреждения дополнительного образования детей с большим количеством детских творческих объединений, студий, художественных кол-

лективов, объединений (кружков и секций) технического, научно-технического творчества, спортивных секций, туристско-краеведческой направленности, информационных технологий. Сегодня дома творчества занимают важное место в системе российского образования. Они являются местом развития и общения детей. Ребенок, занимающийся здесь, обретает второй дом, где его не только обучают и формируют у него некие социальные навыки, но где он находит свою будущую профессию, определяет свой жизненный выбор, друзей-единомышленников, наставников на всю жизнь.

В нашем городе есть замечательный Дом детского творчества «У Белого озера». Здесь вас встречают тепло и уют стен старинных зданий, расположенных в историческом центре Томска. Белое озеро – уникальный памятник истории и культуры, любимое место отдыха томичей.

Мне посчастливилось провести одни из лучших часов и дней жизни в детском фольклорном ансамбле «Веселинка». Его основатель и бессменный руководитель – Наталья Александровна Бойкова. Концертмейстер – Юрий Геннадьевич Полянин. Автор этой статьи, бывшая воспитанница ансамбля, около пяти лет работает педагогом. Детский фольклорный ансамбль «Веселинка» был создан по инициативе Н. А. Бойковой, ставшей руководителем коллектива. Ансамбль ведет свое существование с 1 сентября 1987 г. в стенах ДК «Сибкабель». На тот момент первый и единственный детский коллектив этого направления в г. Томске. А в стенах Дома Детского Творчества «У Белого озера» коллектив обосновался с 2001 г. Ансамбль и его солисты являются призерами многих городских и областных фестивалей и конкурсов детского фольклора. Какой восторг вызывают у детей занятия фольклором! Они так близки эмоциональной, жаждущей двигательной активности, синкретичной по существу природе ребенка. Самобытность народного песенного искусства состоит из определенных слагаемых: музыкального и поэтического языка, способов выражения этого языка словом, звуком голоса, жестом, манерой поведения, движением. Природа музыкального фольклора имеет импровизационную основу и является сокровищницей прекрасных песен, а также своеобразной школой воспитания, причем школа эта характеризуется совпадением обучения с исполнением.

Система занятий с детским фольклорным коллективом ориентирована на раскрытие творческой природы ребенка через такие формы, как:

- изучение устного и музыкального русского детского фольклора;

- сценическое воплощение детского фольклора;
- организация и участие в фольклорных праздниках.

Одна из важнейших целей музыкального воспитания – создание условий пребывания ребенка в состоянии творчества, формирования среды творческого общения. Поэтому в своей работе мы выдвигаем первоочередными следующие задачи: учить детей совместному творческому участию в фольклорном музицировании; способствовать созданию у детей удовольствия, эмоционально приподнятого чувства от музицирования и общения в фольклорной среде; сознательно добиваться самостоятельности детей в музыкальной деятельности, способности выдвигать свои идеи, умения включаться в музицирование; раскрывать индивидуальность каждого ребенка, помогая ему найти свое место в фольклорном творческом музицировании.

Сегодня остро стоит проблема сохранения и бережного отношения к народной культуре, не искажая традиций, не выдавая за экзотику. Незаменимыми для детей становятся сказки, народные игрушки, песенки-потешки, народные игры и хороводы, песни, пляски, вызывающие яркий эмоциональный отклик. Развивается образное мышление детей, вовлеченных в захватывающий процесс творчества. Знакомство детей с произведениями искусства, с сокровищницей русской культуры, с лучшими образцами устного народного творчества должно начинаться с детства [1]. Педагоги знакомят ребят с различными формами народной культуры: устной – малые жанры фольклора; материальной – бытовая утварь, предметы обстановки крестьянской избы; художественной – изделия народных промыслов, народный костюм (цвет, орнамента), игрушки [2].

В программные занятия обучающихся народному песенному наследию входят познание содержания традиций, основ и особенностей хоровой музыки, путем собственной активности творческой деятельности каждого обучающегося, повышение уровня художественного воспитания способствующего выработке целостных взглядов на русскую культуру, искусство, историю. Работа фольклорного ансамбля «Веселинка» является центром духовного общения детей и их родителей на основе изучения народного творчества. Очень важна заинтересованность и взаимодействие педагогов, родителей и детей. Родители, желающие освоить то или иное направление деятельности фольклорного ансамбля «Веселинка», присоединяются к занятиям детей, принимают активное

участие в фольклорных праздниках. Основой занятий является народный земледельческий календарь. Благодаря этому дети, которые занимаются не первый год, могут изучать и проживать одни и те же обряды, праздники, обычаи и соответствующий им устный и музыкальный материал, количество и уровень сложности которого увеличивается с каждым годом. Принцип «сквозного воспитания», взятый из жизни, естественным путем помогает решать задачи не только музыкального развития и эстетического воспитания, но и нравственного совершенствования личности: дети старшего возраста передают усвоенное малышам, заботятся о них; переходя постепенно от зрелища к действиям, дети младшего возраста осваивают все более сложный материал, стремясь подражать старшим. В своей работе мы пользуемся множеством интересных методических разработок, а также старинными и современными нотными сборниками. Известны такие имена, как Л. И. Мельникова и А. Н. Зими́на, Г. Науменко, Л. Шамина, Л. Куприянова и др. Например, сборник музыкального фольклора Л. И. Мельниковой и А. Н. Зиминой содержит музыкальный материал, который можно использовать при проведении занятий, экскурсий, занятий-инсценировок.

Фольклор как исторически конкретная форма народной культуры не остается неизменным, а развивается вместе с народом, вбирая в себя все ценное, что существовало ранее, и отображая новые социальные изменения. Поэтому фольклор всегда самобытен и современен. Именно по этой причине он сохранил свою воспитательную функцию и в настоящее время может использоваться в учебно-воспитательном процессе. Детский фольклор русского народа богат, разнообразен сказками, произведениями малых жанров. Фольклор близок детям по содержанию. С его помощью взрослый легко устанавливает с ребенком эмоциональный контакт, эмоциональное общение. Традиционная культура располагает положительным опытом воспитания детей, а правила народной педагогики удивительно точно соответствуют законам физического, нравственного, эстетического и творческого развития ребёнка. Все приёмы и средства народной педагогики прошли многовековую проверку и были направлены на воспитание творческой личности, способной к созиданию доброго и прекрасного как в своей душе, так и вокруг себя.

Научный руководитель: доцент Е. Е. Ланкина.

Литература

1. *Куприна, Л. С.* Знакомство детей с русским народным творчеством / Л. С. Куприна, Т. А. Бударина. СПб. : Детство-Пресс, 2008. 29 с.
2. *Князева, О. Л.* Приобщение детей к истокам русской народной культуры / О. Л. Князева, М. Д. Маханева. СПб. : Детство-Пресс, 2006. 36 с.
3. *Ланкин, В. Г.* Музыка и развитие личности ребенка / В. Г. Ланкин, Е. Е. Ланкина, И. Р. Хох. Томск, 2005. С. 28–29.
4. *Программа детского фольклорного ансамбля «Веселинка».* Томск, 2010.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ИГРЫ НА СВИРЕЛИ И БЛОК-ФЛЕЙТЕ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. А. Воронкин

Томский государственный педагогический университет

Наша цивилизация... украла у человека радость
целостно воспринимать мир всеми чувствами.
Дети захвачены чувствами. Они рождаются
с желанием изучать их. Обучая музыке маленьких
детей, мы можем помочь восстановлению
всего богатства чувств с помощью творчества,
которое вовлечет их в поиски интересных звучаний.

Карл Эрнст

Современная философская мысль определяет деятельность как основную способ существования активной личности, преобразующей окружающий его объективный мир. В деятельности у человека формируются все психические процессы – ощущения и восприятие, мышление и память, эмоции и воображение. Природа и сущность этих явлений всегда будут в центре внимания научной мысли философов, психологов и педагогов, так как без теоретического обоснования невозможно до конца разобраться во всем многообразии жизни, во всех оттенках и противоречиях, составляющих реальное бытие личности.

Основная цель работы по приобщению детей к исполнению музыки – раскрыть перед детьми прекрасный и удивительный мир звуков.

Задача данной статьи – осветить некоторые аспекты приобщения детей к музицированию через обучение игре на флейте и свирели.

Обратимся к истории этих инструментов. Флейты, как известно, относятся к разряду простейших музыкальных инструментов и одними из первых появляются у каждого народа. Ученые находили очень древние изображения музыкантов-флейтистов, об этом говорят фрески и рельефы Древнего Египта. В Древнем Китае прототипом современной флейты был продольный глиняный музыкальный инструмент – сно, в Древней Индии – ванша – поперечная флейта, на которой, по преданию, играл бог Кришна. Древняя Греция сохранила прекрасный миф о рождении флейты.

Свирель – русский народный инструмент флейтового типа. Свирель – это название, которое существовало испокон веков у русского, украинского и белорусского народов, обозначая музыкальный инструмент типа флейты по звукообразованию. Первое упоминание о свирели в русской литературе относится к XII в. В России возрождение интереса к этому инструменту относится к концу XIX – началу XX в. В это время два коллектива используют свирель в своем составе: оркестр народных инструментов под управлением Андреева и оркестр хора имени Пятницкого.

Приобщение детей к игре на этом инструменте благотворно влияет на воспитание, на формирование любви к прекрасному. Через обучение игре на этом инструменте можно стимулировать развитие интеллектуальной и эмоциональной сфер жизни ребенка, способствовать развитию воображения, объема произвольного внимания, психологическое развитие, формировать музыкальный слух, умение лучше понимать других, поддерживать интерес к учению. Как показывает опыт, результативнее проводить обучение в младшем школьном возрасте, в возрасте 6–12 лет. Занятия с детьми этого возраста предполагают развитие творческих способностей детей через обучение на русском народном музыкальном инструменте. Научиться играть на свирели самому, погрузиться в мир звуков, познать этот неведомый и прекрасный мир музыки возможно на уроках музыки и во внеурочное время в обычной общеобразовательной школе. Именно желание пробудить интерес к познанию, помочь научиться играть со звуками, складывать и умножать их, воспроизводить и осознать, непосредственно включиться с первых минут общения с музыкальным инструментом

в процесс исполнения. Всего этого можно достичь, используя в работе методику, разработанную Э. Я. Смеловой. Она выделяет три задачи, которые возможно решать, работая с детьми по развитию навыков игры на свирели: оздоровление, общение, познание.

Работа со свирелью способствует вентилиции легких. Это также и дыхательная гимнастика, которая облегчает страдания больных астмой. Занятия со свирелью способствуют гипервентилиции мозга. Благодаря этому занятию дети реже болеют. Значительно стимулируется работа по другим предметам, развивается воображение детей, объем непроизвольного внимания. Это вполне объяснимо с точки зрения психологии, так как ключ к умственному развитию ребенка лежит в его эмоциональной сфере.

Как показывает опыт, в ходе этих занятий улучшается климат в детском коллективе: дети переживают, радуются от совместного общения с музыкой, их охватывает общее эмоциональное состояние, они становятся требовательнее к себе и к другим – через это решаются многие задачи формирования коммуникативной культуры, взаимодействия детей в коллективе. Сам коллектив становится добрее, дружнее, интереснее.

Распахнуть перед детьми мир музыки, дать почувствовать себя в нём не в гостях, а создателем и творцом – это ли не радость для педагога! Благодаря свирели, расширяется возможность становления творческого мировоззрения ребенка, что далеко выходит за рамки простого исполнительства, ведь проблема значительного преобладания потребителей над творцами – одна из острейших проблем особенно в наше время. Известно, что творческие задатки, развитые в одной сфере, человек легко переносит на всю свою деятельность. Очень важно, что главная задача – приобщить детей к исполнительской и творческой деятельности – решается наиболее простыми и доступными для детей средствами.

Работа по овладению навыками игры на свирели проходит последовательно: сначала происходит формирование навыков игры на свирели на простых мелодиях, затем на материале большей сложности и далее на материале повышенной сложности.

Возможно обучение детей в течение трех лет, один раз в неделю. Основной принцип прохождения материала: от простого – к более сложному, с использованием закрепления и повторения пройденного. От простых мелодий до 2- и 3-голосных произведений; от легких пьес, до сложных концертных произведений. Занятия могут включать в себя

кроме непосредственной работы со свирелью, вокально-хоровую работу, работу над певческим дыханием, работу по развитию чувства ритма, слуховой анализ, так как все это пригодится для развития навыков игры. Возможным разделом занятий (особенно первого года обучения) могут быть сведения о нотной грамоте (лад, размер, ритм, фразы, мотивы и т.д.). Это необходимо для развития музыкальной памяти, слуха, а так же для осмысленного исполнения произведений. Это не только усвоение необходимого теоретического материала, но и музыкально-ритмические игры, упражнения, слуховые диктанты. Наряду с групповой (основной) формой занятий могут быть использованы приемы индивидуальной работы, игровые упражнения, предполагаются разные типы заданий для учащихся: самостоятельный разбор мелодий, ритмическое озвучивание, сольфеджирование, пропевание по цифровкам, самостоятельное сочинение мелодий к заданному ритму, умение импровизировать (как тип самостоятельных творческих занятий) и т.д.

Знакомство с инструментом, организация занятий включает в себя: знакомство с правилами обращения со свирелью, гигиенический уход за инструментом, правильную постановку рук и положение рта, а так же постановка целей и задач обучения. Вокально-хоровая работа: включает вокальную работу над каждым произведением, пропевание трудных интонаций, выработка чистой вокальной интонации. Работа над дыханием: включает объяснение правильного дыхания, развитие правильного исполнительского дыхания, работу над освоением приема «передувания». Ритмическое развитие предполагает работу над ритмической грамотностью, знакомство с длительностями, отработка ритмически сложных построений, специальные упражнения для развития чувства ритма. Слуховой анализ подразумевает анализ мелодий, узнавание мелодий на слух, работа над чистой интонацией, над унисоном и 2-голосьем. Музыкальная грамота включает нотную грамоту. Одновременно необходимо проводить работу по усвоению средств музыкальной выразительности (лад, мелодия, темп, ритм, длительность, размер и т.д.) Работа над развитием музыкальной памяти включает упражнения для развития музыкальной памяти, приемы быстрого запоминания.

В ходе первого этапа работы по овладению навыками игры на свирели и блок – флейте дети узнают, как надо правильно пользоваться инструментом, как за ним ухаживать и правильно держать во время исполнения. Ученики знакомятся с правилами певческого дыхания и учатся

им грамотно пользоваться. Они овладевают цифровой и нотной записью мелодий, учатся исполнять красивым и напевным звуком. Следующий уровень предполагает, что дети научатся понимать принцип исполнения мелодий «каноном», овладеют более сложными приемами звукоизвлечения, освоят навык кантиленной игры, научатся объяснять элементарные понятия теории музыки, научиться умению играть «в ансамбле», обогатят свой духовный мир произведениями классической, народной, джазовой и популярной музыки. Дальнейшая работа предполагает обучение детей умению исполнять 2- и 3-голосные произведения, овладение навыком исполнения «каноном», формирование умения подобрать знакомую мелодию и умение самостоятельно импровизировать.

Преподавание на духовых инструментах для меня представляется плодотворной музыкальной деятельностью и возможностью продуктивного творческого общения с детьми. Более 8 лет я провожу работу по обучению игре на духовых инструментах (свирели и блок-флейте). За это время интерес моих учеников к занятиям не уменьшился, а напротив – окреп. Эти занятия способствуют сплочению детей в коллективе, созданию обстановки доброжелательности, взаимопонимания и взаимопомощи среди детей. Ребята становятся увереннее в себе на уроках. В целом, все классы стали гораздо чище интонировать, повышается мотивация к предмету, благодаря этим занятиям успешно реализуется важная культурологическая задача – развитие творческих способностей ребенка. Благодаря занятиям устанавливаются прочные отношения творческого сотрудничества между учителем и учениками. Возможности использования занятий свирелью на уроках очень велики. Ученики могут проиграть мелодии тех песен, которые разучиваются на уроке. Ребята смогут самостоятельно исполнить фрагменты тех музыкальных произведений, которые звучали на уроке, а значит «пропустить» через себя, смогут лучше прочувствовать музыку и глубже ее понять и запомнить. Например, мои ученики с радостью сами исполняют фрагменты из «Утра» Э. Грига, «Песни Сольвейг», вдохновенно исполняют мелодию 9 симфонии Л. Бетховена и фрагменты из 6-й и 4-й симфоний П.И. Чайковского. Игра на музыкальных инструментах, несомненно, украшает урок, разнообразит его и наполняет особым смыслом.

Удивительна область применения результатов этих занятий во внеурочной деятельности. В нашей школе ежегодно более 50 учащихся начальных классов занимаются обучением игре на инструментах

в системе дополнительного образования. На занятиях, проводимых по моей авторской программе, мы вместе познаем возможности свирели и блок-флейты. Во внеклассной работе наши достижения по освоению свирели очень востребованы. Выступления моих музыкантов украшают все школьные концерты. Мы – желанные гости в других школах. Мы выступаем перед ветеранами, для учителей района и города, участвуем в конкурсных проектах Дома Детского творчества и участвуем в районном и городском фестивалях свирелей.

Несомненно, что вся работа по освоению этих инструментов и развития навыков игры на них направлена на развитие личности ребенка, формированию его музыкальной культуры. Удивительно, что дети, используя все то, чему научились на занятиях, начинают проявлять творческую самостоятельность: они на слух подбирают любимые произведения, перенимают друг от друга музыкальный материал, с удовольствием учатся импровизировать.

В детской музыкальной школе мною был создан ансамбль «Волшебная флейта» – концертный коллектив, состоящий из самых опытных музыкантов, тех, кто занимается более 2 лет. Слаженность, высокое мастерство владения инструментом, музыкальность и выразительность отмечали наши слушатели на концертах. В программе ансамбля более 30 произведений разных жанров. Ребята с большим удовольствием занимаются этим увлекательным делом и своими выступлениями дарят радость другим людям.

Деятельность по освоению игры на инструментах на уроке музыки и во внеурочное время в общеобразовательной школе – это непростая задача, требующая от учителя системной, творческой и кропотливой работы. Начинаям это дело учителям желаю не бояться трудностей, желаю добиваться успехов в совместном творческом процессе со своими учениками, желаю максимально использовать все возможности, которые дает для повышения интереса к учению этот красивый вид учебной деятельности.

Научный руководитель: доцент Е. Е. Ланкина.

Литература

1. Ланкина, Е. Е. Развитие креативности детей в художественно-игровом пространстве урока / Е. Е. Ланкина // Музыкальное образование: проблемы и перспективы : материалы научно-практической конференции. Бийск, 6 ноября 2009 г.

2. Музыка. Энциклопедический словарь. М. : АСТ-Астрель, 2007.

3. Петрушин, В. И. Музыкальная психология / В. И. Петрушин. М., 1997.

РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ В КЛАССЕ ДОМРЫ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ

И. А. Голубкова

Томский музыкальный колледж им. Э. В. Денисова

В данной статье мы попробуем осветить важные вопросы работы над техникой на первоначальном этапе обучения в классе домры, опираясь на свой многолетний педагогический опыт. Музыкальный материал, использованный в данной работе, является авторским переложением фортепианной литературы. Начальный этап обучения имеет особую значимость для ребенка, ведь это фундамент, на котором строится все дальнейшее развитие ученика. Ошибки в овладении игровыми навыками, заложенные на этом этапе, в дальнейшем трудно поддаются корректровке.

Говоря о технике музыканта, мы понимаем ее в узком и широком значении. В узком это – беглость пальцев, четкость штрихов, свобода игры. В широком – умение, способность реализовать замысел композитора. Развитию техники способствует работа над гаммами, этюдами, упражнениями, которая должна планомерно и систематически проводиться на протяжении всех лет обучения. В первый год обучения важно эту работу построить увлекательно и интересно, чтобы не только подкрепить любознательность ученика, но и стимулировать серьезный, деловой интерес – научиться правильно играть скучные, на первый взгляд, упражнения и гаммы. Творческий огонек появляется, когда мы добавляем весёлую беседу, шутку, игру, подбираем стихотворные тексты для технических упражнений (заранее или в процессе занятия).

На начальном этапе обучения (подготовительный класс и первое полугодие первого класса) работа над развитием техники не выделяется как отдельный вид или форма работы на уроке. Главным достижением этого периода является приобретение навыков пластичности и свободы движений, ритмичности исполнения. Эти положения в дальнейшем

являются основой формирования правильной моторики. Поэтому развитие техники происходит в работе над простыми музыкальными произведениями. И только во втором полугодии первого класса работа над техникой становится самостоятельным разделом.

В современной музыкальной педагогике большое значение придается заинтересованности ученика. Имея дело с учащимися дошкольного и младшего школьного возраста, преподаватель обязан считаться с особенностью детского восприятия и мышления. Интерес к музыке часто возникает через образ, вызванный словом, рисунком. Музыкальный материал – яркий, занимательный, с интересным стихотворным текстом, даст больший эффект, нежели сухое последовательное изложение упражнений. Текст поможет понять ритм и образ пьес. Предполагается, что текст только помощник в работе, а цель – исполнение пьесы без слов.

Во втором полугодии работа над техникой выделяется в самостоятельный раздел. Одним из первых видов техники, с которым знакомится ученик является гаммообразное движение. Изучение гаммы можно начинать с упражнения «Козочка»:

Козочка

Козочка рогатая, козочка бодатая
Убежала за плетень, проплясала целый день.

Методика изучения следующая: читаем слова; слушаем песенку в исполнении педагога; поем вместе с учеником; разбираем на инструменте; учим наизусть и подбираем по слуху от любого звука; знакомимся с гаммой До мажор.

В этом упражнении ученик осваивает наиболее простой переход из позиции в позицию, который мы называем «лесенкой». Важно обратить внимание на то, как осуществляется этот переход в левой руке: находясь на последней ноте в предыдущей позиции (на 4-м пальце), кисть группируется и плавно переносится с помощью предплечья на 1-й палец следующей позиции. В восходящем движении пальцы левой руки

нужно оставлять на струне, но надо следить за тем, чтобы пальцы не были скованны. Такой прием оставления пальцев на ладах применяется для экономичности и четкой организации движений, так необходимой в дальнейшем для развития беглости. Кроме того, умение играть, не снимая пальцы со струны, очень помогает исполнению хорошего легато и способствует закреплению этого навыка в будущем.

Еще одним из доступных видов смены позиции для данного этапа обучения является переход в другую позицию через открытую струну. В этом случае левая рука передвигается по грифу во время звучания открытой струны, сохраняя округлую форму пальцев, в то же время оставляя кисть гибкой, эластичной. Например, упражнение «Мяч»:

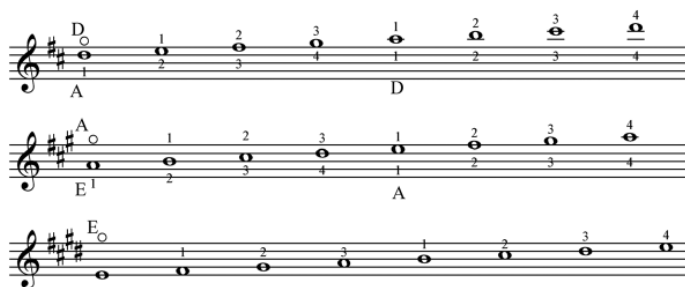
Мой веселый, звонкий мяч, ты куда пустился вскачь?
Красный, желтый, голубой, не угнаться за тобой!

Преподаватель должен уделять особое внимание правилам техники смены позиции. Виднейший педагог русской скрипичной школы Л. Ауэр рассматривает технику левой руки скрипача, прежде всего как свободную смену позиций. Это правило в равной степени относится и к домристам. Ученик может иметь хорошие руки, беглость пальцев в одной позиции, но при плохом владении техникой смены позиции, его игра будет ущербной. Поэтому момент освоения и отработки смены позиции заслуживает пристального внимания со стороны преподавателя. Вот некоторые принципиальные правила:

- перенос левой руки вдоль грифа осуществляется с помощью предплечья;
- во время передвижения рука свободна;
- «скользящий» палец не отрывается от струны, нажим его минимальный;
- форма пальцев не меняется;
- начало скольжения осуществляет палец, игравший последнюю ноту в предыдущей позиции, и в нужный момент меняется на палец, который будет играть первую ноту в следующей позиции;
- большой палец скользит свободно, слегка касаясь боковой части грифа.

Учитывая вышеперечисленные правила, в первом классе разучиваются следующие гаммы: Ми мажор, Ля мажор, Ре мажор. Гаммы играют в одну октаву двумя видами аппликатуры

Игра гамм в младших классах преследует цель не столько развития беглости пальцев, сколько прочного освоения аппликатурных навыков, овладение красивым певучим звуком, достижение четкой артикуляции пальцев, ритмичности исполнения. При хорошем выполнении вышеперечисленных задач можно переходить к исполнению гамм в подвижных темпах. При этом очень важно помнить, что при восходящем движении пальцы левой руки остаются на струне, а при нисходящем движении все четыре пальца ставятся на лады заранее. Работу над гаммообразным видом техники желательно подкреплять пьесами, в которых встречаются аналогичные пассажи, например, пьеса С. Ляховицкой «Колобок»:

Катится веселый колобок,
Вкусно подрмянен его бок,
Никого он не боится,
В даль неведомую мчится,
И задорно песенку поет:
Я бесстрашный, смелый колобок,
Из окошка на дорогу скок!
Прыгну сам к тому я на зубок в рот,
Кто мне четко гамму пропоет!

Колобок

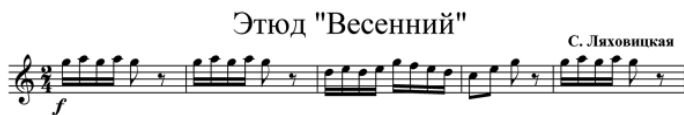

Изучение пьес в одной позиции. Основой или исходным моментом для развития мелкой техники представляет собой игра различных мелодических формул в пределах одной позиции. Для этого годятся пьесы, где большинство фигур мелкой техники представляют собой короткие, однотипные по ритмическому строению звенья, часто повторяющиеся на протяжении всей пьесы. Их игра способствует развитию цепкости, силы и независимости пальцев левой руки, подтягивания слабых до уровня сильных. Например, этюды С. Ляховицкой:

Как-то выше крыши
Бросил мячик Миша,
Удивились рощи и луга.
Только выше Миши
Бросил мячик Гриша,
Удивились даже облака.

Как звенит капель!
На дворе апрель.
Радует солнышко
Весна пришла.
Ручеек журчит,
Весело бежит,
И кругом смеется детвора!

Кроме того полезно включать в программу интересные упражнения В. Рябова «Альпинист», «Завывание ветра».

Закладывая базу для развития техники, преподавателю необходимо руководствоваться основными дидактическими принципами обучения – последовательности и постепенности. Особенно это касается быстрых темпов исполнения и уровня сложности репертуара. К быстрым темпам надо подходить постепенно, а завышенной сложности репертуар приносит огромный вред. Необходимость преодолевать трудности без подготовленных для этого навыков может привести к зажатию исполнительского аппарата, потере интереса к музыкальным занятиям.

Как справедливо указывает В. А. Рябов, при работе над элементами исполнительской техники, преподаватель должен помнить о главном – о формировании способности ученика к эмоциональному переживанию музыки, музыкальному мышлению. Прививать эти качества нужно начинать с первых уроков, одновременно с освоением первых элементов игровых навыков. Художественное начало в воспитании музыканта является ведущим, техническое же развитие – это та основа, без которой невозможна реализация творческих замыслов [4].

Литература

1. Ауэр, Л. Моя школа игры на скрипке / Л. Ауэр. М., 1965.
2. Лукин, С. Ф. Школа игры на трехструнной домре / С. Ф. Лукин. Иваново, 2008.
3. Олейников, Н. Ф. Вопросы совершенствования техники левой руки домриста / Н. Ф. Олейников. Свердловск, 1979.
4. Рябов, В. А. Формирование основ двигательной техники левой руки в классе домры / В. А. Рябов. М., 1988.
5. Цыпин, Г. М. Исполнитель и техника / Г. М. Цыпин. М., 1999.

СПЕЦИФИКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ ГОЛЛИВУДСКИХ ФИЛЬМОВ УЖАСОВ

А. А. Долгих

Томский государственный педагогический университет

В данной работе выявляются механизмы психологического воздействия на зрителя голливудских фильмов ужасов и формируются понятия, благодаря которым создатели фильмов ужасов заставляют нас бояться.

Обсуждая ту или иную просмотренную картину фильмов ужасов, мы в первую очередь вспоминаем те моменты, которые нас больше всего напугали. После первого просмотра фильма «Паранормальное явление» многие зрители ходила под впечатлением. Нельзя не отметить, что данная картина оставила определенный отпечаток на психике людей. Для тех, кто не видел этот фильм, немного о главной идее фильма.

Молодая пара проживает в доме, который, как они подозревают, посещается некой злой силой. Чтобы зафиксировать паранормальную активность, они настраивают видеокамеру, чтобы записать свидетельство существования этой силы, появляющейся исключительно ночью, когда они спят. Тут-то и начинается самое интересное... и страшное! Еще хотелось бы отметить, что фильм снят в стиле любительской камеры (в таком же стиле снят фильм «Ведьма из Блэр»), что придает «ужастику» еще большее «очарование».

Даже если просматривать эту картину несколько раз, несмотря на все ужасающее действие, происходящее на экране, удастся вспомнить только несколько эпизодов, и все они, как ни странно, связаны с эффектом неожиданности. Создатель этой картины заставляет нас наблюдать за тем, что происходит каждую ночь в доме главных героев, притом, что они спят. Он как бы оставляет нас наедине с демоном, который поселился в этом доме. Мы наблюдаем за всей комнатой, смотрим на тени, прислушиваемся к каждому шороху и, вроде, ничего не происходит... Мы понимаем, что должно произойти что страшное, от этого нам еще страшнее, напряжение все нарастает... И тут, происходит нечто неожиданное (как бы мы не старались, при просмотре «ужастиков» внушить себе, что я ко всему готов и ничего не испугаюсь) – мы все равно пугаемся, подскакиваем, вскрикиваем, без разницы, в чем это выражается,

главное, что есть реакция – значит, прием работает. В данном фильме множество таких приемов. Например, когда главные герои просыпаются от звука шагов, или вскакивают от того, что об стену ударилась люстра. Таких примеров, можно привести множество и из других фильмов.

Еще один механизм, который никого не оставляет равнодушным (присутствует совершенно во всех фильмах) – это музыкальное оформление (или звуковое сопровождение). Как нам уже известно, фильмы ужасов способны породить у многих людей страх и тревогу. Во многом их воздействие основано на музыке, а не на изображении (так как последнее часто выглядит смешным). Можно отключить звук, и тогда фильм ужасов потеряет устрашающий эффект. Музыка же позволяет создавать у человека любые эмоции, поэтому во многих подобных фильмах эффект страха базируется на ней.

Тот же самый эффект неожиданности основан на звуковом сопровождении. Если из-за угла, или из-за приоткрытой двери неожиданно выскочит какой-либо зомби и при этом не будет слышно ни малейшего звука, думается, это будет выглядеть достаточно комично. Но, даже, если тот же самый зомби выскочит без звука, перед его появлением обязательно будет какое-либо музыкальное нагнетание. Здесь можно привести в пример недавно вышедший на экраны фильм «Астрал».

Немного о самом фильме. Джош и Ринэй переезжают со своими детьми в новый дом, но не успевают толком распаковать вещи, как начинаются странные события. Необъяснимо перемещаются предметы, в детской звучат странные звуки. Но в настоящий ужас приходят родители, когда их десятилетний сын Далтон впадает в кому. Все усилия врачей в больнице помочь мальчику безуспешны.

Несколько месяцев спустя его возвращают домой, где за несчастным ребенком ухаживают мать и сиделка. Но загадочные явления в доме продолжают. Отчаявшиеся родители готовы обратиться за помощью к кому угодно, и вскоре выясняется, что Далтон в бессознательном состоянии связан с паранормальным миром.

Этот фильм просто кладезь классических психологических механизмов воздействия на зрителя. Все, начиная от света, заканчивая внешним видом отрицательных персонажей. Пугающих и неожиданных моментов было достаточно, но если бы не звук, такого эффекта не было. Один из примеров: когда у отца (ребенка, ушедшего в астрал) за спиной появляется демон. Сначала, мы замечаем только его красное с желтыми

глазами лицо, а затем он издает душераздирающий ужасный звук, все это происходит в доли секунды, от чего невозможно не вздрогнуть.

Еще один механизм, благодаря которому создатели фильмов ужасов и триллеров нагнетают страх – это, конечно, чувство неизвестности (неопределенности). В данном случае страх появляется просто перед немного приоткрытой дверью. Зритель знает, что что-то злое и коварное скрывается по ту сторону двери, но главный персонаж фильма медлит (как это обычно бывает), что заставляет зрителя очень сильно нервничать. В таких случаях мы закрываем глаза, отворачиваемся, скрываем окошко на компьютере – до тех пор, пока герой на экране не откроет ужасную дверь и не посмотрит, что за ней, либо, пока в темноте не осветится вокруг.

Сюда же можно отнести и саспенс. Саспенс – это состояние тревожного ожидания, беспокойства.

Здесь хотелось бы привести фильм в качестве примера «Ведьма из Блэр: Курсовая с того света». Для тех, кто не знает в чем смысл данного фильма – краткая справка: в октябре 1994 г. трое студентов-кинематографистов исчезли в лесах штата Мэриленд во время съемок документального фильма. Год спустя снятый ими материал был найден. Они приехали в лес на Черных холмах в штате Мэрилэнд, чтобы снять документальный фильм о местной легенде – ведьме из Блэр, мучившей и убивавшей всех, кто забредал в ее владения. В предании говорится о вековом проклятии, ритуальных убийствах детей, зловещих артефактах и сверхъестественных явлениях. Но не успели студенты, вооруженные 16-миллиметровой камерой, углубиться в лес, как безнадежно заблудились. Вокруг них сгушалось невидимое зло.

Думается, что этот фильм одно большое нагнетание (т. е. саспенс). На протяжении всей картины, главные герои находятся в состоянии ужащающей неизвестности и неопределенности. С каждым днем, проведенным в лесу, напряжение нарастает – у зрителя создается такое впечатление, что чем усерднее герои пытаются найти выход из сложившейся ситуации, тем сильнее их затягивает в неизвестность и ужас, которые скрывает этот лес.

Конечно, нельзя не отметить реалистичность происходящего на экране. От этого зависит в целом восприятие картины зрителем. Сейчас, нам показывают очень реалистичные фильмы ужасов. Реалистичное кино, заставляет нас переносить то, что происходит на экранах в нашу

жизнь. И это действительно пугает. Тем более, сейчас стали снимать в стиле «хоум-видео», что добавило еще большей реалистичности. Примеры: «Паранормальное явление», «Четвертый вид», «Ведьма из Блэр», «Монстро», все части «Пилы», «127 часов» и т. д.

Я не буду приводить примеры и описывать моменты реализма в данном рода фильмах, так как реалистичность переходит все рамки. Думается, что немногие захотят представить в своей голове сцены ломающихся костей у живого человека, сцены отрезания руки или ноги, опять же у живого человека. Таких примеров можно привести множество и достаточно красочно. Но лучше упустить этот момент.

Проще всего заставить человека бояться – это показать ему его фобии. Еще один механизм – это фобии. Этим методом, в отличие от других, пользуются нечасто. Фобий у человека много, но многие из них скрыты, фильмы ужасов же «вскрывают» их. Может показаться, что данный метод воздействия может иметь негативный характер, но это зависит от степени восприимчивости человека. Примеры применения человеческих «фобий» – это такие фильмы, как «Анаконда», «Птицы», «Челюсти», «Пирании», «Техасская резня бензопилой», «У холмов есть глаза» и т. д.

При просмотре того или иного кино, без разницы какого жанра, у человека формируются определенные стереотипы того, какой должен быть главный герой и каким должен быть злодей. Для каждого ясно, что зомби должен быть разлагающимся трупом, вампир пить кровь, вервольф в полнолуние превращаться в волка или чудовище. Но на данный момент очень многие стереотипы изменились.

Взять, к примеру, хотя бы «Сумеречную Сагу». То, какими там показаны вампиры и оборотни – еще буквально года три назад просто выходили за пределы понимания. Вампиры могут появляться при свете дня, но они «блестят» на солнце, соблюдают «вегетарианскую» диету (не все, конечно); оборотни же, превращаются в обычных волков, но очень больших, лунный свет на них не действует и они осознают себя в шкуре волка. И обязательно два этих персонажа должны быть красивыми и сексуальными, это уже стало практически классикой жанра – главный герой вампир пытается сражаться со своими инстинктами убийцы, а вервольф совладать со своим гневом (эмоциями). (В качестве примеров можно привести: сериал «Дневники вампира» и конечно «Сумеречная Сага».)

Следуя данной логике, можно отметить, что стереотипы это неустойчивая форма воздействия на зрителя. Так как теперь, к примеру, когда я смотрю какой-нибудь фильм, и там показывают, что вампир сгорает при воздействии солнечных лучей, или ему становится плохо от чеснока – мне кажется это ужасно глупым и нелепым!

Так же нельзя не отметить еще один метод воздействия на зрителя (без которого не обходится практически ни один современный не просто фильм ужасов, а вообще фильм) – это спецэффекты. Благодаря данному методу, нас могут пугать тем, чего мы не можем увидеть в повседневной жизни. Различные монстры, призраки, мутанты, зомби и т. д. Что касается зомби и мутантов – здесь (если фильм малобюджетный), можно воспользоваться хорошим гримером, который из обычного человека создаст уродливое существо с лопнувшим глазом, косым ртом и без носа (это к примеру). Тем ни менее, грим тоже можно отнести к разновидности спецэффектов. Что касается монстров – здесь без хорошей техники и специалистов не обойтись (так же бюджет тоже должен быть, как минимум, немаленький).

Отличный пример использования спецэффектов в фильмах ужасов – это картина «Монстро». Немного о главной идее фильма: прощальную вечеринку уезжающего в Японию Роба прерывает громогласный рык – нечто напало на Нью-Йорк, сея панику, разрушения и пожирая людей. Армия бессильна против гигантского монстра, Манхэттен объявлен закрытой зоной, но где-то неподалеку от Центрального парка в беду попала девушка Роба. Фильм снят в стиле «хоум-видео» (как будто на любительскую камеру). На протяжении практически всей картины показывают катастрофические разрушения Манхэттена. За высокими пентхаусами просматривается нечто огромное и ужасающее, но мы не видим его полностью, только иногда мелькает длинный хвост этого существа и летят осколки зданий.

Фильм очень эпичен и построен практически на одних спецэффектах, зритель полностью погружается в фильм, не задумываясь о том, что большая часть этой картины «нарисована» или снята в павильоне. И только в конце «Монстро» зрителю открывается полный вид на существо, громящее Нью-Йорк. Оно имеет огромные размеры, несколько ног, глаз и хвост (так же из него или с него прыгают небольшие существа, для сравнения – размером с лабрадора, и после укуса такого, на первый взгляд, кажется насекомого – человек взрывается). Единственный

момент, который показался немного нелепым (как показала практика, фильм не может быть полностью идеален) – парень, бегающий с камерой и все снимающий. Даже, когда на главных героев стали нападать монстры-насекомые, любой другой человек, с нормальной психикой, просто бросил бы камеру и убежал сломя голову. Но, если бы не этот храбрый молодой человек, у нас бы не было такого интересного и захватывающего фильма (правда, это не парень герой, а создатели фильма).

Итак, механизмы психологического воздействия на зрителя основываются на: эффекте неожиданности, музыкальном оформлении, чувстве неизвестности, реалистичности, фобиях, стереотипах и спецэффектах.

Без вышеперечисленных методов психологического воздействия не обходится ни один более или менее стоящий фильм ужасов. Эти методы позволяют нам, с одной стороны, понять специфику фильмов ужасов, а с другой, они делают обычный фильм – фильмом ужасов.

Научный руководитель: канд. искусствоведения, доцент А. В. Бернатович.

ВКЛАД ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ГРАФИКИ

Д. В. Елизарова, А. С. Поданева

Томский государственный педагогический университет

21 февраля 1613 г. считается началом правления Романовых. При Михаиле Федоровиче для восстановления разоренной державы были приглашены «иностранные промышленники – рудознатцы, оружейники, литейщики», предприняты первые шаги к созданию регулярной армии [9. С. 381].

После кончины отца на престол вззошел его старший сын Алексей, (прозванный в народе Тишайший) – один из образованнейших людей своего времени. Его правительство поощряло развитие промышленности, торговли. Шло освоение Восточной Сибири. В 1676 г. Алексей Михайлович умер [9. С. 382]. Его сын Федор (наследник престола), любивший младшего брата и беспокоившийся о его образовании, заставил учить Петра грамоте с пяти лет. В учителя ему был определен дьяк

Никита Зотов. Никита не очень-то принуждал Петра к прилежности и дисциплине, но мастерил своими руками многое – эту любовь к мастерству передал своему ученику [5. С. 315].

В 10 лет «начальное обучение» Петра прервалось. Царь Федор умер. Петр, опальный царь, выгнанный правящей сестрой (царевной Софьей) из родного дворца, рос в Преображенском. С 1683 г. никем не руководимый он начал здесь продолжительную игру, которую сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования [8. С. 486].

В кладовых Преображенского нашел Петр ржавые ружья и пистолеты. Возникла мысль создать из сверстников настоящее ребячье воинство, снарядив его настоящим оружием. Обучали солдат иноземцы, которые еще при Алексее Михайловиче поселились в Московской Немецкой слободе. В потешном войске они занимало офицерские должности.

В свои 16 лет Петр плохо знал основы грамоты, не умел правильно написать ни одной строки, и даже не знал, как разделить на письме одно слово от другого [5. С. 315].

Обыватели Немецкой слободы «покорили Петра и более высоким уровнем образованности, культуры, и большей раскованностью в обращении, так непохожими на русскую чопорность и забитость. Они легко понимали, и поддерживали устремления царя к переменам. В слободе выучился молодой царь говорить: и по-немецки и по-голландски [5. С. 316].

К этому времени относится и знакомство с голландцем Тиммерманом. «Под его руководством Петр с „гораздою охотою“ принялся учиться арифметике, геометрии, фортификации, овладел астролябией, изучил строение крепостей». Осматривая в селе Измайлове амбары деда Никиты Ивановича Романова, Петр нашел завалившийся английский бот.

Реконструкция его голландцем Брантом и лавирование на боте по р. Яузе развили в Петре «желание строить свои корабли» [8. С. 487]. Петр вместе с Брантом заложил верфь при устье р. Трубень, впадающей в Переяславское озеро, так и положил начало своему кораблестроению [8. С. 489].

После отречения от власти Софьи и неудачной войны с Турцией – осады Азова – Петр несколько месяцев занимался постройкой судов.

Одержимость Петра идеей создания флота, который до него никто из русских царей не рассматривал как средство увеличения мощи страны, определило и решение царя – самому ехать в посольстве. В марте

1697 г. Петр инкогнито присоединяется к посольству, отправляемому в Европу, для поиска союзников в войне с Турцией.

16 августа 1697 г. состоялся торжественный въезд Российского посольства в Амстердам – столицу Голландии – богатейшей страны Европы, славившейся развитой промышленностью и торговлей.

В Кенигсберге он (Петр) усердно занимался артиллерийским делом, в Саардаме (центре кораблестроения) – неделю работал плотником. Здесь инкогнито царя оказалось раскрыто [8. С. 490].

Петр широко пользовался посредничеством Николая Видзена, бывавшего в России и знавшего русский язык. Директора (знаменитой в Амстердаме) Ост-Индской компании распорядились заложить специальный корабль, чтобы «знатная особа, пребывавшая здесь *incognito*», имела возможность ознакомиться со всеми этапами его сооружения и снастки [6. С. 29].

Изучая корабельное дело, Петр высказал пожелание обучиться и проектированию судов. Ему рекомендовали Адама Сило. Прекрасное знание математики, острый инженерный ум, живой интерес к кораблям, их усложняющейся конструкции, способствовали тому, что Петр довольно скоро стал проектировать суда [6. С. 30].

В середине ноября фрегат «Петр и Павел», над сооружением которого трудились волонтеры, был спущен на воду. Участники получили свидетельство об овладении мастерством. Аттестат, выданный царю, гласил, что Петр Михайлов «был прилежным и разумным плотником», научился выполнять различные операции кораблестроения, а также изучил «корабельную архитектуру и черчение планов», столь основательно, «сколько сами разумеем» [8. С. 490].

Петр «желаемого конца не достиг» [6. С. 32]. Недовольный слабостью голландских мастеров в теории кораблестроения, в январе 1698 г. Петр отправился в Англию для изучения корабельной архитектуры [8. С. 490].

Большую часть времени из четырехмесячного пребывания в Англии Петр посвятил изучению кораблестроения.

В конце 1690-х гг. в Англии Петр I овладел методами графического изображения корпуса и деталей судна *на трех плоскостях*, познакомился с *масштабом*. Именно он ввел эти приемы в графику [8. С. 491], значительного обогатив русские чертежи.

Слово «чертеж» исконно русское [1. С. 4]. Вся история развития чертежа неразрывно связана с техническим прогрессом [3. С. 8].

Первые дошедшие до нас письменные источники, подтверждающие применение графических изображений в России, относятся к началу XVI в.

Многочисленные вражеские нашествия на Русь сопровождались опустошительными пожарами, что не могло не сказаться на отсутствии графических документов более раннего периода.

Основная цель графических изображений заключалась в попытке наглядно (без искажений) изобразить ту или иную техническую идею (на плоскости бумаги, имеющей два измерения). При решении этой задачи на Западе главным образом шли от перспективного рисунка, принятого в живописи. (Развитие графических изображений в последних веках до н.э. и в первых веках н.э. происходит под влиянием ранних трудов по перспективе.)

Русские графики исходили в своей работе из приемов древнерусского искусства, в котором не требовалось уменьшать удаляющиеся от плоскости картины отрезки и допускалось изменение точки зрения. В России широко применялись чертежи, содержащие совмещенные в одной плоскости изображения нескольких поверхностей [10. С. 7].

Петром I *узакониваются* сложившиеся в России правила исполнения чертежей, выполненных *в ортогональных проекциях с соблюдением проекционной связи, с применением разрезов и масштабов*, которые широко стали применяться в кораблестроении и маркшейдерском деле, а затем и в других областях техники [3. С. 8].

До нас дошли многие кораблестроительные чертежи того времени [3. С. 8]. Выполненные Петром I (по этому методу) чертежи судов, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, отличались высоким мастерством и большим изяществом. При разработке проекта каждого корабля Петр обязательно сопровождал ее чертеж самой подробной «рописью» – прообразом спецификации [2. С. 10].

Петр сам разработал проект и выполнил чертежи линейного двухпалубного трехмачтового корабля «Ингерманланд». При проектировании «Ингерманланда» (например, при обеспечении прочности корпуса) были приняты новые технические решения, к которым кораблестроители развитых морских стран пришли значительно позже. Проект (по конструкции, вооружению, архитектуре) был настолько удачным, что корабли этого типа, с небольшими усовершенствованиями строили в России вплоть до конца XVIII в.

Эскизы декоративного убранства корпуса корабля (резьбой эпохи барокко конца XVII – начала XVIII в.) выполнялись самим Петром, который учился черчению и рисованию в Голландии [2. С. 10].

В 1704 г. на южном берегу Невы стали строить предельно простое здание – Адмиралтейство – колыбель будущего могучего русского флота. Композиция здания принадлежала самому Петру I [6. С. 4].

В это время требовались чертежи достаточно сложных сооружений и изделий. Для выполнения таких чертежей нужна была специальная подготовка.

По указу Петра I преподавание черчения было введено в специальных технических школах, например, в навигационной, в Москве [3. С. 8]. Черчение также изучалось в гимназиях в курсе геометрии. В этот период в России были открыты гимназии: в Петербурге, Москве и Казани [3. С. 6].

В эпоху Петра I были предприняты первые шаги в области обучения черчению в горнозаводских школах. Первая такая школа была открыта в 1721 г. в Екатеринбурге (Свердловске). Ее появление было обусловлено благоприятными условиями для развития производства на базе природных ресурсов Урала и Сибири [7. С. 12].

В этой школе после геометрии, которая изучалась без доказательств, переходили к изучению «знаменования» – к методам изображения объемных тел путем графических построений. Построения осуществлялись без теоретических обоснований. Вычерчивались детали машин, планы цехов – «прошпекты» (виды на строения с птичьего полета), рудников и «ландшафты». Чертежи выполнялись без размеров. При необходимости их определяли посредством линейных и поперечных размеров [4. С. 8]. Часть размеров давалась в предлагаемых к чертежу описаниях [7. С. 13].

В горнозаводских школах черчение считалось одним из основных предметов. Такую школу окончили И. И. Ползунов, ставший впоследствии знаменитым механиком и изобретателем, К. Д. Фролов – знаменитый строитель гидротехнических сооружений на рудниках.

Великие русские зодчие XVIII в.: Д. В. Ухтомский (1719–1774), В. И. Баженов (1737–1799), А. Н. Воронихин (1760–1814) и др. – создали много проектов, являющихся ценными образцами инженерной графики того времени [4. С. 8].

Вывод: к концу XVII в. Россия сама вплотную подошла к теории чертежа, но эти знания были уделом отдельных инженеров. Петр, как

передовой человек своего времени, овладевший массой технических познаний, понимал важность познаний, систематизации их в теорию. К систематизации знаний построения чертежа на тот период ближе подошел Запад. Нам было чему учиться.

Петр личным примером внес значительный вклад в развитие чертежа. Велика его заслуга в подготовке специалистов, владеющих инженерной графикой. Сегодня техника исполнения чертежа другая, но *ортогональное проецирование на три плоскости, применение разрезов и масштабов, спецификации* – неизменны. Неизменны те достижения, которому так долго шли передовые люди: механики, строители, архитекторы. Вклад Петра Великого в развитие инженерной графики велик. И сегодня мы можем прочесть самые невероятные замыслы изобретателя любой страны мира, если они изложены языком инженерной графики – чертежом.

Научный руководитель: ст. преподаватель ИК ТГПУ И. Г. Бурцева.

Литература

1. Ботвинников, А.Д. Черчение 7–8 кл. общеобразоват. учреждений / А.Д. Ботвинников, В.Н. Виноградов, И.С. Вышнепольский. М. : ООО «Изд-во Астрель»; «Изд-во АСТ», 2002. 221 с. : ил.
2. Иванов, А.И. О Петре / А.И. Иванов, А.С. Константинов // Судостроение. 1979. № 1. С. 20–30.
3. Козловский, Ю.Г. Черчение / Ю.Г. Козловский, Г.Е. Белова, Д.И. Шемятовец. Минск : Вышэйшая школа, 1972. 223 с.
4. Методика преподавания черчения : пособие для учащихся педучилищ по спец. № 2003 «Преподавание черчения и рисования» и № 2008 «Преподавание труда и черчения в 4–8 кл. общеобразоват. школы» / под ред. В.И. Кузьменко. М. : Просвещение, 1981. 272 с. : ил.
5. Кулюгин, А.И. Правители России / А.И. Кулюгин. 2-е изд., перераб. и доп. Чебоксары : Изд-во «Чувашия», 2000. 472 с. : ил.
6. Малиновская, О.Н. Петр «Великий в Голландии» / О.Н. Малиновская // Юный художник. 1996. № 7 С. 27–32.
7. Методика обучения черчению : учеб. пособие для студентов и учащихся худож.-граф. спец. учеб. заведений / В.Н. Виноградов, Е.А. Василенко, А.А. Альхименко и др. ; под ред. Е.А. Василенко. М. : Просвещение, 1990. 176 с. : ил.
8. Рыжов, К. Все монархи мира. Россия (600 кратких жизнеописаний) / К. Рыжов. М. : Вече, 1995. 640 с.
9. Скляренко, В. Все величайшие царственные династии / В. Скляренко, Я. Батий, Н. Воложина, М. Панкова. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2008. 510 с. : ил.
10. Черчение: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2109 «Черчение, изобразительное искусство и труд» / Д.М. Борисов, Е.А. Василенко, Б.А. Ляпунов,

РОЛЬ ТОТЕМНЫХ ЖИВОТНЫХ В МИФОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

А. И. Ермилов

Томский государственный педагогический университет

Огромную роль в развитии Древнего Востока играла мифология как отражение мировоззрения и мировосприятия древневосточного человека. Мифология Древнего Востока сформировалась за много тысячелетий до нашей эры и на протяжении многих веков оказывала значительное влияние на все сферы жизни человека.

Роль тотемных животных в мифологии Древнего Востока ключевая для понимания мировоззрения древнего общества. Культура Древнего Востока не является однородной, она включает в себя культуры таких стран как: Египет, Китай, Индия, Япония, Месопотамия. Каждая из культур Древнего Востока имела своих священных животных, но традиции поклонения животным, считавшимися священными в древневосточной мифологии практически одинаковы, ведь модель культуры цивилизации складывается по одному принципу. Для почитания священных животных каждой породы возводили многочисленные отдельные храмы, где за ними ухаживали и заботились о их благосостоянии специально обученные люди (монахи, жрецы). Жители Древнего Востока совершали паломничества к местным храмам священных животных, где совершали жертвоприношения и ритуалы поклонения богам олицетворявшихся в образах священных животных. В честь обожествленных животных жители каждой культуры Древнего Востока устраивали грандиозные праздники с процессиями и широкими гуляниями. Священные животные Древнего Востока считались неприкосновенными, и их запрещалось убивать, но если это происходило, то виновника наказывали вплоть до смертной казни.

Интерес для изучения представляет каждая страна Древнего Востока, но, тем не менее, следует остановиться на роли священных жи-

вотных в мифологии древнего Китая. В традиционной китайской культуре большую роль в мифологии играли тотемистические представления. Одни племена считали своим тотемом ласточку, другие змею, даже императора и императрицу связывали с символами мифического дракона и феникса.

В древнекитайской мифологии большое значение отводилось четырем священным животным: дракону, тигру, фениксу и черепахе. Обожествлялись также и другие священные животные, широкое распространение в древнем Китае получили культы змей, лисиц, обезьян, ящериц и крыс, каждое из которых имеет свою роль в мифологических мировоззрениях древнекитайского человека на жизнь.

В древнем Китае одним из самых почитаемых мифических животных был дракон. По преданию священный дракон имел тело змеи, покрытое золотой чешуей карпа, брюхо лягушки, рога оленя, глаза зайца, уши коровы, хвост и лапы тигра, имеющие орлиные когти. Иногда дракона изображали в виде большой змеи или животного, сочетавшего в себе одновременно образы тигра и лошади, но облик священного животного всегда оставался величественным и воинственным. Мифических драконов по китайским народным верованиям, подразделяли на четыре типа: небесный дракон, охраняющий обители богов, божественный дракон, посылающий ветер и дождь, дракон земли или воды, определяющий направление и глубину рек и морей, и дракон, охраняющий сокровища.

В мифологии древнего Китая популярность дракона объясняется следующим образом. Однажды в море заболел царь драконов, но никто из водного царства не смог вылечить его и царю-дракону пришлось в облике древнего старца отправиться к людям. Дракон попал к знаменитому лекарю, который по пульсу старика обнаружил, что его сердце бьется совсем не так, как у людей, тогда старец признался, что он царь драконов. Врач заявил, что определить и вылечить болезнь он сможет, если старик снова превратится в дракона. В условный день врач пришел на берег моря и дракон появился над волнами, лекарь осмотрел дракона и обнаружил, что под его чешую заползла сколопендра, которая причиняла ему сильную боль, врач вытащил ее и боль прошла. В знак благодарности за исцеление царь драконов обещал ниспосылать людям хорошую погоду и благополучие [2. С. 248].

По верованиям древних китайцев дракон олицетворял стихию воды и императорскую власть. Древние китайцы воспринимали дракона как

священного животного являвшегося символом императора, авторитета и китайской нации. Китайцы преклоняются и почитают священного дракона как бога-хранителя, защищавшего их от сил зла и нечисти. Перед и вокруг своих домов китайцы сыпали золу или выкладывали из камней фигуру, напоминающую изображение священного дракона, которая по верованиям китайцев отпугивала темные силы. Во многих местностях древнего Китая возводили многочисленные храмы, а по берегам рек и морей китайцы строили кумирни, посвященные дракону, в которых жители могли попросить помощи и защиты у дракона. Священный дракон Китая символизировал добро, мир и процветание, а также талант. Китайцы желали, чтобы их дети были умными и способными людьми, ведь всех талантливых людей они ассоциировали с драконами.

В древнем Китае преклонялись и почитали дракона как великого бога водной стихии. Во время засухи в честь священного дракона, жители Китая проводили религиозные процессии, умоляя животное послать им дождь. Фигуру дракона, сделанную из голубой ткани и освященную фонарями, торжественно проносили по улицам города и жители под звуки гонга, бой барабанов и разрывы хлопушек исполняли танец дракона. Рядом с фигурой животного несли знамена, желтые и белые символизировали ветер и воду, черные и зеленые – тучи. Один из участников процессии нес на коромысле ведро с водой, из которых окроплял прохожих. На пути процессии раскладывали костры, на которых сжигали жертвенные деньги в честь дракона. Многие китайские крестьяне с ивовыми венками на голове, курительными свечами и жертвенными деньгами под звуки гонга отправлялись в городской храм посвященный дракону, где совершали древний ритуал поклонения и обращались к богу дракону с просьбой о послании им дождя [3. С. 156].

Изображения священного дракона в древнем Китае находились на многочисленных постройках: в храмах, императорских дворцах, жилых домах феодалов, на мемориальных обелисках и на стенах крестьянских домов в виде каменного изваяния, рисунка нанесенного тушью или вырезки из бумаги, считавшиеся оберегами-хранителями, наводящие страх и ужас на силы зла.

Среди животных, которые обитали на суши, главным почитали тигра. По верованиям древних китайцев священный тигр олицетворял силу, отвагу, свирепость, суровость и властолюбие, а также являлся символом военной доблести. Для устрашения неприятеля древние ки-

тайцы гравировали голову священного тигра на щитах воинов и вырезали на деревянных дверях военных укреплений, а вышитое изображение тигра на одежде военных чинов, служило признаком различия. По преданию древнекитайские войны, облачившись в тигровые шкуры, шли на врага с дикими криками, напоминая рев тигра, стремясь тем самым вселить страх в стан противника.

По китайским верованиям мифических тигров подразделяли на пять типов, которые вместе составляют символ, являющийся защитником пространственного порядка и доминирующий над силами хаоса. Красный тигр правит на юге и связан с летом и огнем, черный тигр правит на севере и ассоциируется с зимой и водой, голубой тигр – на востоке, к нему относятся весна и растительность, белый тигр преобладает на западе, его ассоциировали с зимой и металлом, и наконец, желтый тигр, который живет на всей земле и правит всеми остальными тиграми [2. С. 279].

В древнекитайской мифологии тигр был тесно связан с культами брака и плодородия. Существовало поверье, согласно которому невеста должна была иметь при себе фигурки тигра, выполненные из теста для мирной жизни новобрачных. В древнем Китае считалось, что для лечения бесплодия или увеличения потомства в пищу следует употреблять мясо священного тигра или носить его шкуру. Часто многие женские божества изображались в виде тигра, например богиня Си Ван Му, покровительница плодородия и бессмертия. Древние китайцы полагали, что священный тигр являлся хранителем здоровья, растолченные в порошок когти и клыки обожествленного тигра использовались в качестве целебного снадобья, а обрамленные в серебро, служили ценными амулетами и оберегами, защищающие китайцев от различных болезней.

В Китае существовало поверье, что тигры часто спасали человеческие жизни. В древнем государстве у одной семейной пары родился уродливый ребенок, и родители решили от него избавиться, оставив на горе, но его нашла тигрица, вскормила своим молоком и вырастила вместе со своими детенышами, считается, что тем ребенком был древний мудрец Конфуций.

Священный тигр защищал жителей Китая от сил нечисти и считался символом величайшей силы и мощи. Древние китайцы верили, что тигр наводил ужас на злых духов, поэтому при помощи его изображения они различными способами боролись с силами зла. Голову священного

тигра изображали на стенах жилых домов и монастырей, также вышивали на одежде и обуви детей. Необходимым считалось в доме держать статуэтку маленького тигренка, которая приложит все усилия защитить дом и людей, а также сохранить в нем покой и равновесие. Многие китайцы носили деревянные или металлические талисманы священного тигра, приносящие их обладателю успех и удачу. На протяжении многих столетий китайцы ассоциировали священного тигра как покровителя и защитника от бед и зла. Множество построек древнего Китая украшали и оберегали каменные изваяния тигров: входы в монастыри, правительственные здания, богатые магазины, жилые дома китайцев.

Священные животные играли важную роль не только в формировании мифологии древнего Китая, но и принимали непосредственное участие в жизни человека. Древние китайцы считали, что они окружены силами зла и добра, и были убеждены в том, что священные животные, которые могли воплощаться в виде статуэтки стоящей в доме, талисмана или изображение помогали им справиться с возникающими препятствиями на жизненном пути. Древнекитайская цивилизация наделяла животных божественными силами и свойствами. Священные животные оказывали огромное значение на формирование мировоззрения и мировосприятия древних китайцев, они повлияли на восприятие китайцами мира и окружающей их природы сквозь призму божественного. Жители древнего Китая верили, что все происходящее является посланием богов и священных животных. Жизнь китайского народа была тесно связана с верой в высшие силы природы, и они находились в прямой взаимозависимости от священных животных.

Научный руководитель: канд. искусствоведения, доцент А. В. Бернатович.

Литература

1. Васильев, Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. М. : Высшая школа, 1988. 416 с.
2. Ежов, В. В. Мифы древнего Китая / В. В. Ежов. М. : Изд-во «Астрель», 2004. 669 с.
3. Соколова, З. П. Культ животных в религиях / З. Соколова. М. : Наука, 1972. 325 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ВОКАЛУ (ЗАРИСОВКИ ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ)

Ю. А. Ефремова

Томский музыкальный колледж им. Э. В. Денисова

В методике музыкального образования и воспитания (как и в педагогике в целом) можно выделить два основных подхода, отличающиеся базовой педагогической установкой. Первый, связанный с традицией бихевиоризма и рассматривающий ученика как объект педагогического воздействия, и второй, предполагающий включение ученика в образовательный процесс в качестве субъекта, стремящийся выстроить партнерские отношения между ним и педагогом. Коренное отличие этих двух подходов заключается в том, *что* рассматривается как итоговый продукт и главная ценность педагогического процесса.

В первом случае цель образовательной деятельности совпадает с ее результатом. Это может быть исполнение того или иного музыкального произведения, создание концертного номера, победа на престижном конкурсе и т. п. Во втором случае целью образовательной деятельности является сам ученик, его социализация, приобретение им определённых компетенций, физическое и психологическое раскрепощение, раскрытие творческого потенциала и т. д. Таким образом, каждый педагог хотя бы однажды определяет, что считать целью своей деятельности: ученика (тогда музыкальное образование и творчество становятся средством) или непосредственный результат музыкального творчества (в этом случае, соответственно, средством становится сам ученик).

Очевидно, что педагог, ориентированный на результат, выбирает себе ученика по наличию и силе его способностей. Непрошедшие отбор зарабатывают «звание» неимеющего слух, чувство ритма, в целом немusического и т. п. Те же, кто ставит своей целью самого ученика, его раскрытие, задают гораздо более низкий уровень фильтра или исключают его вовсе. Зато получают значительно более благоприятную почву для методических находок и открытий. Например, научить плавному дыханию, вокальной кантилене ребёнка (здесь и далее под ребёнком может подразумеваться и взрослый, имеется в виду, прежде всего, *статус*

ученика), свободно владеющего музыкальной интонацией – одна задача, а вот помочь выправить музыкальную интонацию с помощью овладения плавным, ровным дыханием – уже совсем другая.

С другой стороны, педагог, готовый заниматься с учеником практически любого уровня, неизбежно сталкивается с необходимостью доступности его языка, действенности его методических приёмов для каждого. А если мы также вспомним, что ученик с большими проблемами в музыкальном развитии – это, как правило, наверняка неуверенный в себе человек, то остро встаёт необходимость быстрого и яркого (пусть и небольшого) результата для придания уверенности и подкрепления мотивации.

Практически универсальным средством для решения этих и иных задач является использование языка образов, реализующееся в применении по сути театральных методик обучения.

При необходимости исполнить голосом звук определённой высоты, силы и тембровой окраски ученик, не обладающий ярко проявленным талантом (моё глубокое убеждение, что талант – это норма для *каждого* из нас) или же богатым музыкально-исполнительским опытом, попадает в довольно сложную ситуацию. Результатом является звук как минимум неестественный. Потому что в этом случае звук является *целью*, в то время как сама суть и смысл человеческого голоса подсказывает нам, что звук его по природе своей является средством (для передачи информации, настроения и т. п.). Если же просто попросить что-то изобразить: звук заводящегося мотора, завывание метели, мяуканье кошки и т. п., – то успеха удастся добиться практически сразу, да и звук, скорее всего, будет гораздо более естественным. Потому что он снова стал *средством*: для создания образа, вживания в определённую роль. Да и лишнее внимание, которое за компанию с самокритикой и страхом, как показывает практика, зачастую очень мешает добиться результата, уходит от голоса на иные, более интересные аспекты. Правда, в этом случае мы имеем в результате звук не совсем музыкальный, но зато естественный, тембрально разнообразный и, самое главное, свой (избегая ситуации, когда ученик копирует педагога). С другой стороны этот полуречевой, полугригровый звук является своеобразным мостиком от знакомого звучания голоса (хотя и на этом этапе не исключены открытия для ученика) к новому, музыкальному. Задача педагога на этом этапе показать, что голос ученика может свободно звучать в довольно широком диапазоне и об-

ратить внимание на изменение звука при попадании его в резонаторы, а также на собственно ощущение вибрации в теле при пении. В дальнейшем способность к перевоплощению может пригодиться в работе с образно-содержательной стороной музыкальных произведений.

Таким образом, подобные упражнения обладают следующими характеристиками:

1. *Элементарность*. Упражнение направлено на достижение одной-двух методических задач: включение нижних/верхних резонаторов, или снятие напряжения с челюсти и глотки, или освоение плавного, ровного выдоха, или соединение регистров и т. п. При этом желательно, чтобы не выполнить задание было просто невозможно.

2. *Доступность*. Образы должны быть красочны и понятны. Звуки окружающего мира, животных, сказочных существ и т. п. Обычно практически все они родом из детства, что само по себе не случайно, поскольку именно детство остаётся в памяти (в том числе мышечной) как время творчества и свободы.

3. *Опора на собственный опыт и индивидуальность ученика*. Разрешение ученику звучать по-своему, ориентируясь только на выполнение методических задач, которое отслеживается самим педагогом.

В этом случае превращение звука происходит на глазах, что дарит ученику ощущение владения процессом вокальной координации и уверенности в собственных силах. В дальнейшем упражнения используются для настройки на исполнение песен. Например, можно предложить пропеть мелодию песни на звук «р» или в упражнении «гармошка» (когда воздух выдувается через сомкнутые губы, создавая характерную вибрацию), – так обеспечивается ровность выдоха, ощущение единого воздушного потока и благоприятные условия для свободной работы глотки. При исполнении песен предлагается сохранять ощущения, полученные на упражнениях и в процессе настройки.

Кроме того, приём перевоплощения обладает ещё одним волшебным свойством. При задании кого-то или что-то изобразить ученик как бы надевает маску, становится немножечко не собой. Как уже говорилось, при этом отступают лишние самоконтроль и страх. И самое главное – в такой игровой ситуации значительно повышается уровень креативности. А значит, это возможность получить гораздо более широкий спектр физических ощущений и звуковых, тембровых вариантов, чем в обычном академическом состоянии, а также масса положительных эмоций.

Также важно, что образ обладает одной особенностью: он синкретичен. То есть он содержит все основные области восприятия: аудиальную, визуальную и сенсорную, объединяя звук, видеоряд и движение, мышечные ощущения. Например, в упражнениях «р» или «гармошка» ученикам предлагается не просто звуком изображать движущуюся машину, но и «взять в руки руль». В этом случае достигается не только более полное вживание в образ, но и освобождение плечевого пояса, так необходимое для свободного звучания голоса. Кроме того, синкретичность образа позволяет использовать его при обучении людей с любой ведущей системой восприятия (визуалов, аудиалов и кинестетиков).

Таким образом, обращение к языку образов и использование приёма перевоплощения позволяют сделать обучение вокалу доступным практически каждому, сохранить индивидуальность ученика, способствует ситуации успешности (когда почти не может не получиться), отсылает к ощущениям детства, связанным с состоянием творчества и свободы, повышает уровень креативности, помогает мышечному и психологическому раскрепощению и дарит массу положительных эмоций как ученику, так и педагогу.

Научный руководитель: Е. В. Царева.

Литература

1. Баскаков, В. Ю. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии / В. Ю. Баскаков. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2006.
2. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. М., 1960.
3. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. М. : Просвещение, 1991.
4. Хомская, Е. Д. Нейропсихология / Е. Д. Хомская. СПб. : Питер, 2005.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРВИЧНЫХ (БАЗОВЫХ) НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ю. А. Ефремова

Томский музыкальный колледж им. Э. В. Денисова

Дисциплины эстетического направления играют важнейшую роль в воспитании и развитии ребёнка. Ни для кого не секрет, что школьная

программа в основном ориентирована на развитие левого, логического полушария мозга. Даже такие уроки, как литература, нередко сводятся к своеобразному препарированию художественных произведений, а значит, развивают всё те же, аналитические навыки. Основная нагрузка по развитию образного мышления, эмоциональной стороны личности ложится на дополнительное образование. В рамках школьной программы на развитие образного, правого полушария ориентированы предметы эстетического направления, такие, как рисование и музыка.

В то же время для формирования гармоничной личности просто необходимо в равной степени развивать и логическое и образное мышление. Роль музыки в этом процессе невозможно переоценить. Предметом моего внимания в данном сообщении является непосредственно процесс обучения пению, а именно техническая его составляющая.

Итак, в качестве исходного положения рассмотрим мысль о том, что сам процесс обучения пению является бесценным инструментом для воспитания и обучения школьника, целью которого является развитие гармоничной личности.

Основной задачей в процессе обучения пению, на мой взгляд, является освоение правильной координации, позволяющей добиться чистоты интонирования. Под координацией я, прежде всего, подразумеваю распределение мышечных усилий, мышечной активности.

Освоение этой координации требует определённых условий, выполнение которых благоприятно влияет на физическое здоровье, психику и умственную деятельность. С другой стороны, само по себе свободное звучание несёт положительный эффект.

Для правильной певческой координации необходима свобода плечевого пояса, шеи и нижней части головы (челюсти, щёк, губ). Это не значит, что они должны быть вялыми – речь идёт об отсутствии зажимов, статического напряжения мышц. Проверить, свободна или нет та или иная часть тела довольно просто: надо ей подвигать. Если это не получается или движения получаются резкими, то значит, зажим существует. Кроме того, исходя из соображений о техники безопасности, необходимо в любом случае стремиться к плавности, мягкости движений (особенно когда речь идёт о шее или, в целом, о позвоночнике).

Каждый мышечный зажим имеет эмоционально-психическую природу. Как правило, это страх. Особенно, если речь идёт о плечевом поясе. Что происходит с нашим телом, когда мы внезапно пугаемся? Плечи

поднимаются, зажимается шея, и голова как бы стремится втянуться в туловище. Это естественная животная реакция (инстинкт), цель которой – уберечь от предполагаемой опасности самое главное, а именно – голову. Сама по себе такая реакция не несёт опасности или вреда, если только не приобретает хронический характер, что в цивилизованном мире происходит довольно часто, и мы называем это явление ставшим уже привычным для нас словом «стресс». С возрастом зажимы имеют тенденцию незаметно для нас накапливаться. Поэтому целесообразно и правильно начинать обучение пению в детстве, с 6–7 лет.

Но с другой стороны, для детей более характерна другая причина зажима плечевого пояса: излишнее старание, при котором дыхание почти автоматически переключается на ключичное. Поэтому очень важно это вовремя заметить и не дать этому сформироваться в привычку.

Снятие напряжения с плечевого пояса имеет огромное позитивное влияние на здоровье и умственно-психическую деятельность. Мышечное расслабление необходимо для полноценного питания кислородом внутренних органов, для эффективной работы нервной системы, а также уменьшения умственных и психических нагрузок. При работе с младшими школьниками это обычно имеет характер профилактики, заложения основ правильного пения и привычки здорового самочувствия, в среднем и старшем школьном возрасте это нередко является необходимостью.

Вторым компонентом правильной мышечной координации является нижнереберно-диафрагмальное дыхание. От природы необходимое для пения дыхание доступно человеку, ведь от правильного дыхания зависит жизнь младенца: если бы первый вдох не был достаточно глубоким, то лёгкие просто не смогли бы развернуться. Со временем, как правило, происходит переход на более поверхностные типы дыхания (грудное или ключичное). С началом занятий в школе резко меняется уровень социального давления на ребёнка: повышается значение дисциплины, увеличивается ответственность, больше становится ситуаций оценки (а значит, и страха ошибки). В связи с этим начало обучения пению также желательно начинать с 6–7 лет.

Основной сложностью в процессе обучения пению в этом возрасте является то, что он опирается на мало понятные ребёнку процессы, абстрактные представления и достаточно сильно оторван от его жизненного опыта, а именно: имеет отличную природу от знакомого ему процесса

говoreния. Дело осложняется тем, что в нашем языке ударение силовое, а не тоновое, которое гораздо ближе к пению и лучше организует долгий равномерный выдох. В связи с этим обучение должно проводиться на доступном ребёнку языке и опираться на его собственный опыт.

Это может быть реализовано следующими *методами*:

1. *Игра* как основной принцип организации деятельности.
2. Использование языка *образов*.
3. Опора на *речевой опыт* ребёнка.
4. Включение в работу *движений* корпуса и особенно плечевого пояса, рук.

Все эти методы характеризуются использованием *первичных* (по отношению к пению) или *базовых* навыков ребёнка: речь, движение, игра, – а также отражают особенности его мышления: конкретное и синкретичное. Таким образом, новые навыки непосредственно связаны с уже приобретённым опытом и закрепляются гораздо быстрее и проще, чем тогда, когда предстают перед ребёнком в виде новой деятельности, которую он в процессе пытается адаптировать для себя самостоятельно.

Включение в работу движений позволяет решить следующие *задачи*:

1. *Освобождение плечевого пояса*.

Свобода плечевого пояса является обязательным условием для достижения правильного звучания голоса, обеспечивающего его гибкость и чистое интонирование.

2. *Снятие психологического напряжения*.

Очень часто свободного, естественного звука не удаётся добиться из-за излишнего старания, самоконтроля, неуверенности, страха ошибки. Всё это характеризуется повышенным вниманием к себе. Обычно в таких случаях внутренняя планка слишком высока, поэтому часто эту закономерность можно выразить проще: «Чем больше мы стараемся, тем хуже у нас получается». Поэтому, когда при работе с голосом появляются ещё и несложные движения (желательно мягкие, плавные, отражающие равномерность выдоха и работы мышц), то доля внимания, являющаяся критической, переходит на них, что несёт психологическое освобождение и, как следствие, более правильный звук и комфортное самочувствие.

3. *Создание образа*.

Мышление младших школьников отличается тем, что они только учатся оперировать информацией в отрыве от жизненных ситуаций,

от эмпирического опыта. Их мышление синкретично: в нём ещё не отделился эмоциональный, логический и другие компоненты. Поэтому с ними гораздо проще найти общий язык, разговаривая на языке образов, которые опираются непосредственно на их жизненный опыт и воображение. Соответственно, осваивая тот или иной процесс, выполняя то или иное упражнение, лучше вместо описания технологии выполнения через абстрактные (а следовательно непонятные ребёнку) понятия поместить его в живую и осязаемую жизненную ситуацию. Звук в этом случае из цели превращается в средство, как ему и положено быть в обыкновенной жизни, что обеспечивает естественность, органику звучания голоса.

Эту особенность можно использовать на этапе непосредственной работы над звуком (во время выполнения вокальных и артикуляционных упражнений), а также во время исполнения песен. Упражнения в этом случае становятся доступными, понятными, а также окрашиваются собственными эмоциональными впечатлениями ребёнка. При исполнении песен движения помогают лучше понять и запомнить текст, а также как бы стать их непосредственным участником.

4. Использование всех основных каналов восприятия.

На занятиях музыки чаще всего задействуется слуховой канал восприятия. Злоупотребление им может приводить к перегрузкам. В качестве ведущего канала у людей, как отмечают психологи, чаще всего выступает зрительный, несколько реже слуховой и кинестетический. Кроме того, речь не идёт о полном доминировании, все каналы участвуют в восприятии информации в той или иной степени, а значит, эффективнее всего задействовать все каналы.

Если в процессе пения учитель дирижирует, показывает руками характер звука, его высоту, то к слуховому каналу подключается ещё и зрительный. Если же дети изображают звук, его характер, высоту и качество дыхания, то не только происходит усиление зрительного канала восприятия, но и использование кинестетического: ребёнок с большей степени получает возможность опираться на мышечные ощущения.

Ещё одним базовым навыком, которым владеет ребёнок, начиная обучение пению, – это речь. Обычно педагоги обращают внимание детей именно на те черты и свойства, которые *отличают* пение от привычного говорения. Поэтому и сам навык воспринимается как сложный, что усиливает страх ошибки, неуверенность, лишая учащихся психологического комфорта, а звучание их голосов – естественности.

В то же время, довольно просто и эффективно использовать при работе переходные от речи к пению процессы. Можно попросить детей, например, проговорить текст песни нараспев. При этом тренируется плавность и долгота выдоха, а если использовать ещё и большой диапазон высотных речевых интонаций (дети очень естественно такие вещи копируют с педагога), то тренируются связки и приобретается навык звучания в разных регистрах. И самое главное – у детей сохраняется ощущение комфорта и полного владения ситуацией, уходит страх ошибки.

Итак, все рассмотренные методы опираются на опыт, ощущения и особенности восприятия и мышления детей, а поэтому очень органично могут быть использованы в виде игры. А если учесть, что игра – основной вид деятельности детей до 6–7 лет, то сами упражнения и другие виды деятельности, отвечающие перечисленным методам, отсылают сознание школьника, как и взрослого, к возрасту «первичной» творческой активности (3–5 лет), тесно связанным с ощущением свободы, спонтанности. Таким образом, эта форма работы представляется наиболее подходящей для решения таких проблем, как мышечная, эмоциональная и ментальная свобода (вспомним о взаимосвязи мышечных зажимов и работы центральной и периферической нервной системы), психологический комфорт и творческая активность.

Но применение этих методов не так идеально, как это может показаться на первый взгляд. Поскольку одной из задач и ожидаемых эффектов является эмоциональное раскрепощение (между тем необходимое для личностного восприятия музыки и сохранения её души вместо сведения к скучному заучиванию и монотонным тренировкам), то вполне вероятно, даже неизбежны проблемы с дисциплиной, если мы говорим об уроке музыки в общеобразовательной школе. Причиной такого перекоса служит большое наполнение в классах. Оптимальной для подобной деятельности и максимальной эффективности, как показывает опыт, является работа в так называемых «малых группах» (по 7–10 человек). Для приближения к этим условиям достаточно поделить класс на две подгруппы, как это обычно делается для изучения иностранных языков.

Научный руководитель: заслуженный работник культуры Т.А. Абрамочкина.

Литература

1. Баскаков, В. Ю. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии / В. Ю. Баскаков. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 192 с.
2. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. М., 1960.
3. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. М. : Просвещение, 1991.
4. Хомская, Е. Д. Нейропсихология / Е. Д. Хомская. СПб. : Питер, 2005.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ДЕТСКОМ ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА «У БЕЛОГО ОЗЕРА» г. ТОМСКА

С. В. Корнаушкина

Томский государственный педагогический университет

Фольклор – это коллективное художественное творчество народа, для которого не требуется никакого материала и где средством воплощения художественного замысла является сам человек. Фольклору принято причислять словесные, музыкальные, хореографические и сценические виды народного искусства. Знание народной культуры так необходимо в современном сложном и противоречивом мире, порой безумно забывающем о духовно-нравственных устоях бытия! Во все прежние времена фольклор естественным образом входил в народную педагогику – традиционную для народа практику воспитания – трудового, нравственного, физического, эстетического, патриотического, интернационального. Классики педагогики учитывали ясно выраженную дидактическую направленность фольклора и в связи с этим обращали свое мудрое внимание на необходимость приобщения детей к народной культуре. Знакома детей с поговорками, загадками, сказками, играми, песнями, хороводами, праздниками, мы приобщаем их не только к земным общечеловеческим ценностям, но и к вечным духовным.

Особое место в жизни человека занимают праздники – самые радостные, всеми любимые мероприятия, направленные на поднятие настроения, развлечение людей. Это, своего рода, антитеза обыденности, скучным будням. Как ни странно, но корни праздника тесно перепле-

таются с магией и ритуалами. Любой праздник имеет свои традиции и обычаи, заложенные еще в глубокой древности. Праздник, как социальное событие, формирует определенные правила и способы поведения, создает ценности.

Народным праздникам свойственна естественность, органичность, самобытность. Посредством вовлечения в фольклорные праздники мы развиваем у детей нравственные, эстетические чувства, фантазию, творческий потенциал, умения, расширяем кругозор, повышаем культурный уровень души. Основной задачей изучения народных традиций через фольклорные праздники является раскрытие значения фольклора как средства активизации творческого мышления. Развивается понимание истинно прекрасного, появляется потребность приобщения к ценностям народной музыки, к истории родного края, к традициям и обычаям своего народа, к песенному наследию предков.

Основными функциями народных праздников выступают: развивающая, информационно-просветительная, культурно-творческая и рекреативно-оздоровительная.

Занимаясь с детьми на уроках народного пения в Доме Детского Творчества в фольклорном ансамбле «Веселинка», я заметила, что детям очень нравится петь простые народные песни, несмотря на то, что они слышат много самой разнообразной музыки вокруг. В этом океане звуков так сложно разобраться. В нем так мало музыки, подходящей для юной души! И очень радует, что многие ребята способны «просеять» шелуху информационного мусора, извлечь добрые зёрна. Дело же педагогов – поддержать стремления воспитанников в их художественном росте, помочь проявиться творчеству в музыкально-эстетическом ключе, заложенном самой природой чистого детского восприятия! Жаль, что родники нашего российского менталитета стали безбожно мутить внешние вторжения низкопробной массовой культуры.

К народным традициям бережно относятся все народы мира. По моему мнению, наш, русский народ, имеет дефицит самоуважения и самоактуализации в мире именно потому, что он невнимателен к своей феноменальной народной эстетике и этике, к историческим корням нации. Молодежь в подавляющем своём большинстве не ценит сокровища уникальной русской культуры. Увлечение модной «иностранный» музыкой, мультфильмами, боевиками негативно отражается на отношении ребенка к песне, к народному творчеству и на формировании личности в целом.

Проводя беседы-концерты с нашими детьми, я стараюсь познакомить их с народными песнями, обычаями, танцами, сформировать интерес к народному искусству. Ведь знать истоки «откуда мы родом» необходимо. При составлении бесед очень помогают методические разработки и программы В. Жилина, Т. Боровик, Е. Попляновой, И. Евдокимовой, Т. Тютюнниковой.

Совсем недавно в Доме Детского Творчества состоялся фольклорный праздник, посвященный Пасхе. По горячим следам этого замечательного события хочется поделиться самым настроем, духом праздника, изложив в статье содержание и ход сценария. Возможно, это заинтересует педагогов и даст определённый резонанс, внесет малую лепту в доброе дело распространения опыта фольклорного воспитания детей.

Праздник праздников – Светлая Пасха

Звучит колокольчик, выходит Ведущая, участники на местах.

Ведущая: Повсюду Благовест гудит,

Из всех церквей народ валит.

Заря глядит уже с небес...

Все. Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Дети поют песенку «Пасху радостно встречаем».

Дети: Солнышко, вёдрышко,

Выгляни в окошечко!

Солнышко покатись,

Красное, нарядись!

Звучит песенка «Здравствуй, лучик солнечный!» в исполнении детей.

Ведущая: Не зря детки к солнышку обращаются; ведь на Пасху солнце играет. Ранним утром в первый день Пасхи, крестьяне выходили смотреть на «игру» солнца, примечали, какой будет урожай. Ну, ребята, скажите, чего на Пасху высмотрели?

1-й родитель: Если на Пасху небо ясное и солнце играет – к хорошему урожаю, красному лету.

2-й родитель: На святой неделе дождь – добрая рожь. На Святой – гром – к урожаю.

1-й родитель: Если на второй день Пасхи будет ясная погода – лето будет дождливое; если пасмурная – лето будет сухое.

Ведущая: Много примет, обычаев и даже суеверий приурочено народом к Пасхальной ночи и торжественной заутрени, когда в церквях

провозглашают воскрешение Христа. Крестьяне думали, в пасхальную ночь все черти бывают необычайно злы, так что с заходом солнца мужики, бабы боялись выходить на двор и на улицу: в каждой кошке, собаке и свинье они видели оборотня, черта, прикинувшегося животным, и в то же время находились смелые люди, озорники, которым все нипочем. Они утверждали, например, если поцеловать замок у церкви на Пасху, то обязательно увидишь ведьму, а если выйти с пасхальным яйцом на перекрёсток дорог и покатить пасхальное яйцо по дороге – тогда черти непременно должны выскочить и проплясать трепака. В пасхальное воскресенье, якобы, можно даже узнать, кто в деревне ведьмой является, и сколько их. Для этого надо взять заговоренный творог, встать с ним у церковных ворот, держаться за дверную скобу – ведьмы будут проходить и по хвостам их можно сосчитать всех до единой. Вот во что люди верили.

Звучит «Пасхальная песенка» в исполнении детей.

1-й родитель: А еще на Пасху старики расчесывали волосы с пожеланием, чтобы у них было столько внуков, сколько волос на голове.

2-й родитель: А старухи умываются с золота, серебра и с красного яйца в надежде разбогатеть.

Ведущая: Попробуйте тоже. А вдруг да получится.

1-й родитель: Ну а молодые взбирались на крыши домов, чтобы встретить солнце.

Ведущая: А какая ж Пасха без качелей! Как в книжках пишут: «Да почти в каждом доме устраивали качели для детей, а в традиционном месте (на площади деревенской, на выгоне), загодя воздвигали общественные качели. Конечно, главную роль здесь занимали девушки, которые без устали качались на качелях с парнями. Но, в то же время, качались на качелях решительно все: возле них образовывалось нечто вроде клуба деревенского: девушки с подсолнухами, бабы с ребятишками, мужики и парни с гармониками да „тальянками“. Толпятся здесь с утра до ночи, одни только глядят да любят на чужое веселье, а другие веселятся сами...».

Дети поют частушки:

1. На святой неделюшке повесили качелюшки.

Сначала покачаешься, потом повенчаешься.

2. Скоро Пасха придет, кто нас покачает.

Как у нынешних ребят верёвок не бывает.

3. На качели я качалась, потеряла брошку,
Никому я не скажу, что люблю Серёжку.

4. На горе стоят качели, пойду, покачаюсь.
Нынче лето отгуляю, зимой обвенчаюсь.

5. Я качалась на качели, под качелею вода,
Новую юбку замочила, мне от маменьки беда.

Ведущая: Дети, а вы же знаете как люди готовятся к Пасхе?

Дети: Да, пекут куличи и красят яйца.

Ведущая: Правильно. Так давайте красить яйца и встречать пасху.

Дети вместе с родителями красят яйца, а затем проводится праздничное Пасхальное чаепитие.

Вот так у нас проходят различные фольклорные праздники: весело, задорно, с песнями, с плясками, с радостными застольями-чаепитиями!

В заключение статьи необходимо отметить, что народные праздники, как Пасха, Троица (Семика), Иван Купала, Яблочный Спас, Осенины, Рождество, Святки, Масленица, посвященные духовным событиям, стали повсеместно проводится в России, что дает надежду на возрождение наших отечественных традиций. Такие замечательные праздники соединяют в себе древние славянские и более поздние, православные христианские обычаи, аккумулируя всё самое светлое, чистое, яркое как из аутентичного фольклора, так и собирая лучшие творческие наработки современных художников, умело соединяющих непреходящие старинные ценности с целесообразными современными вариантами их стилизации.

Что касается возможностей фольклорного праздника – на самом деле они необъятны, как необъятна и наша Россия! Сколько замечательных традиций славянских, восточных народов, народов иных культур проживает на её территории! Деятели культуры, педагогическая общественность всегда приветствуют все здоровое и доброе в культурнотворческом обмене традициями. И здесь велика роль русской культуры, как ведущей культуры нации. Если мы будем возрождать свои традиции, мудро воспитывая юность в русле непреходящих ценностей, возродится и укрепится и всё государство.

Научный руководитель: доцент Е. Е. Ланкина.

Литература

1. Зими́на, А. Н. Основы музыкального воспитания и развития детей младшего возраста / А. Н. Зими́на. М., 2000. 286 с.
2. Ланкина, Е. Е. Лекции по методике музыкального воспитания / Е. Е. Ланкина. Бийск, 2003.
3. Науменко, Г. М. Фольклорный праздник в детском саду и школе / Г. М. Науменко. М., 2000.
4. Михайлова, Н. Г. Народная культура в современных условиях / Н. Г. Михайлова. М., 2000. 216 с.
5. Осеннева, М. С. Методика музыкального воспитания младших школьников / М. С. Осеннева. М., 2001. 283 с.
6. Соколова, Л. Воспитание детей в русских традициях / Л. Соколова. М., 2003. 196 с.
7. Якубовская, Е. И. Традиционные праздники в образовательных учреждениях / Е. И. Якубовская. СПб., 2005. 282 с.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ НОВОГО ВЕКА: ТВОРЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИОРИТЕТНОЙ ЛИЧНОСТИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. Е. Ланкина, В. А. Осипов, Р. С. Шматов, К. О. Муранова
Томский государственный педагогический университет

Первое десятилетие ХХI в. внесло существенные изменения в музыкально-педагогическую науку и практику. Оно ознаменовалось выходом в свет новых учебников по методологии, истории, теории, методике музыкального образования, интересных творческих разработок по музыкально-эстетическому воспитанию детей и юношества. Это учебники: «Методологическая культура педагога-музыканта» (под ред. Э. Б. Абдуллина), «Методика музыкального воспитания в начальной школе» М. А. Осенневой и Л. А. Безбородовой; «Методика преподавания музыки в общеобразовательных учреждениях» Ю. Б. Алиева, Л. А. Безбородовой; «Теория музыкального образования» Э. Б. Абдуллина, Е. В. Николаевой; «История музыкального образования» Е. В. Николаевой; «Психология музыкальной деятельности» под ред. Г. М. Цыпина; «Методика музыкального образования» Э. Б. Абдуллина, Е. В. Николаевой; «Методология

музыкального образования» Э.Б. Абдуллина, Е.В. Николаевой, методические пособия.

Весомым, ярким событием явился Международный студенческий конкурс учителей музыки 2004 г. в Москве, посвященный 100-летию Д.Б. Кабалевского – композитора, музыковеда, создателя оригинальной по замыслу и воплощению концепции музыкального воспитания и тематической программы по музыке для общеобразовательной школы. В ноябре 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялся Международный конкурс учителей музыки уже в двух номинациях: для студентов и для практикующих учителей. Замечательный композитор и педагог всегда подчёркивал универсальность личности учителя, его творческий потенциал, что явилось своеобразным руководством к деятельности целой плеяды педагогов-методистов, разработавших интересные программы по музыке, и, конечно же, музыкантов-энтузиастов, вносящих ценную лепту в эстетическое образование и воспитание. Новый век открыл новые взгляды на саму постановку вопроса о реальных изменениях музыкального образования в нашей стране. Многочисленные дебаты по проблеме статуса урока музыки в школе – быть ему в образовательном стандарте, как прежде, или вынести за урочные рамки, повышать количество часов, отводимое на него или оставить час в неделю, как прежде, и многие другие вопросы звучали на заседаниях УМО России по музыкальному образованию, на конференциях, в прессе. Сложности, связанные с финансовым кризисом в стране, не позволяют поднять на желаемую высоту базу обеспечения музыкального образования. Но, несмотря на сложное время, музыкальное образование было и остаётся востребованным в массовой школе, обществе вообще, а получение дополнительного музыкально-эстетического образования – престижным явлением нашей жизни.

Творческая личность, способная находить гибкий подход в решении сложных проблем, принимать нестандартные решения, мыслить в ключе инноваций и при этом умеющая сохранять и приумножать традиции, несущая нравственно-эстетический духовный заряд подрастающему поколению – это идеал современности. Профессия учителя музыки – специалиста широкого профиля, без которого невозможно полноценное эстетическое воспитание детей и юношества – должна быть по достоинству оценена государством и обществом. Именно учитель музыки – человек, призванный открывать прекрасное в искусстве и жизни по-

средством уникального, тончайшего языка, идущего, по словам Сергея Рахманинова, «от сердца к сердцу» – языка Музыки [1].

С помощью музыки дети становятся не просто более эмоциональными, отзывчивыми, понимающими жизненные ценности, задумывающимися всё чаще о смысле самой жизни на земле и духовной ответственности за свои мысли и поступки, стремящимися увидеть прекрасное в душе и вокруг себя. Благодаря музыкальному искусству они становятся способными наполнять этим прекрасным мир, дарить добро, раскрывая таланты своей души. Открываются возможности проявить не только художественные дарования и таланты каждому, но развить саму Творческую в человеке, так необходимую во всем: в науке, технике, медицине и здравоохранении, образовании, управлении государством, культуре, искусстве [3].

Занятия музыкой, как известно по материалам исследований учёных-психологов, активизируют не только развитие эмоциональной сферы души, но и мыслительные процессы сознания человека. У музыкального человека лучше развиты умственные способности: внимание, память, гибкость мышления. Известно, что взаимодействие полушарий головного мозга у людей, занимающихся музыкой, гораздо сильнее и продуктивнее.

Опытный учитель музыки ставит во главу угла не приобретение музыкальных знаний, умений и навыков как таковых, а именно формирование у воспитанников умения управлять самим творческим процессом: фантазированием, пониманием закономерностей, решением сложных проблемных ситуаций [7].

По своей удивительной способности побуждать человека к творчеству искусство занимает, безусловно, первое место среди всех многообразных элементов, составляющих сложную систему воспитания человека. А предмет музыки, как никакой другой, располагает возможностями для созидания, так как музыка есть предмет сотворчества на уровне личности автора музыкального произведения, личности учителя и личности ученика, где ведущее значение приобретает потенциал личности ученика, его потребность и способность к творчеству, самореализации, совершенствованию. Музыка, как искусство, жизнью рожденное и к жизни обращенное, является посредником между творчеством и восприятием. Однако мало организовать процесс общения с музыкой так, чтобы соединить с ней детскую душу (как чем-то приходящим извне, придуманным людьми для тех или иных целей), необходимо вызвать

у детей такое чувство, когда музыка для них – это и есть сама жизнь их души. Следует помнить: ученик – это слушатель, исполнитель, хотя и менее знающий и опытный, но проявляющий свое отношение к музыке. Недостаточно научить его каким-то музыкальным умениям, дать знания о музыке – важно пробудить постоянную потребность в общении с ней, творческую активность [3].

По словам В. А. Сухомлинского, урок – это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора и эрудиции. В какой же ситуации музыка рассматривается как урок? Само звучание музыки уже может стать уроком, если человек воспринимает ее содержание, понимает авторский замысел, ощущает ее смысловые оттенки. Такой урок состоялся благодаря усилиям самого человека, его внутренней потребности в общении с музыкой, где он сам извлекает урок из музыки. Музыка может остаться и как факт звучания, без какого-либо целенаправленного ее восприятия. Такой урок музыки тоже может быть, он исполнен его автором, организатором. И первая, и вторая ситуация может произойти как в концертном зале, так и в школе. Таким образом, можно говорить о различии уроков музыки с позиций их результативности. Одни позволяют что-либо извлечь, имея в итоге изменения, произошедшие в самом человеке, другие осуществляются как наличествующий факт пребывания музыки и человека в определенной ситуации.

Уроки музыки можно различать не только по их конечному результату, но и по их месту проведения. Музыкальное образование представлено широкой сетью учреждений, где могут проводиться уроки музыки. Это может быть на телевидении, в радиоэфире, в концертных залах и музеях. Существуют реальные примеры таких уроков: абонементные концерты, встречи на радио «Орфей», «уроки Леонардо да Винчи», телевизионные уроки. Уроки музыки проводятся и в стенах школы. Они могут состояться в актовом зале, в студии, в классе. Согласно месту их проведения, они будут уроками музыки в школе, но не все они являются школьными уроками. Как отличить урок в школе от школьного урока?

Особенность школьного урока музыки объясняется не столько местом его проведения, сколько требованиями, которым он должен отвечать. Эти требования являются едиными для всей системы школьного образования. В соответствии с такой установкой урок музыки, как и урок математики или литературы, является школьной учебной дис-

циплиной. Школьный урок музыки это урок, который является частью целостного образовательного процесса. Его содержание ориентируется на стандарты школьного музыкального образования и реализуется на основе программ, которые определяют путь и способы освоения содержания. Стандарты, программы, требования к уровню подготовки учащихся обуславливают отличительные характеристики школьного урока музыки от других родственных форм обучения. Эти характеристики будут выражены в целях и задачах урока, т. е. в его функциональном предназначении по отношению к образовательному процессу, в содержании и средствах осуществления (формах, методах, приемах). Учителю музыки необходимо знать специфику каждого элемента, чтобы уметь конструировать именно школьный урок музыки [8].

Педагогические задачи при восприятии человека во взаимосвязи ею с музыкой должны быть направлены не к тому, чтобы развивать отдельные свойства учеников, необходимые только во взаимодействии с музыкой или воспитывать определенный набор качеств, а формировать у них творческое отношение к действительности, где действительность предстает как система взаимоотношений с миром, с культурой. Творческое отношение всегда деятельностное, оно связано с реальным преобразованием действительности и самого себя.

Изменениям в процессе профессиональной музыкальной деятельности подвергается, прежде всего, музыка, совершенствуются ее формы, жанры, средства создания и воссоздания. В музыкальной деятельности детей изменения наблюдаются, прежде всего, в них самих. Музыка для них является объектом перевоссоздания. В процессе обучения дети сочиняют «уже сочиненное», моделируют процессы создания, исполнения музыки, создают на основе знакомых моделей новые конструкции. Музыка для детей предстает как неизведанный объект, поэтому в ней они находят препятствия, сопротивление в виде различных аспектов музыкального содержания и способов взаимодействия с этим содержанием. Чтобы преодолеть их ребенок вынужден овладеть, освоить, узнать, изучить, т. е. создавать себя, развить в себе комплекс свойств и качеств, чтобы относительно свободно входить в контакт с музыкой, а через нее и с другими людьми, с миром культуры. Преодоление препятствия, сопротивления создаваемого музыкой не за счет ее изменения, а за счет изменения возможностей, заложенных в самом человеке, и является условием его развития [2].

«Устройства», «приспособления», которые запускают музыкальную деятельность ребенка, находятся внутри него самого. Одни «устройства» поддерживают внутренние действия, служащие ресурсом деятельности. В их числе потребности, влечения, интерес, пристрастия. Вторые являются потенциалом и собственно актом деятельности, они поддерживают внешние формы взаимодействия. Это комплекс специальных и общих способностей, чувственно-практические и предметные действия.

По способам осуществления выделяют следующие виды музыкальной деятельности: музыкально-теоретическая, исполнительская, слушательская, композиторская. У детей музыкальная деятельность в их сознании неразделима, особенно на начальном этапе ее освоения. Чем больше ребенок дифференцирует взаимосвязи внутри самой музыкальной деятельности, тем больше у него проявляется осознанная потребность отдавать предпочтение тому или иному ее виду.

Цель учителя в современном школьном уроке музыки ориентирована на изменения, происходящие в учащихся. Это означает, что процесс обучения должен быть направлен не на передачу готового опыта музыкальной деятельности, накопленного в истории существования человечества, а на освоение способов быть сопричастным к этому опыту, самому осваивать, преобразовывать и пополнять его [6].

Качественные изменения, происходящие в ребенке, проявляются во всех компонентах его музыкальной культуры: его музыкальном опыте, музыкальной грамотности, музыкальном творчестве. Именно формирование музыкальной культуры ребенка является желаемым результатом музыкальных занятий и главной целью учителя музыки.

Литература

1. Абдуллин, Э.Б. Теория музыкального образования : учебник / Э.Б. Абдуллин, Е.В. Николаева. М., 2004.
2. Ильев, В. А. Технология театральной педагогики в формировании и реализации замысла школьного урока / В. А. Ильев. М., 1993.
3. Ланкина, Е. Е. Лекции по методике музыкального воспитания / Е.Е. Ланкина. Бийск : Изд-во БПГУ, 2003.
4. Махмутов, М.И. Современный урок / М.И. Махмутов. 2-е изд. М., 1985. С. 44.
5. Симонов, В. П. Диагностика личности и профессионального мастерства преподавателя / В.П. Симонов. М., 1995.
6. Старобинский, С.Л. Художественно-педагогическое общение в структуре профессиональной музыкально-педагогической деятельности / С.Л. Старобинский // Музыка в школе. 2003. № 1.

7. Старобинский, С.Л. Основы педагогического мастерства учителя музыки / С.Л. Старобинский. М., 1997.

8. Щуркова, Н.Е. Культура современного урока / Н.Е. Щуркова. 2-е изд. М., 2000. С. 112.

ТАТАРСКАЯ КУЛЬТУРА: МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.Д. Мурзенкова

Томский государственный педагогический университет

Русско-татарские отношения начали складываться в стародавние времена. Это проявлялось в различных сферах деятельности: торговле, совместных походах, взаимопомощи в трудные годы.

Татарский фактор должен быть объективно оценён как один из самых значительных явлений российской истории. Татары сыграли большую роль в реализации русской и российской государственности.

Благодаря тому, что русский человек и мусульманин (татарин) живут на одной земле, едят один и тот же хлеб – эти два народа хорошо знают обычаи друг друга, имеют близкие взаимоотношения.

Уникальным феноменом «встречи культур» была Казань – столица Татарстана. Европейско-азиатский город, Казань концентрирует в своей истории, архитектуре, образе жизни начала западное и восточное, тюркское и славянское, мусульманское и христианское. Восток и Запад здесь от непрерывного действия друг на друга сложились, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Особенностью Казани был восточный компонент культуры, образа жизни, благодаря чему здесь сложились западное и восточное начала. Проявлявшиеся процессы взаимодействия культур носят глубинный характер складывания специфических форм фольклора, менталитета, форм досуга, обрядов и др.

Казань уникальна во всем и всем сразу. Здесь существуют сразу две основные религиозные конфессии – мусульманство и христианство, в результате чего рядом друг с другом соседствуют религиозные святыни как православных верующих, так и мусульман. Поэтому этот удивительный город удивляет в первую очередь, конечно же, своими культовыми

сооружениями. Куда бы Вы ни повернули голову, Вы везде будете видеть, как над современными постройками возносятся маковки старинных церквей, чуть поодаль устремляются вверх башни звонниц, а почти рядом с ними тянутся к небу стройные иглы минаретов.

Здесь и культура своя, уникальная. На улицах города можно услышать речь представителей двух национальностей. При этом и государственными языками являются сразу два языка: русский и татарский. Это значит, что здесь как нигде сильна русско-татарская взаимосвязь, и происходит открытый диалог сразу двух культур. В чем это выражается? Да буквально во всем!

Можно выделить несколько аспектов явно выраженного межкультурного взаимодействия:

1. Двужычие – наличие двух государственных языков: русского и татарского. Это проявляется во всех сферах жизнедеятельности людей. Вывески магазинов и государственных учреждений дублируются на двух языках – русском и татарском. Объявления в транспорте, культурных учреждениях произносятся на двух языках.

Средства массовой информации (телевидение, радио, газеты и журналы) имеют возможность доносить информацию как на русском, так и на татарском языке. Культурная жизнь Республики Татарстан развивается в двух направлениях. На равных правах существуют как русские государственные театры, так и татарские.

С недавнего времени преподавание татарского языка и культуры является обязательным в школах. Организация делопроизводства в учреждениях образования существует на двух государственных языках Республики Татарстан. Появился первый Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Создана региональная целевая программа, направленная на создание конкретных оптимальных условий для сохранения, изучения и развития государственных языков Республики. И наконец, каждый житель Республики Татарстан, независимо от национальности имеет «двужычный» паспорт, т.е. стандартный паспорт россиянина, но с идентичным вкладышем на татарском языке.

2. Архитектурный стиль Казани указывает на сосуществование двух «миров» – православного и исламского: мирное соседство мечетей и православных церквей, мусульманских символов и христианских. Примером тому может служить главная туристическая достопримечательность города – Казанский Кремль.

тельность города – Казанский Кремль. Здесь главная святыня мусульман мечеть Кул-Шариф располагается неподалёку от Благовещенского собора. В нескольких метрах от Собора наблюдаем ещё более удивительное сооружение: Башню Сююмбике – признанный архитектурный символ Казани, частично построенная в стиле «московское барокко», но имеющая необычно острую форму шатра, а также полумесяц на шпиле.

Произошла ассимиляция татарской и русской культур, и это представлено в современной архитектуре Казани уже более полно. Многие дошедшие до наших дней религиозные и светские здания сейчас являются архитектурными жемчужинами города. Это, например, Благовещенский собор Кремля, шедевр «русского барокко» Собор Петра и Павла, Зилантов монастырь, мечеть Марджани и загадочная башня Сююмбике.

3. Проживание на одной территории двух национальностей неизбежно приводит к смешанным бракам. Таких в Татарстане немало. Согласно социологическим опросам, проводимым в Татарстане в 2010 г., большинство жителей относится к смешанным бракам положительно, однако есть и те, кто ни при каких условиях, не заключит союз с представителем другой религии, другой культуры.

Другие же рассуждают так: «Проблемы могут быть как в смешанных, так и не в смешанных семьях. В этом деле никогда не угадаешь. Всё зависит от самих людей и от их способности слушать и слышать друг друга. Я сама ребенок от смешанного брака. Проблемы у родителей на этом фоне были. Мама всегда говорила, что не позволит мне встречаться не с русским, что не переживет этого... В итоге, я замужем за татаринном, и очень счастлива. Всякие бабушки пытались повозражать, но им сразу было заявлено, что это наш выбор. Сейчас все счастливы, поздравляем друг друга с христианскими и мусульманскими праздниками. А про то, что кровь смешивать нельзя – кровь одинаковая у всех... менталитет просто разный, но всегда можно пойти друг другу на уступки, если любишь человека». А потому не редкость встретить молодого человека в шортах рядом с девушкой в традиционном закрытом наряде.

4. Смешанные браки зачастую оборачиваются сменой веры, а потому в Казани большое количество крещённых татар. Например, женщина-татарка вышла замуж за русского, родила ребёнка и единственным способом сохранения целостности семьи выбрала принятие православия и крещение ребёнка по всем законам Русской Православной церкви. Таким образом, получается, что в этой семье мусульман нет, но знают

татарский язык, культуру, несмотря ни на что, соблюдают некоторые обычаи и отмечают праздники.

Однако ни одно столь тесное взаимодействие между культурами не может существовать без каких-либо разногласий и конфликтов. Причины для этого всегда найдутся, а кто-то останется недоволен. В Татарстане такими факторами являются следующие:

1. Кадровая политика руководства, пришедшая к моноэтничности руководства. Сегодня из двадцати семи членов правительства Республики Татарстан лишь трое являются русскими. Представители русской общественности заявляют, что это является «свидетельством о неуважении к принципам национально-культурного баланса, которыми всегда гордилась республика»; полагают, что происходит дискриминация русских со стороны правящей национальной элиты республики. Но если вдуматься в суть данной проблемы, можно понять, почему всё происходит именно так. Татарстан испокон веков был «татарской землёй», именно поэтому татары стремятся властвовать на ней.

Об этом свидетельствует также и похожесть характеров двух национальностей. В социально-психологическом портрете татар выделяются такие черты, как лидерство и энергичность, самоуважение, а ещё склонность к соперничеству и критичность. Русские, по мнению представителей других этногрупп, также несколько авторитарны, склонны к соперничеству, прямолинейны и строги в оценках.

То есть татары и русские достаточно похожи по показателям авторитарности, эгоистичности, агрессивности и подозрительности. Это и может свидетельствовать о том, что существует некоторое напряжение во взаимоотношениях, проявляющееся в борьбе за лидерство и желание защитить собственные интересы.

2. Проблему этнической идентичности детей, рожденных в смешанных браках, невозможно обойти стороной. Изначально всё зависит от родителей, культуру какого народа будут они прививать своему ребёнку: остановятся на выборе какой-то одной или же сделают всё возможное для того, чтобы он впитал всё самое лучшее из двух культур. И вот тут-то уже и проявятся все самые положительные аспекты межкультурного взаимодействия.

Проблема же заключается в том, что, так или иначе, религия определяет культуру человека, и ему придётся делать выбор – один из самых сложных жизненных выборов человека. Безусловно, представители

различных конфессий бок о бок мирно существуют многие столетия. В современном мире в условиях межнациональных переплетений и ассимиляции, у многих возникают вопросы: каковы рамки дозволенности? Что можно, а что нельзя? Какие из смешанных браков разрешены, а какие – запрещены? Что делать, когда родился ребёнок? На эти вопросы, пожалуй, не сможет ответить сегодня ни один человек.

3. Смена веры. Для родителей смена веры ребёнка может оказаться настоящей трагедией. «Дочь вышла замуж за немусульманина. Когда родился сын, зять решил провести обряды по своей религии. Он обратился к своему духовному наставнику, а тот посоветовал ему, что для правильности обряда необходимо, чтобы и мать поменяла свою веру. Той пришлось согласиться... Прошли годы, дочь с мужем разошлись. Возник вопрос: „Как быть?“. Мы – мусульмане, наш дед был муллой, а дочь – ни туда, ни сюда...». Таких примеров тысячи. Однако также можно привести и тысячи примеров счастливых семей, где один из супругов сменил или не сменил веру, но не забыл ни традиций, ни своей семьи, а дети же в такой семье постигают мир, смотря на него с разных ракурсов, изучают с точки зрения двух «миров».

4. Изучение татарского языка является одним из болезненных вопросов в Татарстане. Негатив русских в Татарстане связан с относительно новым положением татарского языка в Республике. Поскольку татарский язык всё больше укрепляет свои позиции, то и в образовательных учреждениях ему стали уделять большее внимание, за этим последовало и увеличение часов, отведённых на изучение татарского языка и культуры частично за счёт сокращения других предметов.

Что самое интересное, школьники не допускаются к сдаче ЕГЭ по другим предметам, если не получили положительной оценки на первом экзамене – экзамене по татарскому языку.

Но главная проблема вовсе не в том, что татарский язык введён в общеобязательный список школьных предметов. Преподавать татарский язык качественно просто некому. Выпускники татарских отделений вузов, филфака Казанского университета, не идут учителями в школы, их разбирают по газетам, по разным учреждениям. А кто преподаёт в школе татарский язык? Просто носители языка. Они не знают методики, не обучались учить детей. Каждый пришёл на уроки со своим акцентом, с говором той местности, где он родился. Именно поэтому многие родители, в особенности русские, против изучения татарского языка.

И ещё они против того, что сократили объём преподавания русского языка: «Получается, что дети не знают теперь ни русского, ни татарского языка. Это доказывают результаты ЕГЭ среди выпускников школ Татарстана, которые продемонстрировали их более низкую успеваемость по сравнению со школьниками из других российских регионов».

Некоторые же полагают, что «человек должен сам выбирать, какой язык он будет изучать наряду с родным. Если татары хотят изучать татарский язык, а русский – нет, то это – их проблемы. Но если русским мешают изучать русский язык, это создаёт проблемы для государства в целом».

По сути же русские, живущие на территории Татарстана, имеющие государственным языком татарский на равных правах с русским языком, могут изучать его хотя бы для того, чтобы понимать культуру того региона, в котором живут, его жителей и проявлять уважение к ним.

В многонациональной России же вполне понятен всплеск национальных чувств и настроений. С одной стороны, он способствует возрождению национальных культур, развитию патриотизма и этнического самосознания народов. С другой стороны, повышение значимости этнического в структуре личностных ценностей может повлечь за собой обострение межнациональной напряжённости, ксенофобию и конфликты, так как усиление чувства принадлежности к этнической группе не может не привести к противопоставлению культур, подчёркиванию различий между народами.

Татарстан же на постсоветском пространстве всегда ставился в пример как регион мультикультурализма, веротерпимости и межнациональной толерантности. Несмотря на то, что важнейшим фактором, определяющим отношения между русскими и татарами является религиозный фактор, русские и татары порой даже не замечают насколько близки их взгляды на жизнь. В социально-политической сфере русские и татары практически одинаковым образом испытывают симпатии и антипатии к тем или иным явлениям. Одинаково они смотрят и на проблему статуса Татарстана, считая его неотъемлемой частью России, потому что обособленность культурного источника татарстанских татар от остальной России в конце концов сможет привести лишь к размежеванию России и татар до той степени, которая проявилась в Чечне.

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Н. И. Сазонова.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ МУЗЫКИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

И. А. Приходько

Томский государственный педагогический университет

Каждый участник образовательного процесса
сам решает, идти в ногу с будущим
или вышагивать пятками назад.

А. Гин

В последние годы все большее значение приобретает новая область знания – педагогическая инновация. Эта сфера науки, изучающая новые технологии, новую практику образования. Слово «инновация» происходит от *лат. inovates*: изменение, новый. Педагогическая инновация – это изменения направленные на улучшение развития, воспитания и обучения школьников.

Музыкально-компьютерные технологии – очень молодая и динамично развивающаяся область знаний. Она находится на стыке между техникой и искусством, представляющим человеку инструменты для творчества, обучения и научных исследований, которые постоянно совершенствуются. Внедрение новых технологий в сферу детского образования стимулирует поиск новых прогрессивных методик, форм организации занятий музыкой с учащимися при условии не разрушения наиболее ценного опыта традиционных методов работы. Там, где есть компьютер, существует масса выигрышных моментов: компьютер берет на себя рутинную работу, оставляя пользователю простор для творческого самовыражения, и музыкальная деятельность не является исключением.

В учебно-методической литературе появилось такое понятие, как КМОС – компьютерная обучающая музыкальная система, в качестве компонентов которой рассматриваются учащийся, компьютер и предмет «информационного отношения» между ними, т. е. сама музыка. Вопрос о применении компьютеров в музыкальном образовании вызывает,

безусловно, неоднозначные суждения. А словосочетание «компьютерное обучение» многих просто пугает. Как же так, мы всегда гордились человеческим фактором в воспитании музыканта, тонким проникновением в душу. Да, гордились. И теперь гордимся достижениями замечательных преподавателей, но согласимся и с тем, что это все-таки штучная работа, какой ей и полагается быть. При этом новые направления и инструменты вовсе не исключают мирного сосуществования со всем тем, что всегда пользовалось традиционным признанием, вместе с тем предлагая сегодняшней школе большой спектр явных преимуществ.

Что для молодежи современно и интересно? Прежде всего, информационно-компьютерные технологии. Трудно переоценить возможности информационных технологий в качестве средств художественного выражения и обучения, эстетического развития и художественного образования детей и подростков. Доступность и разнообразие всех компьютерных технологий (трехмерность, анимация, видео, звук, имитация традиционных изобразительных техник, интерактивность) позволяют рассматривать компьютер как открытую учебно-развивающую среду для творчества и самообразования и учащихся, и преподавателей. Но, следует заметить, что компьютер не должен быть использован только в качестве электронной доски для написания темы и тезисов урока с необходимыми графиками-иллюстрациями, а как инструмент для интерактивного образовательного действия, задача которого – не информирование, а освоение и присвоение знаний учениками, а цель – самостоятельность мышления и творчество ученика. Выполнение этого требования предусматривает, прежде всего, знание преподавателем хотя бы простейших компьютерных программ. Разумеется, это требует постоянного обучения и самообучения учителя.

Музыкальные школы уже сделали первые шаги в сторону компьютерных технологий. На базе классического музыкального образования открываются новые отделения, такие как обучение игры на синтезаторе, эстрадное пение. В общеобразовательной школе к этому вопросу относятся как-то более настороженно, хотя, безусловно, многие преподаватели музыки используют на уроках некоторые новшества, такие как показ слайдов, пение под караоке. Парадокс заключается в том, что в общеобразовательной школе гораздо больше возможностей применять компьютерные технологии на уроках музыки. В каждой школе имеется компьютерный класс. Для того чтобы заинтересовать учени-

ков, научить их слушать и понимать музыку, современному учителю музыки необходимо идти в ногу со временем. Помочь ему в этом, на мой взгляд, может создание специальной компьютерной учебной среды, содержащей интерактивные виртуальные учебные объекты. Впрочем, здесь не менее важна и организация рабочего пространства, но, к сожалению, в наши дни насущной проблемой является отсутствие компьютера у учителя музыки в домашнем пользовании и на рабочем месте.

Обычно предмет музыка преподается с 1-го по 7-й класс. Я считаю, что начиная с 5-го класса на уроке музыки можно вводить работу с компьютером. Существуют такие программы, как Finale, Side Lius и другие, благодаря которым обучающиеся могут получить первоначальные знания музыкальной грамоты, ознакомиться с музыкальными терминами, с многообразием музыкальных инструментов и т. д. В нотном редакторе «Finale» дети могут сочинять небольшие пьесы, гармонизуя с помощью буквенных обозначений. Большинство выпускаемых персональных компьютеров предлагают пользователю определенные возможности музыкального программирования, расширяя рамки творческой фантазии, оказывая неоценимую помощь в обучении музыки. Прогноз развития музыкального образования опирается на реальный стремительный прогресс в компьютеризации жизни общества и от этого нам не уйти. Анализируя многочисленные публикации, нельзя не согласиться с тем, что одно из направлений (я подчеркиваю – одно из направлений), по которому уже сегодня идет современное музыкальное образование – это компьютерное обучение и компьютерные коммуникации.

Невозможно не отметить также интернет-ресурсы, расширяющие кругозор, обостряющие интерес к обучению (кроме того, это новости из первых рук). Это дает возможность знакомства с культурой и искусством различных народов, с важнейшими событиями культурной жизни всего земного шара, уникальную возможность соприкоснуться с шедеврами различных музеев, таких как Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Лувр во Франции, Музей имени М. И. Глинки в Москве и др. Цифровые коллекции позволяют увидеть и разглядеть подробно шедевры живописи, прикладного искусства, музыкальных инструментов. Интересный синтез представляет собой использование на уроках синтезатора и компьютера. Детям интересно и послушать произведение в исполнении преподавателя, самому самостоятельно попробовать исполнить произведение разными тембрами или просто поиграть понравившимся тембром.

Электроника дает возможность выстроить акустику зала, оперировать трехмерным пространством, над чем раньше композиторы и не задумывались, им было достаточно рояля и оркестра. Компьютерные технологии дают возможность проводить техническую работу; осуществлять звуковой коллаж, «склеивать» различные фрагменты, редактировать записанный материал. В свое время Рахманинов писал: «Пианист – раб акустики». В электроакустике музыкант не раб, а хозяин акустики, это становится рукотворным фактором. Музыкант может вторгаться в структуру звука электронных инструментов и сам создавать тембры – палитра творчества значительно расширяется.

Компьютерные программы применяются также в развитии музыкального слуха, проведении прослушивания музыкальных произведений, в подборе мелодий, в аранжировке, импровизации, наборе и редактировании инструментального текста.

Не менее успешно компьютер может использоваться и во внеучебной деятельности как средство наглядности при изучении нового дополнительного материала на видео- и компакт-дисках; при фото- и видеосъемках классных мероприятий, создании фильмов (Windows Movie Maker); для проведения музыкальных конкурсов и викторин («Угадай мелодию», «Два рояля») с помощью Power Point и Windows Media.

Конечно, для реализации этого проекта, необходимы следующие условия: педагог должен сам владеть материалом музыкально-компьютерных программ; подготовить учащихся с работой на компьютере; личностные особенности и желание развиваться. По степени освоения преподавателем компьютера и, исходя из опыта применения информационных технологий, можно выделить три уровня (этапа) использования информационных технологий на уроке музыки: первому из этих уровней (знание компьютера на уровне пользователя) соответствует установка на последовательное изучение элементов музыкальной традиции – использование отдельных элементов учебных программ в ходе урока; второму (знание и владение широким кругом программ) – установка на синтез этих элементов и дальнейшее их развитие – создание собственных уроков-презентаций; третьему (умение работать в локальных сетях) – выход синтезирующей тенденции за пределы музыкальной педагогики в собственном смысле слова и перерастание этой последней в междисциплинарную – проведение интегрированных уроков в компьютерных классах. Однако, рассматривать использование компьютер-

ных технологий на уроке как панацею для решения всех проблем нельзя. Это только средство для реализации целей и задач, поставленных перед педагогом. Умение ставить проблему, заинтересовать ею своих учеников, найти нужные формы, методы, средства для ее решения это не сделает ни один компьютер. Главенствующая роль в учебно-воспитательном процессе всегда останется за учителем.

Литература

1. *Абдуллин, Э. Б.* Теория музыкального образования : учебник для студентов вузов / Э. Б. Абдуллин, Е. В. Николаева. М. : Издат. центр «Академия», 2004.
2. *Кормилицына, Т. В.* Подготовка электронной презентации как средство формирования педагогического мастерства учителя музыки в педвузе / Т. В. Кормилицына // Педагогический потенциал искусства : мат-лы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2009.
3. *Ланкина, Е. Е.* Метод создания творческой художественно-игровой среды на уроках музыки в начальной школе / Е. Е. Ланкина // Музыкальное образование: проблемы и перспективы : мат-лы научно-практической конференции (Бийск, 7 ноября 2008 г.).
4. *Психология музыкальной деятельности* : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Г. М. Цыпина. М. : Издат. центр «Академия», 2003.
5. *Цукерман, Г. А.* Виды общения в обучении / Г. А. Цукерман. М., 1993.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Д. В. Соколов

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время растет интерес к проблеме национализма. Вместе с тем к наименее разработанным принадлежит вопрос охвата всей сложности явления национализма. Различные типологии охватывают его отдельные функции, и аспекты что не даёт возможности создать единую классификацию. Сам национализм может проявляться как часть официальной государственной идеологии или, в популярных (негосударственных) движениях, а может быть выражен по гражданской, этнической, культурной, религиозной или идеологической линии. Эти «стержни» нации используют для классификации типов национализма. Однако многие виды национализма объединяют все или некоторые из этих элементов в различной степени. Корни типологий национализма кроются

в том, как учёный определяет понятие нация. В зависимости от этого национализм начинает рассматриваться в контексте культуры, государственности, крови или почвы. Считается, что существуют, по крайней мере, две модели нации: французская «гражданская», связанная с идеями Просвещения и трактующая нацию как «сообщество граждан» с одинаковыми правами, плюс немецкая «этнокультурная», связанная с Романтизмом и понимающая «народ» как «органическое единство духа», опирающаяся на общность языка и культуры [1. С. 24]. Эта модель национализма была очень хорошо описанна У. Альтерматтом: «Национализм, формируя нацию, делает это на основании определенной культуры. В этом отношении, т. е. в контексте культуры, национализм является разнообразным, как разнообразны формирующие его культуры. Если же полагать национализм как идеологию, то он един» [2. С. 27].

Отечественный исследователь В. Тишков тоже выделяет эти два типа национализма. Первый согласно его изысканиям основывается на нации как политической; второй видит нацию как общность, имеющую глубокие исторические корни. Первый чаще всего отождествляется с патриотизмом, но может обрести формы государственной агрессивности, шовинизма или изоляционизма. Второй, выходя за рамки культурной деятельности и становясь политической программой, служит для этнических предпринимателей средством обеспечения доступа к власти и ресурсам и порождает попытки подавления меньшинств [3. С. 79–80].

Американский социолог Лия Гринфельд в книге «Национализм: пять путей к современному обществу» [4. С. 87–90], модернизировав теорию о «французской» и «немецкой» модели, предложила свою оценку типов национализма. По Гринфельд, можно выделить три типа национализма.

Индивидуалистский национализм по необходимости – гражданский. Индивидуалистские нации гордятся, прежде всего, своими конституционными правами и считают, что именно в этом заключается их своеобразие. Все другие характеристики, которые они могут разделять, второстепенны и не могут считаться основанием для национальной идентичности.

Коллективистский национализм имеет две разновидности: этническую и гражданскую – в зависимости от того, чем обосновывается индивидуальность или уникальность нации. Если речь идет об ощущении культурной или политической уверенности в своих силах, даже превосходства в этих отношениях, то национальность определяют в граж-

данских терминах. Этнический же национализм, напротив, обычно коренится в глубоком комплексе неполноценности, поощряющем веру в то, что уникальность нации следует искать вовсе не в ее достижениях, а в самой сущности. Таким образом, Л. Гринфельд рассматривает национализм в качестве как гражданского, так и чисто культурного явления.

В начале XX в. русский учёный П. И. Ковалевский понимал национализм в двояком смысле: широком и узком. «В широком смысле национализм – духовные веяния, течения, направления в данном народе, имеющие целью и задачи поднятия и совершенствования блага данной нации. Это будет национализм массовый. Но есть и национализм личный, индивидуальный, природой присущий каждому человеку. Личный, индивидуальный национализм – проявляет уважение, любовь и преданность до самопожертвования к той нации, к которой данный человек принадлежит» [5. С. 7]. Однако вне зависимости от типа учёный видит национализм как проявление культурного своеобразия.

В научном мире есть и другой пласт типологий, которые рассматривают национализм относительно функций, выполняемых им в обществе. Согласно этим воззрениям национализм может сплотить нацию и государство в кризисе или помочь им обрести целостность. Национализм может исполнять и «разъединяющую» функцию, ввергнув социум в пучину междоусобиц и внутренних конфликтов.

Американский историк Ханс Кон в работе «Идея национализма» [6. С. 71] предпочел не противопоставлять французскую идею немецкой, а говорить о «западном» и «восточном» типах национализма. Основное различие между ними Кон объяснял социальным составом националистических движений. Там, где третье сословие стало мощной силой уже в XVIII в., национальные требования касались преимущественно экономики и политики. Там же, где в XIX в. буржуазные слои были слабы, требования сосредоточивались в области культуры. Запад был для этих стран притягательным образцом; отставание от него задевало гордость местных образованных классов, так что они стали отторгать «чуждую» модель с ее либеральным и рациональным подходом. Таким образом, по мнению Х. Кона, национализм рождается из зависти к более успешным соседям и является силой разъединяющей.

Разъединяющий эффект национализма оспаривается отечественными учёными. В частности В. Б. Авдеев наиболее подробно останавливается на объединяющем (или как его ещё называют интегральном)

национализме: это не распри и войны с соседями, это творческий акт возвышенного характера, он даёт человеку не возможность отыгаться на ком-то и выместить зло, он даёт возможность усовершенствовать себя. Всё большое, низкое, суетное уходит в небытие и исчезает за скобками истории, и только жизненно здоровое, чистое, полноценное, способное иметь продолжение, развивается, занимая новые горизонты [7. С. 15].

Поддерживает коллегу и Р.Л. Перин: национализм аристократичен, так как он обусловлен не только сохранением чистоты своего рода, но и структуризацией общества на принципах приоритета национальных интересов над государственными, классовыми, идеологическими и религиозными [8. С. 69–70].

Так же выделяется национализм относительно его функций в примордиалистском подходе, изложенном в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг.» [9. С. 67–103]. Сам подход состоит в том, чтобы на основе изучения деклараций, институциональных решений и практического поведения выделять типы национализмов в Российской Федерации. В результате данные авторы зафиксировали следующие типы:

1. *Классический*. Выражает стремление к полной независимости.
2. *Паритетный*. Яркое выраженное стремление к возможно полному суверенитету, который в силу нынешних и внутренних условий ограничен за счёт передачи части полномочий федеральному Центру.
3. *Экономический*. Главное – самостоятельность в экономической сфере, которая может рассматриваться как путь к возможному полному суверенитету.
4. *Защитный*. Идеи защиты культуры, языка, территории, демографического воспроизводства.
5. Иногда выделяют *модернизационный (реформаторский)*. Доминируют «идеи инновационного прорыва» – «сначала реформируем Россию, потом сами все к нам потянутся».
6. Возможен *либеральный* национализм, который на законодательном уровне реализует культурный плюрализм, паритет культур и сохранение гражданских прав личности, культуру толерантности и отсутствие враждебного восприятия других наций.

Размах и радикальность критики представителей различных подходов к изучению феномена «национализма» по отношению друг к другу

дают основание говорить, что в ближайшем будущем междисциплинарный статус данных категорий будет общим местом. «Нация» и «национализм» относятся к числу понятий, расположенных на границах между историей, социальной философией, социологией, политологией, этнологией и другими дисциплинами, так или иначе, их использующими. Каждая из этих дисциплин теоретически вычленяет лишь одну из сторон (аспектов) такого сложного, исторически изменчивого феномена, коим для внешнего наблюдателя является «национализм». Соответственно, его категории необходимо рассматривать под углом различных ситуаций, происходящих в истории и науке тех стран, где они присутствуют, в качестве субъективно-объективных явлений, в качестве процесса, направление которого может меняться.

В дефинировании, исторической классификации национализма, в его изучении существуют большие расхождения ученых. Это, однако, не мешает им понимать, что в новой мировой истории национализм является одной из самых эффективных интеграционных идеологий, с помощью которой мобилизуются народные массы. Национализм представляет самую мощную политическую силу. В ходе дискуссий об этничности, национализме выдвигаются новые варианты для научного исследования социума. В рамках данной статьи рассмотрены лишь некоторые теоретические подходы к анализу типологии национализма, исследования которых на протяжении последних десятилетий приобрели особую остроту и являются одной из актуальных проблем современной науки.

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Н. И. Сазонова.

Литература

1. Чернышевский, И. П. Русский национализм несостоявшееся пришествие / И. П. Чернышевский // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 24.
2. *Альтерматт, У.* Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. М., 2000. С. 27.
3. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. М., 1997. С. 79–80.
4. Гринфельд, Л. Национализм: Пять путей к современности / пер. с англ. Т. Грингольц, М. Вироуб. М.: Пер Сэ, 2008. С. 77–90.
5. Ковалевский, П. И. Основы русского национализма / П. И. Ковалевский. СПб., 1912. С. 7.
6. Кон, Х. Национализм: его смысл и история / Х. Кон. СПб.: Наука, 1955. С. 71.
7. Авдеев, В. Б. Метафизическая антропология / В. Б. Авдеев. М., 2002. С. 15.
8. Перин, Р. Л. Психология национализма / Р. Л. Перин. СПб.: ЛИО Редактор, 2003. С. 69–70.

9. Дробижева, Л. М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова. М., 1996. С. 67–103.

РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Э. А. Шпомер

Томский государственный педагогический университет

Глобализация становится главной приметой нашего времени, и выбранная тема в настоящее время является актуальной, так как весь мир все активнее участвует в процессе глобализации. Россия не в стороне от этих процессов, они затрагивают ее политическую, экономическую и культурную жизнь.

Современная глобализация, если ее понимать как процесс интеграции человечества в сложную взаимосвязанную, единую планетарную систему, подготовлена всем ходом развития истории. Она, как качественно новый этап интернационализации, вызвана к жизни современным уровнем материального и духовного производства, развитием производительных сил. Лидером глобализации выступают страны западной цивилизации, которые добились наибольших успехов в развитии и использовании достижений информационной революции. Вместе с тем, во взаимосвязанном мире глобализация втягивает в свою орбиту народы разных культур и уровней развития.

На оформление российской цивилизации оказал влияние блок объективных причин [5]:

1. Географическое положение. Россия – континентальная держава в массе своей с неосвоенной территорией, суровым климатом, имеет ограниченный доступ к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями. Россия – государство, общество и культура – развивается на огромной территории Восточной Европы и Северной Азии, граничит с большинством мировых регионов.

2. Территориальный и климатический фактор. Россия – самая большая по территории страна мира; потенциал ее ресурсов пропорционален

этому факту: Россия имеет практически все ресурсы для независимого цивилизационного развития. Климат ряда регионов России благоприятен для жизни большого населения и его эффективной деятельности (Центр, Урал, Поволжье и Северный Кавказ). Но большая часть территории России – это одна из наиболее холодных частей земного шара, освоение которой связано с большими трудностями.

3. Население. Российская нация сформировалась на основе интеграции многих народов, сохраняющих свою культурную идентичность в пределах российского государства.

4. Национальный характер. Суровые условия климата и опасности, связанные с охраной огромных границ сформировали стойкий, неприхотливый характер, способность к экстремальным усилиям, особое чувство социальной сплоченности и справедливости.

5. Своеобразие культуры. В истории России сформировалось единство культуры – система смысла, значений, ценностей, норм, форм мышления и общения, определяющей сознательные целеполагающие мотивы исторической активности.

6. Менталитет. С национальным характером и своеобразным опытом культуры связан менталитет, в котором отражены типичные способы постановки и решения жизненных задач. Его основные черты – нацеленность на результативность без расчета эффективности, приоритет личных отношений над правовыми, склонность к жертве личной выгодой для другого и для сообщества в целом, чувство жизненного простора и неточная фиксация времени, надежда на чудо и др.

Данное сочетание факторов обостряло внутреннюю конфликтность, раскольность социального целого.

В России обсуждается проблема вступления страны во Всемирную торговую организацию. Это вопрос носит резкий характер. Одни выступают против, другие требуют не спешить, защитить национальную промышленность. Требуется тщательный анализ всех возможных последствий вступления России в ВТО. Будущее экономическое благополучие России будет определяться политической самостоятельностью и экономической грамотностью российского руководства.

Страна стоит перед вопросом глубокой модернизации экономики [6. С. 19]. В такой не простой ситуации задача российских властей – использовать вхождение в ВТО с максимальной пользой для своего экономического развития.

Положительные и отрицательные моменты от вступления России в ВТО по данным профессора А. И. Бельчук, изложенным в журнале «Внешнеэкономический бюллетень» [1]. Положительные моменты:

- увеличение экспортных доходов и уменьшение потерь в результате снижения таможенных пошлин, прекращение или снижение антидемпинговых процедур, уменьшение других препятствий для российского экспорта;

- внедрение иностранных банков в банковскую сферу в России может способствовать более активной мобилизации средств потенциальных вкладчиков, которые держат деньги в «чулках», не доверяя отечественным банкам;

- иностранная конкуренция будет способствовать структурной перестройке российской экономики и повышению ее конкурентоспособности.

Отрицательные моменты:

- из-за усилившейся иностранной конкуренции в проигрыше окажутся: большая часть машиностроения, легкая и пищевая промышленности, сельское хозяйство, автостроение, производство потребительских товаров длительного пользования, стройматериалов, бытовой химии, большая часть сферы услуг, то есть основная часть создания ВВП;

- будет ограничена свобода проведения самостоятельной внешней политики; возможности России влиять на принятие решений в рамках ВТО будет ограничено.

Таким образом, вступление России в ВТО должно быть экономически продумано и просчитано. Руководство страны должно полагаться на конкретные экономические расчеты, а не на идеологические соображения. Как Россия вольется в него, какие выгоды возымеет или, напротив, в чем проиграет – вот главный вопрос российской политики на всех уровнях и во всех сферах.

Для значительной массы людей их национальная и государственная принадлежность, независимость их страны представляют существенную ценность, и защита этих ценностей – один из главных их приоритетов. Эти ценности воспитываются и поддерживаются государством, во многих странах церковью. Существование таких ценностей ставит естественные препятствия глобализации.

В качестве альтернативы, «исходя из истории и географии России, лежащей на стыке Европы и Азии, ей нужно идти особым российским путем» [2. С. 790]. Спасти от американизации, точнее, от превращения

в третьестепенную развивающуюся страну, жизнь в которой состоит лишь из преклонения перед американским ширпотребом и ненависти к нему, нас могут лишь наша культура и наша экономика.

В последние годы появилось немало достижений в науке мирового уровня. Однако их было бы несравненно больше, если бы ставка на «человеческий капитал» была стратегической установкой [6. С. 34].

Вместе с тем, она остается страной первого порядка по геополитическому положению, природным ресурсам, военно-стратегическим возможностям и влиянию на ход мировых событий. Такое своеобразное стартовое положение России в процессах глобализации оставляет ей шанс в перспективе стать высокоразвитой, демократической страной, одним из главных субъектов справедливой, гуманной глобализации.

Все это позволяет считать глобализацию, как социальное явление, магистральной, судьбоносной проблемой общественного развития, а, стало быть, и весьма актуальной темой научного и философского осмысления.

С одной стороны этот процесс положителен: в сфере производства, экономики, техники, транспорта и информационных коммуникаций, политических и политико-правовых взаимодействий соединение разрозненных усилий способствует росту и развитию, с другой стороны, те сферы жизни, где ценны как раз различия, где унификация приводит к усреднению, к стиранию высокой структуры оригинального – деградируют. Это касается, прежде всего, оригинального облика российской культуры, за которым стоят ценности и цели развития особого культурно-исторического типа. Глобализация же предлагает нациям принять стандартизированный пакет ценностей заодно с инстанцией, которая вправе их контролировать.

Усиливающаяся глобализация вступила в противоречие с нормами и ценностями, сложившимися в существующих ныне типах цивилизаций, возникших и развивавшихся на основе локальных культур определенного относительно устойчивого типа. Фактор традиционности культуры подразумевает такой способ воспроизведения культурных форм, где преемственность доминирует над новацией, сохранение преобладает над преобразованием, где в основе культурной коммуникации поколений лежат устойчивые структуры и образцы.

Глобализация открывает возможность общения с другими культурами, сравнивать, учиться, заимствовать, обогащать национальную культуру и вносить свой вклад в общую культуру человечества. Но при этом

необходимо сохранить и защитить ценности и национальное своеобразие традиционной культуры, творчески развивать ее, расширять круг общения с другими культурами, учиться у них и модернизировать свою национальную культуру.

Исторически Россия взаимодействовала с культурами многих соседних цивилизаций. Особую роль в ее истории играло взаимодействие с Западом. И сегодня Россия определяет себя как европейское государство, одновременно являющееся цивилизацией – носителем своей версии общечеловеческих ценностей. Но при этом, если Россия примкнет к Западу, она может утратить свою цивилизационную идентичность, православная цивилизация перестанет существовать.

Мало лишь сказать, что для того, чтобы занять весомое место в глобализирующемся мире, требуется время, требуется укрепление российской экономики как таковой, а также требуется утверждение тех ценностей отечественной культуры, которые могут быть востребованы в дальнейшем развитии человечества в целом.

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор В. Г. Ланкин.

Литература

1. Бельчук, А. Н. Вступление России в ВТО – попытка подвести баланс / А. Н. Бельчук // Внешнеэкономический бюллетень. 2001. № 10.
2. *Глобалистика*: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М. – СПб. – Нью Йорк : ИЦ «ЕПИМА», ИД «Питер», 2006. 1160 с.
3. *Глобальный передел* : худ. фильм / реж. В. Балаян. Студия «Остров», 2006.
4. *Игнатов, А. А.* Стратегия «глобализационного лидерства» для России. Первоочередные непрямые стратегические действия по обеспечению национальной безопасности [Электронный ресурс] / А. А. Игнатов. URL: <http://www.ng.ru/ideas/2000-09-07/8>
5. *Ланкин, В. Г.* Смысловой космос России: Координаты устойчивости культуры и перспективы развития / В. Г. Ланкин. Томск, 2010. 140 с.
6. *Проблемы цивилизационных войн и глобализации* : сб. статей. Томск: Знание, 2002. 57 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Из истории открытия Императорского Сибирского (Томского) университета <i>Дунбинский И. А.</i>	5
Проблема рентабельности Златоустовских заводов Уфимской губернии в период 1754–1814 гг. <i>Кобякова Е. А.</i>	9
Историко-антропологический аспект героизма русского офицера в историографии XVIII–XX вв. <i>Котенко И. В.</i>	12
Россия и страны «третьего мира» на рубеже XX–XXI вв.: опыт историографического анализа <i>Кречетов Г. А.</i>	18
Советская и современная российская историография о вооруженном конflikте на реке Халхин-Гол 1939 г. <i>Макеев В. В.</i>	25
Повседневная жизнь повстанцев УПА в 1942–1954 гг. <i>Перемиutin Е. А.</i>	31
Полемика П. Н. Милюкова и евразийцев: историко-географический аспект <i>Семиколонов М. В.</i>	40
Распространение религиозности среди населения СССР и бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны <i>Сидоренко Д.</i>	46
Зарождение славянофильства <i>Сотников Е. Ю.</i>	57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Социологический и политологический аспекты изучения феномена мультикультурализма (на примере работ А. И. Куропятника и В. С. Малахова) <i>Алтухова С. А.</i>	63
---	----

Научковедческие подходы к определению понятия «исторический ревизионизм» <i>Билалутдинов А. Д.</i>	70
Итоги и уроки преодоления мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. в Китае <i>Бухалова Е. А.</i>	78
Проблема отражения идеи просвещенного абсолютизма в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в современной отечественной историографии <i>Садикова Д. Р.</i>	82
Особенности поминальной практики в позднесредневековой России и Европе <i>Соболевский А. В.</i>	88

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Украинцы в этнической истории Зырянского района Томской области <i>Бабенко Е. А.</i>	97
Белорусская культура в Томской области (по материалам Кожевниковского района) <i>Диденко О. А.</i>	100
Конструктивистский подход к анализу раннесредневековой этничности в современной западной и отечественной историографии <i>Каратовская В. В.</i>	102
Традиционная культура белорусов в Томской области (по материалам Асиновского района) <i>Савченко Е. Ю.</i>	107
О влиянии русского свадебного обряда на свадебную обрядность татар <i>Чигрина Е. В.</i>	110

ФИЛОСОФИЯ

Авторитет в искусстве <i>Асташова А. Г.</i>	121
Фэнтези как выражение действительности <i>Гимазов Р.</i>	125
Иммануил Кант. Антиномии чистого разума <i>Гроо Ю. А.</i>	132

Сравнительный анализ аксиологических воззрений Н. А. Бердяева и И. А. Ильина <i>Денисова Е. А.</i>	139
Руническое письмо как отражение древнескандинавских представлений о мире <i>Дудукина А. Д.</i>	143
Модификации творческой интуиции на примере сюрреализма <i>Ключкина Е. Г.</i>	149
Познание как система привычных интерпретаций: этика «пути воина» <i>Кривошеев А. В.</i>	155
Специфика российского менталитета: отношение к террористическим актам <i>Любчук В. П.</i>	161
Значение манихейства в средневековой философии <i>Плехов К. В.</i>	169
Восточные оздоровительные системы <i>Русанов С. А.</i>	174
Русский космизм от Федорова и Вернадского до Ефремова и Лемма <i>Самойловских Е. В.</i>	179
Философия науки Томаса Куна и Пола Фейерабенда <i>Сорокин А. Е.</i>	184
Диалог как новая форма рациональности молодого ученого <i>Тарасова А. А.</i>	188

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Ксенофобия и толерантность: две грани межэтнических отношений <i>Ахундова Ю. Г., Сулейманова А. Б.</i>	195
Смертная казнь: «за» и «против» <i>Ахундова Ю. Г., Сулейманова А. Б.</i>	201
Ломография как новый способ самореализации в современном обществе <i>Быдзина Е. О.</i>	206
Цель и методы образования в социологии К. Мангейма <i>Герасимова О. В.</i>	210
Особенности традиционной культуры майя <i>Гуль Д. Н.</i>	213

Проблемы современной России в рамках системного анализа общества как единого целого <i>Котликова Л. В.</i>	219
Молодежь и идеология: возвращение к проблеме <i>Котликова Л. В.</i>	224
Нерегулируемая трудовая иммиграция в России <i>Лохова Ю. С.</i>	230
Взаимодействие рекламы и искусства <i>Лупак В. М.</i>	237
Антикризисные меры стимулирования предпринимательства и проблемы посткризисного периода <i>Максимова А. А.</i>	242
Вступление России в ВТО: плюсы и минусы <i>Мытник А. А.</i>	249
Поляки и Польша в восприятии студентов ТГПУ <i>Pogorzelec Tomasz</i>	253
Сетевая логика как главный принцип трансформаций информационного общества <i>Пучеглазов С. А.</i>	257
Теория и практика политической рекламы <i>Ушакова Д. Б., Наливкина Н. В.</i>	262
Мораль и право в служебной деятельности (анализ оснований моральных кодексов) <i>Черепанова М. В.</i>	267

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Формирование и развитие художественно-образного восприятия школьников-подростков на уроке музыки <i>Ланкина Е. Е., Блохин А. О.</i>	277
Развитие творческих способностей детей в фольклорном ансамбле «Веселинка» <i>Вишневская В. В.</i>	282

Развитие навыков игры на свирели и блок-флейте у детей младшего школьного возраста <i>Воронкин В. А.</i>	287
Развитие техники в классе домры: начальный этап обучения <i>Голубкова И. А.</i>	293
Специфика воздействия на зрителя голливудских фильмов ужасов <i>Долгих А. А.</i>	299
Вклад Петра Великого в развитие инженерной графики <i>Елизарова Д. В., Поданева А. С.</i>	304
Роль тотемных животных в мифологии Древнего Востока <i>Ермилов А. И.</i>	310
Использование приема перевоплощения на занятиях по вокалу (зарисовки из педагогической практики) <i>Ефремова Ю. А.</i>	315
Использование первичных (базовых) навыков при обучении пению младших школьников <i>Ефремова Ю. А.</i>	318
Особенности проведения фольклорных праздников в Детском Доме Творчества «У белого озера» г. Томска <i>Корнаушкина С. В.</i>	324
Учитель музыки нового века: творческие возможности приоритетной личности сферы образования <i>Ланкина Е. Е., Осипов В. А., Шматов Р. С., Муранова К. О.</i>	329
Татарская культура: модели межкультурной коммуникации <i>Мурзенкова С. Д.</i>	335
Использование компьютерных технологий на уроках музыки в общеобразовательной школе <i>Приходько И. А.</i>	341
К проблеме типологии национализма <i>Соколов Д. В.</i>	345
Россия в глобализационном процессе: «за» и «против» <i>Шномер Э. А.</i>	350

Научное издание

I ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Всероссийская с международным участием конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых**

«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

*г. Томск
25–29 апреля 2011 г.*

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Материалы конференции

Технический редактор: О. П. Крикунова
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная.
Усл. печ. л.: 20,9.
Уч. изд. л.: 18,4.

Сдано в печать: 5.12.2011 г.
Формат: 64×80/16.
Заказ: 647/Н.
Тираж: 100 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93.
e-mail: tipograf@tspu.edu.ru